

ISSN 2686-9764

Том 14, № 3
2020

ПЕНИТЕНЦИАРНАЯ НАУКА

научно-практический журнал

Вологодского института права и экономики
Федеральной службы исполнения наказаний

scientific and practical journal

of the Vologda Institute of Law and Economics
of the Federal Penal Service

Volume 14, № 3
2020

PENITENTIARY SCIENCE

ПЕНИТЕНЦИАРНАЯ НАУКА

ISSN 2686-9764

Том 14, № 3
2020

научно-практический журнал

Вологодского института права и экономики
Федеральной службы исполнения наказаний

Издается с 2007 года,
до августа 2019 года
выпускался под названием
«Вестник института:
преступление, наказание,
исправление»

Выходит четыре раза в год
Учредитель:

ВИПЭ ФСИН России

Журнал

зарегистрирован
в Федеральной службе
по надзору в сфере связи,
информационных техноло-
гий и массовых коммуника-
ций. Свидетельство
о регистрации средства
массовой информации
ПИ № ФС77-76598
от 15.08.2019

ISSN 2686-9764

Журнал размещается
в следующих реферативных
и полнотекстовых базах
данных: Российский индекс
научного цитирования
(РИНЦ), научная
электронная библиотека
«КиберЛенинка»

Все права защищены.
Перепечатка материалов
только с разрешения редак-
ции журнала. Авторские
материалы рецензируются
и не возвращаются.
Редакция сохраняет
за собой право
производить сокращения
и редакционные изменения
рукописи

Высказанные в статье
мнения и суждения могут
не совпадать с точкой зре-
ния редакции. Ответствен-
ность за подбор и издание
материалов несут авторы
публикаций

Адрес редакции:
160002, г. Вологда,
ул. Щетинина, 2

Адрес издателя:
160002, г. Вологда,
ул. Щетинина, 2

Адрес типографии:
160010, г. Вологда,
ул. Кубинская, д. 16, кв. 74

Телефоны:
(8172) 51-82-50, 51-46-12
51-98-70

E-mail:
vestnik-vipefsin@mail.ru

Подписной индекс 41253
по Объединенному каталогу
«Пресса России»
Розничная цена:
270 руб. за 1 экз.

© ВИПЭ ФСИН России

Дата выхода в свет:
21.10.2020

Формат 60x90/8. Печать
офсетная. Усл. печ. л. 17.
Заказ № 7904. Тираж 1000 экз.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Харьковский Е. Л. – начальник ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ:

Каравеева Ю. И. – ученый секретарь ученого совета ВИПЭ ФСИН России, кандидат социологических наук.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Антонян Ю. М. – профессор кафедры уголовного права Московского государственного областного университета, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации;

Беляева Л. И. – профессор кафедры уголовной политики Академии управления МВД России, доктор юридиче-
ских наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации;

Зауторова Э. В. – профессор кафедры юридической психологии и педагогики ВИПЭ ФСИН России, доктор педа-
гогических наук, профессор;

Кругликов Л. Л. – профессор кафедры уголовного права и криминологии Ярославского государственного уни-
верситета им. П. Г. Демидова, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Фе-
дерации, действительный член Международной академии наук высшей школы и Российской академии естествен-
ных наук;

Мешко Г. – профессор факультета уголовного правосудия и безопасности Университета Марибор (Словения),
доктор, профессор криминологии;

Поздняков В. М. – профессор кафедры научных основ экстремальной психологии Московского государственного
психолого-педагогического университета, доктор психологических наук, профессор;

Селиверстов В. И. – профессор кафедры уголовного права и криминологии Московского государственного уни-
верситета им. М. В. Ломоносова, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской
Федерации;

Стоянов В. – проректор по учебной работе Варненского свободного университета им. Черноризца Храбра (Болга-
рия), доктор психологических наук, профессор;

Чукмаитов Д. С. – профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Жетысуского государственного универси-
тета им. И. Жансугурова (Республика Казахстан), доктор юридических наук, профессор;

Шабанов В. Б. – заведующий кафедрой криминологии Белорусского государственного университета, доктор
юридических наук, профессор.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Букалерева Л. А. – заведующий кафедрой уголовного права, уголовного процесса и криминологии Россий-
ского университета дружбы народов, профессор кафедры уголовного права и криминологии ВИПЭ ФСИН России,
доктор юридических наук, профессор;

Гаврилов Б. Я. – профессор кафедры управления органами расследования преступлений Академии управления
МВД России, доктор юридических наук, заслуженный юрист Российской Федерации, действительный член Пе-
тровской академии наук и искусств;

Голодов П. В. – профессор кафедры административно-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России, кандидат юри-
дических наук, доцент;

Зубкова В. И. – главный научный сотрудник лаборатории социально-правовых исследований и сравнительного
правоведения Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, доктор юридических наук, про-
фессор;

Ищенко Е. П. – заведующий кафедрой криминологии Московского государственного юридического универ-
ситета им. О. Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской
Федерации;

Ковтуненко Л. В. – доцент кафедры уголовно-исполнительного и уголовного права Воронежского института
ФСИН России, доктор педагогических наук, доцент;

Козаев Н. Ш. – профессор кафедры уголовного права и криминологии Краснодарского университета МВД Рос-
сии, доктор юридических наук, доцент;

Козаченко И. Я. – заведующий кафедрой уголовного права Уральского государственного юридического универ-
ситета, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации;

Кузьминых А. Л. – профессор кафедры философии и истории ВИПЭ ФСИН России, доктор исторических наук, доцент;
Мальшев К. Б. – профессор кафедры юридической психологии и педагогики ВИПЭ ФСИН России, доктор психо-
логических наук;

Нагорных Р. В. – профессор кафедры административно-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России, доктор юри-
дических наук, доцент;

Панова О. Б. – профессор кафедры юридической психологии и педагогики ВИПЭ ФСИН России, доктор педаго-
гических наук, доцент;

Пантелеева Н. В. – заведующий кафедрой уголовного права и уголовного процесса Могилевского государствен-
ного университета им. А. А. Кулешова (Республика Беларусь), кандидат юридических наук, доцент;

Поникаров В. А. – профессор кафедры административного и финансового права Академии ФСИН России, доктор
юридических наук, доцент;

Ромашов Р. А. – профессор кафедры государственно-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России, доктор юридиче-
ских наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации;

Санташов А. Л. – профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических
наук, доцент;

Сочивко Д. В. – профессор кафедры общей психологии Академии ФСИН России, доктор психологических наук,
профессор;

Старостин С. А. – профессор кафедры административного права и процесса Московского государственного
юридического университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА), профессор кафедры административно-правовых дис-
циплин ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор;

Хатуяева В. В. – заведующий кафедрой уголовно-процессуального права Центрального филиала Российского
государственного университета правосудия, доктор юридических наук, доцент;

Шаталов А. С. – профессор департамента дисциплин публичного права Национального исследовательского уни-
верситета «Высшая школа экономики», доктор юридических наук, профессор.

Журнал включен в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, ученой степени доктора наук по научным специальностям: 12.00.01; 12.00.08; 12.00.09; 12.00.11; 12.00.12; 12.00.14; 13.00.01; 19.00.06

PENITENTIARY SCIENCE

ISSN 2686-9764 scientific and practical journal
Volume 14, № 3 of the Vologda Institute of Law and Economics
2020 of the Federal Penal Service

Published since 2007,
until August 2019
issued under the title
«Bulletin of the Institute:
crime, punishment,
correction»

It comes out four times a year

Founder:
VILE FPS of Russia
Journal is registered
in the Federal Service
for Supervision
of Communications,
Information Technology
and Mass Media

Certificate of registration
of mass media
PI No. FS77-76598
from 15.08.2019
ISSN 2686-9764

The journal is in the
following abstract and full-
text databases: Russian
Science Citation Index
(RSCI), Scientific Electronic
Library «CyberLeninka»

All rights reserved.
Reprint of materials only
with the permission of the
publisher. Copyrighted
materials are reviewed
and do not returned.

The editor reserves the right
to make reductions
and editorial changes
to the manuscript

Opinions and judgments
expressed in articles may
not coincide with the
point of view of the editor.
Responsibility for the
selection and presentation
of materials is on the
authors of publications

Editor address:
160002, Vologda,
ul. Shchetinina, 2

Publisher address:
160002, Vologda,
ul. Shchetinina, 2

Printing address:
160010, Vologda,
ul. Cubinskaya,
d. 16, apt. 74

Phones:
(8172) 51-82-50, 51-46-12
51-98-70

E-mail:
vestnik-vipefsin@mail.ru
Subscription index 41253
in the unified catalog
«Press of Russia»

Retail price:
270 rub for 1 copy

© VILE FPS of Russia
Release date: 21.10.2020
Format 60x90/8
Offset printing.
Conv. oven p. 17.
Order No. 7904.
Circulation 1000 copies

EDITOR-IN-CHIEF:

Kharkovsky E. L. – Head of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Ph.D. in Law, Associate Professor.

EXECUTIVE SECRETARY:

Karavaeva Yu. I. – Scientific Secretary of the Scientific Council of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Sociology.

EDITORIAL COUNCIL:

Antonyan Yu. M. – Professor of the Department of Criminal Law of the Moscow State Regional University, Dsc. in Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation;

Belyaeva L. I. – Professor of the Department of Criminal Policy of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Dsc. in Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation;

Zautorova E. V. – Professor of the Department of Legal Psychology and Pedagogy of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Dsc. in Pedagogics, Professor;

Kruglikov L. L. – Head of the Department of Criminal Law and Criminology of the Yaroslavl State after P. G. Demidov University, Dsc. in Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Full Member of the International Higher Education Academy Of Sciences (IHEAS) and the Russian Academy of Natural Sciences;

Mesko G. – Professor of the Department of Criminal Justice and Security of the University of Maribor (Slovenia), Doctor, Professor of Criminology;

Pozdnyakov V. M. – Professor of the Department of Scientific Foundations of Extreme Psychology of the Moscow State Psychological and Pedagogical University, Dsc. in Psychology, Professor;

Seliverstov V. I. – Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Moscow State M. V. Lomonosov University, Dsc. in Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation;

Stoyanov V. – Deputy Rector for Academic Affairs of the Varna Free University «Chernorizets Hrabar» (Bulgaria), Dsc. in Psychology;

Chukmaitov D. S. – Professor of the Department of Criminal Law Disciplines of Zhetysu State I. Zhansugurov University (Republic of Kazakhstan), Doctor of Law, Professor;

Shabanov V. B. – Head of the Department of Criminology of the Law Faculty of the Belarusian State University, Dsc. in Law, Professor.

EDITORIAL TEAM:

Bukalerova L. A. – Head of the Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminology of the Peoples' Friendship University of Russia, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia (part-time work), Dsc. in Law, Professor;

Gavrilov B. Ya. – Head of the Department of Control of Crime Investigation Agencies of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Professor of the Department of Criminal Procedure, Criminalistics and Investigation of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Dsc. in Law, Honored Lawyer of the Russian Federation, Full Member of the Peter Academy of Sciences and Arts;

Golodov P. V. – Professor of the Department of Administrative and Legal Disciplines of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Law, Associate Professor;

Zubkova V. I. – Senior Researcher of the Laboratory for Social Studies and Comparative Law of the Moscow M. V. Lomonosov State University, Dsc. in Law, Professor;

Ishchenko E. P. – Head of the Department of Criminology of the Moscow State O.E. Kutafin Law University (Moscow State Law Academy), Dsc. in Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation;

Kozayev N. Sh. – Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Dsc. in Law, Associate Professor;

Kovtunen L. V. – Associate Professor of the Department of Penal and Criminal Law of the Voronezh Institute of the Federal Penal Service of Russia, Dsc. in Pedagogics, Associate Professor;

Kozachenko I. Y. – Head of the Department of Criminal Law of the Ural State Law University, Dsc. in Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation;

Kuzminykh A. L. – Professor of the Department of Philosophy and History of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Dsc. in History, Associate Professor;

Malyshev K. B. – Professor of the Department of Sociology of the Vologda State University, Dsc. in Psychology, Associate Professor;

Nagorniykh R. V. – Professor of the Department of Administrative Law of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Dsc. in Law, Associate Professor;

Panova O. B. – Professor of the Department of Legal Psychology and Pedagogy of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Dsc. in Pedagogics, Associate Professor;

Panteleeva N. V. – Head of the Department of Criminal Law and Criminal Procedure of the Mogilev State A. A. Kuleshov University (Republic of Belarus), PhD in Law, Associate Professor;

Ponikarov V. A. – Professor of the Department of Administrative and Financial Law, of the Academy of the Federal Penal Service of Russia, Dsc. in Law, Associate Professor;

Romashov R. A. – Professor of the Department of State Law Disciplines of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Dsc. in Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation;

Santashov A. L. – Professor of the Department of Civil Law Disciplines of the Law Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Dsc. in Law, Associate Professor;

Sochivko D. V. – Professor of the Department of General Psychology of the Academy of the Federal Penal Service of Russia, Dsc. in Psychology, Professor;

Starostin S. A. – Professor of the Department of Administrative Law and Procedure of the Moscow State Law O. E. Kutafin University (Moscow State Law Academy), Professor of the Department of Administrative Law of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Dsc. in Law, Professor;

Hatuaeva V. V. – Head of the Department of Criminal Procedure of the Central Branch of the Russian State University of Justice, Dsc. in Law, Associate Professor;

Shatalov A. S. – Professor of the Department of Public Law Disciplines of the National Research University "Higher School of Economics", Dsc. in Law, Professor.

The journal is included in the List of peer-reviewed scientific publications, in which the main scientific results of dissertations for the degree of PhD., for the degree of Dsc. should be published of the following scientific specialties: 12.00.01; 12.00.08; 12.00.09; 12.00.11; 12.00.12; 12.00.14; 13.00.01; 19.00.06

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ303

БАЛЬЧИНДОРЖИЕВА О. Б., МЯХАНОВА А. Н., СКИБА А. П.
Развитие правовой системы Китая:
к вопросу о сочетании права и морали. 303

НАУМОВ А. В.
Об историческом опыте сохранения
территориальной целостности государства
уголовно-правовыми средствами. 309

МЕШКО Г., ХАЦИН Р., ШИШИГИНА С. Н.
Исследование самолегитимности
тюремных работников
в исправительных учреждениях Словении 315

ПОПОВ В. В., СМОЛЕВ С. М.
Цели уголовного наказания как отражение
современной уголовной политики 324

ПРОНИНА М. П.
Должностные преступления:
особенности правоприменения 331

ЧЕРЕХОВИЧ М. М.
Роль психологической работы в системе средств
исправления осужденных 337

КОСТЕРИН В. В.
Уголовный проступок: оценка форм воплощения
и перспектив существования. 343

ГРИГОРЬЯН И. Г.
Проблемы правового регулирования
некоторых форм содействия государственных
органов работе уголовно-исполнительных
инспекций по исполнению наказаний
и мер уголовно-правового характера. 349

САНТАШОВ А. Л., МУХТАРОВА Е. А., ТАНЦЮРА В. С.
Законодательная техника
и ее значение для правотворчества
в сфере отраслей криминального цикла 353

МАШИНСКАЯ Н. В.
Анализ проекта «О внесении изменений
в отдельные законодательные акты
Российской Федерации для обеспечения
потерпевшему, подозреваемому,
обвиняемому возможности примирения» 362

КРЫМОВ В. А.
Уголовно-процессуальное противодействие
преступлениям: сущность, понятие и значение .. 368

ГОЛОДОВ П. В.
Актуальные проблемы деятельности
уголовно-исполнительных инспекций:
результаты эмпирического исследования. 373

КУНИЦИН С. Н.
Повышение эффективности
прокурорского надзора за законностью
уголовно-процессуальной деятельности учреждений
ФСИН России при производстве
предварительного расследования 381

ГЕРАСИМЕНКО Н. И.
Особенности использования сети Интернет
в расследовании преступлений
экстремистской направленности 388

СМИРНОВ А. В.
Понятие и административно-правовая природа
государственной службы в органах
прокуратуры Российской Федерации 394

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ 400

ЦВЕТКОВ В. Л., ХРУСТАЛЕВА Т. А.
Психологические причины и условия
отклоняющегося поведения подростков,
находящихся в центрах временного содержания
несовершеннолетних правонарушителей 400

ПАНОВА О. Б., ЗАУТОРОВА Э. В., СОБОЛЕВ Н. Г.
Психологические механизмы развития
социального интеллекта
несовершеннолетних осужденных 407

БОВИН Б. Г., КАЗБЕРОВ П. Н., БОВИНА И. Б.
Радикализация в местах заключения:
подход социальной идентичности 415

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ 425

МЕЩЕРЯКОВА Е. И.
Принцип культуросообразности
в профессиональной подготовке специалистов
в ведомственных образовательных
организациях. 425

БАБКИН А. А.
Методика организации работы с буферами обмена
данных в программном комплексе АКУС
при обучении сотрудников территориальных органов
на курсах повышения квалификации
и профессиональной переподготовки начальников
отрядов исправительных учреждений 431

МАЗКИНА О. Б.
Взаимосвязь нравственной позиции
и социально-психологических особенностей
личности в студенческом возрасте 437

НАУЧНЫЕ РЕЦЕНЗИИ, ОТЗЫВЫ 445

КУЗНЕЦОВ А. П.
Отзыв на диссертационное исследование
Карташова Сергея Васильевича на тему
«Уголовная ответственность за незаконные
получение и разглашение сведений,
составляющих коммерческую,
налоговую или банковскую тайну» 445

CONTENT

JURISPRUDENCE	303	KUNITSIN S. N. Improving the efficiency of prosecutorial supervision for the legality of the criminal procedural activities of the institutions of the Federal Penal Service of Russia during the preliminary investigation	381
BALCHINDORZHIEVA O.B., MYAKHANOVA A. N., SKIBA A. P. Development of the Chinese legal system: on the issue of combining law and morality	303	GERASIMENKO N. I. Specifics of using the Internet in the investigation of extremist crimes	388
NAUMOV A. V. On the historical experience of preserving the territorial integrity of the state by criminal law means	309	SMIRNOV A. V. The concept and the administrative-legal nature of public service in the prosecutor's office of the Russian Federation	394
MESHKO G., HAZIN R., SHISHIGINA S. N. A qualitative study of the self-legitimacy of prison workers in Slovenian prisons	315	PSYCHOLOGY	400
POPOV V. V., SMOLEV S. M. The goals of criminal punishment as a reflection of modern criminal policy	324	TSVETKOV V. L., KHRUSTALEVA T. A. Psychological reasons and conditions of deviant behavior of juveniles in the temporary detention centers for minor delinquents	400
PRONINA M. P. Malfeasances: features of law enforcement	331	PANOVA O. B., ZAUTOROVA E. V., SOBOLEV N. G. Psychological mechanisms of development of social intelligence of juvenile convicts	407
CHEREKHOVICH M. M. The role of psychological work in the system of means for correcting convicts	337	BOVIN B. G., KAZBEROV P. N., BOVINA I. B. Radicalisation in prison: social identity approach	415
KOSTERIN V. V. Criminal misdemeanor: assessment of embodiment forms and prospects of existence	343	PEDAGOGY	425
GRIGORYAN I. G. Problems of legal regulation of certain forms of state bodies assistance in the work of penal inspections on execution of penalties and other criminal measures	349	MESHCHERYAKOVA E. I. Cultural conformity principle in specialists' professional training in departmental educational organizations.	425
SANTASHOVA A. L., MUKHTAROVA E. A., TANTSYURA V. S. Legislative technique and its significance for lawmaking in the field of the branches of the criminal cycle	353	BABKIN A. A. Methods of organizing work with data exchange buffers in the AKUS software complex when training employees of territorial bodies in advanced training courses and professional retraining of units heads of the penal institutions	431
MASHINSKAYA N. V. Analysis of the project "On amendments to certain legislative acts of the Russian Federation to provide the victim, suspect, accused with the possibility of reconciliation"	362	MAZKINA O.B. The correlation between moral position and socio-psychological characteristics of the individual in the student age	437
KRYMOV V. A. Criminal procedural delinquency counteraction: essence, concept and meaning	368	SCIENTIFIC REVIEWS	445
GOLODOV P. V. Actual problems in the activities of penal inspectorates: results of empirical research	373	KUZNETSOV A. P. Review of the dissertation research by Sergey Vasilievich Kartashov on the topic «Criminal liability for illegal receipt and disclosure of information about commercial, tax or banking secrets»	445

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

DOI 10.46741/2686-9764-2020-14-3-303-309

УДК 34.01/343

Развитие правовой системы Китая: к вопросу о сочетании права и морали

О. Б. БАЛЬЧИНДОРЖИЕВА

Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова,
г. Улан-Удэ, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3505-903X>, e-mail: baoyu2008@yandex.ru

А. Н. МЯХАНОВА

Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова,
г. Улан-Удэ, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-8998-7363>, e-mail: alex27-m@mail.ru

А. П. СКИБА

Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация, Санкт-Петербургский университет ФСИН России, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7953-9743>, e-mail: apskiba@mail.ru

Реферат. В статье рассматриваются особенности формирования в Китае верховенства права как управления обществом путем неукоснительного соблюдения законов, не подразумевающего субъективное усмотрение правоприменителей. Отдельно изучается развитие китайского законодательства, основанного на легистской теории методов управления, в том числе в правоохранительной сфере, под воздействием правил морали, принятых в обществе, что подразумевает понимание и одобрение населением при их применении. В настоящее время в Китае наблюдается некое гармоничное сочетание права и морали («управления на основе закона» и «управления на основе морали»), а само законодательство впитывает в себя правила морали, принятые в обществе, и развивается под их воздействием. Подход, имевший место в СССР, основанный на широком привлечении общественности к управлению государством, отправлению правосудия, обеспечению правопорядка, исполнению уголовных наказаний и иных мер воздействия к правонарушителям, в целом оправдывал себя, в том числе за счет применения мер общественного воздействия, базировавшегося на правилах морали. Китайский опыт свидетельствует о возможности в России всестороннего достижения целей применения уголовных наказаний в виде восстановления социальной справедливости, исправления осужденных и предупреждения совершения новых преступлений, предусмотренных в ст. 43 Уголовного кодекса Российской Федерации.

Ключевые слова: правовая система Китая; верховенство права; правила морали; цели применения уголовных наказаний.

12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве.

Для цитирования: Бальчиндоржиева О. Б., Мяханова А. Н., Скиба А. П. Развитие правовой системы Китая: к вопросу о сочетании права и морали. *Пенитенциарная наука*. 2020; 14(3):303–309. DOI 10.46741/2686-9764-2020-14-3-303-309.

Development of the Chinese legal system: on the issue of combining law and morality

■ O. B. BALCHINDORZHIEVA

Buryat State University named after Dorzhi Banzarov, Ulan-Ude, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3505-903X>, e-mail: baoyu2008@yandex.ru

A. N. MYAKHANOVA

Buryat State University named after Dorzhi Banzarov, Ulan-Ude, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-8998-7363>, e-mail: alex27-m@mail.ru

A. P. SKIBA

Academy of the Federal Penal Service of Russia, Ryazan, Russian Federation, St. Petersburg University of the Federal Penal Service of Russia, St. Petersburg, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7953-9743>, e-mail: apskiba@mail.ru

Abstract. The article examines the peculiarities of the formation in China the «supremance of law» as the management of society through strict observance of laws, which does not imply the subjective discretion of law enforcement officials. The development of Chinese legislation based on the legal theory of management methods, including in law enforcement, under the influence of moral rules adopted in society, which implies understanding and approval of the population when applying them, is studied separately. Currently, in China, there is a kind of harmonious combination of law and morality («rule of law» and «governance on the basis of morality»), and the legislation itself absorbs the moral rules adopted in society and develops under their influence. The approach that took place in the USSR, based on the wide involvement of the public in governing the state, administering justice, ensuring law and order, the execution of criminal penalties and other measures of influence against offenders, as a whole justified itself, including through the use of measures of social influence based on the rules morality. The Chinese experience testifies to the possibility in Russia comprehensively achieving the goals of applying criminal penalties in the form of restoring social justice, correcting convicts and preventing the commission of new crimes provided for in Art. 43 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Key words: the law system of China; the supremacy of law; morality rules; the purpose of applying criminal penalties.

12.00.01 – Theory and history of law and state; History of doctrines about law and state.

For citation: Balchindorzhieva O.B., Myakhanova A. N., Skiba A. P. Development of the Chinese legal system: on the issue of combining law and morality. *Penitenciarnaya nauka = Penitentiary Science*. 2020; 14(3):303–309. (In Russ.). DOI 10.46741/2686-9764-2020-14-3-303-309.

Современный Китай в начале XXI в. достиг не только заметных успехов в экономическом развитии и правоохранительной деятельности, но и ощутимого прогресса в различных сферах – науке, экологии, образовании и т. д. Одним из залогов этого успеха является устойчивое стремление к обеспечению верховенства закона с одновременным сохранением традиционной культуры Китая. В этом контексте для России интересен китайский опыт в данной сфере, особенно с учетом не всегда надлежащей эффективности исполнения законодательства, в том числе в правоохрани-

тельной сфере (уголовно-процессуальной, уголовно-исполнительной, оперативно-розыскной и пр.), а также его качества [3; 6].

Об особенностях китайской цивилизации, при помощи которых достигается ее жизнестойкость, сказано уже много. Во-первых, это соблюдение традиций как способ создания нового не через разрушение старого, а путем одновременного сочетания и старого, и нового. Во-вторых, это принцип «переваривания», или «китаизации», чужеродных культур как главный метод использования достижений других цивилизаций. И законодательство Китая развивается на основе тех же принципов.

Духовная культура Китая отличается целостностью, охватывая практически все стороны традиционного китайского общества, в том числе политико-правовую культуру (включая законодательство), нормы и ценности. Традиционные китайские ценности непосредственно влияют, в частности, на развитие уголовного и иного законодательства, содержащего вопросы применения наказаний за совершенные преступления (похожая ситуация и в других дальневосточных странах с учетом их специфики [14, с. 20–23; 15, с. 339–340]).

Система ценностей китайского общества включает разносторонние взгляды, идеи и нравственные нормы конфуцианства, даосизма, легизма и буддизма, отличающиеся высокой степенью восприимчивости при сохранении своей самоидентичности [12, с. 41]. Среди основных нравственных ценностей можно выделить выполнение долга, самосовершенствование, уважение к традиции, почитание «дэ» (добродетель), трудолюбие, прагматизм.

Одним из важнейших принципов, оказывающих свое влияние на развитие правовой системы Китая, является традиционное требование о гармоничном сочетании права (внешнее принуждение) и морали (внутреннее убеждение). В этом случае китайское законодательство впитывает в себя правила морали, принятые в обществе, и развивается под их воздействием, что априори подразумевает понимание и одобрение населением при их применении.

Как известно, китайский философ Сюнь-цзы, развивая конфуцианское учение о способах государственного управления, приходит к идее о сочетании «ли» (ритуалов) и «фа» (законов). «Великий долг в управлении делами [государства] состоит в следующем: того, кто приходит с добрыми намерениями, следует встречать в соответствии с нормами ритуала; того же, кто приходит не с добрыми намерениями, следует встречать законами об уголовных наказаниях» [4, с. 150]. В дальнейшем Сюнь-цзы и другие представители конфуцианства обосновывают тезис о необходимости разумного сочетания наказаний и великодушного правления на основе нравственности, долга и справедливости. Это, на наш взгляд, приводит к идее о необходимости в России всестороннего достижения восстановления социальной справедливости как цели применения наказания по ст. 43 УК РФ.

В последнее время в Китае все больше внимания уделяется также проблеме обе-

спечения правопорядка. Проведение в жизнь данного курса неразрывно связывается с превращением страны в современное правовое государство, управляемое на основе закона, при сохранении руководящего статуса коммунистической партии и системы собраний народных представителей [8]. За годы реформ разработан значительный массив законодательных актов, регламентирующих все стороны экономической, государственной и общественной жизни.

Главным лозунгом XVIII съезда Компартии Китая стало выражение «фачжи» [10]. Официальные средства массовой информации (например, информагентство Синьхуа) перевели это выражение как верховенство права. Западные эксперты по Китаю полагают, что данный перевод не передает точного смысла тезиса о «фачжи». Так, в литературе можно найти такие варианты перевода: rule of law (верховенство права) и rule by law (правление в соответствии с законом). Дж. Чин – автор статьи «Верховенство права или правление в соответствии с законом?» – в свою очередь приводит высказывания экспертов, полагающих, что суть данного тезиса выражается в более расплывчатой фразе «依法治国» («управление страной на основе закона»).

Все же полагаем, что здесь речь идет именно о термине «法治», обозначающем верховенство права, как основополагающем принципе управления государством, вместо противоположной стратегии управления «人治» – «правление человека», что подразумевает, по нашему мнению, субъективизм в принятии юридически значимых решений. В этом случае значимость закона, впитавшего в себя китайские традиционные правила морали, для правоохранительных и иных правоприменительных органов становится практически абсолютной.

В китайской науке на начальном этапе реформ не утихали споры о том, что важнее для стабильности государства: опираться на власть мудрого правителя или на авторитет законов и правовой системы? В целом этот спор начался еще со времен Платона и Аристотеля, а в Китае – с конфуцианцев и легистов. Современная трактовка верховенства права означает, что управление должно основываться в первую очередь на неукоснительном соблюдении законов, не подразумевающих широкое субъективное усмотрение правоприменителей.

Анализ тезиса «依法治国» начинается с легистской трактовки методов управления, где «法» – закон – понимался в качестве средства управления. Возникновение

термина «法治» было связано с усилением государства, а целью легистов были «сильная армия и процветание Поднебесной», что подразумевало повышение роли верховенства и незыблемости закона.

Легизм был официальной идеологией империи Цинь, объединившей Китай в начале I тысячелетия. Основоположник легизма – Гуань Чжун – обосновывал идею, что законам должны подчиняться абсолютно все, включая правителя: «Правитель и чиновники, высшие и низшие, знатные и подлые – все должны следовать закону» [11]. Впоследствии легизм из доктрины верховенства закона превращается в идеологию, опирающуюся на силу, устрашение, принуждение, что, на наш взгляд, отразилось и на карательной составляющей применяемых наказаний. По точному замечанию Гегеля, «идеи позднего легизма – не право, а подавление права» [2, с. 163].

Хань Фэй-цзы – систематизатор идей легизма – настаивал на том, что сила и благосостояние государства находятся в зависимости от применения «писаного закона» – кодекса правил поведения, составленного правителем и обязательного для исполнения подданными. Стоит отметить, что «воззрения легистов... являлись не консервативными, а скорее, эволюционистскими, по крайней мере, они отмечали изменчивость исторических условий. Действительно, в процессе развития общества изменяются материальные условия жизни, вместе с ними – законы и ритуалы» [1, с. 37].

В сфере правосудия легисты утверждали единые принципы: чиновникам при определении наказания предписывалось действовать в соответствии со строго определенными стандартами, не допускающими субъективного усмотрения правоприменителей. Однако из сферы действия закона исключался только правитель, а чиновники, как и все население, наказывались за нарушение закона соответствующим образом. Таким образом, привилегированным положением обладал только правитель, и закон для него был средством, способствующим утверждению абсолютной власти без учета правил морали. Такое отношение к закону оставалось неизменным в Китае на протяжении многих столетий.

В настоящее время подход к управлению обществом исключительно на основе закона остается неизменным, и содержание этого тезиса распространяется как в целом на дальнейшее совершенствование китайского законодательства, так и на реформу

судебной системы и прокуратуры. На этом фоне Коммунистической партией Китая принято решение о всестороннем развитии «управления на основе закона» в различных отраслях законодательства, что свидетельствует о продолжении строительства правового государства. Помимо этого, руководство страны продолжает работу над формированием правоохранительных и иных государственных органов, применяющих законодательство, совершенствованием организации набора законодателей, судей и прокуроров из числа квалифицированных юристов-специалистов, расширением деятельности и созданием судов и прокуратур, чья юрисдикция будет выходить за пределы административных единиц, созданием механизма борьбы с вмешательством различных должностных лиц в отправлении правосудия, включая оглашение подобных фактов и привлечение их к ответственности, улучшением судебной защиты прав человека, предоставлением прокурорам права инициировать судебные разбирательства в общественных интересах и т. п. [16, с. 100–101].

По мнению профессора Ху Цзяньмяо, «ожидается обогащение и обновление теории о социалистическом правопорядке с китайской спецификой, всестороннее продвижение строительства социалистической правовой системы с китайской спецификой, это станет веховым событием в истории китайского права» [17]. Проректор Китайского университета политических наук и юриспруденции профессор Ма Хуайдэ в свою очередь отметил, «что КПК впервые в партийном документе явно запретила чиновникам вмешиваться в судебные дела и пообещала привлечь нарушителей к ответственности» [7]. Представляется, что реализация вышеуказанных направлений станет реальным шагом к «法治» как реальному верховенству права, которое по-прежнему остается стратегической задачей для китайских властей.

Отметим, что «управление на основе закона», используемое сегодня в качестве основного руководящего принципа управления государством, не исключает другой традиционной для Китая концепции – «управления на основе морали», что, полагаем, актуально для России после развала советской системы управления с привлечением общественных институтов, в том числе в области профилактики преступлений и иных правонарушений, включая применение уголовных наказаний и иных мер. Еще с древних времен теория «управление на основе морали», базирующаяся на наци-

ональных традициях, противопоставлялась широко распространенным в то время легистским теориям.

Политические взгляды Конфуция основывались на теории так называемого «добродетельного (или морального) правления», которое было прямой противоположностью принципу законности легизма. Он говорил: «Если руководить народом посредством законов и поддерживать порядок при помощи наказаний, народ будет стремиться уклоняться от наказаний и не будет испытывать стыда. Если же руководить народом посредством добродетели и поддерживать порядок при помощи ритуала, народ будет знать стыд и исправится» [13, с. 298]. Представляется, что подобный подход, имевший место в СССР, основанный на широком привлечении общественности к управлению государством, отправлению правосудия, обеспечению правопорядка, исполнению уголовных наказаний и иных мер воздействия к правонарушителям, в целом оправдывал себя, в том числе за счет применения мер общественного воздействия, базировавшегося на правилах морали.

Таким образом, в Китае идее правления при помощи закона (то есть управления народом и его принуждения к каким-то действиям посредством кодифицированного закона) противопоставлялась идея морального правления (то есть нравственного воспитания народа и создания системы общественного контроля над ним на основе соблюдения ритуала и чувства стыда). Так, например, китайский исследователь Лю Юйнин отмечает, что одним из факторов, обеспечивающих равномерность и сбалансированность в развитии правовой систе-

мы, является наличие морали и нравственности в действиях независимых и грамотных юристов [19].

Конфуций также считал, что требования добродетельного правления более обоснованны и действенны. Он был глубоко убежден, что один лишь закон не способен удержать от совершения преступлений, а добродетельное управление вызывает к нравственному исправлению, при всесторонней реализации которого преступления должны исчезнуть сами по себе. Это, по нашему мнению, теоретически соответствует исправлению осужденных и предупреждению совершения новых преступлений как целям применения наказаний по ст. 43 УК РФ и цели уголовно-исполнительного законодательства по ст. 9 УИК РФ.

Интересна точка зрения японского исследователя творчества Конфуция С. Каидзуки. По его мнению, «добродетельное правление» строилось на сознании отдельного человека, поскольку Конфуций считал фундаментом такого управления нравственное пробуждение индивида [5].

Вышеизложенные концепции позволяют утверждать, что одним из прогрессивных нововведений легистов следует признать их усилия по продвижению идеи национального самосознания. Но если они предлагали теорию управления, основанную лишь на внешнем подчинении законам, то Конфуций полагал, что необходимо воспитание внутренней убежденности в исполнении законов. В результате в настоящее время в Китае наблюдается некое гармоничное сочетание права и морали («управления на основе закона» и «управления на основе морали»), что актуально и для России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бальчиндоржиева, О. Б. Концепции государства в философских учениях Древнего Китая и их современное значение / О. Б. Бальчиндоржиева // Вестник Бурятского государственного университета. – 2020. – № 1. – С. 32–38.
2. Гегель, Г. В. Ф. Лекции по истории философии. Книга 1 / Г. В. Ф. Гегель. – Санкт-Петербург : Наука, 1993. – 349 с. – ISBN 5-02-028171-9.
3. Горбань, Д. В. Уголовно-исполнительное законодательство в условиях стихийного бедствия, введения чрезвычайного или военного положения : монография / Д. В. Горбань, Ф. В. Грушин, И. А. Давыдова [и др.]; под общей редакцией А. А. Крымова; под научной редакцией А. П. Скибы. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва : Криминологическая библиотека, 2018. – 296 с. – ISBN 978-5-6042048-0-1.
4. Древнекитайская философия. В 2 томах. Том 2 / составитель Ян Хин-шун. – Москва : Философское наследие, 1972. – 384 с.
5. Каидзука, С. Конфуций. Первый учитель Поднебесной / С. Каидзука // Проект Абирус. – URL: <http://www.abirus.ru/content/564/623/625/647/12514/> (дата обращения: 14.07.2014).
6. Коллизии законодательства России и ряда стран (краткий научный комментарий) : монография / под общей редакцией А. А. Крымова; под научной редакцией А. П. Скибы. – 3-е изд., испр. и доп. – Москва : ЮНИТИ-ДАНА, 2018. – 407 с. – ISBN 978-5-238-03183-5.
7. КПК сформулировала новый план в сфере верховенства закона // Сайт Института Дальнего Востока РАН. – URL: <http://www.ifes-ras.ru/center-doc-news/1229-news-141024> (дата обращения: 01.11.2014).
8. Ли, Буюнь 依法治国”有待厘清的法治概念 (Концепция «верховенства права» нуждается в уточнении) / Буюнь Ли // Saixin.com. – URL: <http://opinion.caixin.com/2014-08-20/100719449.html> (дата обращения: 01.11.2014).
9. Лю, Юйнин Модернизация правовой системы Китая / Юйнин Лю // Теория и практика общественного развития. – 2017. – № 6. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/modernizatsiya-pravovoy-sistemykitaya> (дата обращения: 04.05.2020).

10. Основные тезисы коммюнике 4-го пленума КПК 18-го созыва // Сайт Института Дальнего Востока РАН. – URL: <http://www.ifes-ras.ru/center-doc-news/1229-news-141024> (дата обращения: 01.11.2014).
11. Переломов, Л. С. Гуань Чжун / Л. С. Переломов // Китайская философия : энциклопедический словарь. – Москва : Мысль, 1994. – С. 77–78. – ISBN 5244007572.
12. Переломов, Л. С. Конфуцианство и легизм в политической истории Китая / Л. С. Переломов. – Москва : Наука, 1981. – 333 с.
13. Переломов, Л. С. Конфуций: Луньюй / Л. С. Переломов. – Москва : Восточная литература, 1998. – 588 с. – ISBN 5-02-018024-6.
14. Скиба, А. П. Виды наказаний и их содержание по Уголовному кодексу Корейской Народно-Демократической Республики (сравнительно-правовой анализ с отдельными нормами российского законодательства) / А. П. Скиба, А. В. Ковш, А. Н. Мяханова // Юридическое образование и наука. – 2018. – № 10. – С. 20–23.
15. Скиба, А. П. Рецензия на издание, подготовленное А. В. Ковш и Ю. Д. Скрипник, на тему: «Уголовный кодекс Корейской Народно-Демократической Республики» / А. П. Скиба, А. Н. Мяханова // Уголовно-исполнительное право. – 2018. – Т. 13, № 3. – С. 339–340.
16. Цырендоржиева, Д. Ш. Особенности реформирования органов государственной власти КНР / Д. Ш. Цырендоржиева, О. Б. Бальчиндоржиева // Вестник Бурятского государственного университета. – 2007. – № 11. – С. 100–101.
17. Эксперты: 4-й пленум КПК 18-го созыва станет вековым событием в истории китайского права // Сайт Института Дальнего Востока РАН. Новости. – URL: <http://www.ifes-ras.ru/center-doc-news/1229-news-141020> (дата обращения: 01.11.2014).

REFERENCES

1. Bal'chindorzhieva O. B. Konceptii gosudarstva v filosofskih ucheniyah Drevnego Kitaya i ih sovremennoe znachenie [The concept of the state in the philosophical teachings of Ancient China and their modern meaning]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of the Buryat State University*, 2020, no. 1, pp. 32–38. (In Russ.).
2. Gegel' G. V. F. *Lekcii po istorii filosofii. Kniga 1* [Lectures on the history of philosophy. Book 1]. St. Petersburg, 1993. 349 p. (In Russ.).
3. Krymov A. A., Skiba A. P. (red.) *Ugolovno-ispolnitel'noe zakonodatel'stvo v usloviyah stihijnogo bedstviya, vvedeniya chrezvychajnogo ili voennogo polozheniya* [Criminal executive legislation in the context of natural disaster, state of emergency or martial law]. Moscow, 2018. 296 p. (In Russ.).
4. *Drevnekitajskaya filosofiya. V 2 tomah. Tom 2* [Ancient Chinese philosophy. In 2 vol. Vol 2]. Moscow, 1972. 384 p. (In Russ.).
5. Kaidzuka S. *Konfucij. Pervyj uchitel' Podnebesnoj* [Confucius. The first teacher of the Middle Kingdom]. Available at: <http://www.abirus.ru/content/564/623/625/647/12514/> (accessed 14.07.2014). (In Russ.).
6. Krymov A. A., Skiba A. P. (red.) *Kollizii zakonodatel'stva Rossii i ryada stran (kratkij nauchnyj kommentarij)* [Collisions of the legislation of Russia and a number of countries (short scientific commentary)]. Moscow, 2018. 407 p. (In Russ.).
7. *KPK sformulirovala novyj plan v sfere verhovenstva zakona* [CPC Formulates New Rule of Law Plan]. Available at: <http://www.ifes-ras.ru/center-doc-news/1229-news-141024> (accessed 01.11.2014). (In Russ.).
8. Li Buyun' *«依法治国» 有待厘清的法治概念 (Konceptsiya «verhovenstva prava» nuzhdaetsya v utochnenii)* [«依法治国» 有待厘清的法治概念 (The concept of "rule of law" needs clarification)]. Available at: <http://opinion.caixin.com/2014-08-20/100719449.html> (accessed 01.11.2014). (In Russ.).
9. Lyu Yujin *Modernizatsiya pravovoj sistemy Kitaya* [Modernizing China's Legal System]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya – Theory and practice of social development*, 2017, no. 6. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/modernizatsiya-pravovoy-sistemykitaya> (accessed 04.05.2020). (In Russ.).
10. *Osnovnye tezisy kommyunike 4-go plenuma KPK 18-go sozyva* [Main theses of the communiqué of the 4th Plenum of the CPC of the 18th convocation]. Available at: <http://www.ifes-ras.ru/center-doc-news/1229-news-141024> (accessed 01.11.2014). (In Russ.).
11. Perelomov L. S. Guan' CHzhun [Guan Zhong]. *Kitajskaya filosofiya* [Chinese Philosophy]. Moscow, 1994, pp. 77–78. (In Russ.).
12. Perelomov L. S. *Konfucianstvo i legizm v politicheskoy istorii Kitaya* [Confucianism and Legalism in the Political History of China]. Moscow, 1981. 333 p. (In Russ.).
13. Perelomov L. S. *Konfucij: Lun'yuj* [Confucius: Lunyu]. Moscow, 1998. 588 p. (In Russ.).
14. Skiba A. P., Kovsh A. V., Myahanova A. N. *Vidy nakazaniy i ih sodержanie po Ugolovnomu kodeksu Korejskoj Narodno-Demokraticeskoy Respubliki (sravnitel'no-pravovoj analiz s otdel'nymi normami rossijskogo zakonodatel'stva)* [Types of punishments and their content under the Criminal Code of the Democratic People's Republic of Korea (comparative legal analysis with certain norms of Russian legislation)]. *Yuridicheskoe obrazovanie i nauka – Legal education and science*, 2018, no. 10, pp. 20–23. (In Russ.).
15. Skiba A. P., Myahanova A. N. *Recenziya na izdanie, podgotovlennoe A. V. Kovsh i YU. D. Skripnik, na temu: «Ugolovnyj kodeks Korejskoj Narodno-Demokraticeskoy Respubliki»* [Review of the publication, prepared by A. V. Kovsh and Yu. D. Skripnik, on the topic «The Criminal Code of the Democratic People's Republic of Korea»]. *Ugolovno-ispolnitel'noe pravo – Penal law*, 2018, vol. 13, no. 3, pp. 339–340. (In Russ.).
16. Cyrendorzhieva D. Sh., Bal'chindorzhieva O. B. *Osobennosti reformirovaniya organov gosudarstvennoj vlasti KNR* [Peculiarities of reforming public authorities of the PRC]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of the Buryat State University*, 2007, no. 11, pp. 100–101. (In Russ.).
17. *Eksperty: 4-j plenum KPK 18-go sozyva stanet vekhovym sobytiem v istorii kitajskogo prava* [Experts: 4th Plenary Session of 18th CPC Will Become a Milestone in the History of Chinese Law]. Available at: <http://www.ifes-ras.ru/center-doc-news/1229-news-141020> (accessed 01.11.2014). (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTORS

ОЮНА БАИРОВНА БАЛЬЧИНДОРЖИЕВА – доцент кафедры философии Бурятского государственного университета имени Доржи Банзарова, г. Улан-Удэ, Российская Федерация, доктор философских наук, доцент. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3505-903X>, e-mail: baoyu2008@yandex.ru

OYUNA B. BALCHINDORZHIIEVA – Associate Professor of the Department of Philosophy of the Buryat State University named after Dorzhi Banzarov, Ulan-Ude, Russian Federation, Dsc. in Philosophy, Associate Professor. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3505-903X>, e-mail: baoyu2008@yandex.ru

АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВНА МЯХАНОВА – доцент кафедры уголовного права и криминологии Бурятского государственного университета имени Доржи Банзарова, г. Улан-Удэ, Российская Федерация, судья в отставке. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-8998-7363>, e-mail: alex27-m@mail.ru

АНДРЕЙ ПЕТРОВИЧ СКИБА – начальник кафедры уголовно-исполнительного права Академии ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация, профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Санкт-Петербургского университета ФСИН России, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, доктор юридических наук, доцент. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7953-9743>, e-mail: apskiba@mail.ru

ALEXANDRA N. MYAKHANOVA – Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Buryat State University named after Dorzhi Banzarov, Ulan-Ude, Russian Federation, Retired Judge. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-8998-7363>, e-mail: alex27-m@mail.ru

ANDREY P. SKIBA – Head of the Department of Penal Law of the Academy of the Federal Penal Service of Russia, Ryazan, Russian Federation, Professor of the Department of Criminal Law Disciplines of the St. Petersburg University of the Federal Penal Service of Russia, Dsc. in Law, Associate Professor. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7953-9743>, e-mail: apskiba@mail.ru

DOI 10.46741/2686-9764-2020-14-3-309-314

УДК 342.3

Об историческом опыте сохранения территориальной целостности государства уголовно-правовыми средствами

А. В. НАУМОВ

Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4719-8929>, e-mail: yasenaum34@mail.ru

Реферат. В статье рассматривается исторический опыт сохранения территориальной целостности государства путем принятия уголовных законов. Делается это на примере двух таких попыток в истории российского государства: Временным правительством после Февральской революции 1917 г. и во время горбачевской перестройки в связи с решением союзных республик Прибалтики обрести государственную самостоятельность. В обоих случаях законодатели приняли строгие уголовные законы, которые, однако, оказались неспособными предотвратить нарушение территориальной целостности государства. Так, например, при Временном правительстве была усилена уголовная ответственность за насильственное посягательство на изменение существующего государственного строя в России или «на отторжение от России какой-либо ее части» (виновные даже подвергались пожизненной или срочной каторге). Второй опыт, также неудачный, относится к весне 1990 г., когда прибалтийские республики (Литва, Латвия и Эстония) заявили о своей государственной независимости. На это немедленно отреагировал внеочередной Третий съезд народных депутатов СССР, признав эти решения недействительными, поскольку они противоречили Конституции СССР. Общесоюзная власть, зафиксированная в решениях съездов народных депутатов, едва ли не откровенно объявляла республикам, что их выход из Союза ССР невозможен и надеяться им в этом смысле не на что. Так, в интервью для советского и французского телевидения в ноябре 1990 г. Президент СССР, признав, что Конституция СССР предусматривает право на самоопределение вплоть до отделения той или иной республики, и сославшись на существование особого механизма этого выхода, вместе с тем сказал, что страна не может разделиться. Итог этого законодательного «поединка» известен и датируется декабрем 1991 г.

Что же должен извлечь законодатель из этих исторических уроков? Самое главное, он должен усвоить, что существуют пределы возможностей уголовного закона в достижении политических и социально-экономических целей.

Ключевые слова: уголовный закон; социальные функции уголовного закона; территориальная целостность государства.

12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право.

Для цитирования: Наумов А. В. Об историческом опыте сохранения территориальной целостности государства уголовно-правовыми средствами. *Пенитенциарная наука*. 2020; 14(3):309–314. DOI 10.46741/2686-9764-2020-14-3-309-314.

On the historical experience of preserving the territorial integrity of the state by criminal law means

A. V. NAUMOV

All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia),
Moscow, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4719-8929>, e-mail: yasenaum34@mail.ru

Abstract. The article examines the historical experience of preserving the territorial integrity of the state through the adoption of criminal laws. This is done using the example of two such attempts in the history of the Russian state (by the Provisional Government after the February Revolution of 1917 and during Gorbachev's perestroika in connection with the decision of the union republics of the Baltic states to gain state independence). In both cases legislators passed strict criminal laws, which, however, proved unable to prevent violation of the territorial integrity of the state. For example, under the Provisional Government criminal liability was increased for violent encroachments on changing the existing state system in Russia or "to tear away any part of it from Russia" (the perpetrators were even subjected to life or urgent hard labor). The second experience, also unsuccessful, dates back to the spring of 1990, when the Baltic republics (Lithuania, Latvia and Estonia) declared their state independence. The extraordinary Third Congress of People's Deputies of the USSR immediately reacted to this, recognizing these decisions as invalid as contrary to the Constitution of the USSR. The all-Union power, recorded in the decisions of the congresses of people's deputies, almost openly announced to the republics that their withdrawal from the USSR was impossible and they had nothing to hope for in this sense. So, in an interview for Soviet and French television in November 1990, the President of the USSR, recognizing that the Constitution of the USSR provides for the right to self-determination up to the secession of a republic and referring to the existence of a special mechanism for this exit, at the same time said that he had come to the conclusion, the country cannot be divided. The outcome of this legislative "fight" is known and dates back to December 1991.

What should a legislator learn from these historical lessons? Most importantly: he must firmly grasp that there are certain limits to the possibilities of criminal law to achieve political and socio-economic goals.

Key words: criminal law; social functions of the criminal law; territorial integrity of the state.

12.00.08 – Criminal law and criminology; penal law.

For citation: Naumov A. V. On the historical experience of preserving the territorial integrity of the state by criminal law means. *Penitenciarnaya nauka = Penitentiary Science*. 2020; 14(3):309–314. (In Russ.). DOI 10.46741/2686-9764-2020-14-3-309-314.

В истории России можно выделить несколько попыток сохранения территориальной целостности страны уголовно-правовыми средствами.

Так, при Временном правительстве, примерно через полгода после Февральской революции 1917 г., Постановлением от 4 августа была принята новая редакция ст. 100 и 101 Уголовного уложения. Тем самым была усилена уголовная ответственность за насильственное посягательство на изменение существующего государственного строя в России или «на отторжение от России какой-либо ее части, или на смещение органов верховной государственной власти, или на лишение их возможности осуществлять таковую» (виновный подвергался пожизненной или срочной каторге, а за пригото-

вление к этому преступлению – заключению в исправительном доме или в крепости, если же при приготовлении виновный имел в своем распоряжении средства для взрыва или склад оружия, содеянное наказывалось каторгой до восьми лет).

Как оценить такое ужесточение уголовного закона? Было ли оно необходимым и своевременным? И если да, то почему, как свидетельствует история, оказалось безрезультатным? В принципе, Временное правительство верно оценивало сложившуюся ситуацию и главным противником стабилизации положения внутри страны и на фронте видело анархистов и большевиков, поэтому принимаемые правительством законодательные уголовно-правовые акты были в этом смысле своевременными и

необходимыми [6, с. 420–421]. Однако, как известно, существуют лишь два способа приведения принимаемых законов и иных нормативных актов в действие: во-первых, путем их добровольного исполнения теми, кому они адресуются (идеальный вариант); во-вторых, посредством их принудительного исполнения. Временное правительство не располагало ни первым, ни вторым, в результате уголовно-правовые нормы превращались в ничего не значащие слова.

Второй опыт, также неудачный, относится к весне 1990 г. [7, с. 410–417]. Прибалтийские республики стремились к независимости. 10–12 марта 1990 г. Верховный Совет Литовской ССР объявил о «восстановлении независимости Литовского государства», «отмене действия Конституции Литовской ССР и Конституции СССР на территории республики». На это немедленно отреагировал внеочередной Третий съезд народных депутатов СССР, признав эти решения недействительными, поскольку они противоречили ст. 74 («Законы СССР имеют одинаковую силу на территории всех союзных республик. В случае расхождения закона союзной республики с общесоюзным законом действует закон СССР») и ст. 75 («Территория Союза Советских Социалистических республик едина и включает территории союзных республик. Суверенитет СССР распространяется на всю ее территорию») Конституции СССР. Съезд подтвердил конституционное право союзной республики на самоопределение, одновременно указав, что «союзная республика вместе с тем не может при выходе из него игнорировать вытекающие при этом политические, социально-экономические, территориальные, правовые и другие проблемы». В связи с этим съезд оценил «решения Верховного Совета Литовской ССР как не имеющие законной силы». В соответствии с постановлением съезда только что избранный Президент СССР направил телеграмму в адрес Верховного Совета Литовской ССР и Председателя Верховного Совета Литовской ССР следующего содержания: «Направляю Постановление внеочередного третьего Съезда народных депутатов СССР, принятое 15 марта 1990 г. В трехдневный срок сообщите о мерах по реализации данного Постановления».

Однако стороны расценили эту ситуацию по-разному. Привычного «вытягивания по стойке смирно» и рапорта «слушаюсь» со стороны руководства Литовской республики в ответ на президентскую команду не последовало. В свою очередь Центр объя-

вил Литве экономическую блокаду, которая ухудшила экономическое положение республики (а учитывая сложные хозяйственные связи, сложившиеся в Союзе, и не только этой республики) и вызвала новый виток конфронтации.

Сходную с Литвой позицию заняла Эстонская ССР, чей Верховный Совет принял 30 марта 1990 г. Постановление «О государственном статусе Эстонии», а 16 мая 1990 г. Закон «Об основах временного порядка управления Эстонией» и, наконец, в августе того же года Постановление Верховного Совета «Об отношениях Эстонской республики и Союза Советских Социалистических Республик», в которых были объявлены не действующими на территории Эстонии Конституция СССР, законы СССР и Конституция Эстонской ССР, а также было заявлено об отказе вести переговоры с Союзом ССР на базе этих правовых документов. Указом Президента СССР от 19 мая 1990 г. и Заявлением от 12 августа 1990 г. эти постановления были признаны неконституционными и объявлены недействительными с момента их принятия. Такие же законы приняла и Латвия. Аналогичным было реагирование Президента СССР и на эти решения.

Руководство СССР отдавало себе отчет в том, что центробежные тенденции союзных республик могли приобрести и насильственные формы их реализации. И средством противодействия таким тенденциям стал Закон СССР от 2 апреля 1990 г. «Об усилении ответственности за посягательства на национальное равноправие граждан и насильственное нарушение единства территории Союза ССР». В соответствии с ним устанавливалась, в частности, строгая уголовная ответственность за призывы к насильственному свержению или изменению советского государственного и общественного строя или насильственному нарушению единства территории Союза ССР и рекомендовано данный уголовно-правовой запрет предусмотреть в законодательстве союзных республик. Но ни РСФСР, ни другие республики «не заметили» этой рекомендации союзных властей и продолжали начавшуюся борьбу с их зависимостью от Центра. Они (одна за другой) принимали декларации о суверенитете своих республик и пытались обрести государственную самостоятельность. В июне 1990 г. такую декларацию принял I Съезд народных депутатов РСФСР (следом подобные законы приняли парламенты Украины, Армении, Грузии, а также и некоторые автономные республи-

ки – Татарстан, Башкирия, Коми и др.). При этом в российском (РСФСР) законе определялось в числе прочего и следующее: «Верховенство Конституции РСФСР и Законов РСФСР на всей территории РСФСР; действие актов Союза ССР, вступивших в противоречие с суверенными правами РСФСР, приостанавливается Республикой на своей территории...». Как видно, началась «война законов».

Какова же была реакция руководства СССР? 23 октября 1990 г. был принят Закон СССР «Об уголовной ответственности за блокирование транспортных коммуникаций и иные незаконные действия, посягающие на нормальную и безопасную работу транспорта», в соответствии с которым вводился (в числе других) новый уголовно-правовой запрет – умышленное блокирование транспортных коммуникаций путем устройства препятствий, установки постов либо иным способом, которое повлекло или могло повлечь нарушение нормальной работы железнодорожного, воздушного, водного, автомобильного или магистрального трубопроводного транспорта. Закон был направлен на предупреждение самовольного выхода республик из Союза ССР. Увы, как и другие законы, этот остался невыполненным (по крайней мере, республики никак на него не прореагировали), нисколько не изменилось и реальное положение в республиках с их неприятием любых директив, исходящих из Центра.

Для союзного Центра наступили трудные времена, в особенности при согласовании союзных и республиканских интересов. К началу I Съезда народных депутатов СССР, то есть к маю 1989 г., в стране уже четыре года велись разговоры о перестройке. Ее истинно экономическое содержание (рынок, разгосударствление и приватизация собственности, свобода предпринимательской деятельности) противоречило «выбору», сделанному в октябре 1917 г. Прибалтийские же республики просили у съезда разрешения на проведение своеобразного эксперимента в стране – отработку новой модели социально-экономического развития республик, основанной на региональном хозрасчете в условиях предполагаемого общесоюзного рынка [9, с. 75].

Формально экономическую самостоятельность прибалты получили. Практически же взаимоотношения Центра и республик оставались те же. Республики не захотели ждать того времени, когда радикальные экономические реформы начнут осущест-

вляться сверху, и недвусмысленно заявили о своем намерении выйти из Союза. Приезд партийно-правительственной делегации лишь усилил это намерение.

Как уже отмечалось, экономическая блокада ухудшила экономическое положение Литовской республики (а заодно и других республик, входящих в Советский Союз) и вызвала новый виток конфронтации. По нашему мнению, это ошибочное решение и стало причиной дальнейшего неблагоприятного развития событий. Центру надо было не чинить прибалтийским республикам препятствия, а *помочь* в их стремлении обрести государственную независимость, поставив при этом единственное условие – интересы иноязычного (некоренного) населения. Этот вариант прошел бы гораздо безболезненнее, мирно, с сохранением дружеских и экономических отношений.

Общесоюзная власть (в том числе и перестроечно-демократическая), зафиксированная в решениях съездов народных депутатов, едва ли не откровенно объявляла республикам, что их выход из Союза ССР невозможен и надеяться им в этом смысле не на что. Вспомним, что в интервью для советского и французского телевидения в ноябре 1990 г. Президент СССР М. С. Горбачев, признав, что Конституция СССР предусматривает право на самоопределение вплоть до отделения той или иной республики, и сославшись на существование особого механизма этого выхода, вместе с тем сказал, что страна не может разделиться.

Фактическая «война законов» (Союза ССР и республик) вызвала на страницах средств массовой информации оживленную дискуссию. По этому поводу высказывались: заместитель председателя Комитета Верховного Совета СССР по законодательству К. Лубенченко [3], председатель Комитета общесоюзного парламента по вопросам законности и правопорядка Ю. Голик [1], председатель Комитета Верховного Совета СССР по законодательству Ю. Калмыков [2]. Было высказано немало дельных мыслей и предложений, однако, как это ни странно, во всех выступлениях «главкомов» общесоюзного парламента по законодательству, на наш взгляд, не нашлось места для объяснения *главной* причины неисполнения общесоюзных законов. Дело в том, что «безработные» законы нашего общесоюзного парламента и такие же указы Президента страны и не могли быть иными. Закон, как и нормативный акт любого иного ранга, *способен* стать «трудящимся» лишь при условии, если мо-

жет регулировать общественные отношения, на которые он рассчитан, то есть регулировать волевое поведение людей. Если этому требованию законы не отвечают, они, по справедливому выражению немодного сейчас К. Маркса, превращаются в «пачку бумаги» [4].

Как отмечалось, существуют лишь два способа приведения принимаемых законов в действие: путем добровольного исполнения теми, кому они адресуются (это идеальный вариант), и путем исполнения принудительного. Для первого способа нужно наличие соответствующих мотивов их исполнителей, для второго – способность реализовать санкцию, предназначенную за неисполнение закона. Объединив то и другое, получим желание и силу как необходимые исходные для реализации любого закона. Да, без реальной силы здесь не обойтись. И хотя на словах марксистская теория права всегда критиковала буржуазную школу позитивизма за ее основной тезис о том, что сущностью всякого права является приказ власти, адресованный к подчиненному под угрозой санкции в случае неисполнения приказа, в жизни (на практике) юристы, стоящие даже на ортодоксально марксистских позициях, всегда придерживались в основном позитивистских принципов. И если при принятии закона законодатель не располагает ни доброй волей тех, кому адресован закон, ни силой, способной заставить выполнять требования закона, он может (по тому же Марксу) произвести на свет лишь «мертворожденное дитя» [5, с. 157–181]. Проиллюстрируем эти *избитые* в правовом смысле, но *забытые* в то время нашими законодателями истины.

Законодатель должен твердо усвоить: существуют известные пределы возможностей уголовного закона в достижении политических и социально-экономических целей [8, с. 768]. Вернемся к временам горбачевской перестройки. На что, например, надеялся Президент СССР, издавая указ об изъятии в 15-дневный срок незаконно хранящегося оружия? Неужели не нашлось человека, который бы убедил Президента, что в существующих условиях такое требование неисполнимо, что сроки придется переносить, и значительно, и что, следовательно, принятие такого заведомо невыполнимого указа лишь дискредитирует президентскую власть. Организовать реализацию этого указа при всех даже самых чрезвычайных полномочиях ни за 15, ни за 115 дней было невозможно.

Но Центр исходил, судя по его законодательной деятельности, из уверенности в своей силе, республики же, скорее всего, – из предположения об отсутствии такой силы у Центра (под силой понимаем не карательную силу армии либо правоохранительных органов, а силу отлаженного механизма реализации принимаемых законов). Нагромождение же «безработных» законов и указов свидетельствовало о том, что республики были ближе к реальной оценке своей законодательной потенции.

На первый взгляд, для принципиальных различий между Центром и республиками не было достаточных оснований, и именно на таких позициях стоял, например, Центр. Все признают необходимость нового Союзного договора, который уже разрабатывается и который по-новому определит взаимоотношения. По мнению Центра, это общая, объединяющая посылка. В действительности же эта посылка не только не объединяла противоборствующие стороны, а напротив, *разъединяла* их. Парадокс? Вовсе нет, так как наш вывод закономерно вытекает из *разного* понимания сформулированной выше посылки, а главное, из практических действий Центра по ее реализации. Центр все время говорит об обновленном Союзе и постоянно обещает стать иным, увязывая свое преобразование с будущим Союзным договором и новой Конституцией СССР. На деле же поступает по-иному. Предыдущий анализ законов СССР от 26 апреля 1990 г. «О разграничении полномочий между Союзом ССР и субъектами Федерации» и от 24 октября «Об обеспечении действия законов и иных законодательных актов Союза ССР» вполне подтверждает это.

Центр, ссылаясь на правовые принципы, исходит из того, что все его законы основаны на Конституции СССР, а декларации о суверенитете республик ей противоречат. Но можно ли их (декларации) на этом основании считать недействительными, отменить? Неуклюжие попытки Центра сделать это показали лишь слабость центральной власти и придали уверенность республикам. К оценке указанных деклараций республик о суверенитете Центру надо было бы подойти по-иному. Провозглашение республиками их суверенитета – это не только политическая, но и *правовая реальность*. Налицо было правовое двоевластие. И именно декларации являлись основой будущего Союзного договора. И Центру надо было бы не уповать на противоречие указанных деклараций действующей Конституции, а в значительной мере с ними счи-

таться. Конфронтации Центра и республик во многом можно было бы избежать, если принятие любого нового общесоюзного закона рассматривать как необходимый шаг вперед на пути создания нового по содержанию Союза республик, а не оставлять все по-прежнему, ссылаясь на то, что старая Конституция действует, а новый Союзный договор еще не заключен. Упреждать события можно и нужно, но не таким путем,

как это было сделано принятием Закона от 26 апреля 1990 г., то есть оставаясь на старых позициях.

Сторонникам возможного сохранения (при всех условиях) Союза ССР рассмотренные перестроечные примеры, конечно же, не могут понравиться. Но, увы, так распорядилась *история*, и лучше всего из этого извлечь уроки не столько на будущее, сколько в настоящем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Голик, Ю. Какой закон главнее? / Ю. Голик // Известия. – 1990. – 12 авг.
2. Калмыков, Ю. Будут ли исполняться наши законы? / Ю. Калмыков // Известия. – 1990. – 11 нояб.
3. Лубенченко, К. Безработные законы / К. Лубенченко // Известия. – 1990. – 7 июля.
4. Маркс, К. Сочинения. В 30 томах. Том 6 / К. Маркс, Ф. Энгельс. – Москва : Государственное издательство политической литературы, 1957. – 762 с.
5. Наумов, А. В. Обретение свободы (правовая хроника перестроечных лет). – Москва : АС, 1992. – 255 с.
6. Наумов, А. В. Преступление и наказание в истории России. В двух частях. Часть I / А. В. Наумов. – Москва : Юрлитинформ, 2015. – 752 с. – ISBN 978-5-4396-0688-7.
7. Наумов, А. В. Преступление и наказание в истории России. В двух частях. Часть II / А. В. Наумов. – Москва : Юрлитинформ, 2015. – 656 с. – ISBN 978-5-4396-0688-7.
8. Наумов, А. В. Российское уголовное право. Общая часть : курс лекций. – 6-е изд., перераб. и доп. – Москва : Проспект, 2017. – 784 с. – ISBN 978-5-392-25751-5.
9. Первый съезд народных депутатов СССР, 25 мая – 9 июня 1989 г. : стенографический отчет. В 6 томах. Том 2. – Москва : Верховный Совет СССР, 1989. – 479 с. – ISBN 5-206-00082-5.

REFERENCES

1. Golik YU. Kakoj zakon glavnee? [Which law is more important?]. *Izvestiya – Izvestia newspaper*, August 12, 1990. (In Russ.).
2. Kalmykov YU. Budut li ispolnyat'sya nashi zakony? [Will our laws be enforced?]. *Izvestiya – Izvestia newspaper*, November 11, 1990. (In Russ.).
3. Lubenchenko K. Bezrabortnye zakony [Unemployed laws]. *Izvestiya – Izvestia newspaper*, July 7, 1990. (In Russ.).
4. Marks K., Engel's F. *Sochineniya v 30 tomah. Tom 6* [Works in 30 vol. Vol. 6]. Moscow, 1957. 762 p. (In Russ.).
5. Naumov A. V. *Obretenie svobody (pravovaya hronika perestroechnyh let)* [Gaining freedom (legal chronicle of the perestroika years)]. Moscow, 1992. 255 p. (In Russ.).
6. Naumov A. V. *Prestuplenie i nakazanie v istorii Rossii. V dvuh chastyah. CHast' I* [Crime and Punishment in the History of Russia. In two parts. Part I]. Moscow, 2015. 752 p. (In Russ.).
7. Naumov A. V. *Prestuplenie i nakazanie v istorii Rossii. V dvuh chastyah. CHast' II* [Crime and Punishment in the History of Russia. In two parts. Part II]. Moscow, 2015. 656 p. (In Russ.).
8. Naumov A. V. *Rossijskoe ugovolnoe pravo. Obshchaya chast'* [Russian criminal law. A common part]. Moscow, 2017. 784 p. (In Russ.).
9. *Pervyy s'ezd narodnyh deputatov SSSR, 25 maya – 9 iyunya 1989. Stenograficheskiy otchet v 6 tomah. Tom 2* [First Congress of People's Deputies of the USSR, May 25 – June 9, 1989. Verbatim report in 6 vol. Vol. 2]. Moscow, 1989. 479 p. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTORS

АНАТОЛИЙ ВАЛЕНТИНОВИЧ НАУМОВ – профессор кафедры уголовного права и криминологии Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), г. Москва, Российская Федерация, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, лауреат Национальной премии по литературе в области права. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4719-8929>, e-mail: yasenaum34@mail.ru

ANATOLY V. NAUMOV – Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia), Moscow, Russian Federation, Dsc. in Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Laureate of the National Prize for Literature of Law. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4719-8929>, e-mail: yasenaum34@mail.ru

Исследование самолегитимности тюремных работников в исправительных учреждениях Словении¹

Г. МЕШКО

Мариборский университет, г. Марибор, Словения

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7466-0042>, e-mail: gorazd.mesko@fvv.uni-mb.si

Р. ХАЦИН

Мариборский университет, г. Марибор, Словения

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2265-5422>, e-mail: gorazd.mesko@fvv.uni-mb.si

С. Н. ШИШИГИНА

Вологодский институт права и экономики ФСИН России, г. Вологда, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3158-9738>, e-mail: sshishigina@inbox.ru

Реферат. Статья освещает результаты научно-исследовательского проекта «Легитимность полицейской деятельности, уголовное правосудие и исполнение уголовных санкций», проведенного в 2013–2016 гг. при финансовой поддержке Словенского исследовательского агентства.

В последние годы исследователи самолегитимности в тюремной среде обратились к вопросу восприятия тюремными работниками самолегитимности и признали необходимость его углубленного изучения. Целью исследования стало изучение самолегитимности тюремных работников в контексте словенской тюремной среды. В первой части статьи вводится понятие самолегитимности тюремного персонала, рассматриваются теоретические аспекты двойственной природы легитимности, а также особенности самолегитимности в тюремной среде. При этом тюремный персонал включает в себя как тюремных служащих, так и специализированный персонал. Во второй части статьи представлены результаты качественного исследования самолегитимности тюремных работников, дается ее детальная характеристика. Анализ ответов тюремных служащих и специализированных работников касался вопросов легитимности, отношений с коллегами, руководителями, заключенными, а также стресса и субкультуры тюремного персонала.

Результаты исследования показали, что отношения между персоналом и заключенными играют жизненно важную роль в установлении и поддержании порядка в тюремной среде, а самолегитимность тюремного персонала является основой их успешного взаимодействия с заключенными.

Ключевые слова: легитимность; самолегитимность; тюремный работник; исправительные учреждения; заключенные.

12.00.08 – Уголовное право, криминология, уголовно-исполнительное право.

Для цитирования: Мешко Г., Хацин Р., Шишигина С. Н. Исследование самолегитимности тюремных работников в исправительных учреждениях Словении. *Пенитенциарная наука*. 2020; 14(3):315–324. DOI 10.46741/2686-9764-2020-14-3-315-324.

¹ Эта статья основана на результатах научно-исследовательского проекта «Легитимность полицейской деятельности, уголовное правосудие и исполнение уголовных санкций», финансируемого Словенским исследовательским агентством (2013–2016 гг., грант № J5-5548).

A qualitative study of the self-legitimacy of prison workers in Slovenian prisons¹

G. MESHKO

University of Maribor, Maribor, Slovenia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7466-0042>, e-mail: gorazd.mesko@fvv.uni-mb.si

R. HAZIN

University of Maribor, Maribor, Slovenia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2265-5422>, e-mail: gorazd.mesko@fvv.uni-mb.si

S. N. SHISHIGINA

Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Vologda, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3158-9738>, e-mail: sshishigina@inbox.ru

Abstract. The article is based on the results of the research project “Legitimacy of policing, criminal justice and execution of penal sanctions”, carried out in 2013–2016 with financial support from the Slovenian Research Agency.

In recent years researchers on self-legitimacy in the prison environment have addressed the issue of prison officials' perception of self-legitimacy and recognized the need for an in-depth study. The aim of the study was to study the self-legitimacy of prison officials in the context of the Slovenian prison environment. The first part of the article introduces the concept of self-legitimacy of prison staff, examines the theoretical aspects of the dual nature of legitimacy, as well as the features of self-legitimacy in the prison environment. However prison staff includes both prison officials and specialized staff. The second part of the article presents the results of a qualitative study of the self-legitimacy of prison workers and gives its detailed characteristics. Analysis of responses from prison officials and specialist staff focused on issues of legitimacy, relationships with colleagues, leaders, prisoners, and the stress and subculture of prison staff.

The results of the study showed that the relationship between staff and prisoners plays a vital role in establishing and maintaining order in the prison environment and the self-legitimacy of prison staff is the basis of their successful interaction with prisoners.

Key words: legitimacy; self-legitimacy; prison worker; correctional institutions; prisoners.

12.00.08 – Criminal law, criminology, penal law.

For citation: Meshko G., Hazin R., Shishigina S. N. A qualitative study of the self-legitimacy of prison workers in Slovenian prisons. *Penitenciarnaya nauka = Penitentiary Science*. 2020; 14(3):315–324. (In Russ.). DOI 10.46741/2686-9764-2020-14-3-315-324.

Тюрьма представляет собой общество в обществе, состоящее из объектов, которые устанавливают различные формы общественных отношений в зависимости от признания или непризнания закона. Построение легитимности в тюрьме как особой форме социальной группы является сложным процессом, так как тюрьма представляет собой замкнутую систему [47]. Очевидно, что представители власти ищут признания их легитимности от субъектов, на которые направлена эта власть. Тюремный

персонал¹ [25] обладает властью и создает связь между заключенными и организацией, которая является важным элементом легитимности [50]. Создание и поддержание легитимности тюремного персонала по отношению к заключенным возможно только тогда, когда тюремные работники верят в обладание собственным правом «управления» – самолегитимность.

Самолегитимность – это процесс построения, подтверждения и сохранения определенной самооценки представителя власти.

¹ This paper is based on a research project ‘Legitimacy of policing, criminal justice and execution of penal sanctions’ financed by the Slovenian Research Agency (2013–2016, Grant No. J5-5548).

Представители власти вступают с аудиторией в диалог о легитимности с образом себя как уверенного в себе человека, и просто как представителя власти. Такой диалог в тюрьме основан на отношениях между тюремным персоналом и заключенными, которые устанавливаются в процессе повседневного взаимодействия. Традиционные модели самолегитимности предполагают, что она зависит от процедурной справедливости, отношений с коллегами, заключенными и законопослушности аудитории [8]. Из-за ограниченного числа исследований самолегитимности в тюремной среде незападных демократических обществ [2] неясно, применимы ли установленные модели ко всем тюремным системам.

Организационный стиль западных тюрем изменился с авторитарного на бюрократический [18]. Тем не менее в большинстве европейских стран усиливается уголовный популизм и растет запрос на ужесточение тюремных режимов. Словенской пенитенциарной системе с ее маленькими учреждениями, фокусом внимания на реабилитацию заключенных, открытостью режимов и малым тюремным населением удалось избежать этой тенденции. Она развилась из наследия югославской пенитенциарной системы, характеризующейся низким коэффициентом тюремного заключения, высоким профессионализмом работников, снисходительностью уголовных законов, ориентированностью на реабилитацию заключенных, удовлетворительными условиями содержания в тюрьме. Несмотря на сохранение некоторых форм обращения с заключенными из социалистической эпохи, словенские тюрьмы уделяют приоритетное внимание обеспечению безопасности, что можно видеть в растущем числе тюремных служащих, главная задача которых заключается в обеспечении охраны и безопасности, и в стагнации числа специализированных

¹ В данной статье термины «тюремный персонал» и «тюремный работник» используются как синонимы и относятся к тюремным служащим и специализированным сотрудникам. Специализированные сотрудники тюрьмы ответственны за реабилитацию заключенных, это специалисты из сферы социальной работы, педагогики, андрагогики, психологии и т. д. Тюремные служащие, которые представляют большинство работников тюрем, проходят подготовку в области безопасности и безопасного обращения с заключенными [25]. Термины «тюремный персонал» или «тюремный работник» относятся к обеим группам, за исключением случаев, когда отдельно указана какая-либо группа.

работников, которые несут ответственность за обращение с заключенными [1].

Легитимность, то есть принятие законной власти, основана на восприятии индивидом того, что другой человек обладает правом управлять [20]. А. Боттомс и Дж. Танкебе обращают внимание на двойственный характер легитимности, когда субъекты и представители власти находятся во взаимозависимых отношениях и аудитория, которая подчиняется представителям власти, должна предоставить им законную власть управлять [8]. Аудитория выполняет приказы и идентифицирует себя с представителем власти [4]. Легитимность власти проистекает не только из согласия всех сторон, но также из коллективных, моральных и нормативных ожиданий, которые все стороны явно или неявно признают [6]. Индивид верит в то, что власть является нравственной и справедливой, и, следовательно, он обладает моральным правом на власть. Так, представители власти стремятся установить свою легитимность.

Нормативная концепция легитимности представляет собой набор критериев, основанных на ценностях, через которые власти должны осуществлять свою власть [28]. Нормативные мотивы включают интернализацию отношений, согласуются с общечеловеческой системой ценностей и убеждений [33]. Тюремные работники как члены общества и представители пенитенциарной системы как законной организации в обществе стремятся передать свои ценности заключенным. Взамен заключенные, которые усваивают эти ценности и принимают их как свои собственные, считаются реабилитированными и больше не представляющими угрозы для общества (они больше не будут нарушать закон).

Для того чтобы осуществлять свою власть надлежащим образом, представители власти должны верить в свою легитимность. Самооценка представителей власти есть сочетание черт, ценностей, мыслей и чувств и в значительной степени формируется из восприятия того, что думают о них другие, и это соответствующим образом влияет на их действия [45].

Дж. Хепберн выделил пять видов власти: 1) принуждение, 2) вознаграждение, 3) эксперт, 4) референт и 5) легитимность [27]. В принудительных организациях поддержание порядка имеет решающее значение, и традиционное использование принудительной власти в тюрьмах было в значительной

степени заменено легитимной властью. Одной из составляющих стиля работы тюремного персонала (например, типология стилей работы [44] и типология подходов работников тюрьмы С. Тейта [52]) является способность разрешить этическую или моральную дилемму, касающуюся применения принуждения [23]. Достижение порядка в тюрьме, основанное на легитимности, не единственный путь, но он представляет собой альтернативу классическому поддержанию порядка, основанному на принуждении [49].

Самолегитимность в тюремном контексте

Тюрьма – это место, где отношения с властью наиболее ярко выражены из-за четкого различия между представителями власти и субъектами [17]. Законная власть тюремных работников не возникает исключительно из их положения, которое дает им полномочия командовать [27], но она также зависит от принятия заключенными того факта, что тюремные работники имеют право занимать эту должность [14].

Легитимность тюремного персонала и тюрьмы по отношению к заключенным может быть установлена тогда, когда работники верят в собственное право управления. Такая концепция самолегитимности основана: 1) на убеждении тюремных работников, что их положение в тюрьме оправданно (влияние моральных норм общества); 2) уверенности в собственной способности осуществлять власть, возложенную на них [38]. Самолегитимность является предпосылкой признания легитимности аудиторией, иначе возникнет срыв диалогического процесса между тюремным персоналом и заключенными, который влияет на качество их жизни, благосостояние и порядок в тюрьме [37].

Социальные отношения представляют собой основу самооценки человека [3]. В принудительной среде наличие доверия между коллегами необходимо, так как люди должны чувствовать себя в безопасности, быть уверенными в том, что коллеги придут им на помощь. Кроме того, принадлежность человека к группе приводит к развитию конкретных отношений, эмоций и определенному поведению внутри группы, а также к формированию субкультуры [5]. Поскольку большинство тюремных работников чувствуют себя непонятыми, их коллеги представляют собой группу людей, которые понимают их работу, фрустрации и стресс, оказывают необходимую поддержку, влияя на самолегитимность [51].

Эффективность работы тюремного персонала зависит от его отношений с руководителями. Пенитенциарные служащие хотели бы, чтобы руководители относились к ним справедливо или ценили их работу и помогали в решении проблем [15]. В таком случае ощущение самолегитимности усиливается. Работа как таковая и участие в принятии решений влияют на удовлетворенность службой, эффективность работы с заключенными [57]. Кроме того, поддержка тюремного персонала руководителями уменьшает дистанцию между ними, оказывает положительное влияние на их отношения с заключенными [42]. Данные отношения важны для обеспечения справедливости на микроуровне [54]. Тюремные работники часто устанавливают отношения с заключенными, которые выходят за рамки обычных рабочих отношений, включают в себя простые ежедневные взаимодействия [43]. Отношения между заключенными и тюремным персоналом основаны на индивидуализме, терпимости и доверии [22]. Их можно понимать как союз, ассоциацию, связь или зависимость [48]. Позитивные взаимодействия являются результатом доверия, уверенности и принятия [7]. Отношение тюремного персонала к заключенным рассматривается как фактор, способствующий самолегитимности тюремного персонала, и как продукт позитивного восприятия самолегитимности тюремного персонала; отношения между тюремным персоналом и заключенными, основанные на справедливости, уважении и открытом диалоге, рассматриваются как инструменты легитимности.

В пенитенциарной среде заключенные представляют собой аудиторию, которая влияет на легитимность представителей власти (тюремных работников). Установленные отношения должны быть основаны на высоком уровне доверия, так как персонал проводит большую часть своего рабочего дня с заключенными [16]. В противном случае снижается легитимность тюремного персонала [54].

Работа в тюрьме не только уникальна, сложна, напряженна, но и не престижна [13]. Ролевые конфликты, условия тюрьмы и опасности тюремной работы усиливают профессиональное выгорание [11]. Статус наблюдателя-контролера, степень контакта с заключенными и вклад в процесс принятия решений влияют на уровень стресса тюремного персонала [34]. Выгорание также оказывает влияние на индивидуальную самолегитимность человека [21].

Требования службы создают особую субкультуру. Идентификация с этими нормами вызывает идентификацию с группой и влияет на самолегитимность тюремного персонала. Они вступают в особую социальную группу циничных людей, которые испытывают подобные проблемы и обращаются друг к другу за поддержкой [38]. Идентификация с такими группами вызывает у индивида чувство принадлежности к этой группе и правомочность статуса представителя власти. Следовательно, тюремные работники должны избегать ситуаций, когда они могут подорвать авторитет своих коллег или создать пробелы в безопасности, которые могут быть использованы заключенными [55].

Тюремная среда – это мужской коллектив, где навыки и характеристики доминирующей группы (применение силы, в том числе физической) ценятся и уважаются, поскольку они очевидны по своей природе [12]. Как бы то ни было, неформальный контроль над заключенными опосредует применение силы в отношении заключенных [10]. Применение силы в тюрьме неизбежно, но ограничено. Позитивное восприятие самолегитимности работниками тюрьмы может обусловить методы принудительной власти в тюрьме или оправдать применение силы к заключенным. Мнение тюремных работников, считающих, что они представляют более высокий уровень нормативной действительности, чем государство, оправдывает их физическое насилие над заключенными в процессе наказания в качестве возмездия [9].

В последние годы исследователи самолегитимности в тюремной среде обратились к изучению факторов, которые способствуют восприятию тюремными работниками самолегитимности и признали необходимость углубленного изучения данного вопроса [26].

Исследование, которое описывается в статье, проводилось с согласия генерального директора пенитенциарной службы Словении, директоров отдельных тюрем, руководителей отделов и тюремных работников. Сбор данных осуществлялся с октября 2015 г. по март 2016 г. Структурированные интервью проводились во всех шести словенских тюрьмах (Целе, Доб, Иг, Копер, Любляна и Марибор), их отделениях (Иг, Мурска Собота, Новая Горица, Ново место, Пушчава, Рогоза и Словенска-Вас) и исправительном доме (Радече). Участие в интервью было добровольным. Каждое интервью занимало приблизительно 30 минут, ответы респондентов записывались вручную. Интервью были переведены со словенского на

английский язык, а затем проанализированы с использованием четырехэтапного анализа, описанного Месец: 1) редактирование материалов (перевод интервью в цифровой формат, редактирование и классификация их в регистре), 2) определение кодировки единицы (определение ключевых фраз и предложений путем анализа обобщенных текстов интервью), 3) открытое кодирование (определение концепций и категоризация данных из эмпирических описаний) и 4) выбор соответствующих концепций и категорий для дальнейших исследований [41].

Чтобы максимально снизить вероятность того, что респонденты будут давать социально желательные ответы во время интервью, им давались гарантии того, что их ответы останутся конфиденциальными.

Выборка составила 139 тюремных работников (78 тюремных служащих и 61 человек из специализированного персонала), или 18,2 % всех тюремных служащих в 2015 г.

Более двух третей респондентов были мужчины. Примерно 45 % работников тюрьмы были старше 45 лет, менее 6 % – в возрасте от 25 до 29 лет. Более четверти имеют среднее образование и около 60 % – высшее. Более 40 % имеют стаж работы в пенитенциарной системе 16 лет и более, почти 30 % – от 6 до 10 лет, примерно 18 % – 5 лет или меньше.

Анализ включал транскрипцию ответов тюремных служащих и специализированных работников по следующим вопросам: 1) легитимность, 2) отношения с коллегами, 3) справедливость руководящих и контролирующих органов, 4) отношения с заключенными и легитимность аудитории, 5) стресс и 6) субкультура тюремного персонала и применение силы.

Обратимся к результатам исследования.

1. Самолегитимность.

Тюремные работники связывают самолегитимность с характером своей работы, авторитетом и профессионализмом (эффективностью в своей работе). Характер работы повлиял на обе группы (тюремные служащие и специализированные работники) по-разному. Так, тюремные служащие уверены, что они обладают властью и обеспечивают безопасность, специализированный персонал тюрьмы фактически признал, что они добились лишь частичного успеха в реабилитации заключенных. Официальная тюремная статистика подтверждает эти выводы, так как нападения и побеги в словенских тюрьмах редки, а рецидив вырос в 2016 г. примерно до 50 % [56].

Большинство тюремных работников (88 %) воспринимают свою роль в пенитенциарной системе как позитивную и подчеркивают положительные аспекты (например, регулярную оплату труда, помощь заключенным и т. д.). Среди негативных факторов профессии отмечают риск, ролевые конфликты, беспомощность в определенных ситуациях и т. д., отсутствие уважения к профессии в обществе [36].

Большинство респондентов (96 %) подчеркнуло, что установление власти – это непрерывный процесс, который зависит от качества отношений с заключенными. Этот вывод подтверждает теоретическое предположение, что легитимность в тюрьмах основана на взаимопонимании и постоянном диалоге между тюремными работниками и заключенными [9].

Большинство тюремных работников (81 %) считают, что они обладают достаточными знаниями для выполнения своих обязанностей, что сказывается на их уверенности в себе, а также на физической и психологической силе [53]. Одновременно они подчеркивали необходимость постоянной дополнительной подготовки.

Тюремные работники отмечают также тот факт, что в определенных служебных ситуациях они должны импровизировать, чему способствует опыт работы. Они заявили, что работа становится легче с годами, что отражает влияние опыта.

2. Отношения с коллегами.

Большинство тюремных работников (89 %) считают, что их отношения с коллегами профессиональны и приемлемы, и это представляет важный элемент для эффективного обращения с заключенными. Они отмечают, что существует напряженность в отношениях между тюремными служащими и специализированными работниками, которая вытекает из профессиональных разногласий в отношении обращения с заключенными. За исключением тюремного персонала в некоторых небольших тюрьмах у тюремных работников в целом не сложились личные отношения с коллегами.

Почти половина тюремных работников (43 %) призналась, что не доверяет своим коллегам из других служб. Наличие доверия указывает на социальный капитал в отдельной группе тюремных работников [5]. Кроме того, тюремные работники подчеркивали, что доверие между коллегами крайне важно при работе с «опасными» лицами, поскольку оно дает им необходимую уверенность в себе для выполнения своей работы.

3. Справедливость руководящих и контролирующих органов.

Хорошие отношения между тюремными работниками и руководящими органами оказывают положительное влияние на социальный климат внутри организации. Мнения о справедливости руководителей значительно различались (примерно 60 % работников тюрем считают решения своих руководящих органов справедливыми). В более крупных тюрьмах тюремные работники считают, что руководящие органы не имеют достаточного представления об их работе, безразличны к выполнению ими обязанностей. В таких случаях руководство оказывает негативное влияние на самооценку и самолегитимность персонала [15].

Большинство тюремных работников (75 %) отметили тот факт, что их руководители обычно учитывают их потребности и предложения при принятии решений. Самостоятельная работа и участие в принятии решений влияют на удовлетворенность работой тюремных работников и, следовательно, на самолегитимность [57]. Они подчеркнули, что руководители в некоторых тюрьмах имеют ограниченные полномочия и не несут ответственности за каждое решение работников.

4. Отношения с заключенными и легитимность аудитории.

Тюремные работники считают, что их отношения с заключенными правильные и гуманные. В небольших тюрьмах респонденты сообщали о налаживании более личных отношений с заключенными, подчеркивали тот факт, что заключенные ценят уважительное отношение, которое не всегда является формальным [42]. Более того, они полагали, что каждый тюремный работник формирует свои отношения с заключенными, при этом он не должен давать обещания, которые не сможет выполнить. Эти выводы подтверждают идею о том, что отношения между тюремным персоналом и заключенными основаны на индивидуализме, прощении и доверии [21]. Кроме того, каждое позитивное взаимодействие с заключенными укрепляет самолегитимность тюремного работника [54].

Большинство тюремных работников (84 %) считают, что заключенные пытаются установить хорошие отношения с ними в целях получения выгоды [6].

Респонденты считают, что заключенные имеют хорошее мнение о них, при этом могут поменять свое мнение о сотрудниках, когда получают отрицательные отзывы или

привлекаются к дисциплинарным взысканиям [29].

5. Стресс.

Большинство тюремных работников (около 80 %) считают, что они испытывают стресс в работе, который уменьшается с накоплением опыта службы. Серьезный стресс, испытываемый тюремными работниками из-за враждебного и непредсказуемого характера рабочей среды [34], создает угрозу их самолегитимности и может привести к выгоранию. Также отмечают, что нехватка персонала является основной причиной стресса.

Более половины тюремных работников отметили, что они справляются со стрессом самостоятельно (различные увлечения, спорт). Только 16 % респондентов заявили, что коллеги оказывают им необходимую помощь в преодолении стресса.

6. Субкультура тюремного персонала и применение силы.

Более половины тюремных работников (65 %) считают, что среди них существуют субкультуры. Большинство респондентов, отметивших наличие определенных ценностей и кодекса поведения, работали в закрытых отделах тюрем. Это указывает на то, что суровые условия влияют на решение тюремного работника искать поддержки у тех людей, которые имеют с ним что-то общее [32].

Тюремные работники допустили оговорки по поводу применения силы к заключенным, и большинство из них (96 %) полагают, что применение силы допустимо только в качестве крайней меры в соответствии с тюремными правилами и по принципу постепенности. Примерно 60 % анкетированных оказывались в ситуациях, когда они должны были использовать силу или ограничительные средства для контроля над заключенными. Такого рода ситуации вызывали у них сильный стресс.

Сделаем некоторые выводы по результатам исследования.

Самолегитимность тюремного персонала – основа успешного диалога между тюремными работниками и заключенными. Общие выводы показали, что тюремные работники в словенских тюрьмах уверены в выполнении своих обязанностей, обладают достаточной компетентностью при осуществлении властных полномочий. Качество и непрерывность обучения во время работы оказывают влияние на их самооценку и, следовательно, восприятие самолегитимности [25]. Их самооценка проистекает

из уверенности в собственных возможностях и опыта работы с заключенными. Тем не менее были отмечены последствия «кризиса идентичности». Несмотря на ухудшение отношений с коллегами, формирование цинизма [46], тюремные работники чувствуют, что могут положиться на своих коллег и доверяют им профессионально. Взаимоотношения между коллегами в закрытых учреждениях в большинстве случаев не перерастают в дружеские, как предполагается в специализированной литературе [40]. Однако формируется социальный капитал и доверие к профессионализму коллег, который влияет на легитимность тюремных работников. Для тюремных работников их коллеги представляют собой группу людей, которые понимают особенности службы и могут оказать необходимую поддержку.

Выводы о справедливости руководящих органов неоднозначны. На уровне отдельной тюрьмы надзорные органы оказывают положительное влияние на самолегитимность работников тюрем. Небольшой размер тюрем позволяет руководящим органам взаимодействовать со своими подчиненными ежедневно, что дает им возможность развивать более близкие отношения и отстаивать свой авторитет и легитимность своего положения. Более того, «нахождение в окопах» вместе с тюремными работниками развивает у сотрудников чувство, что руководители заботятся об их благополучии и пытаются помочь им. С другой стороны, руководство администрации пенитенциарных учреждений оказывает негативное влияние на самолегитимность работников тюрем, поскольку они считают их решения ненужными, непрофессиональными, а иногда и просто ошибочными. Тюремные работники отметили, что незаинтересованность высшего руководства в решении их проблем и вызывает разочарование и чувство неполноценности, что приводит к ухудшению их самолегитимности. Такое разделение на «мы» и «они» было выявлено почти во всех тюрьмах и предполагает внутреннее разделение в организации [42].

Результаты показывают, что отношения между заключенными и тюремным персоналом находятся на очень высоком уровне. Гуманное обращение с заключенными отражается на взаимоотношениях в тюрьме. Основным продуктом работы тюремных работников является не безопасность, охрана или контроль, а личные взаимоотношения между собой и теми, кого они контролируют [23]. Более того, большинство служащих по-

лагали, что заключенные воспринимают их позитивно или, по крайней мере, нейтрально, но знали, что это восприятие значительно варьируется. Наши выводы аналогичны данным Дж. Гордона и А. Стичмана, которые утверждали, что тюремные работники, ориентированные на реабилитацию заключенных, считают, что их положение является законным и авторитетным для заключенных [24].

Тем не менее тюремные работники лишь частично добиваются успеха в реабилитации заключенных [58]. Стресс, который испытывают работники, способствует конфликтам, недобросовестной работе и неэффективной конфронтации тюремных работников с заключенными [19]. Полученные данные свидетельствуют, что стресс может быть причиной и следствием низкой самолегитимности. Последствия могут проявляться в неспособности установить власть над заключенными или справиться с проблемами тюремной работы.

Общее недовольство тюремных работников, вызванное большим объемом работы, неудовлетворенностью оплатой, которая не обеспечивает безопасность и достойную жизнь, является одним из основных факторов, влияющих на субкультуру среди тюремного персонала, субкультуру, которая характеризуется сплоченностью, схожими убеждениями и «духом товарищества» [37]. Такие убеждения были обнаружены примерно у двух третей респондентов. Однако следует отметить, что суровые условия оказывают преобладающее влияние на решение индивида усвоить нормы субкультуры. Другими словами, субкультура менее распространена в более либеральных тюремных режимах, где

отношения более спокойные, а «опасности» тюремной работы встречаются реже.

Применение силы по отношению к заключенным представляет собой самое большое препятствие в построении легитимности в тюрьме. Тюремным работникам, которые уверены в себе и видят себя представителями власти в тюрьме, не нужно применять силу, поскольку в глазах подчиняющихся им заключенных они представляют законную власть. Результаты показывают, что отношения (особенно отношения между тюремным персоналом и заключенными) играют жизненно важную роль в установлении и поддержании легитимности в тюремной среде.

Отношения между тюремным персоналом и заключенными представляют собой «бьющееся сердце тюрьмы» [37]. Тюремные работники пытаются внушить заключенным, что приговор, который они получили, справедлив и призван помочь им не совершать больше преступлений. Легитимность власти является причиной воздержания от преступного поведения при помощи органов правосудия [9]. Заключенные, которые признают легитимность тюремного персонала, принимают его право диктовать соответствующее поведение (заменяя собственное суждение). Отсутствие убеждений отдельных лиц в отношении легитимности закона (работники тюрьмы являются представителями закона) ведет к правонарушениям [30]. Кроме того, судебные решения, связанные с процессуальным правосудием, обуславливают повторность преступлений заключенных в будущем, что указывает на то, что не только законность, но и справедливость решения влияет на будущее поведение заключенного [31].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Aebi M. F., Hacin R., Tiago M. M., Burkhardt Ch. Ch. A comparative perspective of imprisonment trends in Slovenia and Europe from 2005 to 2014. *Revija za kriminalistiko in kriminologijo – Journal of Criminalistics and Criminology*, 2016, vol. 67, no. 4, pp. 430–442. (In English).
2. Akoensi T. D. Perceptions of self-legitimacy and audience legitimacy among prison officers in Ghana. *International Journal of Comparative and Applied Criminal Justice*, 2016, vol. 40, no. 3, pp. 245–261. (In English).
3. Barbalet J. *Emotions, Social Theory and Social Structure*. Cambridge, 2001. (In English).
4. Barker R. *Legitimizing Identities. The Self-Presentation of Rulers and Subjects*. Cambridge, 2001. (In English).
5. Bell C. M., Hughes-Jones J. Power, self-regulation and the moralization of behavior. *Journal of Business Ethics*, 2008, vol. 83, no. 3, pp. 503–514. (In English).
6. Beetham D. *The Legitimation of Power*. London, 1991. (In English).
7. Blasko B. L., Taxman F. Are supervision practices procedurally fair? Development and predictive utility of a procedural justice measure for use in community corrections settings. *Criminal Justice and Behavior*, 2018, vol. 45, no. 3, pp. 402–420. (In English).
8. Bottoms A., Tankebe J., 'A voice within'. Powerholders' perspectives on authority and legitimacy. *Legitimacy and Criminal Justice*. Oxford, 2013, pp. 60–82. (In English).
9. Bottoms A., Tankebe J. Beyond procedural justice. A dialogic approach to legitimacy in criminal justice. *Journal of Criminal Law and Criminology*, 2012, vol. 102, no. 1, pp. 119–170. (In English).
10. Bowker L. H. An essay on prison violence. *The Prison Journal*, 1983, vol. 63, no. 1, pp. 24–31. (In English).
11. Brie D. M. The impact of prison conditions on staff well-being. *International Journal of Offender Therapy and Comparative Criminology*, 2012, vol. 56, no. 4, pp. 81–95. (In English).
12. Britton D. M. Perceptions of the work environment among correctional officers. Do race and sex matter? *Criminology*, 1997, vol. 35, no. 1, pp. 85–105. (In English).

13. Brought P., Williams J. Managing occupational stress in a high-risk industry. Measuring the job demands of correctional officers. *Criminal Justice and Behavior*, 2007, vol. 34, no. 4., pp. 555–567. (In English).
14. Carson P. P., Carson K. D., Roe C. W. Social power bases. A meta-analytic examination of interrelationships and outcomes. *Journal of Applied Social Psychology*, 1993, vol. 23, no. 14, pp. 1150–1169. (In English).
15. Clay-Warner J. Organizational justice and job satisfaction. A test of three competing models. *Social Justice Research*, 2005, vol. 18, no. 4, pp. 411–427. (In English).
16. Crawley E. Emotion and performance. *Punishment & Society*, 2004, vol. 6, no. 4, pp. 411–427. (In English).
17. Cressey D. Prison organizations. *Handbook of Organizations*. Chicago, 1965, pp. 1023–1070. (In English).
18. Crewe B. *The Prisoner Society. Power, Adaptation and Social Life in an English Prison*. Oxford, 2009. (In English).
19. Finn P. Correctional officer stress. A cause for concern and additional help. *Federal Probation*, 1998, vol. 62, pp. 65–75. (In English).
20. French J. R. P. Jr., Raven B. The bases of social power. *Studies in Social Power*. Ann Arbor, 1959, pp. 259–269. (In English).
21. Garner B. K. Burnout among corrections-based drug treatment staff. Impact of individual and organizational factors. *International Journal of Offender Therapy and Comparative Criminology*, 2007, vol. 51, no. 5, pp. 510–522. (In English).
22. Genders E., Player E. *Grendon. A Study of a Therapeutic Prison*. Oxford, 1995. (In English).
23. Gilbert M. J. The illusion of structure. A critique of the classical model of organization and the discretionary power of correctional officers. *Criminal Justice Review*, 1997, vol. 22, no. 1, pp. 49–64. (In English).
24. Gordon J. A., Stichman A. J. The influence of rehabilitative and punishment ideology on correctional officers' perceptions of informal bases of power. *International Journal of Offender Therapy and Comparative Criminology*, 2015, vol. 60, no. 14, pp. 1591–1608. (In English).
25. Hacin R. Prison officers' training in Slovenia. *Conference Proceedings "Criminal Justice and Security in Central and Eastern Europe. Safety, Security, and Social Control in Local Communities"*. Ljubljana, 2016, pp. 148–159. (In English).
26. Hacin R., Meško G. Differences in perception of self-legitimacy between prison officers and specialized workers in Slovenian prisons. *Revija za kriminalistiko in kriminologijo – Journal of Criminalistics and Criminology*, 2017, vol. 68, no. 4, pp. 424–436. (In English).
27. Hepburn J. The exercise of power in coercive organizations. A study of prison guards. *Criminology*, 1985, vol. 23, no. 1, pp. 146–164. (In English).
28. Hinsch W. Justice, legitimacy, and constitutional rights. *Critical Review of International Social and Political Philosophy*, 2010, vol. 13, no. 1, pp. 39–54. (In English).
29. Jennes V., Calvitam K. 'It depends on the outcome'. Prisoners, grievances, and perceptions of procedural justice. *Law & Society Review*, 2018, vol. 52, no. 1, pp. 41–72. (In English).
30. Hirschi T. *Causes of Delinquency*. Berkeley, 1969. (In English).
31. Kaiser K., Reisig M. D. Legal socialization and self-reported criminal offending. The role of procedural justice and legal orientations. *Journal of Quantitative Criminology*, 2019, vol. 35, iss. 1, pp. 135–154. (In English).
32. Kauffman K. *Prison Officers and Their World*. Cambridge, 1988. (In English).
33. Kelman H. C. Prison officers and their world. *Public Opinion Quarterly*, 1961, vol. 25, pp. 57–78. (In English).
34. Lambert E. G., Hogan N. L., Cheeseman K., Barton-Bellessa Sh. M. The relationship between job stressors and job involvement among correctional staff. A test of the Job Strain Model. *The Howard Journal of Criminal Justice*, 2013, vol. 52, no. 1, pp. 125–146. (In English).
35. Lambert E. G., Jiang Sh. Sh., Hogan N. A preliminary examination of the relationship between organizational structure and emotional burnout among correctional staff. *The Howard Journal of Crime and Justice*, 2010, vol. 49, no. 2, pp. 125–146. (In English).
36. Lasky G. L., Gordon B. C., Srebalus D. J. Occupational stressors among federal correctional officers working in different security levels. *Criminal Justice and Behavior*, 1986, vol. 13, no. 3, pp. 317–327. (In English).
37. Liebling A. Distinctions and distinctiveness in the work of prison officers. Legitimacy and authority revisited. *European Journal of Criminology*, 2011, vol. 8, no. 4, pp. 484–499. (In English).
38. Liebling A., Arnold H. *Prisons and Their Moral Performance. A Study of Values, Quality, and Prison Life*. Oxford, 2005. (In English).
39. Liebling A., Price D. *The Prison Officer*. Cambridge, 2001. (In English).
40. Liebling A., Price D. *An Exploration of Staff-Prisoners Relationships at HMP Whitemoor*. London, 1999. (In English).
41. Mesec B. *Uvod v kvalitativno raziskovanje v socialnem delu* [Introduction to qualitative research in social work]. Ljubljana, 1998. (In Slovenian).
42. Meško G., Čuvan B., Tankebe J., Sifrer J. Samozaznava legitimnosti policistov in pravosodnih policistov v Sloveniji. Perspektive postopkovne pravičnosti nadrejenih, odnosov s sodelavci in zaznane legitimnosti policije v javnosti [Self-perception of the legitimacy of police officers and judicial police officers in Slovenia. Perspectives of procedural justice of superiors, relations with colleagues and perceived legitimacy of the police in public]. *Revija za kriminalistiko in kriminologijo – Journal of Criminalistics and Criminology*, 2014, vol. 65, no. 3, pp. 221–231. (In Slovenian).
43. Moon B., Maxwell S. R. Assessing the correctional orientation of correctional officers in South Korea. *International Journal of Offender Therapy and Comparative Criminology*, 2004, vol. 48, no. 6, pp. 729–743. (In English).
44. Muir W. *Police. Streetcorner Politicians*. Chicago, 1977. (In English).
45. Pan P. J. D., Deng L. Y., Chang S. S., Jiang K. J. 'Correctional officers' perception of a solution-focused training program. Potential implications for working with offenders. *International Journal of Offender Therapy and Comparative Criminology*, 2011, vol. 55, no. 6, pp. 863–879. (In English).
46. Poole E. D., Regoli R. M. Work relations and cynicism among prison guards. *Criminal Justice and Behavior*, 1980, vol. 7, no. 3, pp. 303–314. (In English).
47. Reiter K. Making windows in walls. Strategies for prison research. *Qualitative Inquiry*, 2014, vol. 20, no. 4, pp. 417–428. (In English).
48. Shapira R., Navon D. Staff-inmate co-operation in Israeli prisons. Towards a non-functionalist theory of total institutions. *International Review of Modern Sociology*, 1985, vol. 15, no. 1/2, pp. 131–146. (In English).
49. Sparks R., Bottoms A. E., Hay W. *Prisons and the Problem of Order*. Oxford, 1996. (In English).
50. Steiner B., Wooldredge J. Inmate versus environmental effects on prison rule violations. *Criminal Justice and Behavior*, 2008, vol. 35, no. 4, pp. 438–456. (In English).
51. Stern V. *Bricks of Shame*. London, 1987. (In English).
52. Tait S. A typology of prison officer approaches to care. *European Journal of Criminology*, 2011, vol. 8, no. 6, pp. 440–454. (In English).
53. Tankebe J. Rightful authority. Exploring the structure of police self-legitimacy. *Crime, Justice and Social Order. Essays in Honour of A. E. Bottoms*. Oxford, 2014, pp. 1–30. (In English).

54. Tyler T. R. *Why People Obey the Law*. London, 1990. (In English).
55. Trammel R., Rundle M. M. The inmate as the nonperson. Examining staff conflict from the inmate's perspective. *The Prison Journal*, 2015, vol. 95, no. 4, pp. 472–492. (In English).
56. *Uprava Republike Slovenije za izvrševanje kazenskih sankcij. Letno poročilo 2016, 2017* [Administration of the Republic of Slovenia for the Execution of Criminal Sanctions. Annual Report 2016, 2017]. Available at: https://www.gov.si/assets/organi-v-sestavi/IRSSS/POROCILA/51fab39528/Letno_porocilo_IRSSS_2017.pdf (accessed 02.06.2018). (In Slovenian).
57. Wright K. N. Job control and occupational outcomes among prison workers. *Justice Quarterly*, 1997, vol. 14, no. 3, pp. 525–546. (In English).
58. Wacquant L. The prison is an outlaw institution. *The Howard Journal of Criminal Justice*, 2012, vol. 51, no. 1, pp. 1–15. (In English).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTORS

ГОРАЗД МЕШКО – профессор Мариборского университета, г. Марибор, Словения, доктор юридических наук. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7466-0042>, e-mail: gorazd.mesko@fvv.uni-mb.si

РОК ХАЦИН – доцент Мариборского университета, г. Марибор, Словения. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2265-5422>, e-mail: gorazd.mesko@fvv.uni-mb.si

СВЕТЛАНА НИКОЛАЕВНА ШИШИГИНА – научный сотрудник организационно-научного отдела Вологодского института права и экономики ФСИН России, г. Вологда, Российская Федерация. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3158-9738>, e-mail: sshishigina@inbox.ru

GORAZD MESHKO – Professor of the University of Maribor, Maribor, Slovenia, Doctor of Law. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7466-0042>, e-mail: gorazd.mesko@fvv.uni-mb.si

ROCK HAZIN – Associate Professor at the University of Maribor, Maribor, Slovenia. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2265-5422>, e-mail: gorazd.mesko@fvv.uni-mb.si

SVETLANA N. SHISHIGINA – Researcher of the Organizational and Scientific Department of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Vologda, Russian Federation. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3158-9738>, e-mail: sshishigina@inbox.ru

DOI 10.46741/2686-9764-2020-14-3-324-330

УДК 343.2/7

Цели уголовного наказания как отражение современной уголовной политики

В. В. ПОПОВ

Вологодский институт права и экономики ФСИН России, г. Вологда, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8065-9168>, e-mail: marfvvp@yandex.ru

С. М. СМОЛЕВ

Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2957-5962>, e-mail: ssmolev35@yandex.ru

Реферат. Представленная статья посвящена вопросам раскрытия содержания целей уголовного наказания, анализу возможностей их действительного достижения при практической реализации уголовного наказания, определению политико-правового значения обозначенных в законодательстве целей уголовного наказания.

Цель наказания как дефиниция уголовного законодательства была сформирована относительно недавно, несмотря на то что теории уголовного наказания и целей его применения стали формироваться задолго до нашей эры. Эти доктринальные учения, в сущности, сводятся к определению двух диаметрально противоположных целей уголовного наказания: воздаяние и предупреждение. Государство же определяет приоритет той или иной цели наказания, назначаемого за совершение преступления.

Уголовная политика России в целом ориентирована на смягчение уголовно-правового воздействия, реализуемого в отношении преступника. Одним из проявлений данного направления является официально заявляемая гуманизация действующего уголовного законодательства. Однако на протяжении нескольких лет она идет по пути изменения и дополнения Уголовного кодекса Российской Федерации: введения дополнительных возможностей освобождения от уголовной ответственности и наказания, снижения пределов наказаний, указанных в санкциях статей Особенной части УК РФ, и включения в систему уголовных наказаний видов мер, не предпо-

лагающих изоляцию от общества. В то же время цели уголовного наказания законодательно не пересматриваются, хотя потребность в таком решении уже назрела.

На основании рассмотренных высказанных в научной литературе мнений относительно сущности перечисленных в ч. 2 ст. 43 УК РФ целей наказания определено, что каждая из них подвергается обоснованной критике ввиду абстрактности описания или невозможности достижения в процессе правоприменительной (уголовной и уголовно-исполнительной) деятельности. Данное обстоятельство порождает необходимость пересмотра содержания целей уголовного наказания и определения одной приоритетной цели, отвечающей потребностям современной российской уголовной политики.

В результате обосновывается вывод, что единственной целью уголовного наказания может быть признано обеспечение соразмерности между строгостью назначаемого наказания и общественной опасностью (вредоносностью) совершенного преступления. Данный подход к определению цели уголовного наказания полностью соответствует тенденциям современной уголовной политики России, поскольку не допускает применения мер, строгость которых по объему лишений и правоограничений явно превосходит общественную опасность совершенного деяния. Кроме этого, именно соразмерность, а не предупреждение положена в основу справедливости – одного из основополагающих принципов уголовного права.

Ключевые слова: уголовное наказание; восстановление социальной справедливости; исправление осужденного; общая и частная превенция; уголовная политика; гуманизация уголовного законодательства.

12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право.

Для цитирования: Попов В. В., Смолев С. М. Цели уголовного наказания как отражение современной уголовной политики. *Пенитенциарная наука*. 2020; 14(3):324–330. DOI 10.46741/2686-9764-2020-14-3-324-330.

The goals of criminal punishment as a reflection of modern criminal policy

V. V. POPOV

Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Vologda, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8065-9168>, e-mail: marfvvp@yandex.ru

S. M. SMOLEV

Academy of the Federal Penal Service of Russia, Ryazan, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2957-5962>, e-mail: ssmolev35@yandex.ru

Abstract. The presented study is devoted to the issues of disclosing the content of the goals of criminal punishment, analyzing the possibilities of their actual achievement in the practical implementation of criminal punishment, determining the political and legal significance of the goals of criminal punishment indicated in the criminal legislation.

The purpose of punishment as a definition of criminal legislation was formed relatively recently, despite the fact that theories of criminal punishment and the purposes of its application began to form long before our era. These doctrinal teachings, in essence, boil down to defining two diametrically opposed goals of criminal punishment: retribution and prevention. The state, on the other hand, determines the priority of one or another goal of the punishment assigned for the commission of a crime.

The criminal policy of Russia as a whole is focused on mitigating the criminal law impact on the offender. One of the manifestations of this direction is the officially declared humanization of the current criminal legislation of the Russian Federation. However, over the course of several years, the announced “humanization of criminal legislation” has followed the path of amending and supplementing the Criminal Code of the Russian Federation: introducing additional opportunities for exemption from criminal liability and punishment, reducing the limits of punishments specified in the sanctions of articles of the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation, and including in the system of criminal punishments of types of measures that do not imply isolation from society. At the same time the goals of criminal punishment are not legally revised, although the need for such a decision has already matured.

Based on consideration of the opinions expressed in the scientific literature regarding the essence of those listed in Part 2 of Art. 43 of the Criminal Code of the Russian Federation, the goals of punishment are determined that each of them is subject to reasonable criticism in view of the abstract description or the impossibility of achieving in the process of law enforcement (criminal and penal) activities. This circumstance gives rise to the need to revise the content of the goals of criminal punishment and to determine one priority goal that meets the needs of modern Russian criminal policy.

According to the results of the study the conclusion is substantiated that the only purpose of criminal punishment can be considered to ensure proportionality between the severity of the punishment imposed and the social danger (harmfulness) of the crime committed. This approach to determining the purpose of criminal punishment is fully consistent with the trends of modern criminal policy in Russia, since it does not allow the use of measures, the severity of which, in terms of the amount of deprivation and legal restrictions, clearly exceeds the social danger of the committed act. In addition, it is proportionality, not prevention, that underlies justice – one of the fundamental principles of criminal law.

Key words: criminal punishment; restoration of social justice; correction of the convicted person; general and private prevention; criminal policy; humanization of criminal legislation.

12.00.08 – Criminal law and criminology; penal law.

For citation: Popov V. V., Smolev S. M. The goals of criminal punishment as a reflection of modern criminal policy *Penitenciarnaya nauka = Penitentiary Science*. 2020; 14(3):324–330. (In Russ.). DOI 10.46741/2686-9764-2020-14-3-324-330.

Определение цели любой деятельности имеет важнейшее значение, поскольку отсутствие представления о результате, к которому следует стремиться, изначально обрекает любое начинание на бесполезность. Даже если итог этой деятельности принесет кому-либо пользу, то подобный факт будет являться счастливой непрогнозируемой случайностью. Поэтому понимание цели деятельности одновременно с точным указанием критериев ее достижимости – это обязательное условие, которое должно быть выполнено еще на этапе планирования предстоящих действий [6, с. 75–85].

Государственно-правовая деятельность, связанная с назначением и исполнением уголовного наказания, не является исключением из данного правила. Более того, официальное определение цели (целей), которую государство и общество преследуют в результате реализации соответствующей меры уголовной ответственности, отражает не только результат исполнения обвинительного приговора, но и указывает на приоритетные направления уголовной политики в целом.

Многочисленные исследования содержания целей уголовного наказания свидетельствуют, что они, к сожалению, лишены практической значимости. Предусмотренные в ч. 2 ст. 43 УК РФ виды целей уголовного наказания представляют собой, скорее, предмет научной дискуссии, нежели достижимые результаты установления и реализации уголовного наказания. Ни одна из заявленных в уголовном законодательстве целей безоговорочно не принимается ни научным сообществом, ни

практикующими юристами ввиду содержательной неопределенности, невозможности установления момента достижения и (или) неспособности обеспечения реализации именно уголовно-правовыми средствами. Все это позволяет усомниться в корректности формулирования целей уголовного наказания, которые предусматриваются действующим уголовным законом.

Первой из списка законодательно заявленных целей наказания является восстановление социальной справедливости, которая созвучна с принципом справедливости, предусмотренным ст. 6 УК РФ. Но если в качестве принципа данная формулировка сомнений не вызывает, то в качестве цели уголовного наказания ее использование представляется неудачным. Многие авторы обращают внимание на отсутствие должной определенности «социальной справедливости», которая как цель наказания должна иметь не допускающее вариативного толкования содержание и предельно четкие критерии достижимости. В то же время «социальная справедливость» является крайне абстрактной категорией, которая не может восприниматься одинаково различными членами общества и тем более сторонами уголовного процесса: потерпевшим, осужденным, властным субъектом. Данное сомнение может подтверждаться уже тем, что значительное количество обвинительных приговоров обжалуется в апелляционном, кассационном и надзорном порядке (исключение составляют решения, вынесенные при рассмотрении уголовного

дела в особом порядке судебного разбирательства [11, с. 57–59]).

Отсутствие ясного понимания категории «справедливость» влечет за собой и невозможность определения критериев ее достижимости при назначении и (или) в процессе исполнения уголовного наказания. Сомнительность вызывает и возможность «восстановления» чего-либо посредством уголовного наказания. Общеизвестно, что уголовное наказание в соответствии с действующим законодательством России не предполагает какой-либо компенсации причиненного вреда или возврата к состоянию соответствующих отношений, имевших место до момента совершения преступного посяательства. Отсюда следует, что уголовное наказание априори не способно восстановить нарушенные общественные отношения, компенсировать имущественный вред и (или) иным образом обеспечить возврат участников уголовных правоотношений в первоначальное состояние. Эти обстоятельства указывают на дискуссионность решения об обозначении восстановления социальной справедливости как цели уголовного наказания.

Не менее спорно решение о признании исправления осужденного в качестве цели уголовного наказания. Исследователи, поддерживающие идею обязательного исправления, средством которого является назначенное преступнику уголовное наказание, указывают, что достижение данной цели констатируется фактами правопослушного поведения и осуществлением общественно полезной деятельности осужденного. По мнению специалистов, данные факты сводятся преимущественно к совершенствованию трудовых навыков, поддержанию социально полезных связей, возмещению причиненного ущерба, раскаянию в совершенном преступлении и др. [1, с. 177; 12, с. 42–45; 16, с. 15; 19, с. 56].

Все перечисленное в действительности представляет собой характеристику поведения осужденного в определенных условиях содержания при отбывании назначенного уголовного наказания. Данное поведение может быть вызвано стремлением лица добиться применения уголовно-правовых поощрений в виде положительного решения об условно-досрочном освобождении от отбывания наказания, переводе в условия отбывания наказания, предполагающие меньший объем правоограничений, и др. Однако гарантировать позитивное изменение нравственного облика осужденного приводимые

в научной литературе «факты исправления» в действительности не могут.

Правовое содержание исправления осужденного сводится к формированию у него уважительного отношения к человеку, обществу, труду и т. д., а также к стимулированию правопослушного поведения (ч. 1 ст. 9 УИК РФ). Ввиду содержательной аморфности признать исправление осужденного состоявшимся достаточно сложно. В общеупотребительном значении термин «исправление» предполагает достижение каких-либо улучшений и освобождение от ранее имевшихся недостатков. Это вполне можно распространить на предметы нематериального мира, но говорить в таком контексте об исправлении, предметом которого выступает человек, полагаем, неэтично. Исправление как категория педагогической науки предполагает, по мнению С. В. Познышева, изменение к лучшему сознания и мировоззрения человека, удерживающее его от совершения преступлений, уничтожающее дурные привычки и др. [14, с. 35].

Разделяем приведенное мнение и считаем, что исправление во внешней среде может проявляться как отказ лица совершать новые преступления (при этом наблюдается полное совпадение по содержанию с целью частной превенции), однако объективно данный показатель может быть охарактеризован только после смерти лица, отбывшего уголовное наказание. Результаты обзоров судебной практики полностью подтверждают данный вывод: любые внешние положительные проявления в поведении осужденного могут выступать средством защиты его интересов, но при этом никак не связываться с положительными изменениями его личности и следованием по пути исправления [15, с. 230]. Вот почему предложения о практическом установлении факта достижения исправления осужденного как цели уголовного наказания видятся нам неубедительными.

Наконец, признание предупреждения новых преступлений, несмотря на его безусловную социальную значимость, также не бесспорно. На протяжении всей истории применения уголовного законодательства человечеству не удалось обеспечить достижение данного результата, хотя средства для его достижения использовались самые разнообразные – от наиболее мягких и до ужасающе жестоких. Обеспечить частную или общую превенцию с помощью уголовного наказания, думается, невозможно, поскольку, по обоснованному заявлению Э. Дюркгейма и его последователей, пре-

ступность является неотъемлемой частью отношений, имеющих место в любом обществе, и не зависит от степени его цивилизованности. Поэтому преступность неискоренима [2, с. 83]. Им же указывалось, что наказание не может преследовать цель уничтожения преступности в обществе, так как преступление не является какой-либо социальной патологией [2, с. 88]. В этой связи заявление, что уголовное наказание должно или может обеспечить предупреждение новых преступлений, является популизмом. В действительности предупреждение преступности представляет собой долгосрочную деятельность государственных органов и общественных институтов, для обеспечения которой привлекается значительное количество социально-правовых, экономических и иных ресурсов. Поэтому заявление о возможности предупредить совершение новых преступлений путем назначения уголовного наказания безосновательно.

Итак, анализ высказанных в научной литературе предложений о возможности точного установления момента достижения той или иной цели уголовного наказания свидетельствует о том, что на практике (а в ряде случаев и в теории) установить факт действительного достижения восстановления социальной справедливости, исправления осужденного и предупреждения совершения новых преступлений не представляется возможным. Вызвано это абстрактностью законодательных формулировок, которые были использованы при регламентации целей уголовного наказания, что выступает серьезным препятствием не только для достижения заявленных в УК РФ целей наказания, но и для эффективности уголовного правоприменения в целом [3, с. 108; 9, с. 65].

По этой причине современное уголовное законодательство нуждается в основательном пересмотре и корректировке содержания официальных целей уголовного наказания. При их определении следует учесть доказанный в теории целеполагания вывод, в соответствии с которым предпочтительнее формулировать одну цель той или иной деятельности [7, с. 216–221], тогда как задачи, направленные на ее достижение, могут быть представлены неким множеством [5, с. 10]. Исходя из этого, заявленная в УК РФ цель исправления осужденного в действительности является задачей, направленной на достижение частной превенции. Восстановление социальной справедливости и предупреждение совершения новых преступлений по своему содержанию могут

рассматриваться в качестве целей уголовного наказания, однако утверждения об их реальном достижении посредством назначения и применения наказания являются утопичными [4, с. 90–93].

При формулировании цели уголовного наказания необходимо учитывать безальтернативное нормативное требование, в соответствии с которым только УК РФ является единственным источником отечественного уголовного законодательства (ч. 1 ст. 1 УК РФ). Исходя из этого, достижение цели уголовного наказания должно констатироваться в результате применения только нормы уголовного закона, то есть в момент определения меры ответственности в обвинительном приговоре суда. Установление критериев достижения цели уголовного наказания более поздними периодами повлечет за собой факт применения нормативных актов, являющихся источниками различных отраслей российской системы права. Соответственно достижение цели уголовного наказания будет определяться результатами межотраслевого правоприменения, что может вступать в противоречие с императивными положениями ч. 1 ст. 1 УК РФ.

В современной научной литературе активно обсуждается вопрос о желательности указания в качестве цели уголовного наказания обеспечения компенсации потерпевшему или иному лицу, которому причинен вред в результате совершения преступного деяния. К настоящему времени система научных взглядов обосновывает дополнительную функцию уголовного права – компенсационную [10, с. 344].

На наш взгляд, нельзя рассматривать уголовное наказание (как и уголовное законодательство в целом) в качестве средства для получения какой-либо компенсации, материальной или иной выгоды. Как уже отмечалось, сущность уголовного наказания выражается в принудительном лишении или ограничении прав и свобод осужденного (ч. 1 ст. 43 УК РФ). На этом основании следует согласиться с утверждением представителей абсолютной теории уголовного наказания и их последователей о невозможности установления каких-либо полезных для общества результатов назначения и применения уголовного наказания [8, с. 77; 17, с. 121]. Наиболее радикальную, но небезосновательную позицию в этом вопросе демонстрирует Э. А. Поздняков, утверждая, что уголовное наказание не имеет «разумного смысла», а существует с момента появления норм права, являющихся резуль-

татом человеческих ассоциаций [13, с. 487–488]. По этой причине требовать от наказания какой-либо материальной полезности неоправданно: лишения и правоограничения, применяемые к преступнику, принципиально не улучшат положения потерпевшего, но способны привести к увеличению степени социальных противоречий, если осужденный будет воспринимать назначенное ему наказание как несправедливое.

Учитывая все перечисленные обстоятельства, стоит согласиться с утверждением, что в качестве цели уголовного наказания следует обозначить определение соответствия общественной опасности совершенного деяния и степени строгости лишений и правоограничений, составляющих сущность уголовного наказания. Заявленная таким образом цель уголовного наказания способна решить ряд важных задач, в том числе и в области гуманизации уголовного законодательства как одного из направлений современной уголовной политики [18, с. 171], а при формулировании цели уголовного наказания предпочтительно руководствоваться постулатами абсолютной теории уголовного наказания.

Данный подход, как нам представляется, в большей степени соответствует современной уголовной политике России, направленной в целом на смягчение уголовно-правового воздействия. Применение уголовного наказания по принципу соразмерного воздаяния (абсолютная теория уголовного наказания) будет исключать возможность применения лишений и правоограничений, которые превосходят реально причиненный ущерб от преступной деятельности. В то же время стремление предупредить совершение новых преступлений посредством уголовного наказания такую возможность не исключает, а напротив, поощряет, что выражается в учете общественной опасности личности виновного и назначении чрезмерно строгого наказания на основании не только совершенного преступления, но и прошлой антиобщественной деятельности (относительная теория уголовного наказания). Отсюда можно заключить, что единственной целью уголовного наказания целесообразно признать обеспечение соразмерности между строгостью назначаемого наказания и общественной опасностью (вредоносностью) совершенного преступления [6, с. 84–85].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баранов, Ю. В. Стадии ресоциализации осужденных в свете новых социолого-антропологических воззрений и социальной философии / Ю. В. Баранов. – Санкт-Петербург : Юридический центр «Пресс», 2006. – 275 с. – ISBN 5-94201-394-2.
2. Дюркгейм, Э. Норма и патология / Э. Дюркгейм // Социология преступности. Современные буржуазные теории : сборник статей. – Москва : Прогресс, 1966. – С. 82–88.
3. Жалинский, А. Э. Избранные труды : в 4 томах. Том 2. Уголовное право / А. Э. Жалинский. – Москва : Высшая школа экономики, 2015. – 575 с. – ISBN 978-5-7598-1213-5/
4. Килимбаев, Р. В. Основание и пределы ответственности за неоконченное преступление : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Килимбаев Роман Валерьевич. – Рязань, 2020. – 186 с.
5. Крюков, В. В. Цели уголовного наказания: понятие, виды, механизмы достижения : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Крюков Владислав Валерьевич. – Саратов, 2018. – 251 с.
6. Лапшин, В. Ф. Истинная цель уголовного наказания и критерии ее достижимости / В. Ф. Лапшин // Журнал российского права. – 2018. – № 5. – С. 75–85.
7. Лукьянова, Л. М. Теория систем и системный анализ: закономерности и модели целеполагания и целереализации / Л. М. Лукьянова, Е. А. Киприянова // Ученые записки Института управления образованием Российской академии образования. – 2004. – № 13. – С. 216–221.
8. Лунеев, В. В. Истоки и пороки российского законодательства / В. В. Лунеев. – Москва : Юрлитинформ, 2014. – 320 с. – ISBN 978-5-4396-0635-1.
9. Миняева, Т. Ф. Исправление осужденного (преступника) как цель наказания / Т. Ф. Миняева, Д. А. Добряков // Евразийская адвокатура. – 2016. – № 2. – С. 63–66.
10. Музыка, А. А. Компенсационная функция уголовного права: концептуальные положения / А. А. Музыка // Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции. – 2016. – Т. 2, № 9. – С. 343–348.
11. Пестрячихина, М. Д. Обжалование приговора, вынесенного в особом порядке / М. Д. Пестрячихина // Юридический факт. – 2019. – № 72. – С. 57–59.
12. Поздняков, В. Критерии оценки исправления осужденного: каким им быть? / В. Поздняков // Ведомости уголовно-исполнительной системы. – 2003. – № 8. – С. 42–45.
13. Поздняков, Э. А. Философия преступления: для тех, кто не боится потерять иллюзии / Э. А. Поздняков. – Москва : Интурреклама, 2001. – 575 с. – ISBN 978-5-8738-9020-0.
14. Познышев, С. В. Основы пенитенциарной науки / С. В. Познышев. – Москва : Юрид. изд-во Наркомюста, 1923. – 352 с.
15. Севостьянов, Р. А. «Признание вины» и «раскаяние» как критерии исправления осужденного в судебной практике на стадии исполнения приговора / Р. А. Севостьянов // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2017. – № 6. – С. 226–232.
16. Синичкин, А. А. Оценка степени исправления осужденных к лишению свободы / Синичкин Андрей Аркадьевич : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. – Казань, 2003. – 22 с.
17. Сыч, К. А. Состоятельность абсолютных теорий уголовного наказания: проверка временем / К. А. Сыч, В. Ф. Лапшин // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2017. – № 2. – С. 120–123.

18. Уголовное наказание: социально-правовой анализ, систематизация и тенденции развития : монография / под редакцией доктора юридических наук В. Ф. Лапшина. – Москва : Юрлитинформ, 2018. – 408 с. – ISBN 978-5-4396-1572-8.
19. Янчук, И. А. Критерии оценки степени исправления осужденных: какими им быть / И. А. Янчук // Вестник института: преступление, наказание, исправление. – 2008. – № 4. – С. 56–58.

REFERENCES

1. Baranov YU. V. *Stadii resocializacii osuzhdennykh v svete novykh sociologo-antropologicheskikh vozzrenij i social'noj filosofii* [Stages of resocialization of convicts in the light of new sociological and anthropological views and social philosophy]. Moscow, 2006. 275 p. (In Russ.).
2. Dyurkgejm E. Norma i patologiya [Norm and pathology]. *Sociologiya prestupnosti. Sovremennye burzhuaznye teorii* [Sociology of crime. Contemporary bourgeois theories]. Moscow, 1966, pp. 82–88. (In Russ.).
3. ZHalinskij A. E. *Izbrannye trudy. Tom 2. Ugolovnoe pravo* [Selected Works. Vol. 2. Criminal law]. Moscow, 2015. 575 p. (In Russ.).
4. Kilimbaev R. V. *Osnovanie i predely otvetstvennosti za neokonchennoe prestuplenie*. Diss. kand. jurid. nauk [Basis and limits of liability for an unfinished crime. Diss. PhD. in Law]. Ryazan, 2020. 186 p. (In Russ.).
5. Kryukov V. V. *Celi ugovornogo nakazaniya: ponyatie, vidy, mekhanizmy dostizheniya*. Diss. kand. jurid. nauk [Purposes of criminal punishment: concept, types, mechanisms of achievement. Diss. PhD. in Law]. Saratov, 2018. 251 p. (In Russ.).
6. Lapshin V. F. *Istinnaya cel' ugovornogo nakazaniya i kriterii ee dostizhimosti* [The true purpose of criminal punishment and criteria for its attainability]. *Zhurnal Rossijskogo prava – Journal of Russian Law*, 2018, no. 5, pp. 75–85. (In Russ.).
7. Luk'yanova L. M., Kipriyanova E. A. *Teoriya sistem i sistemnyj analiz: zakonomernosti i modeli celepolaganiya i celerealizacii* [Systems theory and systems analysis: patterns and models of goal setting and goal realization]. *Uchenye zapiski Instituta upravleniya obrazovaniem Rossijskoj akademii obrazovaniya – Scientific notes of the Institute of Education Management of the Russian Academy of Education*, 2004, no. 13, pp. 216–221. (In Russ.).
8. Luneev V. V. *Istoki i poroki rossijskogo zakonotvorchestva* [Origins and flaws of Russian lawmaking]. Moscow, 2014. 320 p. (In Russ.).
9. Minyazeva T. F., Dobryakov D. A. *Ispravlenie osuzhdennogo (prestupnika) kak cel' nakazaniya* [Correction of a convicted person (criminal) as the purpose of punishment]. *Evrasijskaya advokatura – Eurasian advocacy*, 2016, no. 2, pp. 63–66. (In Russ.).
10. Muzyka A. A. *Kompensacionnaya funkciya ugovornogo prava: konceptual'nye polozeniya* [Compensatory function of criminal law: conceptual provisions]. *Problemy ukrepleniya zakonnosti i pravoporyadka: nauka, praktika, tendencii – Problems of strengthening legality and order: science, practice, trends*, 2016, vol. 2, no. 9, pp. 343–348. (In Russ.).
11. Pestyachihina M. D. *Obzhalovanie prigovora, vnesennogo v osobom poryadke* [Appealing against a verdict rendered in a special procedure]. *YUridicheskij fakt – Legal fact*, 2019, no. 72, pp. 57–59. (In Russ.).
12. Pozdnyakov V. *Kriterii ocenki ispravleniya osuzhdennogo: kakim im byt'?* [Criteria for assessing the correction of a convict: what should they be?]. *Vedomosti ugovorno-ispolnitel'noj sistemy – Journal of the Penal System*, 2003, no. 8, pp. 42–45. (In Russ.).
13. Pozdnyakov E. A. *Filosofiya prestupleniya: dlya tekh, kto ne boitsya poteryat' illyuzii* [Philosophy of crime: for those who are not afraid to lose their illusions]. Moscow, 2001. 575 p. (In Russ.).
14. Poznyshhev S. V. *Osnovy penitenciarnej nauki* [Fundamentals of Penal Science]. Moscow, 1923. 352 p. (In Russ.).
15. Sevost'yanov R. A. «Priznanie viny» i «raskayanie» kak kriterii ispravleniya osuzhdennogo v sudebnoj praktike na stadii ispolneniya prigovora [«Confession of guilt» and «repentance» as criteria for the correction of a convicted person in judicial practice at the stage of execution of the sentence]. *Vestnik Saratovskoj gosudarstvennoj yuridicheskoy akademii – Bulletin of the Saratov State Law Academy*, 2017, no. 6, pp. 226–232. (In Russ.).
16. Sinichkin A. A. *Ocenka stepeni ispravleniya osuzhdennykh k lisheniyu svobody*. Avtoref. diss. kand. jurid. nauk [Assessment of the degree of correction of those sentenced to imprisonment. Author's abstract diss. PhD. in Law]. Kazan, 2003. 22 p. (In Russ.).
17. Sych K. A., Lapshin V. F. *Sostoyatel'nost' absolyutnykh teorij ugovornogo nakazaniya: proverka vremenem* [The consistency of absolute theories of criminal punishment: the test of time]. *YUridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoj akademii MVD Rossii – Legal science and practice: Journal of Nizhny Novgorod academy of the Ministry of internal affairs of Russia*, 2017, no. 2, pp. 120–123. (In Russ.).
18. Lapshin V. F. (red.) *Ugolovnoe nakazanie: social'no-pravovoj analiz, sistemativizaciya i tendencii razvitiya* [Criminal punishment: social and legal analysis, systematization and development trends]. Moscow, 2018. 408 p. (In Russ.).
19. Янчук И. А. Критерии оценки степени исправления осужденных: какими им быть? [Criteria for assessing the degree of correction of convicts: what they should be]. *Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie – Bulletin of Institute : crime, punishment, correction*, 2008, no. 4, pp. 56–58. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTORS

ВИКТОР ВЛАДИМИРОВИЧ ПОПОВ – профессор кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета Вологодского института права и экономики ФСИН России, г. Вологда, Российская Федерация, кандидат юридических наук, доцент, заслуженный юрист Российской Федерации. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8065-9168>, e-mail: marfvvp@yandex.ru

СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ СМОЛЕВ – начальник кафедры огневой подготовки Академии ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2957-5962>, e-mail: ssmolev35@yandex.ru

VICTOR V. POPOV – Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Law Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Vologda, Russian Federation PhD. in Law, Associate Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8065-9168>, e-mail: marfvvp@yandex.ru

SERGEY M. SMOLEV – Head of the Department of Fire Training of the Academy of the Federal Penal Service of Russia, Ryazan, Russian Federation. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2957-5962>, e-mail: ssmolev35@yandex.ru

Должностные преступления: особенности правоприменения

М. П. ПРОНИНА

Научно-исследовательский центр Академии управления МВД России, г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7488-7543>, e-mail: mpronina2010@mail.ru

Реферат: В статье рассматриваются проблемы правоприменения в группе должностных преступлений. Должностные преступления наиболее опасны в связи с тем, что подрывают авторитет органов власти и напрямую нарушают права и законные интересы граждан и организаций. В этой связи законодатель установил уголовную ответственность для должностных лиц, злоупотребляющих своими функциональными обязанностями. В частности, автором изучаются проблемы квалификации, возникающие при правовой оценке преступлений, закрепленных в гл. 30 УК РФ, по причине высокого уровня их бланкетности и оценочности. Приводятся примеры судебно-следственной практики по вопросам конкуренции общих и специальных норм. Выявляются сложности в правовой оценке действий должностных лиц при определении признаков превышения должностных полномочий, закрепленных в ст. 286 УК РФ. Приводятся аргументы, являющиеся наглядной демонстрацией того, что решение выявленных проблем применения норм уголовного закона лежит в плоскости снижения уровня коллизионности уголовного законодательства. Вносятся практические предложения о включении дополнений в постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 09.07.2013 № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» (п. 12.1) и от 16.10.2009 № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» (п. 21.1). Разрешение заявленных проблем в области применения норм уголовного закона заключается в выработке единообразной практики применения норм Уголовного кодекса Российской Федерации, уменьшении уровня пробельности уголовного законодательства, разработке методических и научных рекомендаций при участии сотрудников правоприменительных органов и ученых, составлении проектов законов и пленумов Верховного Суда Российской Федерации, направленных на искоренение недостатков и пробелов.

Ключевые слова: уголовное право; правоприменение; квалификация преступлений; должностные преступления; государство; общество; личность; должностное лицо; наказание; общественная опасность; конкуренция; бланкетность; коллизии; пробелы.

12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право.

Для цитирования: Пронина М. П. Должностные преступления: особенности правоприменения. *Пенитенциарная наука*. 2020; 14(3):331–337. DOI 10.46741/2686-9764-2020-14-3-331-337.

Malfeasances: features of law enforcement

M. P. PRONINA

Research Center of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7488-7543>, e-mail: mpronina2010@mail.ru

Abstract. The article deals with the problems of law enforcement in the group of malfeasances. Official crimes are most dangerous due to the fact that they undermine the prestige of the authorities and directly violate the rights and legitimate interests of

citizens and organizations. In this regard the legislator has established criminal liability for officials who abuse their functional duties. In particular the author studies the problems of qualification arising in the legal assessment of crimes enshrined in Ch. 30 of the Criminal Code of the Russian Federation, due to the highest level of their blanketness and evaluativeness. Examples of judicial and investigative practice on competition issues of general and special rules are given. Difficulties are revealed in the legal assessment of the actions of officials when determining the signs of abuse of office, enshrined in Art. 286 of the Criminal Code of the Russian Federation. Arguments are presented that are a clear demonstration of the fact that the solution to the identified problems of applying the norms of the criminal law lies in the plane of reducing the level of conflict of laws of criminal legislation. Practical proposals are being made to include amendments to the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 09.07.2013 No. 24 "On judicial practice in cases of bribery and other corruption crimes" (clause 12.1) and Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 16.10.2009 No. 19 "On judicial practice in cases of abuse of office and abuse of office" (p. 21.1). The solution of the stated problems in the field of application of the norms of the criminal law consists in the development of a uniform practice of application of the norms of the Criminal Code of the Russian Federation, reduction of the level of gaps in criminal legislation, the development of methodological and scientific recommendations with the participation of law enforcement officials and scientists, the preparation of draft laws and plenums of the Supreme Court aimed at elimination of gaps and gaps.

Key words: criminal law; law enforcement; qualification of crimes; malfeasance; state; society; personality; official; punishment; public danger; competition; blanketness; collisions; gaps.

12.00.08 – Criminal law and criminology; penal law.

For citation: Pronina M.P. Malfeasances: features of law enforcement. *Penitenciarnaya nauka = Penitentiary Science*. 2020; 14(3):331–337. (In Russ.). DOI 10.46741/2686-9764-2020-14-3-331-337.

Преобразования в России в конце XX – начале XXI вв. затронули все сферы жизнедеятельности общества и государства. Кардинальному реформированию подвергся государственный аппарат, его структура и основные направления деятельности в области социально-экономической и политико-правовой жизни общества. Результативность поставленных перед государственной властью задач возможна только тогда, когда система управления будет функционировать в точном соответствии с нормативно-правовыми регламентами, в том числе и уголовным законом.

Законодатель установил ответственность в отношении должностных лиц, допускающих злоупотребления по службе, недобросовестно относящихся к своим функциональным обязанностям. Общественная опасность должностных преступлений заключается в том, что в результате их совершения нарушается нормальная законодательно регламентированная деятельность государственного аппарата, законодательной, исполнительной и судебной власти, а также органов местного самоуправления, подрывается вера в справедливость закона, дискредитируются органы власти. Характерной особенностью является то, что должностные преступления совершаются субъектами не извне, а внутри самой системы власти [2, с. 12]. Должностные лица исполь-

зуют свои служебные полномочия вопреки интересам службы, нарушая тем самым права и законные интересы граждан или организаций либо охраняемые законом интересы общества и государства. В этих условиях важное значение занимают вопросы квалификации противоправных деяний, совершаемых должностными лицами [3, с. 63].

Термин «квалификация» (*quails*) – одно из базовых понятий уголовного права – определяется как процесс отнесения какого-либо явления по четко определенным признакам к какому-либо виду либо категории [5, с. 223]. Применительно к уголовному праву это определение статьи уголовного закона, предусматривающего наказание за данное преступление.

В процессе квалификации преступлений правоприменитель дает юридическую оценку содеянному. В этой связи только квалификация является официальным признанием деяния общественно опасным, поэтому рассматриваемый процесс имеет важнейшие правовые последствия. Правильность квалификации имеет существенное значение для обвиняемого, подозреваемого либо уже осужденного, так как от нее зависит размер и вид наказания, применяемый к субъекту. В частности, например, ошибка в установлении отягчающего признака обязательно повлечет необоснованное применение к нему уголовного наказания. Допущенные ошибки

породят и другие нарушения, повлияют на выбор исправительного учреждения, режима отбытия наказания, исчисление сроков условно-досрочного освобождения, применение амнистии, определение сроков давности, сроков снятия судимости и т. д.

Юридически вредными являются и ошибки квалификации, снижающие реальный объем общественной опасности содеянного. В данном случае под сомнение ставятся цели наказания, отраженные в ст. 43 УК РФ, так как они объективно не могут быть достигнуты. Как видно, ошибочная квалификация влечет за собой не только существенные правовые последствия, но и глубокие политические, социальные, а в некоторых случаях даже негативные экономические изменения: снижается авторитет государственной власти в области противодействия преступности, подрывается вера в справедливость наказания. Все это снижает уровень общей и частной превенции. Только правильность квалификации составляет основу деятельности всех правоприменительных органов в области реализации уголовного законодательства [4, с. 110–111].

Особые проблемы квалификации возникают при правовой оценке преступлений, закрепленных в гл. 30 УК РФ, по причине высокого уровня их бланкетности и оценочности. Именно на этом вопросе хотелось бы остановиться более подробно.

Так, приговором Канавинского районного суда г. Нижнего Новгорода Т. был осужден по ч. 1 ст. 285 УК РФ и ч. 3 ст. 159 УК РФ за деяния, совершенные при следующих обстоятельствах: являясь оперуполномоченным и получив от обратившегося к нему гражданина А. информацию о совершенном в отношении него преступлении, связанном с тайным хищением сотового телефона, Т. скрыл ее от регистрационного учета, однако, используя полученные данные в корыстных целях, действуя вопреки интересам службы, сообщил гражданину О., на которого указал А., и стал требовать от него деньги, угрожая при этом в случае отказа возбуждением уголовного дела (Архив Канавин. район. суда г. Н. Новгорода. Уголов. дело № 1178/2010).

Представленная квалификация вызывает сомнения по следующим обстоятельствам:

– во-первых, Т. был признан должностным лицом, наделенным распорядительными полномочиями, в частности приемом и регистрацией заявлений о преступлениях и иных правонарушениях;

– во-вторых, установление факта совершения незаконных действий дает основание говорить не о злоупотреблении, а о превы-

шении должностных полномочий, то есть о ст. 286 УК РФ;

– в-третьих, должностное лицо, предъявившее требование о передаче имущества, имело реальную возможность предпринять меры по возбуждению уголовного дела, что исключает обман в его действиях, то есть признаки мошенничества в его действиях отсутствуют.

В этой связи имеется конкуренция двух общих норм – это получение взятки и превышение должностных полномочий, однако в данном случае следует руководствоваться правилом конкуренции общей и специальной нормы, что регламентировано ч. 3 ст. 17 УК РФ.

В этой связи действия Т. должны быть квалифицированы по ч. 3 ст. 290 УК РФ как получение взятки за совершение заведомо незаконных действий, так как сокрытие преступления выступает в качестве одной из форм таких действий, повлекших существенное нарушение интересов общества или государства. Обоснование данного подхода лежит в том числе и в плоскости санкций, закрепленных в анализируемых статьях. Так, ч. 1 ст. 286 УК РФ предусматривает максимальное наказание в виде лишения свободы до четырех лет, ч. 3 ст. 290 УК РФ – семь лет лишения свободы, а также штраф в размере сорокакратного размера взятки.

По-иному были квалифицированы схожие действия в г. Ростове-на-Дону. Оперуполномоченный уголовного розыска ОВД Первомайского района г. Ростова-на-Дону О., укрыв от регистрации факт хищения гражданином Т. чужого имущества, пытался получить взятку от подозреваемого. Под воздействием угроз оперуполномоченный заставил Т. подписать чистые бланки «Постановления о возбуждении уголовного дела и формулировании обвинения», «Протокола об обстоятельствах совершенного преступления», «Протокола разъяснения прав» и «Протокола ознакомления с материалами дела», которые в дальнейшем заполнил собственноручно от имени Т. После совершения данных действий О. потребовал от Т. взятку за прекращение в отношении него уголовного преследования. Тем самым О. умышленно поставил Т. в такие условия, при которых тот был вынужден дать взятку с целью предотвращения вредных последствий для своих правоохраняемых интересов. Действия оперуполномоченного О. были квалифицированы по ст. 30 и ч. 1 ст. 299 УК РФ, ч. 2 ст. 303 УК РФ и ч. 3 ст. 290 УК РФ (Архив Ростов. обл. суда г. Ростова, 1998. Уголов. дело № 9896665).

Полагаем, что, как и в приведенном примере, в этом случае остро стоит вопрос конкуренции общих и специальных норм. Действия О., содержащие в себе признаки фальсификации доказательств и привлечения заведомо невиновного к уголовной ответственности, выступают в качестве подготовительной стадии к получению взятки. Виновный, совершая данные действия, осознавал отсутствие у него реальной возможности привлечения Т. к уголовной ответственности за кражу по причине отсутствия достаточных к тому оснований. Именно поэтому совершенные О. действия должны расцениваться как умышленное создание условий для получения взятки, что в соответствии с ч. 1 ст. 30 УК РФ относится к приготовительным действиям. Они могут быть оценены как незаконные, что непосредственно охватывается ч. 3 ст. 290 УК РФ как получение взятки за совершение заведомо незаконных действий, так как сокрытие преступления, создание видимости фальсификации доказательств, а также необоснованные угрозы привлечения к уголовной ответственности выступают в качестве форм таких действий, повлекших существенное нарушение интересов общества или государства. В этой связи действия виновного в случае получения незаконного вознаграждения охватываются ч. 3 ст. 290 УК РФ и дополнительной квалификации не требуют. Это также подтверждается анализом санкций этих норм, что дает нам основание рассматривать общественные отношения, обеспечивающие законный порядок осуществления правосудия в качестве факкультативного объекта получения взятки за незаконные действия. С учетом нарушения правил квалификации становится актуальным вопрос о несоответствии правоприменительной практики принципу справедливости, закрепленному в ч. 2 ст. 6 УК РФ, где определен императивный запрет на повторное привлечение к уголовной ответственности за одно и то же деяние.

Продолжая исследование проблем правоприменения в группе должностных преступлений, выделим еще одну коллизию. Так, возбужденное дело в отношении Ш., являющегося должностным лицом, по ст. 286 УК РФ при судебном рассмотрении было прекращено на основании применения положений ст. 76 УК РФ «Освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим». Данная фабула ставит вопрос о возможности применения такого подхода.

Его разрешение следует искать в объекте посягательства. Непосредственным объ-

ектом ст. 286 УК РФ выступают общественные отношения, регулирующие интересы государства, и лицо, его совершающее, подрывает авторитет власти. Интересы же личности, а именно им был причинен ущерб, выступают в качестве дополнительного объекта. В этой связи возникает вопрос: возможно ли прекращение уголовного дела по примирению с потерпевшим, если причиненный ему ущерб не отражает сущности совершаемого преступления? Конечно же, нет, так как действия виновного снижают уровень общественной опасности совершенного им преступления, но уголовно-правовые отношения в этом случае по данному основанию прекращены быть не могут. Об этом свидетельствует и тот факт, что субъект преступления относится к категории специальных, то есть он наделен распорядительными полномочиями в отношении неопределенного круга лиц. Примирение с лицом, в отношении которого виновный обладает властными полномочиями, не может объективно свидетельствовать о добровольности волеизъявления потерпевшего лица.

Именно поэтому прокуратурой г. Барнаула Алтайского края вновь было возбуждено уголовное дело в отношении гражданина Ш. по ч. 1 ст. 286 УК РФ.

Схожие примеры можно обнаружить и в рамках квалификации ст. 319 УК РФ «Оскорбление представителя власти». Так, 27 января 2017 г. судьей Промышленного районного суда г. Самары вынесено постановление о прекращении уголовного преследования в отношении гражданина С. по факту оскорбления представителя власти при выполнении им служебных обязанностей. В основу принятия такого решения было положено письменное ходатайство от потерпевшего М. о прекращении уголовного дела по причине отсутствия у него претензий к виновному и примирения с ним (Архив Пром. район. суда г. Самары. Уголов. дело № 1-5/2017). Сторона государственного обвинения возражала против прекращения уголовного дела на основании примирения с потерпевшим, однако представленные ею доводы судом не были учтены, что, с нашей точки зрения, привело к принятию неправосудного решения.

Причина таких ошибок – это излишняя широта толкования положений ст. 76 УК РФ. Ее применение должно осуществляться на следующих основаниях: во-первых, это способы заглаживания вреда; во-вторых, перечень преступлений, по которым может быть применено данное основание освобождения от уголовной ответственности. В этом

вопросе необходимо ориентироваться на положения ст. 20 УПК РФ «Виды уголовного преследования». Так, ч. 2 данной статьи содержит перечень преступлений, по которым прекращение уголовного преследования по примирению не допустимо. Считаем, что его следует существенно расширить путем включения и деяний, посягающих на интересы государственной власти. Предоставление такого права правоприменителю не только нарушает основополагающие принципы уголовного права, но и делает ее максимально коррумпированной.

Большие сложности в правовой оценке действий должностных лиц содержатся и при определении признаков превышения должностных полномочий, закрепленных в ст. 286 УК РФ.

Так, по материалам уголовного дела № 1-3/2011, возбужденного в отношении гражданина Г. по п. «а» и «б» ч. 3 ст. 286 УК РФ (превышение должностных полномочий, то есть совершение должностным лицом действий, явно выходящих за пределы его полномочий и повлекших существенное нарушение прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства, совершенное с применением насилия или с угрозой его применения, а также оружия или специальных средств), который в должности ведущего охотоведа государственного учреждения Московской области «Управление по охране, контролю и регулированию использования объектов животного мира, отнесенных к объектам охоты» пресек противоправные действия на особо охраняемой природной территории граждан К., М., К., К., Н., А., сопряженные с незаконной охотой (Архив Моск. обл. суда. Уголов. дело № 11-3/2011).

Об ошибочности данной квалификации свидетельствуют следующие обстоятельства:

1. Квалификация деяния по норме, предусматривающей ответственность за превышение должностных полномочий, не основана на законе, так как действия Г. не выходили за рамки его служебных полномочий. Так, в соответствии с п. 3 должностной инструкции ведущего охотоведа от 1 апреля 2008 г., утвержденной руководителем государственного учреждения Московской области «Управление по охране, контролю и регулированию использования объектов животного мира, отнесенных к объектам охоты», ведущий охотовед имеет право на особо охраняемой природной территории (акватории) проверять у граждан документы, разрешающие там находиться, произ-

водить остановку и досмотр транспортных средств, применять физическую силу, специальные средства, служебное оружие, а также разрешенное в качестве указанного оружия гражданское оружие самообороны и охотничье огнестрельное оружие. Данная инструкция составлена на основании ст. 31 Федерального закона от 24.04.1995 № 52-ФЗ «О животном мире» и Постановления Правительства Российской Федерации от 02.02.1998 № 133 «О мерах по обеспечению служебным оружием и специальными средствами должностных лиц, выполняющих задачи по охране объектов животного мира».

2. Действия, совершенные Г., были выполнены в связи с пресечением им на особо охраняемой природной территории (с установленными предупреждающими знаками) противоправных деяний К., М., К., К., Н., А., которые находились в указанном месте на незарегистрированных транспортных средствах, без документов, удостоверяющих личность, с оружием (что подтверждается показаниями свидетелей и протоколом осмотра места происшествия). Данные обстоятельства указывают на то, что упомянутые выше лица осуществляли незаконную охоту, то есть преступление, предусмотренное ч. 2 ст. 258 УК РФ (обнаружены стреляные гильзы и добытая в результате охоты лиса), в то время как решением Правления Зарайского ООиР район пребывания указанных лиц был закрыт для охоты с 9 сентября 2000 г.

3. Пресечение противоправных действий К., М., К., К., Н., А. сопровождалось их активным неповиновением законным требованиям представителя власти (Г. при задержании указанных лиц представился им, он был одет в форменную одежду), выразившемся в том, что они проигнорировали требования Г., продолжали движение на снегоходах, что заставило его произвести предупредительный выстрел вверх. Предпринятые меры не оказали должного воздействия. Нарушители пытались скрыться, сбив Г. снегоходом, что причинило ему телесные повреждения (гематома размером 12x10 см). Указанные обстоятельства свидетельствуют о наличии в действиях К., М., К., К., Н., А. признаков состава преступления, предусмотренного ст. 318 УК РФ.

Еще одним примером необоснованного привлечения к уголовной ответственности явилось уголовное дело по привлечению к уголовной ответственности Д. по п. «а» и «б» ч. 3 ст. 286 УК РФ (Архив Моск. обл. суда. Уголов. дело № 11-3/2011).

Д., являясь ведущим охотоведом государственного учреждения Московской области

«Управление по охране, контролю и регулированию использования объектов животного мира, отнесенных к объектам охоты», пресек противоправную деятельность с применением табельного оружия лиц, занимающихся незаконной охотой на территории заказника.

Материалы уголовного дела свидетельствуют о следующем:

1. Квалификация деяния по норме, предусматривающей ответственность за превышение должностных полномочий, не основана на законе, так как действия Д. не выходили за рамки его служебных полномочий. Так, в соответствии с п. 3 должностной инструкции ведущего охотоведа от 1 апреля 2008 г., составленной на основании ст. 31. Федерального закона от 24.04.1995 № 52-ФЗ «О животном мире» и Постановления Правительства Российской Федерации от 02.02.1998 № 133 «О мерах по обеспечению служебным оружием и специальными средствами должностных лиц, выполняющих задачи по охране объектов животного мира», утвержденной руководителем государственного учреждения Московской области «Управление по охране, контролю и регулированию использования объектов животного мира, отнесенных к объектам охоты», ведущий охотовед имеет право на особо охраняемой природной территории (акватории) проверять у граждан документы, разрешающие там находиться, производить остановку и досмотр транспортных средств, применять физическую силу, специальные средства, служебное оружие, а также разрешенное в качестве указанного оружия гражданское оружие самообороны и охотничье огнестрельное оружие. При таких обстоятельствах, а также учитывая то, что К. предпринял попытку покинуть место происшествия, применение оружия указанным выше должностным лицом следует признать правомерным.

2. Действия, совершенные Д., были выполнены в связи с пресечением им противоправных деяний К., производившего незаконную охоту в запрещенное время. Данные обстоятельства указывают на то, что названное лицо осуществляло незаконную охоту, то есть преступление, предусмотренное п. «б» ч. 1 ст. 258 УК РФ (что подтверждается наличием трупа лося, находящегося на саях, прикрепленных к снегоходу). Надуманным в данном случае выглядит вывод следователя о том, что Д. «не обладал достаточными данными о возможном совершении К. уголовно наказуемого преступления или административного правонарушения в сфере законодательства об охране и использовании животного мира».

Обращает на себя внимание допущенное следователем противоречие в оценке (квалификации) деяния, совершенного Д. В постановлении о привлечении в качестве обвиняемого акцентируется внимание на том, что последний произвел пять прицельных выстрелов в К. из нарезного карабина, в результате чего потерпевшему были причинены множественные телесные повреждения, однако следователь принял решение квалифицировать деяние не как покушение на убийство, что прямо вытекает из фабулы документа, а по п. «а», «б» ч. 3 ст. 286 УК РФ. Все это свидетельствует об отсутствии в действиях Д. признаков ст. 286 УК РФ.

Подводя итог, необходимо отметить, что качество правоприменительной деятельности уголовного законодательства в российской правовой системе напрямую зависит от социально-политических факторов, обусловленных эффективным мониторингом статей Уголовного кодекса Российской Федерации, выработкой методических и научных рекомендаций при участии сотрудников правоприменительных органов и ученых, составлением проектов законов и пленумов Верховного Суда Российской Федерации, направленных на искоренение недостатков и пробелов.

Разрешение заявленных проблем в области применения норм уголовного закона заключается в выработке единообразной практики применения норм УК РФ, уменьшения уровня пробельности уголовного законодательства. Для этого необходимо внести дополнения в п. 12.1 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 09.09.2013 № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» следующего содержания:

– «В случае конкуренции ст. 286 УК РФ и ч. 3 ст. 290 УК РФ, возникающей при получении должностным лицом незаконного вознаграждения, применению подлежит ч. 3 ст. 290 УК РФ по причине наличия в закреплённом в ней составе преступления корыстного мотива и незаконных действий, в качестве одной из форм которых выступает превышение должностных полномочий».

– «В случае получения незаконного вознаграждения, сопровождающегося угрозами привлечения заведомо невиновного к уголовной ответственности и фальсификацией доказательств, действия виновного полностью охватываются ч. 3 ст. 290 УК РФ и дополнительной квалификации за приготовление к совершению преступлений, предусмотренных ст. 299 и 303 УК РФ, не требуют».

Также для решения заявленных противоречий в УК РФ необходимо дополнить п. 12.1 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16.10.2009 № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» следующим содержанием: «Совершение лицом преступления против государственной власти исключает возможность освобождения от

уголовной ответственности по основаниям, закрепленным в ст. 76 УК РФ "Освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим", по причине непосредственного причинения вреда интересам государственной власти». В этой связи примирение с представителем государственной власти, на которого и было направлено посягательство, может рассматриваться только как обстоятельство, смягчающее вину.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Алексеев, С. С.** Общая теория права. В 2 томах. Том 2 / С. С. Алексеев. – Москва : Юрид. лит., 1982. – 360 с.
2. **Изосимов, С. В.** Ответственность за преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления : учебно-практический комментарий к гл. 30 УК РФ / С. В. Изосимов, А. П. Кузнецов. – Нижний Новгород : Нижегородская правовая академия, 2002. – 98 с. – ISBN 5-8263-0030-2.
3. **Изосимов, С. В.** Служебные преступления : учебно-практический комментарий (гл. 23, 30 УК РФ) / С. В. Изосимов, А. П. Кузнецов. – Нижний Новгород : Нижегородская правовая академия, 2003. – 152 с. – ISBN 5-8263-0036-1.
4. **Пронина, М. П.** Современное состояние правоприменения в уголовном законодательстве / М. П. Пронина // Пробелы в российском законодательстве. – 2017. – № 5. – С. 110–114.
5. Словарь иностранных слов / под редакцией В. В. Пчелкиной. – 14-е изд., испр. – Москва : Русский язык, 1987. – 608 с.

REFERENCES

1. Alekseev S. S. *Obshchaya teoriya prava. Tom 2* [General theory of law. Vol. 2]. Moscow, 1982. 360 p. (In Russ.).
2. Izosimov S. V. *Otvetstvennost' za prestupleniya protiv gosudarstvennoj vlasti, interesov gosudarstvennoj sluzhby i sluzhby v organah mestnogo samoupravleniya* [Responsibility for crimes against state power, interests of public service and service in local government bodies]. Nizhny Novgorod, 2002. 98 p. (In Russ.).
3. Izosimov S. V. *Sluzhebnyye prestupleniya* [Official crimes]. Nizhny Novgorod, 2003. 152 p. (In Russ.).
4. Pronina M. P. *Sovremennoe sostoyanie pravoprimeneniya v ugovnom zakonodatel'stve* [The current state of law enforcement in criminal legislation]. *Probely v rossijskom zakonodatel'stve – Gaps in Russian legislation*, 2017, no. 5, pp. 110–114. (In Russ.).
5. Pchelkina V. V. (red.) *Slovar' inostrannyh slov* [Dictionary of foreign words]. Moscow, 1987. 608 p. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTORS

МАРИЯ ПЕТРОВНА ПРОНИНА – ведущий научный сотрудник научно-исследовательского центра Академии управления МВД России, г. Москва, Российская Федерация, кандидат юридических наук, доцент. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7488-7543>, e-mail: mpronina2010@mail.ru

MARIA P. PRONINA – Leading Researcher of the Research Center of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russian Federation, PhD. in Law, Associate Professor. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7488-7543>, e-mail: mpronina2010@mail.ru

DOI 10.46741/2686-9764-2020-14-3-337-342

УДК 343.851

Роль психологической работы в системе средств исправления осужденных

М. М. ЧЕРЕХОВИЧ

Московский государственный областной университет, г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4516-1388>, e-mail: mcherekhovich@yandex.ru

Реферат. В статье анализируются место психологической работы в системе средств исправления осужденных к лишению свободы, роль пенитенциарного психолога в изучении криминологических особенностей личности преступника. Пси-

психологической работе, обладающей собственным инструментарием определения личностных и социальных особенностей индивида, в исправительных учреждениях де-факто принадлежит ведущая роль в снижении рецидивоопасного поведения, аддикций, выяснении психологическими и патопсихологическими методами истинных, глубинных, в частности бессознательных, мотивов конкретного преступления. Однако де-юре существующей законодательной конструкцией, описывающей основные средства исправительного воздействия на осужденных, психологическая работа не учитывается в качестве такого средства. Отмечается также, что наделение осужденных правом на отказ от психологического сопровождения негативно влияет на результаты психокоррекционного воздействия на них. Особенно нежелательны такие отказы со стороны отрицательно характеризующихся, социально и педагогически запущенных, то есть наиболее нуждающихся в психокоррекции осужденных.

Делается вывод о необходимости законодательного закрепления психологической работы в качестве самостоятельного средства исправительного воздействия, об обязательности индивидуальной психологической работы с осужденными и психотерапевтической работы с осужденными в течение первого года после их освобождения.

Ключевые слова: личность осужденного; исправление; воспитательная работа; психологическая работа; мотивация.

12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право.

Для цитирования: Черехович М. М. Роль психологической работы в системе средств исправления осужденных. *Пенитенциарная наука*. 2020; 14(3):337–342. DOI 10.46741/2686-9764-2020-14-3-337-342.

The role of psychological work in the system of means for correcting convicts

M. M. CHEREKHOVICH

Moscow State Regional University, Moscow, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4516-1388>, e-mail: mcherekhovich@yandex.ru

Abstract. The article analyzes the place of psychological work in the system of means of corrective work with convicts sentenced to imprisonment, the role of the penal psychologist in the study of the criminological characteristics of the personality of the convicted offender. Psychological work, which has its own unique toolkit for determining the personal and social characteristics of an individual, in correctional institutions de facto plays a leading role in reducing recurrent behavior, addictions, clarifying, by psychological and pathopsychological methods, the true, deep, in particular unconscious, motives of a particular crime.

However de jure by the existing legislative structure, which describes the main means of corrective influence on convicts, psychological work is actually not taken into account as such a means. It is also noted that giving convicts the right to refuse psychological work negatively affects the results of psychocorrectional influence on them. Especially undesirable are such refusals on the part of those who are negatively characterized, socially and pedagogically neglected, that is, convicts who are most in need of psychocorrection.

The conclusion is made about the need to legislatively consolidate psychological work as an independent means of corrective action, the obligation of individual psychological work with convicts, psychotherapeutic work with convicts during the first year after their release.

Key words: personality of the convict; correction; educational work; psychological work; motivation.

12.00.08 – Criminal law and criminology; penal law.

For citation: Cherekhovich M. M. The role of psychological work in the system of means for correcting convicted. *Penitentiarnaya nauka = Penitentiary Science*. 2020; 14(3):337–342. (In Russ.). DOI 10.46741/2686-9764-2020-14-3-337-342.

В соответствии со ст. 1, 9 УИК РФ целью уголовно-исправительного законодательства является исправление осужденных, достигаемое посредством формирования у них уважительного отношения к человеку, обществу, труду, нормам, правилам и традициям человеческого общежития, стимулирование правопослушного поведения. К числу основных средств исправительного воздействия отнесена воспитательная работа, которая должна проводиться с учетом индивидуальных особенностей личности и характера осужденных, а также обстоятельств совершенных ими преступлений (ч. 4 ст. 109 УИК РФ). Подразумевается, что эта работа специально и непосредственно нацелена на нейтрализацию отрицательных последствий криминогенной деформации лиц, лишенных свободы, их педагогической запущенности, на осуществление реального, а не формального процесса исправления осужденных, выработку правильных ценностных ориентаций и тем самым объединяет воспитательное воздействие, осуществляемое при помощи применения основных средств исправления осужденных [8, с. 116–117].

Поскольку воспитательная работа основана на данных о личности преступника, важнейшим элементом всего исправительно-воспитательного процесса становится психологическая работа, обладающая методикой изучения общих закономерностей развития психики в онтогенезе и на разных его участках – в различные периоды жизни, а также собственным инструментарием для определения личностных и социальных особенностей индивида. Помимо названных диагностических функций психологическая работа нацелена на решение коррекционно-развивающих задач, ориентированных на исправление различных отклонений в психическом развитии осужденного, создание условий для оптимальной реализации его потенциальных возможностей, устранение причин девиантного поведения [10, с. 44–45].

В числе практико-ориентированных целей и задач психологической работы в исправительных учреждениях называют обеспечение повышения эффективности исправительного воздействия на осужденных, оказание им психологической помощи, психологическую коррекцию и развитие личности, оптимизацию отношений между сотрудниками администрации исправительного учреждения и осужденными. Помимо этого, она способствует повышению профессиональной культуры исполнения наказаний, интеллектуализации и гуманизации уголовно-исполнительной системы

[5, с. 3]. В настоящее время в механизме воспитательной работы роль психологической службы довольно весома. Основные направления ее деятельности заключаются не только в исправлении осужденных и обеспечении деятельности сотрудников пенитенциарных учреждений, но и в профилактике, предупреждении, прогнозировании преступлений, на что направлена правоохранительная деятельность [2, с. 49–51].

Большинство пенитенциарных психологов-практиков в числе своих главных повседневных задач называют организацию и проведение психологической работы по снижению рецидива, включающую работу с переживаниями осужденных, их обучение контролю за своим эмоциональным состоянием; преодоление аддикций (в первую очередь алкоголизма и наркомании); решение внутриличностных конфликтов; научение осужденных принимать на себя ответственность за свои поступки и свою жизнь; обучение автономной организации своей жизнедеятельности в условиях свободы; формирование мотивации на труд и здоровый образ жизни [3; 4; 6, с. 98; 9, с. 3–6].

Без сомнения, к задачам психологической службы должно быть отнесено также изучение психологических и патопсихологических особенностей личности осужденного, позволяющих вскрыть истинные причины конкретного преступления.

Психологическая деятельность основана прежде всего на индивидуальной форме работы с осужденными, изучении их индивидуально-психологических особенностей, личностных качеств, учете развития личности в динамике в течение всего срока отбывания наказания, в чем, на наш взгляд, в наибольшей степени выражается принцип индивидуализации воспитательной работы, закрепленный в ст. 8, 110 УИК РФ.

Результаты этой деятельности используются в различных сферах воспитательной и оперативной работы, учитываются при направлении осужденных на работы, распределении в отряд и т. п. Своевременное внимание психолога к проблемам осужденных позитивно сказывается на динамике суицида. Изоляция от общества, размещение в замкнутой среде, жесткий режим, действие которого нивелирует индивидуальность личности, приучает к подчинению, снижает уровень самостоятельности, принудительное вхождение в однополюсные социальные группы, группы отрицательной направленности и т. д. – все это существенные стресс-факторы, способствующие проявлению суицидальных наклонностей осужденных [11,

с. 63], перверзных и криминальных форм поведения. Психодиагностическая работа психологов строится с учетом этих факторов, в результате чего осужденные ставятся на профилактический учет, поскольку, как показывает анализ заключений служебных проверок, основными недостатками служебной деятельности, способствовавшими совершению суицидов, в 77 % случаев являются недостатки именно воспитательной и профилактической работы с осужденными [11, с. 65].

По результатам специального исследования было выявлено, что в группе осужденных, с которыми осуществляется комплексная воспитательная и психологическая работа, удельный вес лиц, характеризующихся положительно в период отбывания наказания, существенно выше, чем в группах, с которыми психологическая работа не проводится. К сожалению, отмечается, что такая комплексная работа проводится лишь в отношении 25 % осужденных [12, с. 551].

Психологическая работа по изучению личности преступника и психолого-воспитательная деятельность по коррекции ее криминогенных черт и свойств является важным криминологическим средством исправления преступников. Личность осужденного как носительница причин преступного поведения является главным объектом исправительного воздействия. От личности законопослушных людей она отличается не отсутствием или наличием какой-либо черты или свойства, а содержанием каждой из них, в первую очередь нравственным [1, с. 9].

Это предполагает необходимость ее глубокого и всестороннего изучения, выявления всех отрицательных черт и свойств, требующих деактивации, а также наряду с этим положительных качеств, которые могут быть использованы в качестве основы для корректирующего воздействия. Исправительное воздействие на осужденных требует комплексного анализа различных индивидуальных характеристик: психологических процессов, свойств, состояний, уровня интеллекта; оценки состояния психики (на предмет наличия психических расстройств, способных повлиять на восприятие осужденным оказываемого на него исправительного воздействия, требований режима и т. п.); психологической специфики личности, определяющей типологическую принадлежность осужденного; социально-демографических характеристик, имеющих криминологическое значение; характеристик личности, приобретенных в пенитенциарный период.

Характер, темперамент, особенности мышления, интеллекта и т. д. оказывают заметное влияние на поведение человека. Нравственные особенности определяют выбор жизненных ситуаций и поступки в них. Некоторые преступления могут совершаться только при наличии конкретных познаний либо при определенном уровне интеллектуального развития личности. Психические аномалии, характеризующиеся нарушением познавательной, интеллектуальной деятельности, эмоционально-волевой сферы, могут проявляться в характере (раздражительность, жестокость), способствовать формированию криминогенных привычек, мотивации.

Одним из важнейших элементов механизма индивидуального преступного поведения является мотивационная сфера личности. Абсурдно полагать, что можно исправить преступника, не оказывая влияния на сферу формирования его мотивов, часть из которых даже не представлена в сознании. Поэтому при воздействии на осужденного субъекту исправительной работы предстоит иметь дело с проблемой бессознательного. Изучение только сознательной мотивации оставляет за рамками рассмотрения очень многие человеческие мотивы, которые, может быть, более важны, чем те, которые представлены в сознании.

При этом изучение мотивационной сферы осужденного не может, как часто бывает на практике, основываться только на изучении материалов его уголовного дела, личного дела, поскольку мотивы преступления, как отмечал В. Н. Кудрявцев, всегда слабо и примитивно отражаются в юридических документах [7, с. 6]. Необходимо использование клинического (биографического) метода, включая личные беседы с осужденными, их родственниками, составление их психологического портрета, иные методы, доступные, хотя бы в силу квалификации и должностных обязанностей, только психологам. Без профессиональной помощи психолога нельзя вести эффективную профилактическую деятельность.

Однако в практической деятельности психологической службы исправительного учреждения осужденные, характеризующиеся отрицательно, то есть лица, наиболее нуждающиеся в психокоррекционном воздействии вследствие существенных недостатков их личности, чаще всего неохотно идут на контакт с психологом. Это снижает эффективность работы последнего по изучению личностных особенностей, прогнозированию индивидуального преступного поведения.

Осужденным право отказа от психологической помощи предоставлено ч. 6.1 ст. 12 УИК РФ, в соответствии с которой «участие осужденного в мероприятиях, связанных с оказанием психологической помощи, осуществляется только с их согласия».

При отказе осужденного от психологической помощи психолог вынужден «формализовать» свою работу, сводя ее в основном к постановке таких осужденных на профилактический учет (да и то при наличии определенного перечня оснований), ограничиваясь «внешним» наблюдением и не имея возможности изучать глубинные структуры личности осужденного для определения генезиса преступных наклонностей с целью их исправления или нейтрализации.

Кроме того, даже при наличии согласия осужденного на психологическую помощь он вправе в любое время отказаться от ее продолжения. В таком случае все достигнутые позитивные результаты неизбежно утрачиваются, наступает регресс психокоррекции, особенно если отказ сделан под влиянием отрицательно характеризующихся осужденных или их групп. Длительность же наиболее эффективных психокоррекционных программ рассчитана на 9–10 месяцев регулярных занятий в объеме 900–1000 часов [3], и в случае их прерывания вся проведенная с осужденным работа оказывается безрезультатной.

Законодательное положение психологической работы существенно снижает ее ресоциализационный, исправительный потенциал. С учетом значения данной деятельности прежде всего в изучении личности осужденного, его мотивационной сферы, бессознательных мотивов и т. п. требуется более широкое использование возможностей психологической службы в исправительном процессе. Целесообразно законодательно закрепить психологическую работу в качестве самостоятельного средства исправительного воздействия, а также установить обязанность осужденного посещать индивидуальные психотерапевтические сеансы, если психолог исправительного учреждения придет к выводу о необходимости такой работы с конкретным осужденным.

С учетом специфики замкнутого социального пространства любого исправительного учреждения, некоторых особенностей криминальной субкультуры, поощряющей агрессию одних своих членов по отношению к другим, во избежание распространения конфиденциальной информации среди других осужденных следует сохранить за

конодательное требование о добровольности психологической помощи, но только в отношении групповых занятий (сеансов). При этом недопустимо применение дисциплинарного взыскания за отказ осужденного от работы с психологом, поскольку принуждение окажет эффект, обратный ожидаемому, повлечет замыкание осужденного, его закрытость от дальнейших попыток психолого-воспитательного воздействия. Вместе с тем осужденный должен быть осведомлен, что его отказ от участия в назначенных индивидуальных сеансах будет являться препятствием для перевода в облегченные условия отбывания наказания, в исправительное учреждение с более легким режимом, для условно-досрочного освобождения. При направлении характеризующих осужденного материалов в суд для рассмотрения таких дел администрацией исправительного учреждения делается отметка о том, что осужденный отказался от психотерапевтического воздействия. Полагаем, такие осужденные не должны освобождаться условно-досрочно либо иметь возможность иным образом улучшить условия отбывания наказания. Другими словами, у каждого осужденного должен быть выбор – упорствовать и отбыть весь срок либо содействовать исправительному процессу в отношении самого себя и получить возможность досрочного освобождения.

Полезным может оказаться опыт зарубежных стран, в частности США, где суд вправе назначить подсудимому (особенно за преступления, связанные с насилием против личности) обязанность посетить определенное количество сеансов психотерапии. Отказ или неявка на сеанс влечет различные негативные последствия – от утраты права на досрочное освобождение до отмены последнего.

Также необходимо введение обязательной индивидуальной психотерапевтической работы в течение определенного времени после освобождения, но не менее одного года, поскольку наибольшее количество рецидивных преступлений (около 80 %) совершаются именно в первый год после освобождения. Такая работа может проводиться штатными психологами уголовно-исполнительных инспекций, дислоцирующимися по месту жительства осужденного. В этой связи следует отметить остро назревшую необходимость создания службы пробации, которая во многом способна принять на себя эту важную роль в психологическом сопровождении лиц, отбывших наказание.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Антонян, Ю. М.** Личность преступника и профилактика преступлений / Ю. М. Антонян, Е. А. Антонян, О. Р. Афанасьева [и др.] ; под редакцией Ю. М. Антоняна. – Москва : Проспект, 2020. – 224 с. – ISBN 978-5-392-20766-1.
2. **Бережнова, Н. Д.** Правоохранительная деятельность психологических служб уголовно-исполнительной системы / Н. Д. Бережнова // Административное и муниципальное право. – 2011. – № 4. – С. 49–51.
3. **Дебольский, М. Г.** Возможности психологической службы уголовно-исполнительной системы в реализации целей наказания / М. Г. Дебольский // Развитие личности. – 2012. – № 3. – С. 230–241.
4. **Дебольский, М. Г.** Нормативно-правовое обеспечение деятельности психологической службы уголовно-исполнительной системы на различных этапах ее развития / М. Г. Дебольский // Уголовно-исполнительное право. – 2018. – Т. 13, № 1. – С. 70–75.
5. **Дебольский, М. Г.** Психологическая служба уголовно-исполнительной системы как типовая модель ведомственной психологической службы / М. Г. Дебольский // Психология и право. – 2011. – № 1. – URL: http://psyjournals.ru/files/39328/psyandlaw_2011_1_Debolskii.pdf (дата обращения: 11.08.2019).
6. **Киселева, Р. Н.** Организация психологической работы в местах лишения свободы по сокращению рецидива преступлений, совершенных лицами, отбывшими наказание / Р. Н. Киселева // Уголовно-исполнительное право. – 2015. – № 4 (22). – С. 98–104.
7. **Кудрявцев, В. Н.** Борьба мотивов в преступном поведении / В. Н. Кудрявцев. – Москва : Норма, 2007. – 128 с. – ISBN 978-5-468-00073-1.
8. **Лукичев, О. В.** Воспитательное воздействие на осужденных в исправительных учреждениях и семье / О. В. Лукичев, А. А. Раськевич // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2008. – № 2 (38). – С. 116–124.
9. **Поздняков, В. М.** Реформа уголовно-исполнительной системы России и новые задачи пенитенциарной психологии / В. М. Поздняков // Психопедагогика в правоохранительных органах. – 2012. – № 2 (49). – С. 3–6.
10. **Солдатова, Е. Л.** Психология развития и возрастная психология. Онтогенез и дизонтогенез / Е. Л. Солдатова, Г. Н. Лаврова. – Ростов-на-Дону : Феникс, 2004. – 384 с. – ISBN 978-5-534-08007-0.
11. **Чернышкова, М. П.** Суициды среди подозреваемых, обвиняемых и осужденных : аналитический обзор / М. П. Чернышкова, Н. А. Цветкова, Л. П. Лобачева и др. // Суицидология. – 2017. – Т. 8, № 3 (28). – С. 62–70.
12. **Щербаков, Г. В.** Методика анкетного изучения мнения осужденных о воспитательной работе с ними / Г. В. Щербаков, М. М. Черехович // Человек: преступление и наказание. – 2019. – Т. 27, № 4. – С. 543–553. – DOI: 10.33463/1999-9917.2019.27(1-4).4.543-553.

REFERENCES

1. Antonyan YU. M. (red.) *Lichnost' prestupnika i profilaktika prestuplenij* [The identity of the offender and crime prevention]. Moscow, 2020. 224 p. (In Russ.).
2. Berezhnova N. D. *Pravoohranitel'naya deyatel'nost' psihologicheskikh sluzhby ugovolno-ispolnitel'noj sistemy* [Law enforcement activity of psychological services of the penal system]. *Administrativnoe i municipal'noe pravo – Administrative and municipal law*, 2011, no. 4, pp. 49–51. (In Russ.).
3. Debol'skij M. G. *Vozmozhnosti psihologicheskoy sluzhby ugovolno-ispolnitel'noj sistemy v realizacii celej nakazaniya* [Opportunities of the psychological service of the penal system in realizing the goals of punishment]. *Razvitie lichnosti – Personal development*, 2012, no. 3, pp. 230–241. (In Russ.).
4. Debol'skij M. G. *Normativno-pravovoe obespechenie deyatel'nosti psihologicheskoy sluzhby ugovolno-ispolnitel'noj sistemy na razlichnykh etapah ee razvitiya* [Regulatory support for the activities of the psychological service of the penal system at various stages of its development]. *Ugovolno-ispolnitel'noe pravo – Penal law*, 2018, vol. 13, no. 1, pp. 70–75. (In Russ.).
5. Debol'skij M. G. *Psihologicheskaya sluzhba ugovolno-ispolnitel'noj sistemy kak tipovaya model' vedomstvennoj psihologicheskoy sluzhby* [Psychological service of the penal system as a typical model of departmental psychological service]. *Psihologiya i pravo – Psychology and Law*, 2011, no. 1. Available at: http://psyjournals.ru/files/39328/psyandlaw_2011_1_Debolskii.pdf (accessed 11.08.2019). (In Russ.).
6. Kiseleva R. N. *Organizaciya psihologicheskoy raboty v mestah lisheniya svobody po sokrashcheniyu recidiva prestuplenij, sovershennykh licami, otbyvshimi nakazanie* [Organization of psychological work in prisons to reduce the recurrence of crimes committed by persons who have served their sentences]. *Ugovolno-ispolnitel'noe pravo – Penal law*, 2015, no. 4 (22), pp. 98–104. (In Russ.).
7. Kudryavcev V. N. *Bor'ba motivov v prestupnom povedenii* [Fight of motives in criminal behavior]. Moscow, 2007. 128 p. (In Russ.).
8. Lukichev O. V., Ras'kevich A. A. *Vospitatel'noe vozdejstvie na osuzhdennykh v ispravitel'nykh uchrezhdeniyah i sem'e* [Educational impact on convicts in correctional institutions and families]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii – Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2008, no. 2 (38), pp. 116–124. (In Russ.).
9. Pozdnyakov V. M. *Reforma ugovolno-ispolnitel'noj sistemy Rossii i novye zadachi penitenciarnej psihologii* [Reform of the penal system in Russia and new tasks of penitentiary psychology]. *Psihopedagogika v pravoohranitel'nykh organah – Psychopedagogy in law enforcement*, 2012, no. 2 (49), pp. 3–6. (In Russ.).
10. Soldatova E. L., Lavrova G. N. *Psihologiya razvitiya i vozrastnaya psihologiya. Ontogenez i dizontogenez* [Developmental psychology and age-related psychology. Ontogenesis and dysontogenesis]. *Rostov-on-Don*, 2004. 384 p. (In Russ.).
11. SChernyshkova M. P., Cvetkova N. A., Lobacheva L. P., Debol'skij M. G., Dikopol'cev D. E. *Suicidy sredi podozrevaemykh, obvinyaemykh i osuzhdennykh* [Suicides among suspects, accused and convicted persons]. *Suicidologiya – Suicidology*, 2017, vol. 8, no. 3 (28), pp. 62–70. (In Russ.).
12. SCherbakov G. V., SCherekhovich M. M. *Metodika anketnogo izucheniya mneniya osuzhdennykh o vospitatel'noj rabote s nimi* [Methodology of questionnaire study of the opinion of convicts about educational work with them]. *Chelovek: prestuplenie i nakazanie – Human: crime and punishment*, 2019, vol. 27, no. 4, pp. 543–553. doi: 10.33463/1999-9917.2019.27(1-4).4.543-553. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTORS

МАКСИМ МИХАЙЛОВИЧ ЧЕРЕХОВИЧ – аспирант кафедры уголовного права Московского государственного областного университета, г. Москва, Российская Федерация. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4516-1388>, e-mail: mcherekhovich@yandex.ru

MAKSIM M. CHEREKHOVICH – Postgraduate student of the Department of Criminal Law of the Moscow State Regional University, Moscow, Russian Federation. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4516-1388>, e-mail: mcherekhovich@yandex.ru

Уголовный проступок: оценка форм воплощения и перспектив существования

В. В. КОСТЕРИН

Управляющая компания «Группа ГАЗ», г. Нижний Новгород, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7438-042X>, e-mail: vvkosterin@yandex.ru

Резюме. В последнее время в уголовно-правовой науке развернулась дискуссия о включении в криминальный блок нового института – уголовного проступка – противоправного деяния, в отношении которого применяются специальные, менее строгие правила определения размера наказания и, предположительно, не распространяется понятие судимости.

В статье рассматриваются перспективы введения категории деяния «уголовный проступок» в УК РФ, даются оценка и комментарии к реформе, предложенной Верховным Судом Российской Федерации, обзревается различные научные точки зрения на институт и подходы к формулированию дефиниции, прогнозируются основные направления развития нового института.

Наиболее дискуссионными вопросами возможной реформы являются: 1) понятие и место уголовного проступка (как самостоятельного деликта или подвида преступлений небольшой тяжести); 2) способ закрепления (в виде главы уголовного кодекса или самостоятельного кодекса уголовных проступков); 3) виды наказания (штраф, исправительные работы, арест); 4) возникновение судимости (условия, сроки, длительность); 5) способы закрепления новых наказаний (в виде самостоятельных статей уголовного кодекса или дополнительной редакции уже существующих статей с указанием на меньший объем наказания в случае применения к лицу, совершившему уголовный проступок).

Ключевые слова: уголовный проступок; категоризация преступлений; дифференциация уголовной ответственности; судимость; уголовно-правовая политика.

12.00.08 – Уголовное право, криминология, уголовно-исполнительное право.

Для цитирования: Костерин В. В. Уголовный проступок: оценка форм воплощения и перспектив существования. *Пенитенциарная наука*. 2020; 14(3):343–348. DOI 10.46741/2686-9764-2020-14-3-343-348.

Criminal misdemeanor: assessment of embodiment forms and prospects of existence

V. V. KOSTERIN

GAZ Group Management Company, Nizhny Novgorod, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7438-042X>, e-mail: vvkosterin@yandex.ru

Abstract. Recently there has been a discussion in criminal law science about the inclusion in the criminal block of a new institution – a criminal misdemeanor – a wrongful act, in relation to which special, less strict rules for determining the amount of punishment are applied and, presumably, the concept of a criminal record does not apply.

The article examines the prospects for introducing the category of “criminal misdemeanor” in the Criminal Code of the Russian Federation, provides an assessment and comments on the reform proposed by the Supreme Court of the Russian Federation, examines various scientific points of view on the institution and approaches to formulating the definition, predicts the main directions of development of the new institution.

The most controversial issues of a possible reform are: 1) the concept and place of a criminal misdemeanor (as an independent tort or a subtype of minor crimes); 2) the method of consolidation (in the form of a chapter of the criminal code or an independent

code of criminal misdemeanors); 3) types of punishment (fine, correctional labor, arrest); 4) the occurrence of a criminal record (conditions, terms, duration); 5) ways of securing new punishments (in the form of independent articles of the criminal code or additional wording of existing articles, indicating a smaller amount of punishment if applied to a person who has committed a criminal misdemeanor).

Key words: criminal misdemeanor; categorization of crimes; differentiation of criminal liability; conviction; criminal law policy.

12.00.08 – Criminal law, criminology, penal law.

For citation: Kosterin V. V. Criminal misdemeanor: assessment of forms of embodiment and prospects of existence. *Penitenciarnaya nauka = Penitentiary Science*. 2020; 14(3):343–348. (In Russ.). DOI 10.46741/2686-9764-2020-14-3-343-348.

Социально-экономические изменения в России в конце XX – начале XXI вв. повлекли за собой трансформацию всего правового массива. Прежние юридические регламенты не отвечали потребностям и запросам общества, нуждались в пересмотре. Потребовались новые юридические решения, позволяющие оперативно обеспечивать эффективность проводимых реформ. В этих условиях особое место принадлежит уголовному законодательству, призванному обеспечить защиту личности, общества и государства от возникающих противоправных посягательств [1; 11; 14, с. 7].

Законодатель, реализуя основные направления уголовной политики, в 1996 г. принял Уголовный кодекс, который был призван обеспечить важнейшие социальные блага и институты специфическими методами и средствами. Однако, как оказалось впоследствии, он не смог решить все вопросы, что побудило ученых-криминалистов начать дискуссии о его дополнении новыми правовыми институтами, в частности институтом уголовного проступка.

Идея введения в российское законодательство института уголовного проступка не является новой. Вынесение на рассмотрение Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 31.10.2017 № 42 «О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта федерального закона "О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением понятия уголовного проступка"» привело к очередной интенсификации дискуссий в научном сообществе по данному вопросу [2].

В общем смысле уголовный проступок понимается как недостающая промежуточная категория между административным правонарушением и уголовным преступлением, в которую переведут преступления, не представляющие большой общественной опасности. Предполагается, что наказа-

ние и соответствующие правовые последствия совершения уголовного проступка будут значительно меньше, чем у полноценного преступления. Например, часто звучит предложение об отмене судимости за совершение уголовного проступка.

Вероятно, подобные инициативы Верховного Суда Российской Федерации вызваны сформировавшейся потребностью в выделении новой категории деликтов и готовностью уголовного законодательства принять соответствующие изменения. Статистические материалы показывают увеличение частоты использования наказаний, не связанных с лишением свободы, в делах о преступлениях небольшой тяжести [10]. Исследователи и ранее отмечали, что «введение категории «уголовный проступок» позволит решить задачу дальнейшего развития тенденции гуманизации уголовно-правовых норм, максимизировать дифференциацию ответственности и наказания в уголовном праве» [16, с. 15]. Более того, проведение реформ в области экономики, ориентация на рыночные отношения и капиталистическое мышление стимулируют правовую систему к более широкому использованию экономических санкций (таких как штраф и исправительные работы) там, где это допустимо. При этом, государство способно удовлетворить часть своих фискальных потребностей за счет дополнительных поступлений в бюджет. Речь не ведется о возвращении талиона, но те же экономические преступления должны в большинстве своем наказываться экономической санкцией, компенсирующей убытки государства.

Дуалистичный процесс введения категории «уголовный проступок», включающий как гуманизацию уголовного права и реализацию принципа экономии уголовных репрессий, с одной стороны, так и криминализацию ранее недооцененных потенциально общественно опасных административных правонарушений – с другой, в определенной степени разрешит существующие спорные ситуации. В качестве примера рассмотрим частичную декриминализацию ст. 116 УК РФ,

выразившуюся во введении ст. 6.1.1 КоАП РФ и ст. 116¹ УК РФ. Применение механизма административной преюдиции для регулирования столь латентного и общественно опасного деяния недостаточно рационально и эффективно. В перспективе можно ожидать переход деяний, указанных в ст. 6.1.1 КоАП РФ, в категорию уголовных проступков.

Текущий цикл осмысления подобного расширения спектра деликтов далеко не первый в истории российских доктринальных исследований. Основная проблематика реформы заключается в понимании критериев, характеризующих деяние как уголовный проступок, и четком определении его места в системе уголовно наказуемых деяний. В этом случае дальнейшие рассуждения невозможны без четкого формулирования определения уголовного проступка.

Говоря о современном подходе, в первую очередь следует обратиться к Постановлению Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 31.10.2017 № 42, где проступок определен как «преступление небольшой тяжести, за которое настоящим Кодексом не предусмотрено наказание в виде лишения свободы». Предложено закрепить дефиницию в виде дополнения к ч. 2 ст. 15 УК РФ. Этим нововведением Верховный Суд фактически создает подкатегорию преступлений небольшой тяжести, что, несмотря на депенализацию, станет больше терминологическим изменением [4, с. 66], чем практическим. Существует высокая вероятность, что общество придет к отождествлению проступка с полноценным преступлением небольшой тяжести и впоследствии интенсивность общественного порицания не снизится, а возможность успешного исправления преступника и его дальнейшей ресоциализации повысится незначительно. Подобное неполное разделение категорий препятствует полноценной дифференциации наказаний и наказуемых. Предложенные решения необходимо относить к временной мере, требующей переработки и дополнительного развития. Для наиболее эффективного проведения реформы требуется выделение уголовных проступков в отдельную категорию деликтов.

Научное поле содержит большое количество точек зрения на данный вопрос. Например, Н. Ф. Кузнецова отмечает: «Уголовным проступком признаются умышленные и неосторожные преступления, за совершение которых предусмотрено максимальное наказание в виде лишения свободы до трех лет» [12, с. 75], при этом наказание отбывается в колонии-поселении, а срок погашения судимости – год.

М. Р. Гета определяет уголовный проступок как «предусмотренное федеральным законом, виновно совершенное вменяемым лицом, достигшим возраста допустимости применения средств уголовно-правового воздействия, деяние, не имеющее общественной опасности преступления и не связанное с причинением смерти, а равно тяжкого вреда здоровью человека» [5, с. 27]. Д. Ю. Корсун предлагает понимать уголовный проступок как «виновно совершенное деяние, способное причинить вред охраняемым уголовным законом общественным отношениям, запрещенное настоящим Кодексом под угрозой любого из предусмотренных наказаний, кроме лишения свободы. Уголовным проступком также признается действие (бездействие), формально содержащее признаки состава преступления, предусмотренного настоящим Кодексом, однако в силу меньшей степени общественной опасности таковым не являющееся» [9, с. 77] (с закреплением в ч. 2 ст. 14 УК РФ).

Рассмотрим последнюю дефиницию подробнее. Д. Ю. Корсун не единственный исследователь [3, с. 35], поднимающий вопрос упразднения института малозначительности в силу предположения, что его успешно заменит уголовный проступок. Действительно, институт малозначительности имеет несовершенную форму воплощения, труден в толковании и фактическом применении [7; 8], но его исключение нанесет гораздо больший вред правам человека. Столь активное сравнение деяния, не представляющего большой общественной опасности, и деяния, не представляющего общественную опасность в силу малозначительности, ошибочно и приближается к смешению понятий. В рамках рассматриваемого предложения ликвидация института малозначительности станет прямым усечением принципа справедливости.

Рассуждая о дефиниции деяния, затруднительно отделить проступок от качественно идентичного преступления: первый обладает всеми признаками второго. Тем не менее очевидно их количественное различие: проступок проецирует минимальный уровень общественной опасности, а исправление совершившего его лица достижимо без применения радикальных видов уголовного наказания, что служит достаточным основанием для выделения уголовного проступка в качестве отдельной категории уголовных деликтов, наложения более мягких видов наказаний, применения иного подхода к возникновению судимости и процессуальному регулированию.

В этой связи в рамках проводимого исследования предлагается иная дефиниция уголовного проступка: «Уголовным проступком признается деяние, обладающее всеми признаками преступления, но несущее незначительную общественную опасность и не предусматривающее лишение свободы в качестве наказания».

Согласно пояснительной записке к Постановлению Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 31.10.2017 № 42 «очевидно, что отнесение к одной и той же категории преступлений деяний, существенно различающихся по характеру общественной опасности, не вполне согласуется с общеправовым принципом справедливости и принципом индивидуализации уголовной ответственности и наказания». Верховный Суд Российской Федерации предлагает ввести дефиницию уголовного проступка через редакцию ч. 2 ст. 15 УК РФ, тем самым разделив преступления небольшой тяжести на две подкатегории. При этом для применения в качестве санкций за совершение уголовного проступка расширяется блок иных мер уголовно-правового характера, фактически создавая отдельный перечень наказаний для данного подвида деликтов. Возникает сложность в понимании замысла реформы и составлении прогноза дальнейшего развития института: либо Верховный Суд Российской Федерации не решается проводить реформу в полном объеме и ограничивается полумерами в виде подкатегории, либо, наоборот, появление отдельного блока наказаний является первым этапом выделения уголовных проступков в самостоятельный кодекс уголовных проступков. С. А. Маркунцов справедливо отмечает: надо осознавать, что «введение института уголовного проступка предполагает фундаментальное реформирование действующей системы права» [13, с. 359].

Выделение уголовных проступков как отдельной, пятой, категории преступлений приведет лишь к терминологическим изменениям. Нахождение категории уголовного проступка в рамках УК РФ не позволит достигнуть достаточной степени дифференциации деяний как с процессуальной точки зрения, так и с социальной. Человек, совершивший уголовный проступок, будет приравниваться обществом к полноценному преступнику. В этой связи возможность выделения уголовных проступков в отдельный кодекс уголовных проступков с формулированием самостоятельного списка санкций видится самой рациональной.

Отдельного рассмотрения требуют правовые последствия, следующие за совер-

шением проступка. Продолжая тенденцию, начатую Федеральным законом от 03.07.2016 № 323-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности», в виде включения в УК РФ судебного штрафа, Верховный Суд Российской Федерации предлагает расширить перечень иных мер уголовно-правового характера, которые могут применяться в качестве санкции за совершение уголовного проступка. Выбранный перечень наказаний и их объем следует признать логически обоснованными и в достаточной мере отражающими тенденцию к гуманизации и экономии уголовных репрессий. Наложение наказаний, перечисленных в гл. 15² УК РФ, не влечет возникновение судимости, то есть правонарушитель получает дополнительную возможность для возвращения к законопослушному образу жизни. Тем не менее форма закрепления данного механизма вызывает сомнения. Введение целого блока иных мер уголовно-правового характера видится довольно громоздким решением. Альтернативой могла бы стать редакция ст. 86 УК РФ с примечанием об отсутствии судимости за совершение уголовного проступка, а также указаний на меньший максимальный объем наказания в санкциях отдельных преступлений. Иными словами, вместо создания дублирующих санкций, предполагающих меньший объем правовых последствий, возможно сформулировать условия применения уже существующих уголовных наказаний для использования в делах о совершении уголовных проступков, при этом сохраняя все предусмотренные процессуальные послабления в виде отсутствия возникновения судимости и др. Более глобальным, но простым решением является вынесение отдельного списка санкций в кодекс уголовных проступков.

Спорным видится выдвинутое Верховным Судом Российской Федерации положение, в соответствии с которым лицо, совершившее уголовный проступок впервые, освобождается от уголовной ответственности с применением одной из мер, указанных в гл. 15² УК РФ. Примечание к предложенной редакции ст. 76² гласит: «...лицо признается впервые совершившим уголовный проступок, если оно не имеет неснятой или непогашенной судимости». Создается норма, не учитывающая личность преступника, что усложняет профилактику рецидива через угрозу применения более строгих мер воздействия.

Возникает пространство для ситуации, когда деликвент, которого «устраивает» исполнение исправительных работ в течение года (максимальный срок для уголовного проступка), будет уверенно совершать проступок вновь и вновь, добросовестно отбывая наказание за каждый отдельный случай [15, с. 41]. Подобный вариант развития событий также необходимо учитывать в процессе законотворчества, иначе есть риск возвращения к уже решенной проблеме: борьбе с устойчивым повторением преступления, когда предусмотренное максимальное наказание за деяние не оказывает на лицо, его совершившее, достаточного воздействия.

Ошибочно проводить реформу без внедрения защитного механизма в виде административной преюдиции. Так, предполагая, что основную массу уголовных проступков составят декриминализованные преступления небольшой тяжести, сложно представить, как в настоящее время правоохранительная система позволяет преступнику регулярно совершать преступления данной категории, уплачивая за это судебный штраф или выполняя обязательные работы, без создания для него дополнительных правовых последствий в виде профилактики рецидива, учета обстоятельств, отягчающих наказание, и т. д.

Требуется выработка решения, способного уравновесить общее послабление правовых последствий, возникающих из-за совершения уголовного проступка, стать дополнительным средством защиты от их систематического повторения. В этой связи предлагается использовать не временной, а количественный критерий и презюмировать, что совершение лицом определенного количества уголовных проступков (например, шести и более) сигнализирует об осознанном отказе лица от предоставленной государством возможности вернуться к за-

конопослушному образу жизни без дополнительных негативных правовых последствий. Превышение количественного порога совершенных уголовных проступков позволяет задействовать механизм административной преюдиции, приравнивать уровень создаваемой общественной опасности к полноценному преступлению небольшой тяжести и применять качественно и количественно более строгие наказания (например, арест сроком до двух месяцев). Подобное дополнение к реформе усилит превенцию повторного совершения уголовных проступков, даст правоохранительной системе возможность реагировать соразмерно уровню проецируемой общественной опасности. В дополнение уместно предположить, что в перспективе развития уголовного права потребуются частичное обновление института судимости.

Подводя итог, следует еще раз указать на потребность воспринимать уголовный проступок как отдельный вид общественно опасных деяний, требующий особого регулирования в рамках назначения наказания, возникновения судимости и иных правовых последствий. Введение института может послужить импульсом для целого блока позитивных качественных изменений российского уголовного законодательства.

В настоящий момент концепция уголовного проступка имеет много минусов и в случае принятия станет первым шагом в сторону от привычной нам системы категоризации преступлений, но заложит основы движения к цели в виде «маленького, но жесткого» [6, с. 56] уголовного кодекса и гуманного кодекса уголовных проступков, тесно взаимодействующего с КоАП РФ посредством механизма административной преюдиции, а также повлечет переосмысление института судимости и возможное исчезновение категории «преступления небольшой тяжести».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Бойко, С. И.** Уголовная ответственность за мошенничество: теоретико-прикладное исследование : монография / под. ред. А. П. Кузнецова. – Москва : Юрлитинформ, 2019. – 202 с. – ISBN 978-5-4396-1823-1.
2. **Гаврилов, Б. Я.** Уголовный проступок в российском праве: пожелания законодателя или реалии российского общества / Б. Я. Гаврилов // Человек: преступление и наказание. – 2018. – № 2. – С. 131–136.
3. **Гаврилов, Б. Я.** Уголовный проступок: концепция развития (мнение ученого и практика) / Б. Я. Гаврилов, Е. В. Рогова // Публичное и частное право. – 2016. – № 4. – С. 7–45.
4. **Гальперин, И. М.** Социальные и правовые основы депенализации / И. М. Гальперин // Советское государство и право. – 1980. – № 3. – С. 63–66.
5. **Гета, М. Р.** Уголовное право: пределы, объекты и средства воздействия в борьбе с преступностью в современной России / М. Р. Гета. – Москва : Норма, 2017. – 336 с. – ISBN 978-5-91768-728-5.
6. **Коробеев, А. И.** Уголовно-правовая политика: проблема обоснованности запретов в Уголовном Кодексе Российской Федерации 1996 года / А. И. Коробеев // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке : материалы II Международной научно-практической конференции. – Москва : Проспект, 2005. – С. 53–56.
7. **Корсун, Д. Ю.** О законопроекте Верховного Суда РФ, связанного с декриминализацией ряда преступлений небольшой тяжести, а также предложение по введению в правовую систему РФ категории «уголовный проступок» / Д. Ю. Корсун // Юридическая наука. – 2016. – № 2. – С. 88–94.
8. **Корсун, Д. Ю.** О некоторых вопросах применения части 2 статьи 14 Уголовного кодекса Российской Федерации и о введении в российское право категории «уголовный проступок» / Д. Ю. Корсун // Мир юридической науки. – 2015. – № 10. – С. 42–47.

9. Корсун, Д. Ю. Понятие уголовного проступка как новой категории уголовного права России / Д. Ю. Корсун // Юридическая наука. – 2017. – № 1. – С. 72–78.
10. Корсун, Д. Ю. Сравнительный анализ законопроекта Верховного Суда РФ о декриминализации ряда преступлений небольшой тяжести и вступивших в силу изменений в УК РФ: от идеи к реализации / Д. Ю. Корсун // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право. – 2016. – № 11. – С. 135–140.
11. Кузнецов, А. П. Цели уголовного наказания: теоретико-прикладное исследование / А. П. Кузнецов, С. И. Курдюков // Российская юстиция. – 2019. – № 3. – С. 4–7.
12. Кузнецова, Н. Ф. Значение общественной опасности деяний для их криминализации и декриминализации / Н. Ф. Кузнецова // Государство и право. – 2010. – № 6. – С. 67–75.
13. Маркунцов, С. А. Еще раз к вопросу об уголовном проступке / С. А. Маркунцов // Уголовное право: стратегия развития в XXI век : материалы XVI Международной научно-практической конференции. – Москва : РФ-Пресс, 2019. – С. 358–364.
14. Уголовное право России. Общая часть : курс лекций / под ред. А. П. Кузнецова, Е. Е. Черных. – Москва : Юрлитинформ, 2018. – 563 с. – ISBN 978-5-4396-1584-1.
15. Фисун, А. В. О некоторых проблемах введения категории «уголовный проступок» в Уголовный кодекс Российской Федерации / А. В. Фисун // Theoretical & Applied Science. – 2018. – № 5. – С. 40–43.
16. Цатурян, Т. В. Проблемы классификации преступлений в уголовном праве Российской Федерации : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Цатурян Тамара Владимировна. – Ставрополь, 2004. – 172 с.

REFERENCES

1. Bojko S. I. *Ugolovnyaya otvetstvennost' za moshennichestvo: teoretiko-prikladnoe issledovanie* [Criminal liability for fraud: an applied-theoretical study]. Moscow, 2019. 202 p. (In Russ.).
2. Gavrilov B. YA. *Ugolovnyj prostupok v rossijskom prave: pozhelaniya zakonodatelya ili realii rossijskogo obshchestva* [Criminal misconduct in Russian law: the wishes of the legislator or the realities of Russian society]. *CHelovek: prestuplenie i nakazanie – Human: crime and punishment*, 2018, no. 2, pp. 131–136. (In Russ.).
3. Gavrilov B. YA., Rogova E. V. *Ugolovnyj prostupok: koncepciya razvitiya (mnenie uchenogo i praktika)* [Criminal misconduct: development concept (opinion of a scientist and practice)]. *Publichnoe i chastnoe pravo – Public and private law*, 2016, no. 4, pp. 7–45. (In Russ.).
4. Gal'perin I. M. *Social'nye i pravovye osnovy depenalizacii* [Social and legal foundations of depenalization]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo – Soviet state and law*, 1980, no. 3, pp. 63–66. (In Russ.).
5. Geta M. R. *Ugolovnoe pravo: predely, ob'ekty i sredstva vozdeystviya v bor'be s prestupnost'yu v sovremennoj Rossii* [Criminal law: limits, objects and means of influence in the fight against crime in modern Russia]. Moscow, 2017. 336 p. (In Russ.).
6. Korobeev A. I. *Ugolovno-pravovaya politika: problema obosnovannosti zapretov v Ugolovnom Kodekse Rossijskoj Federacii 1996 goda* [Criminal law policy: the problem of the validity of the prohibitions in the 1996 Criminal Code of the Russian Federation]. *Materialy II Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii «Ugolovnoe pravo: strategiya razvitiya v XXI veke»* [Materials of the II International Scientific and Practical Conference «Criminal Law: Development Strategy in the XXI Century»]. Moscow, 2005, pp. 53–56. (In Russ.).
7. Korsun D. YU. *O zakonoproekte Verhovnogo Suda RF, svyazannogo s dekriminalizaciej ryada prestuplenij nebol'shoj tyazhesti, a takzhe predlozhenie po vvedeniyu v pravovuyu sistemu RF kategorii «ugolovnyj prostupok»* [On the draft law of the Supreme Court of the Russian Federation related to the decriminalization of a number of minor crimes, as well as a proposal to introduce the category of «criminal» into the legal system of the Russian Federation]. *YUridicheskaya nauka – Legal Science*, 2016, no. 2, pp. 88–94. (In Russ.).
8. Korsun D. YU. *O nekotoryh voprosah primeneniya chasti 2 stat'i 14 Ugolovnogo kodeksa Rossijskoj Federacii i o vvedenii v rossijskoe pravo kategorii «ugolovnyj prostupok»* [On some issues of application of part 2 of Article 14 of the Criminal Code of the Russian Federation and on the introduction of the category of «criminal misdemeanor» into Russian law]. *Mir yuridicheskoy nauki – The world of legal science*, 2015, no. 10, pp. 42–47. (In Russ.).
9. Korsun D. YU. *Ponyatie ugolovnogo prostupka kak novoj kategorii ugolovnogo prava Rossii* [The concept of a criminal misdemeanor as a new category of Russian criminal law]. *YUridicheskaya nauka – Legal Science*, 2017, no. 1, pp. 72–78. (In Russ.).
10. Korsun D. YU. *Sravnitel'nyj analiz zakonoproekta Verhovnogo Suda RF o dekriminalizacii ryada prestuplenij nebol'shoj tyazhesti i vstupivshih v silu izmenenij v UK RF: ot idei k realizacii* [Comparative analysis of the draft law of the Supreme Court of the Russian Federation on decriminalization of a number of minor crimes and amendments to the Criminal Code of the Russian Federation that have come into force: from idea to implementation]. *Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Ekonomika i pravo – Modern science: topical problems of theory and practice. Economics and Law*, 2016, no. 11, pp. 135–140. (In Russ.).
11. Kuznecov, A. P., Kurdyukov S. I. *Celi ugolovnogo nakazaniya: teoretiko-prikladnoe issledovanie* [Purposes of criminal punishment: theoretical and applied research]. *Rossijskaya yusticiya – Russian justice*, 2019, no. 3, pp. 4–7. (In Russ.).
12. Kuznecova N. F. *Znachenie obshchestvennoj opasnosti deyanij dlya ih kriminalizacii i dekriminalizacii* [Significance of social danger of acts for their criminalization and decriminalization]. *Gosudarstvo i pravo – State and law*, 2010, no. 6, pp. 67–75. (In Russ.).
13. Markuncov S. A. *Eshche raz k voprosu ob ugolovnom prostupke* [Once again on the issue of criminal misdemeanor]. *Materialy XVI Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii «Ugolovnoe pravo: strategiya razvitiya v XXI veke»* [Materials of the XVI International Scientific and Practical Conference «Criminal Law: Development Strategy in the XXI Century»]. Moscow, 2019, pp. 358–364. (In Russ.).
14. Kuznecov A. P., Chernyh E. E. (red.) *Ugolovnoe pravo Rossii. Obshchaya chast'* [Criminal law of Russia. A common part]. Moscow, 2018. 563 p. (In Russ.).
15. Fison A. V. *O nekotoryh problemah vvedeniya kategorii «ugolovnyj prostupok» v Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii* [On some problems of introducing the category of «criminal misdemeanor» in the Criminal Code of the Russian Federation]. *Theoretical & Applied Science*, 2018, no. 5, pp. 40–43. (In Russ.).
16. Caturyan T. V. *Problemy klassifikacii prestuplenij v ugolovnom prave Rossijskoj Federacii*. Diss. kand. yurid. nauk [Problems of classification of crimes in the criminal law of the Russian Federation. Diss. PhD. in Law]. Stavropol, 2004. 172 p. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTORS

ВЛАДИМИР ВЛАДИМИРОВИЧ КОСТЕРИН – ведущий специалист Департамента правового обеспечения внешнеэкономической деятельности, «Управляющая компания "Группа ГАЗ"», г. Нижний Новгород, Российская Федерация. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7438-042X>, e-mail: vkosterin@yandex.ru

VLADIMIR V. KOSTERIN – Leading Specialist of the Department of Legal Support of Foreign Economic Activity, GAZ Group Management Company, Nizhny Novgorod, Russian Federation. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7438-042X>, e-mail: vkosterin@yandex.ru

Проблемы правового регулирования некоторых форм содействия государственных органов работе уголовно-исполнительных инспекций по исполнению наказаний и мер уголовно-правового характера

И. Г. ГРИГОРЬЯН

Пятигорский межмуниципальный филиал уголовно-исполнительной инспекции УФСИН России по Ставропольскому краю, г. Пятигорск, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6187-8560>, e-mail: vg-83@inbox.ru

Реферат. В работе анализируются проблемные вопросы, связанные с правовым регулированием оказания государственными органами содействия работе уголовно-исполнительных инспекций по исполнению наказаний и мер уголовно-правового характера, не связанных с изоляцией от общества. Рассматриваются меры процессуального принуждения в виде привода осужденных, уклоняющихся от явки в судебное заседание, изучается возможность дополнительной регламентации принудительного привода всех осужденных к наказаниям и мерам уголовно-правового характера. Внесение поправок в нормативно-правовые акты, по мнению автора, существенно оптимизирует работу по исполнению наказаний и мер уголовно-правового характера, касающуюся своевременного применения мер взыскания и профилактики законопослушного поведения. Реализация сформулированных предложений призвана оптимизировать правовое регулирование содействия работе уголовно-исполнительных инспекций и способствовать достижению целей уголовно-исполнительного законодательства в части предупреждения совершения осужденными и иными лицами преступлений и иных правонарушений.

Ключевые слова: содействие; государственные органы; уголовно-исполнительные инспекции; исполнение наказания.

12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право.

Для цитирования: Григорьян И. Г. Проблемы правового регулирования некоторых форм содействия государственных органов работе уголовно-исполнительных инспекций по исполнению наказаний и мер уголовно-правового характера. *Пенитенциарная наука*. 2020; 14(3):349–353. DOI 10.46741/2686-9764-2020-14-3-349-353.

Problems of legal regulation of certain forms of state bodies assistance in the work of penal inspections on execution of penalties and other criminal measures

I. G. GRIGORYAN

Pyatigorsk intermunicipal branch of the Penal Inspectorate of the Federal Penal Service of Russia in the Stavropol Territory

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6187-8560>, e-mail: vg-83@inbox.ru

Abstract. The paper analyzes the problematic issues related to the legal regulation of assistance to state bodies in the work of penal inspections for the execution of sentences and measures of a criminal-legal nature that are not related to isolation from society. Measures of procedural coercion in the form of bringing convicts evading to appear at the court session are considered, the possibility of additional regulation of the forced bringing of all convicts to punishments and measures of a criminal law nature is studied. Amendments to the relevant regulatory legal acts, according to the author,

significantly optimize the work on the execution of punishments and measures of a criminal related to the timely application of penalties and prevention of law-abiding behavior. The implementation of the formulated proposals is designed to optimize the legal regulation of assistance in the work of penal inspectorates and to contribute to the achievement of the goals of the penal legislation in terms of preventing convicts and other persons from committing crimes and other offenses.

Key words: assistance; government bodies; penal inspections; execution of punishment.

12.00.08 – Criminal law and criminology; penal law.

For citation: Grigoryan I. G. Criminal misdemeanor: assessment of forms of embodiment and prospects of existence. *Penitenciarnaya nauka = Penitentiary Science*. 2020; 14(3):349–353. (In Russ.). DOI 10.46741/2686-9764-2020-14-3-349-353.

Современная уголовная политика Российской Федерации направлена на смягчение ответственности за совершение преступлений небольшой и средней тяжести, что выражается в увеличении числа осужденных к наказаниям и мерам уголовно-правового характера, не связанным с изоляцией от общества. По данным статистики Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, опубликованным на официальном сайте ведомства, в среднем свыше 70 % осужденных назначаются наказания, не связанные с лишением свободы.

Специализированным органом, осуществляющим контроль за отбыванием наказания в виде запрета занимать определенные должности и заниматься определенной деятельностью, обязательных работ, исправительных работ, ограничения свободы, а также контроль за поведением условно осужденных и осужденных, которым судом предоставлена отсрочка до достижения их ребенком четырнадцатилетнего возраста, является уголовно-исполнительная инспекция Федеральной службы исполнения наказаний. В соответствии с Положением об уголовно-исполнительных инспекциях и нормативом их штатной численности, утвержденными Постановлением Правительства Российской Федерации от 16.06.1997 № 729 (в ред. от 23.04.2012), в процессе своей деятельности УИИ взаимодействует с подразделениями органов внутренних дел, администрацией предприятий, учреждений и организаций, в которых работают осужденные, органами местного самоуправления, прокуратуры, судами и общественными объединениями.

Рост числа лиц, состоящих на учете в уголовно-исполнительных инспекциях, возникновение проблемных вопросов при исполнении приговора, наличие пробелов в правовом регулировании исполнения наказаний и мер уголовно-правового характера, не связанных с изоляцией осужденных от общества, свидетельствуют о необходимости

сти углубленного анализа действующего законодательства для обеспечения его соответствия актуальным потребностям. Вместе с этим возникает необходимость оказания содействия инспекциям при исполнении приговора со стороны взаимодействующих государственных органов и субъектов общественности. Данный процесс также нуждается в правовом закреплении.

Одним из основных пробелов в правовом регулировании института замены наказания более строгим видом наказания является отсутствие уголовно-процессуального статуса у сотрудников уголовно-исполнительной инспекции, не являющихся участниками уголовного процесса. Согласно ч. 2 ст. 47 УПК РФ осужденным признается лицо, обвинявшееся в совершении преступления и в отношении которого вынесен обвинительный приговор. Следует согласиться с мнением Л. А. Шабалиной о том, что после вступления обвинительного приговора в законную силу осужденный воспринимается исключительно как объект исправительно-карательного воздействия [4].

Приговором Минераловодского городского суда Ставропольского края от 17.01.2019 Г. осуждена по ч. 2 ст. 159 УК РФ к одному году исправительных работ с удержанием 20 % из заработной платы в доход государства. Начальник Минераловодского межмуниципального филиала УИИ УФСИН России по Ставропольскому краю обратился в суд с представлением о замене наказания в виде исправительных работ более строгим видом наказания. В судебное заседание Г. не являлась. Представитель прокуратуры полагал невозможным рассмотрение представления начальника инспекции в отсутствие осужденного, дабы не лишать последнего права на защиту. Также прокурор отвергал возможность принудительного привода ввиду того, что он не предусмотрен нормами уголовно-процессуального законодательства.

Приговором мирового судьи судебного участка № 2 г. Железноводска Ставропольского края от 30.10.2017 В. осуждена по ч. 1 ст. 158 УК РФ к 200 часам обязательных работ. Начальник уголовно-исполнительной инспекции обратился в суд с представлением о замене обязательных работ более строгим видом наказания в связи со злостным нарушением порядка и условий отбывания наказания, выразившимся в невыходах на обязательные работы более двух раз в течение месяца (12 невыходов без уважительной причины). Судья несколько раз переносил судебное заседание. Осужденная продолжала допускать нарушения и не выходила на обязательные работы. В судебном заседании представитель прокуратуры заявленное представление не поддержал, просил суд отказать. Постановлением судьи в удовлетворении представления было отказано. Впоследствии осужденная В. повторно совершила преступление в период отбывания наказания. Налицо факт беспомощности сотрудника уголовно-исполнительной инспекции, связанный с отсутствием у него статуса участника уголовного судопроизводства при рассмотрении представлений по вопросам, касающимся исполнения приговора.

Таким образом, считаем целесообразным закрепление сотрудников уголовно-исполнительных инспекций в качестве участников уголовного судопроизводства. Необходимость введения предлагаемых изменений обусловлена тем, что в ст. 399 УПК РФ среди инициаторов рассмотрения вопросов, связанных с исполнением приговора, указаны учреждения и органы, исполняющие наказания. Согласно ч. 1 ст. 123 УПК РФ действия суда или прокурора могут быть обжалованы участниками уголовного судопроизводства. Закрепление сотрудников учреждений уголовно-исполнительной системы в качестве участников уголовного судопроизводства позволит уголовно-исполнительным инспекциям обжаловать решения суда и прокуратуры в судах апелляционной инстанции.

Одной из основных целей уголовно-исполнительного законодательства Российской Федерации является предупреждение совершения новых преступлений как осужденными, так и иными лицами. Осужденные, вставшие на путь злостного уклонения от отбывания наказания, систематического неисполнения возложенных обязанностей и несоблюдения установленных ограничений, выказывают явное неуважение к общественным интересам, демонстрируя склонность к противоправному поведению. Невзирая на

то, что материалы личного дела направляются в суд для решения вопроса о замене наказания, подавляющая часть осужденных продолжает уклоняться от контроля уголовно-исполнительных инспекций и отбывания наказания.

Следует учесть, что ч. 5 ст. 11 УИК РФ к числу основных обязанностей всех категорий осужденных отнесена явка по вызову администрации учреждений и органов, исполняющих наказания. В случае неявки осужденный может быть подвергнут принудительному приводу. Аналогичные нормы, касающиеся принудительного привода, закреплены в ч. 3 ст. 39 и ч. 4 ст. 188 УИК РФ, то есть в отношении осужденных к наказанию в виде исправительных работ и условно осужденных, уклоняющихся от явки в инспекцию по вызову. Применительно к осужденным к иным видам наказаний и мерам уголовно-правового характера, не связанным с изоляцией от общества, указанные нормы отсутствуют. На наш взгляд, следует внести в Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации следующие изменения: в ч. 1 ст. 29 – «В случае неявки по вызову осужденные к обязательным работам могут быть подвергнуты принудительному приводу. Привод осуществляют сотрудники органов внутренних дел по письменному поручению уголовно-исполнительной инспекции»; в п. «в» ч. 1 ст. 58 – «В случае неявки по вызову осужденные к ограничению свободы могут быть подвергнуты принудительному приводу. Привод осуществляют сотрудники органов внутренних дел по письменному поручению уголовно-исполнительной инспекции»; в ч. 1 ст. 178 – «В случае неявки по вызову осужденные, к которым применена отсрочка отбывания наказания, могут быть подвергнуты принудительному приводу. Привод осуществляют сотрудники органов внутренних дел по письменному поручению уголовно-исполнительной инспекции». В. Г. Громов считает, что «под приводом понимается предусмотренное законом принудительное доставление лица сотрудниками правоохранительных органов в органы уголовно-исполнительной инспекции» [2]. Следует согласиться с формулировкой «принудительное доставление лица», однако субъектом привода осужденного необходимо определить сотрудников органов внутренних дел. Данные изменения позволят закрепить форму содействия работе уголовно-исполнительных инспекций со стороны органов внутренних дел в виде принудительного привода осужденных, уклоняющихся от явки по вызову в инспекцию.

Но если явка осужденных по вызову в инспекцию, как правило, проблем не доставляет, то явка в суд по вопросу рассмотрения представления о замене наказания более строгим видом наказания имеет ряд правовых препятствий. Согласно ст. 232 УПК РФ судья дает распоряжение о вызове осужденных в судебное заседание. В ч. 1 ст. 113 УПК РФ указано, что «в случае неявки по вызову без уважительных причин подозреваемый, обвиняемый, а также потерпевший, свидетель и лицо, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением с ним досудебного соглашения о сотрудничестве, могут быть подвергнуты приводу». Однако осужденный, не явившийся по вызову в судебное заседание без уважительных причин, является уклоняющимся от суда. Некоторые суды не выносят постановление о приводе осужденных, мотивируя это тем, что в ст. 113 УПК РФ осужденные не рассматриваются как категория лиц, подлежащих приводу. Согласимся с мнением Л. А. Пупышевой о необходимости внесения соответствующих изменений в ст. 113 УПК РФ, где после слова «обвиняемый» следует указать «осужденный» [3]. Считаем корректировку данной нормы необходимым условием закрепления привода в качестве формы содействия суда работе уголовно-исполнительных инспекций при разрешении вопросов, связанных с исполнением приговора. Отсутствие законных оснований для принудительного привода для участия в судебном заседании и отсутствие желания осужденного, злостно уклоняющегося от отбывания наказания и которому грозит лишение свободы, добровольно являться в судебное заседание могут привести к совершению преступлений и иных правонарушений.

Т. А. Гараева справедливо отмечает, что проблема исполнения привода часто связана с проникновением в жилище лица [1]. Данный вопрос не урегулирован ни ст. 113 УПК РФ, ни приказом МВД России от 21.06.2003 № 438 «Об утверждении Инструкции о порядке осуществления привода», какие-либо разъяснения по этому поводу также отсутствуют. В ч. 2 ст. 11 Федерального закона от 21.07.1997 № 118-ФЗ «О судебных приставах» закреплено право судебного пристава входить в жилые помещения при осуществлении привода лица, уклоняющегося от явки по вызову суда (судьи), и в случае, указанном в постановлении суда (судьи).

Нередки случаи, когда судья, несмотря на неявки в первое судебное заседание и злост-

ное уклонение от отбывания наказания в виде обязательных и исправительных работ, ограничения свободы, заменяет вышеназванные виды более строгим наказанием – лишением свободы, при этом устанавливая самостоятельный порядок следования к месту отбывания наказания. Такое постановление приводит к уклонению от отбывания наказания, выражающемуся в неявке по предписанию в исправительное учреждение в установленные сроки. Осужденный объявляется в розыск оперативными подразделениями ФСИН России до его фактического задержания. В период с момента вынесения постановления суда о замене наказания до установления фактического места нахождения осужденного, взятия его под стражу и направления в колонию-поселение под конвоем он может совершить преступления и иные правонарушения. Также установление места нахождения осужденного влечет за собой материальные и иные затраты.

К примеру, постановлением Пятигорского городского суда Ставропольского края от 22.07.2019 осужденному М. неотбытая часть наказания в виде исправительных работ была заменена более строгим видом наказания – лишением свободы сроком 4 месяца. Осужденному был установлен самостоятельный порядок следования к месту отбывания наказания. Указанный гражданин ранее не имел судимости. В период с момента вынесения постановления до вручения предписания о явке в исправительное учреждение М. начал злоупотреблять спиртными напитками и совершил преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 105 УК РФ. Если бы суд направил осужденного М. к месту отбывания наказания под конвоем, подобных последствий можно было избежать.

Для решения обозначенного вопроса предлагаем внести изменения в ст. 75.1 УИК РФ, дополнив ч. 4.1 следующей формулировкой: «При замене наказания злостно уклоняющимся от отбывания наказания в виде обязательных, исправительных работ, ограничения свободы более строгим видом наказания указанные осужденные по решению суда могут быть заключены под стражу и направлены в колонию-поселение под конвоем».

Подводя итог, следует отметить, что привод как одна из форм оказания содействия государственных органов работе уголовно-исполнительных инспекций по исполнению наказаний и мер уголовно-правового характера нуждается в правовом регулировании для успешного достижения целей уголовного и уголовно-исполнительного законодательства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Гараева, Т. Б.** Теоретические и практические проблемы применения привода как иной меры процессуального принуждения / Т. Б. Гараева // Вестник Владимирского юридического института. – 2018. – № 3 (48). – С. 54–57.
2. **Громов, В. Г.** Некоторые вопросы исполнения условного осуждения / В. Г. Громов // Алтайский юридический вестник. – 2015. – № 4 (12). – С. 86–88.
3. **Пупышева, Л. А.** Привод в производстве по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с исполнением приговора / Л. А. Пупышева // Теоретические и практические проблемы развития уголовно-исполнительной системы в Российской Федерации и за рубежом : сборник тезисов выступлений и докладов участников Международной научно-практической конференции. Том 2. – Рязань : АПУ ФСИН России, 2018. – С. 196–204. – ISBN 978-5-7743-0871-2.
4. **Шабалина, Л. А.** К вопросу о процессуальных правах осужденного при рассмотрении и разрешении вопросов, связанных с исполнением приговора / Л. А. Шабалина // Уголовно-исполнительное право. – 2011. – № 2 (12). – С. 76–79.

REFERENCES

1. Garaeva T. B. Teoreticheskie i prakticheskie problemy primeneniya privoda kak inoj mery processual'nogo prinuzhdeniya [Theoretical and practical problems of using the drive as another measure of procedural compulsion]. *Vestnik Vladimirovskogo yuridicheskogo instituta – Bulletin of the Vladimir Law Institute*, 2018, no. 3 (48), pp. 54–57. (In Russ.).
2. Gromov V. G. Nekotorye voprosy ispolneniya uslovnogo osuzhdeniya [Some issues of the execution of probation]. *Altajskij yuridicheskij vestnik – Altai legal bulletin*, 2015, no. 4 (12), pp. 86–88. (In Russ.).
3. Pupyshcheva L. A. Privod v proizvodstve po rassmotreniyu i razresheniyu voprosov, svyazannyh s ispolneniem prigovora [Bringing in proceedings for the consideration and resolution of issues related to the execution of the sentence]. *Sbornik mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii «Teoreticheskie i prakticheskie problemy razvitiya ugovolno-ispolnitel'noj sistemy v Rossijskoj Federacii i za rubezhom»*. Tom 2 [Collection of the international scientific-practical conference «Theoretical and practical problems of the development of the penal system in the Russian Federation and abroad.» Vol. 2.]. Ryazan, 2018, pp. 196–204. (In Russ.).
4. SHabalina L. A. K voprosu o processual'nyh pravah osuzhdennogo pri rassmotrenii i razreshenii voprosov, svyazannyh s ispolneniem prigovora [On the issue of the procedural rights of a convicted person when considering and resolving issues related to the execution of a sentence]. *Ugolovno-ispolnitel'noe pravo – Penal law*, 2011, no. 2 (12), pp. 76–79. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTORS

ИВАН ГЕОРГИЕВИЧ ГРИГОРЬЯН – начальник Пятигорского межмуниципального филиала уголовно-исполнительной инспекции УФСИН России по Ставропольскому краю, г. Пятигорск, Российская Федерация. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6187-8560>, e-mail: vg-83@inbox.ru

IVAN G. GRIGORYAN – Head of the Pyatigorsk Inter-municipal Branch of the Penal Inspectorate of the Federal Penal Service of Russia in the Stavropol Territory. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6187-8560>, e-mail: vg-83@inbox.ru

DOI 10.46741/2686-9764-2020-14-3-353-361

УДК 67.409

Законодательная техника и ее значение для правотворчества в сфере отраслей криминального цикла

А. Л. САНТАШОВ

Северо-Западный институт (филиала) Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), г. Вологда, Российская Федерация, Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1044-1697>, e-mail: santashov@list.ru

Е. А. МУХТАРОВА

Вологодский институт права и экономики ФСИН России, г. Вологда, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5391-7291>, e-mail: mukhtarova-9@mail.ru

В. С. ТАНЦЮРА

Нижегородская академия МВД России, г. Нижний Новгород, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0261-4271>, e-mail: victor130381@rambler.ru

Реферат. Предметом исследования в статье стали теоретические и прикладные вопросы юридической техники в уголовном и уголовно-исполнительном праве. Цель работы – дать объективную оценку использования возможностей законодательной техники в соответствующих отраслях права криминального цикла.

В исследовании проведен анализ научных представлений о понятии юридической техники, ее видах и составляющих компонентах. По мнению авторов, законодательная техника – это составная часть юридической техники, представляющая собой совокупность средств, приемов и правил, выработанных наукой и практикой, которые используются органами государственной власти при осуществлении в пределах своей компетенции правотворческой деятельности по разработке и оформлению текста закона, а равно иного нормативного предписания.

В статье отмечается, что именно дифференцированное исполнение наказания является обязательным условием индивидуализации, справедливости наказания, а следовательно, и его эффективности. Авторы считают целесообразным изучение этих проблем с позиций технико-юридического конструирования законодательства, поскольку по мере его развития основания, виды и средства дифференциации и индивидуализации ответственности изменялись и совершенствовались. Неслучайно законодательно-техническое совершенствование УК РФ и УИК РФ признается сегодня одним из генеральных направлений развития российского законодательства криминального цикла и уголовной политики в первые десятилетия текущего века.

Ключевые слова: юридическая техника; приемы и правила законодательной техники; технико-юридическое конструирование норм законодательства; правотворчество; дифференциация; унификация.

12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право.

Для цитирования: Санташов А. Л., Мухтарова Е. А., Танцюра В. С. Законодательная техника и ее значение для правотворчества в сфере отраслей криминального цикла. *Пенитенциарная наука*. 2020; 14(3):353–361. DOI 10.46741/2686-9764-2020-14-3-353-361.

Legislative technique and its significance for lawmaking in the field of the branches of the criminal cycle

A. L. SANTASHOV

Northwestern Institute (branch) of the Moscow State Law University named after O.E. Kutafin (Moscow State Law Academy), Vologda, Russian Federation, Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1044-1697>, e-mail: santashov@list.ru

E. A. MUKHTAROVA

Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Vologda, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5391-7291>, e-mail: mukhtarova-9@mail.ru

V. S. TANTSYURA

Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Nizhny Novgorod, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0261-4271>, e-mail: victor130381@rambler.ru

Abstract. The subject of research in this article are theoretical and applied issues of legal technology in criminal and penal law. The purpose of the work is to give an objective assessment of the use of the possibilities of legislative technology in the relevant branches of law of the criminal cycle.

The study analyzes scientific ideas about the concept of legal technology, its types and constituent components. According to the authors the legislative technique is an integral part of the legal technique, which is a set of tools, techniques and rules developed by science and practice which are used by public authorities when carrying out, within their

competence, lawmaking activities to develop and formalize the text of a law as well as other regulatory prescription.

The article notes that it is the differentiated execution of punishment that is a prerequisite for individualization, justice of punishment and, consequently, its effectiveness. The authors consider it expedient to study these problems from the standpoint of the technical and legal design of legislation, since as it develops, the foundations, types and means of differentiation and individualization of responsibility have changed and improved. It is no coincidence that the legislative and technical improvement of the Criminal Code of the Russian Federation and the Penal Code of the Russian Federation is recognized today as one of the general directions of the development of Russian legislation on the criminal cycle and criminal policy in the first decades of this century.

Key words: legal technique; methods and rules of legislative technique; technical and legal construction of legislative norms; lawmaking; differentiation; unification.

12.00.08 – Criminal law and criminology; penal law.

For citation: Santashov A. L., Mukhtarova E. A., Tantsyura V. S. Legislative technique and its significance for lawmaking in the field of the branches of the criminal. *Penitenciarnaya nauka = Penitentiary Science*. 2020; 14(3):353–361. (In Russ.). DOI 10.46741/2686-9764-2020-14-3-353-361.

Законодательная техника является главным структурным элементом юридической техники. Она используется в правотворческом процессе в качестве инструмента для создания исключительно нормативно-правовых предписаний. Применительно к уголовному законодательству (по аналогии и к уголовно-исполнительному) целесообразно оперировать понятием законодательной техники, а в случае анализа правоприменительной деятельности или техники применения уголовного закона необходимо использовать более емкое понятие – юридическая техника [16, с. 5].

В литературе высказывается и иное мнение относительно объема предметного содержания законодательной техники. Так, некоторые авторы полагают, что законодательная техника применяется исключительно для создания законов [19, с. 328]. Не согласимся с данным мнением ввиду одностороннего подхода к изучаемой категории. Если рассматривать законодательную технику только в качестве инструмента создания законов, то остается открытым вопрос о процессе создания подзаконных нормативных актов: используется ли для этого юридическая техника или какая-то иная категория, являющаяся элементом законодательной техники? В первом случае наблюдается очевидное логическое противоречие: для создания закона используется только один из элементов юридической техники, а подзаконных нормативных актов, юридическая сила и значимость которых явно ниже закона, – юридическая техника в целом. Во втором случае, на наш взгляд, нецелесообразно выделять, к примеру, подзаконную или иную законодательную технику по той причине, что в содержание законодательной техники включается весь спектр элементов, используемых при создании как законных,

так и подзаконных нормативно-правовых предписаний. Кроме того, выделяя самостоятельный структурный элемент в законодательной технике, следует констатировать наличие в последней и других элементов. Это вряд ли можно признать справедливым, поскольку законодательная техника призвана обеспечить техническое построение правовой нормы, а не ее толкование и практическое применение. Таким образом, законодательная техника является тем средством (инструментом), который используется при создании нормативных актов [24, с. 106].

В вопросе определения сущности законодательной техники среди ученых единства мнений не наблюдается. Так, в качестве элементов, включаемых в содержание законодательной техники, называются средства и приемы [1, с. 272–273], правила и приемы [7, с. 54–55], приемы и методы [14, с. 66], средства, приемы и правила [12, с. 11], правила, средства, приемы и методы [23, с. 368], правовые средства [5, с. 326] и т. д.

При всей многогранности и сложности исследуемого правового явления в литературе выделяют элементы, составляющие ядро законодательной техники. В теории права к ним иногда относят технические средства и технические приемы [16, с. 5]. По мнению С. С. Алексеева, юридическая (законодательная) техника в содержательном смысле складывается из двух элементов: технических средств и технических приемов. Автор указывает, что, как и в материальной технике (есть средства – машины и оборудование, есть методы и приемы их использования – технология), в праве техническими средствами являются терминология (язык), юридические конструкции, а правовой технологией – способы изложения норм, система отсылок [1, с. 268]. На этом

основании ученый рассматривает средства и приемы в качестве основного содержания законодательной техники. Правила, с его точки зрения, являются стороной, которая характеризует использование технических средств и приемов, поэтому не рассматриваются им в качестве компонента законодательной техники [1, с. 271].

В целом следует согласиться с мнением С. С. Алексеева, но считаем необходимым сделать следующее замечание: технические средства и технические приемы являются основными, но не единственными элементами законодательной техники. Технические правила по отношению к названным компонентам являются вторичными, так как регулируют их применение. Но это обстоятельство, на наш взгляд, нельзя рассматривать в качестве основания для исключения правил из содержания законодательной техники, ибо качество последней напрямую зависит и от того, какие правила используются при применении технических средств и приемов. Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что сам С. С. Алексеев, хотя и не включает рассматриваемые правила в содержание законодательной техники, заявляет об этом некатегорично: использование правил характеризует применение технических средств и технических приемов, «относящееся в основном к внешней форме» [1, с. 271].

В юридической литературе при анализе рассматриваемой категории права предпринята попытка выделения таких подсистем законодательной техники, как внутренняя и внешняя. Внутренняя техника представляется совокупностью операций по переводу законодательной воли в правовое содержание и структуру права. Внешняя техника призвана обеспечить оформление нормативного предписания [13, с. 42–50]. Отмечая безусловную оригинальность данного предложения, следует отметить, что выделение подобных составляющих законодательной техники должно вести к обозначению средств и приемов, которые присущи исключительно внутренней или внешней технике. Однако осуществить подобную дифференциацию, как представляется, достаточно сложно, поскольку подавляющее число приемов и средств имеют непосредственное отношение и к формированию содержательной части нормативного акта, и к внешней оболочке последнего.

На основании изложенного определим законодательную технику следующим образом: законодательная техника – это составная часть юридической техники, представляющая собой совокупность средств, приемов и правил, выработанных наукой и

практикой, которые используются органами государственной власти при осуществлении в пределах своей компетенции правотворческой деятельности по разработке и оформлению текста закона, а равно иного нормативного предписания.

Характеризуя понятие законодательной техники, следует рассмотреть ее средства, под которыми понимаются допустимые правом и законом предметы и явления, с помощью которых обеспечивается достижение поставленных целей и получение необходимых результатов. К средствам законодательной техники относятся юридические понятия, термины, конструкции, иные правовые явления, включающие юридические презумпции, перечисления, юридические фикции и символы.

Юридическое понятие – это элемент законодательной техники, в котором закреплены характеристики, отражающие существенные признаки явлений объективной действительности. Понятие по сравнению с категорией «термин» носит обобщенный абстрактный характер, например: наряду с понятием «хищение» в уголовном законодательстве закреплены конкретные формы хищения – кража, присвоение, растрата. В отличие от понятия, термин необходимо рассматривать как слово или совокупность слов, что составляет выражение, характеризующее конкретное понятие, существенные признаки которого обозначены точными пределами и рамками, что в полной мере адекватно описывает содержательную сторону того или иного правового понятия, например «совокупность преступлений».

Под юридической конструкцией понимается структурное расположение правового материала, которое характеризуется внутренним единством прав, обязанностей и формами ответственности соответствующих лиц [6, с. 781]. По мнению С. С. Алексеева, под юридической конструкцией понимаются как бы готовые образцы, схемы, в которые облекается правовой материал [1, с. 276]. А. Ф. Черданцев рассматривает категорию юридической конструкции как идеальную модель, отражающую структурное строение урегулированных правом общественных отношений [25, с. 15]. Фактически юридическая конструкция является результатом отображения существующей действительности. Образование юридической конструкции производится в результате абстракции, а проводимые исследования данной конструкции дают возможность скрупулезно изучить регулируемые общественные отношения. К юридическим

конструкциям в процессе их создания предъявляются следующие требования: регулятивная норма должна гарантироваться охранительной нормой, иначе в случае неисполнения обязанностей и нарушения запрета в отношении нарушителя не применяется мера юридической ответственности; наряду с материальной нормой должна быть закреплена соответствующая процессуальная норма, которая обеспечивает реализацию материальных правомочий; закрепление правомочий субъекта должно происходить одновременно с закреплением корреспондирующих обязанностей соответствующих субъектов, которые призваны обеспечить реализацию прав первых; последовательность, непротиворечивость и полнота.

Характеризуя категорию юридической конструкции, Т. В. Кашанина указывает на жесткий характер связи между ее элементами. Отсутствие одного из элементов неизбежно приводит к разрушению конструкции в целом [15, с. 180]. Примером юридической конструкции в уголовном законодательстве Российской Федерации может служить уголовно-правовая конструкция, регламентирующая основания освобождения от уголовной ответственности.

По мнению многих ученых-юристов, к средствам законодательной техники необходимо отнести юридические презумпции, сущность которых заключается в выдвижении предположения, на основании которого делается вывод, имеющий правовое значение. Юридическая презумпция – средство законодательной техники, заключающееся в выдвижении в форме предположения о наличии определенных фактов, событий, явлений, ситуаций, связей, которые признаются истинными, пока не доказано обратное. Выделяют общеправовые презумпции, которые рассматриваются как основополагающие универсальные принципы права в целом, и специальные презумпции, имеющие отраслевое и межотраслевое правовое значение, но не достигающие уровня общеправовых презумпций-принципов. Пример презумпции в уголовном праве – это презумпция предвидения возможности наступления общественно опасных последствий в формах вины по УК РФ.

В современной правовой науке к средству законодательной техники относятся правовые аксиомы – устоявшиеся положения, которые не требуют доказательств в ходе правового разбирательства и в целом способствуют более оптимальному процессу правового регулирования, упрощая вопросы правоотношения субъектами правоотношений. Без-

условно, высокая роль правовых аксиом в современном правовом поле обуславливает факт их закрепления как одного из средств законодательной техники. Пример аксиомы в УК РФ: «Уголовный закон, устанавливающий преступность деяния, усиливающий наказание или иным образом ухудшающий положение лица, обратной силы не имеет».

Рассматривая средства законодательной техники, необходимо обратить внимание на юридические фикции, сущность которых состоит в признании несуществующего существующим. В отличие от презумпции, имеющей предположительный характер, фикция имеет признак неистинности и применяется в случае, когда иные средства законодательной техники не могут быть использованы. Как отмечает К. Н. Панько, фикции необходимо рассматривать как императивный прием законодательной техники, заключающийся в неопровержимом признании несуществующего существующим и обратно, а также свойство правовой нормы не соответствовать потребностям общества в процессе правотворческой и правоприменительной деятельности [21, с. 112]. Практическое предназначение фикций заключается в том, что при признании несуществующего существующим и обратно происходит процесс минимизации процессуальных издержек от пробелов в праве, что избавляет от необходимости избыточной формализации общественных отношений. В целом юридические фикции способствуют количественному и качественному упрощению нормативного материала, преодолению неопределенности в правовом регулировании, служат целям экономии юридических средств. Например, ч. 5 ст. 34 УК РФ закрепляет фикцию уголовно-правового характера: «В случае недоведения исполнителем преступления до конца по не зависящим от него обстоятельствам остальные соучастники несут уголовную ответственность за приготовление к преступлению или покушение на преступление. За приготовление к преступлению несет уголовную ответственность также лицо, которому по не зависящим от него обстоятельствам не удалось склонить других лиц к совершению преступления».

Наряду с охарактеризованными выше средствами законодательной техники правовое использование имеют юридические символы, с помощью которых происходит закрепление государственно-правовых велений. Юридический символ – это учреждаемый или закрепляемый государственной властью условный образ, являющийся обозримой и слышимой культурно-ценностной субстан-

цией, которую участник правотворческого процесса наделяет особым политико-юридическим содержанием, санкционированный и гарантированный государственной властью и используемый в определенном процедурном порядке. Юридический символ представляет собой искусственный знак, имеющий отличительную примету, художественный образ, в основном визуально воспринимаемый, в некоторых случаях слышимый образ, который создается, санкционируется и охраняется государством, применяемый в особо установленном законом порядке, служащий для выражения и закрепления социально значимого юридического содержания. Исходя из определения юридического символа можно выделить следующие требования, предъявляемые к рассматриваемой категории: наглядность, лаконичность, доступность для восприятия, сочетаемость с текстом закона. Пример символа в уголовном праве – закрепление наказуемости за незаконные приобретение или сбыт государственных наград Российской Федерации, РСФСР, СССР (ст. 324 УК РФ).

К средствам законодательной техники в правовой науке также относят перечисление, которое размещает в определенном порядке в виде списка совокупность предметов или явлений в тексте законодательного акта. Перечисление способствует ясному пониманию закона и имеет целью четкое упорядочение в законе правового материала.

Применительно к отрасли уголовно-исполнительного права предметом законодательной техники является отечественное уголовно-исполнительное законодательство. В отличие от отрасли уголовного права, которая представлена единственным источником – Уголовным кодексом Российской Федерации, уголовно-исполнительное законодательство России включает в свою структуру Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации, иные федеральные законы, международно-правовые акты и подзаконные нормативные акты, принимаемые в установленном порядке федеральными органами исполнительной власти по вопросам исполнения наказаний (ст. 2–4 УИК РФ).

Преимущества объединения источников отрасли права в единый кодифицированный нормативный акт бесспорны: упрощается процедура поиска нормы (группы норм), регламентирующей или охраняющей круг определенных общественных отношений; облегчается достижение единства отраслевой терминологии; обеспечивается построение логически выверенной структуры кодифицированного нормативного акта и т. п. Однако объединение всех источников

отрасли уголовно-исполнительного права в единый нормативный акт осуществить на практике невозможно по причине многообразия общественных отношений, подпадающих под регламентацию названной отрасли: от правового статуса сотрудника уголовно-исполнительной системы и до функционирования коллективов художественной самодеятельности осужденных.

Следует отметить, что УК РФ и УИК РФ имеют равную юридическую силу как федеральные законы. Формально в случае противоречий между положениями указанных нормативных актов должны применяться нормы уголовно-исполнительного права, поскольку УИК РФ был принят позднее УК РФ. Это предположение нашло свое отражение в ст. 4 Федерального закона от 08.01.1997 № 2-ФЗ «О введении в действие Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации», которая, с одной стороны, зафиксировала, что другие законы и иные нормативные правовые акты подлежат приведению в соответствие с УИК РФ, с другой – предписала, что впредь до приведения их в соответствие надлежит применять такого рода акты в части, не противоречащей УИК РФ.

Если строго следовать этому предписанию, необходимо скорректировать ряд положений уголовного законодательства в целях их приведения в соответствие с положениями более «молодого и современного» УИК РФ [17, с. 31]. В этой связи небезынтересно будет отметить, что, несмотря на незначительный разрыв во времени принятия УК РФ и УИК РФ, их положения в части определения некоторых основополагающих институтов различны. К примеру, если уголовное законодательство признает в качестве целей наказания: а) восстановление социальной справедливости; б) исправление осужденного; в) предупреждение преступлений (ч. 2 ст. 43 УК РФ), то в ч. 1 ст. 1 УИК РФ восстановление социальной справедливости не рассматривается как цель национального уголовно-исполнительного законодательства (как цель наказания).

Несмотря на то что обозначенная в УИК РФ позиция по данному вопросу, на наш взгляд, в большей степени соответствует сущности наказания и его целей, представляется верным при подобных коллизиях применять нормы уголовного права.

Общественные отношения, составляющие предмет уголовного права, первичны по сравнению с отношениями, которые регламентированы уголовно-исполнительным законодательством, чьи нормы, помимо всего прочего, регулируют порядок исполнения

наказания, уже назначенного в соответствии с уголовно-правовыми предписаниями. Поэтому, несмотря на равенство юридической силы УК РФ и УИК РФ, в случае возникновения межотраслевых коллизий необходимо применять уголовно-правовые нормы, так как именно они закрепляют основы и собственно уголовного, и, как представляется, уголовно-исполнительного права.

Применительно к рассмотренному случаю, когда нормы уголовно-исполнительного права в большей степени отвечают содержанию института наказания по сравнению с собственно уголовно-правовыми нормами, верным видится решение о внесении соответствующих изменений в ст. 43 УК РФ. Необходимость указанных изменений должна диктоваться не приведением в соответствие положений УК РФ с положениями УИК РФ (как отмечалось выше, это нелогично), а унификацией терминологии и сущности межотраслевых институтов права. Иными словами, выполнение требований законодательной техники должно рассматриваться в качестве основы предлагаемых изменений законодательства криминального цикла.

В свое время французский правовед П. Дельнуа обратил внимание на то обстоятельство, что наука законодательства обычно занимается и должна заниматься вопросами подготовки текста законов в четко определенных рамках: грамматики, стилистики, терминологии, языка, структуры нормативных текстов. Но она должна заниматься и вопросами содержания правовой нормы (под которым им понимается поведение, предписываемое или запрещаемое законом, процедуры, предусмотренные для судопроизводства, и те санкции, которые предусмотрены на случаи нарушения правовых норм (речь идет о «законодательной воле»)) [9, с. 12]. Следовательно, необходимо соблюдение баланса между практической направленностью уголовного законодательства и его, безусловно важной, теоретической составляющей.

Т. А. Желдыбина также небезосновательно утверждает, что техника составления юридических документов или оформления принятого юридического решения в нормативно-правовом акте является во многом определяющей в дальнейшей правотворческой, правореализационной и иных сферах юридической деятельности. Конечная цель правотворчества, по ее мнению, это выработка нормативных предписаний для практических актов [10, с. 80].

А. В. Иванчин в своей докторской диссертации отмечает, что понятия криминализации

и дифференциации уголовной ответственности, взятые в единстве и обозначающие одни из основных видов уголовно-правотворческих работ, затрагивают как сущностную (формирование законодательной воли), так и законодательно-техническую сторону уголовного правотворчества [11, с. 18–19]. В некоторых случаях выбор общей юридической конструкции представляет известную сложность. Так, определенные трудности могут возникать при формулировании в нормативных актах мер правового воздействия в отношении несовершеннолетних, нарушивших уголовно-правовой запрет (юридическая ответственность и ее конкретный вид (межотраслевая дифференциация), меры защиты, превентивные средства). Для сущности дела не столь важно, как именно будет запрещено, например, уклонение несовершеннолетнего осужденного от отбывания уголовного наказания. Важно, что это общественно опасное поведение будет запрещено. Для конструирования же соответствующего состава преступления (при такой необходимости) и применяемого за него наказания либо иной меры уголовно-правового воздействия этот вопрос уже будет принципиален как для уголовного, так и для уголовно-исполнительного права в комплексе.

Вместе с тем для достижения целей наказания, повышения его роли как средства противодействия преступным проявлениям необходима система, обеспечивающая реальную возможность применения различных мер уголовно-правового воздействия к несовершеннолетним правонарушителям в зависимости от характера и степени общественной опасности совершенного преступления, личности осужденных и их поведения. Решение этой важной задачи возможно только на основе дифференциации их ответственности. В свою очередь именно дифференцированное исполнение наказания является обязательным условием индивидуализации, справедливости наказания, а следовательно, и его эффективности. Изучение этих проблем представляется важным с позиций технико-юридического конструирования законодательства, поскольку по мере его развития основания, виды и средства дифференциации и индивидуализации ответственности несовершеннолетних изменялись и совершенствовались. Неслучайно законодательно-техническое совершенствование УК РФ и УИК РФ признается одним из генеральных направлений развития российского законодательства криминального цикла в первые десятилетия текущего века [18; 20].

Наконец, в числе современных факторов, повышающих практическое значение законодательной техники в современном уголовном и уголовно-исполнительном праве, является рост популярности самой юридической техники, активное обсуждение в юри-

дической печати необходимости подготовки «специалистов-нормрайтеров» [4], формирование юридического сообщества, которое постепенно приобретает такие объективно необходимые атрибуты, как специфические профессиональные этика и техника [8].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Алексеев, С. С.** Общая теория права. В двух томах. Том II / С. С. Алексеев. – Москва : Юрид. лит., 1982. – 359 с.
2. **Артемьев, В. М.** Правопорядок как целеполагающий ресурс развития законодательной техники в современном обществе / В. М. Артемьев // Законотворческая техника современной России: состояние, проблемы, совершенствование : сборник научных статей. – Нижний Новгород : Нижегородская академия МВД РФ, 2001. – С. 65–70. – ISBN 5-88840-020-3.
3. **Бабаев, В. К.** Теория государства в схемах и определениях : учебное пособие / В. К. Бабаев, В. М. Баранов, В. А. Толстик. – Москва : Юрист, 1999. – 209 с. – ISBN 5-7975-0103-1.
4. **Баранов, В. М.** Нормрайтер как профессия / В. М. Баранов // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2017. – № 6. – С. 16–29.
5. **Бережнов, А. Г.** Проблемы теории государства и права : учебное пособие / А. Г. Бережнов, А. П. Глебов, А. А. Кененов [и др.] ; под редакцией М. Н. Марченко. – Москва : Проспект, 1999. – 504 с. – ISBN 5-8369-0007-8.
6. Большой юридический словарь / под редакцией А. Я. Сухарева, В. Д. Зорькина, В. Е. Крутских. – Москва : ИНФРА-М, 1997. – 795 с. – ISBN 5-86225-578-8.
7. **Венгеров, А. Б.** Теория государства и права. Часть 2. Теория права. Том 1 / А. Б. Венгеров. – Москва : Юрист, 1996. – 166 с.
8. **Давыдова, М. Л.** Теоретические и методологические проблемы понятия и состава юридической техники : диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук / Давыдова Марина Леонидовна. – Волгоград, 2010. – 408 с.
9. **Дельнуа, П.** Роль науки законодательства и законоведов в определении содержания правовой нормы / П. Дельнуа // Очерки по методологии законодательства : материалы Первого конгресса Европейской ассоциации содействия законодательству. – Баден-Баден : Nomos Verlagsgesellschaft, 1996. – С. 12–21. – ISBN 3-7890-4174-2.
10. **Желдыбина, Т. А.** Законотворчество в России: эволюция и современность / Т. А. Желдыбина. – Москва : ИНФРА-М, 2015. – 178 с. – ISBN 978-5-16-010572-7.
11. **Иванчин, А. В.** Концептуальные основы конструирования состава преступления : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук / Иванчин Артем Владимирович. – Екатеринбург, 2015. – 50 с.
12. **Иванчин, А. В.** Уголовно-правовые конструкции и их роль в построении уголовного законодательства : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Иванчин Артем Владимирович. – Екатеринбург, 2003. – 26 с.
13. **Иванчин, А. В.** Уголовно-правовые конструкции и их роль в построении уголовного законодательства : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Иванчин Артем Владимирович. – Ярославль, 2003. – 201 с.
14. **Ильин, И. К.** О форме и стиле правовых актов (Некоторые вопросы законодательной техники) / И. К. Ильин, Н. В. Миронов // Советское государство и право. – 1960. – № 12. – С. 65–73.
15. **Кашанина, Т. В.** Юридическая техника : учебник / Т. В. Кашанина. – Москва : Эксмо, 2007. – 510 с. – ISBN 5-699-19390-1.
16. **Кругликов, Л. Л.** О средствах законодательной техники в уголовном праве / Л. Л. Кругликов // Проблемы юридической техники в уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве : сборник научных статей / ответственный редактор Л. Л. Кругликов. – Ярославль : ЯрГУ, 1996. – С. 3–15.
17. **Кругликов, Л. Л.** Юридические конструкции и символы в уголовном праве / Л. Л. Кругликов, О. Е. Спиридонова. – Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 2005. – 336 с. – ISBN 5-94201-428-0.
18. **Кузнецова, Н. Ф.** Главные тенденции развития российского уголовного законодательства / Н. Ф. Кузнецова // Уголовное право в XXI веке : материалы международной научно-практической конференции на юридическом факультете МГУ им. М. В. Ломоносова, 31 мая – 1 июня 2001 г. – Москва : ЛексЭСТ, 2002. – С. 12–18. – ISBN 5-901638-13-1.
19. **Лесниевски-Костарева, Т. А.** Уголовное право : словарь-справочник / Т. А. Лесниевски-Костарева. – Москва : Норма : Инфра-М, 2000. – 422 с. – ISBN 5-89123-237-5.
20. **Михлин, А. С.** Перспективы развития уголовно-исполнительного законодательства / А. С. Михлин // Уголовное наказание в России и за рубежом: теория и практика : сборник материалов международной научно-практической конференции / ответственный редактор В. В. Попов. – Вологда : ВИПЭ Минюста России, 2005. – С. 34–42. – ISBN 5-94991-013-3.
21. **Морозова, Л. А.** Юридическая техника: обзор материалов научно-методического семинара / Л. А. Морозова // Государство и право. – 2000. – № 11. – С. 108–120.
22. **Нашиц, А.** Правотворчество. Теория и законодательная техника / А. Нашиц. – Москва : Прогресс, 1974. – 256 с.
23. Общая теория государства и права. В 2 томах. Том 2 / под редакцией М. Н. Марченко. – Москва : Норма : ИНФРА-М, 2013. – 816 с. – ISBN 978-5-91768-410-9.
24. **Санташов, А. Л.** Теоретические основы дифференциации и индивидуализации ответственности несовершеннолетних в уголовном и уголовно-исполнительном праве : диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук / Санташов Андрей Леонидович. – Казань, 2019. – 408 с.
25. **Черданцев, А. Ф.** Юридические конструкции, их роль в науке и практике / А. Ф. Черданцев // Правоведение. – 1972. – № 3. – С. 12–19.

REFERENCES

1. Alekseev S. S. *Obshchaya teoriya prava. V dvuh tomah. Tom II* [General theory of law. In two volumes. Vol. II]. Moscow, 1982. 359 p. (In Russ.).
2. Artemov V. M. *Pravoporyadok kak celepolagayushchij resurs razvitiya zakonodatel'noj tekhniki v sovremennom obshchestve* [The rule of law as a goal-setting resource for the development of legislative technique in modern society]. *Zakonotvorcheskaya tekhnika sovremennoj Rossii: sostoyanie, problemy, sovershenstvovanie* [Legislative technique of modern Russia: state, problems, improvement]. Nizhny Novgorod, 2001, pp. 65–70. (In Russ.).
3. Babaev V. K., Baranov V. M., Tolstik V. A. *Teoriya gosudarstva v skhemah i opredeleniyah* [State theory in schemes and definitions]. Moscow, 1999. 209 p. (In Russ.).

4. Baranov V. M. Normorajter kak professiya [Normwriter as a profession]. *Vestnik Saratovskoj gosudarstvennoj yuridicheskoy akademii – Bulletin of the Saratov State Law Academy*, 2017, no. 6, pp. 16–29. (In Russ.).
5. Berezhnov A. G., Glebov A. P., Kenenov A. A., Komarov S. A., Lejst O. E., Mal'ko A. V., Marchenko M. N., Machin I. F., Orekhova T. R., Popkov V. D. *Problemy teorii gosudarstva i prava* [Problems of the theory of state and law]. Moscow, 1999. 504 p. (In Russ.).
6. Suharev A. Ya., Zor'kin V. D., Krutskih V. E. (red.) *Bol'shoj yuridicheskij slovar'* [Big Law Dictionary]. Moscow, 1997. 795 p. (In Russ.).
7. Vengerov A. B. *Teoriya gosudarstva i prava. CHast' 2. Teoriya prava. Tom 1* [Theory of State and Law. Part 2. Theory of law. Vol. 1]. Moscow, 1996. 166 p. (In Russ.).
8. Davydova M. L. *Teoreticheskie i metodologicheskie problemy ponyatiya i sostava yuridicheskoy tekhniki*. Diss. dokt. yurid. nauk [Theoretical and methodological problems of the concept and composition of legal technology. Diss. Dsc. in Law]. Volgograd, 2010. 408 p. (In Russ.).
9. Del'nua P. Rol' nauki zakonotvorchestva i zakonovedov v opredelenii soderzhaniya pravovoy normy [The role of lawmaking science and lawyers in determining the content of a legal norm]. *Ocherki po metodologii zakonotvorchestva* [Essays on the methodology of lawmaking]. Baden Baden, 1996, pp. 12–21. (In Russ.).
10. Zheldybina T. A. *Zakonotvorchestvo v Rossii: evolyuciya i sovremennost'* [Lawmaking in Russia: evolution and modernity]. Moscow, 2015. 178 p. (In Russ.).
11. Ivanchin A. V. *Conceptual'nye osnovy konstruirovaniya sostava prestupleniya*. Avtoref. diss. dokt. yurid. nauk [Conceptual foundations for constructing corpus delicti. Author's abstract of the diss. Dsc. in Law]. Ekaterinburg, 2015. 50 p. (In Russ.).
12. Ivanchin A. V. *Ugolovno-pravovye konstrukcii i ih rol' v postroenii ugovnogo zakonodatel'stva*. Avtoref. diss. kand. yurid. nauk [Criminal legal structures and their role in the construction of criminal legislation. Author's abstract of the diss. PhD. in Law]. Ekaterinburg, 2003. 26 p. (In Russ.).
13. Ivanchin A. V. *Ugolovno-pravovye konstrukcii i ih rol' v postroenii ugovnogo zakonodatel'stva*. Diss. kand. yurid. nauk [Criminal legal structures and their role in the construction of criminal legislation. Diss. PhD. in Law]. Yaroslavl, 2003. 201 p. (In Russ.).
14. Il'in I. K., Mironov N. V. O forme i stile pravovykh aktov (Nekotorye voprosy zakonodatel'noj tekhniki) [On the form and style of legal acts (Some questions of legislative technique)]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo – Soviet state and law*, 1960, no. 12, pp. 65–73. (In Russ.).
15. Kashanina T. V. *Yuridicheskaya tekhnika* [Legal technique]. Moscow, 2007. 510 p. (In Russ.).
16. Kruglikov L. L. O sredstvakh zakonodatel'noj tekhniki v ugovnom prave [On the means of legislative technique in criminal law]. *Problemy yuridicheskoy tekhniki v ugovnom i ugovno-processual'nom zakonodatel'stve* [Problems of legal technology in criminal and criminal procedure legislation]. Yaroslavl, 1996, p. 3–15. (In Russ.).
17. Kruglikov L. L., Spiridonova O. E. *Yuridicheskie konstrukcii i simvol'y v ugovnom prave* [Legal constructions and symbols in criminal law]. St. Petersburg, 2005. 336 p. (In Russ.).
18. Kuznecova N. F. Glavnye tendencii razvitiya rossijskogo ugovnogo zakonodatel'stva [Main trends in the development of Russian criminal legislation]. *Materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii «Ugolovnoe pravo v XXI veke»* [Materials of the international scientific-practical conference «Criminal law in the XXI century»]. Moscow, 2002, pp. 12–18. (In Russ.).
19. Lesnievski-Kostareva T. A. *Ugolovnoe pravo* [Criminal law]. Moscow, 2000. 422 p. (In Russ.).
20. Mihlin A. S. Perspektivy razvitiya ugovno-ispolnitel'nogo zakonodatel'stva [Prospects for the development of penal legislation]. *Sbornik materialov mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii «Ugolovnoe nakazanie v Rossii i za rubezhom: teoriya i praktika»* [Collection of materials of the international scientific-practical conference «Criminal punishment in Russia and abroad: theory and practice»]. Vologda, 2005, pp. 34–42. (In Russ.).
21. Morozova L. A. Yuridicheskaya tekhnika: obzor materialov nauchno-metodicheskogo seminar [Legal technique: a review of the materials of the scientific and methodological seminar]. *Gosudarstvo i pravo – State and law*, 2000, no. 11, pp. 108–120. (In Russ.).
22. Nashic A. *Pravotvorchestvo. Teoriya i zakonodatel'naya tekhnika* [Lawmaking. Theory and legislative technique]. Moscow, 1974. 256 p. (In Russ.).
23. Marchenko M. N. (red.) *Obshchaya teoriya gosudarstva i prava. V 2 tomah. Tom 2* [General theory of state and law. In 2 vol. Vol. 2]. Moscow, 2013. 816 p. (In Russ.).
24. Santashov A. L. *Teoreticheskie osnovy differenciacii i individualizacii otvetstvennosti nesovershennoletnih v ugovnom i ugovno-ispolnitel'nom prave*. Diss. dokt. yurid. nauk [The theoretical foundations of differentiation and individualization of the responsibility of minors in criminal and penal law. Diss. Dsc. in Law]. Kazan, 2019. 408 p. (In Russ.).
25. SHERDANCEV A. F. Yuridicheskie konstrukcii, ih rol' v nauke i praktike [Legal constructions, their role in science and practice]. *Pravovedenie – Jurisprudence*, 1972, no. 3, pp. 12–19. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTORS

АНДРЕЙ ЛЕОНИДОВИЧ САНТАШОВ – профессор кафедры уголовного права и криминологии Северо-Западного института (филиала) Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Вологда, Российская Федерация, главный научный сотрудник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация, доктор юридических наук, доцент. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1044-1697>, e-mail: santashov@list.ru
ЕЛЕНА АНАТОЛЬЕВНА МУХТАРОВА – заместитель начальника кафедры гражданско-правовых дисциплин юридического факультета Вологодского института права и экономики ФСИН России. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5391-7291>, e-mail: mukhtarova-9@mail.ru
ВИКТОР СЕРГЕЕВИЧ ТАНЦЮРА – преподаватель кафедры профессиональной деятельности сотрудников подразделений экономической безопасности Нижегородской академии МВД России, г. Нижний Новгород, Российская Федерация. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0261-4271>, e-mail: victor130381@rambler.ru

ANDREI L. SANTASHOV – Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the North-West Institute (branch) of the Moscow State Law University named after O.E. Kutafin (Moscow State Law Academy), Vologda, Russian Federation, Chief Researcher of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation Dsc. in Law, Associate Professor. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1044-1697>, e-mail: santashov@list.ru
ELENA A. MUKHTAROVA – Deputy Head of the Department of Civil Law Disciplines of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5391-7291>, e-mail: mukhtarova-9@mail.ru
VIKTOR S. TANTSYURA – Lecturer at the Department of Professional Activities of Employees of Economic Security Units of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Nizhny Novgorod, Russian Federation. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0261-4271>, e-mail: victor130381@rambler.ru

Анализ проекта «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации для обеспечения потерпевшему, подозреваемому, обвиняемому возможности примирения»

Н. В. МАШИНСКАЯ

Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова,
г. Архангельск, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1942-7288>, e-mail: n.mashinskaya@narfu.ru

Реферат. Проблема законодательного регулирования процедуры примирения потерпевшего с подозреваемым, обвиняемым до определенного времени была лишь предметом обсуждения в научной литературе. В то же время потребность государства в поиске мер, способных устранять последствия преступлений без применения ординарных уголовно-процессуальных процедур, актуализировала работу по внедрению в уголовное судопроизводство альтернативных способов урегулирования уголовно-правового конфликта. Учитывая настоятельную необходимость применения указанной процедуры на практике, Межрегиональный общественный центр «Судебно-правовая реформа» разработал и разместил на своем сайте проект федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации для обеспечения потерпевшему, подозреваемому, обвиняемому возможности примирения». Для реализации процедуры примирения в уголовном судопроизводстве разработчики законопроекта предлагают включить в УПК РФ новую главу.

Автор статьи критически оценивает предпринятую попытку в силу противоречивости ряда новелл, их неопределенности и несогласованности с нормами уголовно-процессуального закона. Для устранения существующих недостатков предлагается предусмотреть отдельную статью, определяющую процессуальный статус примирителя, и включить указанную норму в гл. 8 УПК РФ. В качестве гарантии права потерпевшего, подозреваемого, обвиняемого на примирение рассматривается внесение соответствующего дополнения в уголовно-процессуальные нормы, регламентирующие правовой статус названных участников уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: уголовно-правовой конфликт; восстановление прав потерпевшего; уголовно-процессуальный статус.

12.00.09 – Уголовный процесс.

Для цитирования: Машинская Н. В. Анализ проекта «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации для обеспечения потерпевшему, подозреваемому, обвиняемому возможности примирения». *Пенитенциарная наука*. 2020; 14(3):362–367. DOI 10.46741/2686-9764-2020-14-3-362-367.

Analysis of the project “On amendments to certain legislative acts of the Russian Federation to provide the victim, suspect, accused with the possibility of reconciliation”

N. V. MASHINSKAYA

Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov, Arkhangelsk,
Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1942-7288>, e-mail: n.mashinskaya@narfu.ru

Abstract. The problem of legislative regulation of the procedure for reconciliation of the victim with the suspected, the accused until a certain time was only a subject of discussion in the scientific literature. At the same time the state's need to find measures that

can eliminate the consequences of crimes without the use of ordinary criminal procedures has actualized the work on introducing alternative methods of settling the criminal-legal conflict into criminal proceedings. Given the urgent need to apply this procedure in practice, the Interregional Public Center "Judicial and Legal Reform" has developed and posted on its website a draft federal law "On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation to Provide the Victim, Suspect, and Accused with the Possibility of Reconciliation." To implement the procedure for reconciliation in criminal proceedings, the drafters of the bill propose to include a new chapter in the Criminal Procedure Code of the Russian Federation (hereinafter referred to as the Criminal Procedure Code of the Russian Federation).

The author of the article critically evaluates the attempt due to the inconsistency of a number of novels, their uncertainty and inconsistency with the norms of the criminal procedure law. To eliminate the existing shortcomings, it is proposed to provide a separate article defining the procedural status of the conciliator and to include the specified rule in Ch. 8 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. As a guarantee of the right of the victim, suspect, accused to reconciliation, the introduction of an appropriate addition to the criminal procedure norms governing the legal status of the named participants in criminal proceedings is considered.

Key words: criminal law conflict; restoration of the victims rights; criminal procedural status.

12.00.09 – Criminal procedure.

For citation: Mashinskaya N. V. Analysis of the project "On amendments to certain legislative acts of the Russian Federation to provide the victim, suspect, accused with the possibility of reconciliation". *Penitenciarная наука = Penitentiary Science*. 2020; 14(3):362–367. (In Russ.). DOI 10.46741/2686-9764-2020-14-3-362-367.

В большинстве стран Западной Европы примирение потерпевшего с обвиняемым (медиация) рассматривается как альтернатива уголовному преследованию и наказанию. Признавая важную роль примирения в разрешении уголовно-правового конфликта, зарубежные теоретики и правоприменители единодушно исходят из концепции целесообразности уголовного преследования виновного и его наказания, однако законодательное регулирование медиации весьма разнообразно.

Так, в Англии медиация не регламентирована на законодательном уровне, хотя попытки урегулировать указанную деятельность путем включения новых правовых институтов не только в уголовно-процессуальное, но и гражданско-правовое законодательство предпринимаются. Во Франции процедура медиации закреплена в уголовно-процессуальном законе, а также подзаконных актах, дополняющих закон и предписывающих, кто вправе проводить медиацию между потерпевшим и обвиняемым. В голландском и бельгийском праве медиация представляет собой смежный уголовно-правовой и уголовно-процессуальный институт [1, с. 66–80, 92–98, 121–123].

Альтернативные процедуры позволяют снизить карательную роль государства за счет делегирования права разрешения уголовно-правового конфликта самим его участникам, что в итоге обеспечивает процессуальную экономию, гарантирует вос-

становление прав потерпевшего, принятие виновным ответственности за совершенное преступление. Несмотря на насущную потребность в реализации примирения по уголовным делам в отечественной правоприменительной практике, в действующем УПК РФ отсутствует регламентация указанной процедуры. Вместе с тем опыт отдельных регионов России убедительно демонстрирует необходимость законодательного регулирования с целью распространения положительных результатов в обозначенной сфере и обеспечения единообразия рассматриваемой деятельности на всей территории страны [2]. Многочисленные обсуждения в юридической литературе нового для отечественного уголовного судопроизводства института создали необходимую почву для дальнейших разработок, результатом чего стал законопроект, подготовленный Межрегиональным общественным центром «Судебно-правовая реформа», «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации для обеспечения потерпевшему, подозреваемому, обвиняемому возможности примирения» (далее – Проект).

Фактически Проект является первым документом, содержание которого составляет конкретное нормативно-правовое регулирование медиации по уголовным делам.

В положительном ключе следует отметить, что Проект не ограничивает возможность реализации процедуры какими-либо

условиями, в том числе категорией преступления, тем самым предоставляя широкие возможности для примирения участников процесса. По замыслу разработчиков, подозреваемый, обвиняемый и потерпевший вправе примириться на любом этапе производства по уголовному делу, самостоятельно определить условия примирения, конкретные действия, необходимые для заглаживания причиненного вреда. Такой подход увеличит вероятность восстановления нарушенного права потерпевшего, что далеко не всегда удается в ходе традиционных способов разрешения конфликта. В то же время предлагаемый порядок налагает на правоприменителя дополнительные обязанности по разъяснению права на примирение, оказанию содействия сторонам в его реализации. Учитывая, что результатом примирительной процедуры не всегда будет прекращение уголовного дела (за исключением уголовных дел о преступлениях небольшой и средней тяжести), можно предположить, что рассматриваемая новелла вряд ли будет положительно принята представителями органов предварительного расследования. В этой связи следует признать удачным предложение авторов Проекта о придании уголовно-правового значения заключению примирительного договора и его исполнению, в частности об учете результатов исполнения его условий при условном осуждении (п. 3 ст. 1 Проекта). Наряду с этим предлагается принимать во внимание наличие договора при избрании меры пресечения, других мер процессуального принуждения, а также при разрешении уголовного дела по существу (ч. 1 ст. 28⁷ Проекта). Вместе с тем документ выглядел бы более завершенным и целенаправленным, если бы одновременно предполагал внесение изменений в ст. 61 УК РФ, устанавливающую обстоятельства, смягчающие наказание. Такое регулирование, во-первых, стимулировало бы правоприменителя к выяснению намерений сторон примириться, что усиливало бы гарантии реализации права на примирение, поскольку обстоятельства, смягчающие наказание, входят в предмет доказывания по уголовному делу (ч. 1 ст. 73 УК РФ) и подлежат обязательному отражению в обвинительном заключении (обвинительном акте, обвинительном постановлении) (п. 7 ч. 1 ст. 220, п. 7 ч. 1 ст. 225 УК РФ). Во-вторых, фактически была бы исключена необходимость принятия новой нормы, регламентирующей последствия примирения сторон (ст. 28⁷ Проекта).

Целесообразным и логичным представляется предложение разработчиков Проекта о включении в УК РФ формулировки понятий «примиритель» и «примирительная процедура». Как большинство уголовно-процессуальных терминов, их предлагается раскрыть в ст. 5 УК РФ (п. 29¹ и 29² соответственно). Заслуживает одобрения и сама формулировка предлагаемых категорий. Так, привлекая к участию в уголовном деле примирителя, следователь (дознатель), суд либо стороны будут ориентироваться на приглашение независимого от участников конфликта посредника, имеющего специальную подготовку по разрешению уголовно-правового спора. Вместе с тем в Проекте отсутствуют предложения относительно придания самостоятельного процессуального статуса примирителю, что, по нашему мнению, делает неопределенным его права и обязанности по отношению как к сторонам, так и к лицам, ведущим производство по уголовному делу. Наличие отдельной статьи, определяющей правовое положение примирителя, избавило бы от необходимости включения целого ряда норм, регламентирующих процессуальный порядок примирения по уголовному делу, позволило бы сэкономить нормативный материал, повысило бы внимание правоприменителя к процессуальной фигуре примирителя. Например, ч. 2 ст. 28³ Проекта фактически определяет права примирителя, указывая, что примиритель вправе получить сведения об обвиняемом, подозреваемом и потерпевшем, а также знакомиться с материалами уголовного дела в необходимом для участия в примирении объеме. Часть 2 ст. 28² Проекта закрепляет принципы, на основе которых примиритель обязан строить свою деятельность в рамках уголовного дела, а в ч. 3 указанной статьи содержится запрет на применение насилия, угроз, обмана и других незаконных действий в ходе примирения. Представляется, что указанные положения вполне могли бы образовать норму об обязанностях примирителя, например «примиритель обязан проводить примирительную процедуру на основе принципа конфиденциальности, добровольности, сотрудничества и равноправия сторон»; «примиритель не вправе применять насилие, угрозы, обман и другие незаконные методы примирения». Аналогичное значение имеет норма 28⁴ Проекта, регламентирующая участие примирителя в примирении сторон. В частности, в норме, определяющей процессуальный статус примирителя, можно было бы отраз-

ить правила о сохранении независимости примирителя от сторон и должностных лиц, ведущих производство по делу, содействию сторонам в выработке условий примирения, возможности посещать места содержания под стражей и медицинские стационары с целью проведения примирительных встреч. Права и обязанности примирителя целесообразно было бы предусмотреть в ст. 60¹ УПК РФ, разместив в гл. 8 «Иные участники уголовного судопроизводства». Для обеспечения беспристрастности примирителя следовало бы перечислить в ст. 61 УПК РФ основания для его отвода сторонами и другими участниками, имеющими на это право, вместо введения предлагаемой Проектом нормы, закрепленной в ч. 1 ст. 28⁴.

Отсутствие специального правового статуса примирителя порождает непоследовательность регламентации его участия, вносит противоречивость в оценку результатов его деятельности, приводит к несогласованности между предлагаемыми и действующими уголовно-процессуальными нормами. Так, ч. 3 ст. 28⁴ анализируемого Проекта предписывает примирителю сообщать в письменной форме должностному лицу о результатах своей деятельности путем направления заключения. Во-первых, нигде в законопроекте не устанавливаются форма и содержание заключения примирителя, отчего непонятно, что именно должно быть в нем отражено. В нормах Проекта речь идет только о примирительном договоре (ст. 28⁶). Во-вторых, не вполне ясно, какое процессуальное значение будет иметь этот документ, направляемый следователю (дознавателю) либо суду. Согласно действующему законодательству заключение является процессуальной формой результата деятельности эксперта или специалиста (ч. 1 и 3 ст. 80 УПК РФ) и имеет доказательственное значение. Перечень доказательств установлен ч. 2 ст. 74 УПК РФ и является исчерпывающим.

Весьма противоречивым представляется предложение допрашивать примирителя по правилам допроса специалиста (ч. 4 ст. 80 УПК РФ) в целях разъяснения представленного им заключения. В соответствии с ч. 2 ст. 28⁴ Проекта примиритель действует на основе конфиденциальности и не вправе разглашать сведения об участниках процедуры примирения. Кроме того, ч. 2 ст. 28⁷ Проекта однозначно содержит запрет на допрос всех участников процедуры примирения (включая примирителя). Для этого разработчики предлагают распространить

свидетельский иммунитет на примирителя, законного представителя, представителя, участвовавших в примирительной процедуре, путем внесения дополнения в ч. 3 ст. 56 УПК РФ (п. 4 ч. 2 ст. 28⁷ Проекта). Наконец, исходя из предлагаемой формулировки понятия «примиритель», данная фигура привлекается к участию в деле лишь для примирения сторон, и если буквально толковать норму, то выполнение каких-либо других процессуальных задач на нее не может быть возложено.

Для эффективной реализации процедуры примирения по уголовным делам крайне важно предусмотреть право участников уголовного процесса на примирение. Этой задаче посвящена ст. 28² Проекта, однако приведенные в указанной норме предложения более органично, во избежание дублирования и излишнего загромождения текста закона, включить в действующие нормы. Так, право, закрепленное в ч. 1 ст. 28² Проекта, вполне можно включить в нормы, определяющие процессуальный статус потерпевшего (ст. 42 УПК РФ), подозреваемого (ст. 46 УПК РФ), обвиняемого (ст. 47 УПК РФ). Например, в ч. 2 ст. 42 УПК РФ можно ввести п. 9¹, где зафиксировать право потерпевшего «примириться с подозреваемым, обвиняемым самостоятельно либо путем привлечения независимого посредника на любом этапе производства по уголовному делу, в том числе по делам о тяжких и особо тяжких преступлениях». Здесь же можно предусмотреть, что с целью примирения потерпевший вправе заключить примирительный договор. Аналогичным правом следует наделять подозреваемого (п. 9¹ ст. 46 УПК РФ), обвиняемого (п. 14¹ ст. 47 УПК РФ). Применительно к последним дополнительно необходимо закрепить право на свидание с примирителем без ограничения во времени, а в отношении обвиняемого также важно указать на то, что осуждение или оправдание обвиняемого не препятствует его примирению с потерпевшим и другими заинтересованными лицами (ч. 5 ст. 28² Проекта). Наличие права на примирение в нормах УПК РФ (наряду с включением в ст. 61 УК РФ в качестве обстоятельства, смягчающего наказание, наличие заключенного между подозреваемым, обвиняемым и потерпевшим примирительного договора) корреспондирует с обязанностью следователя (дознавателя), судьи разъяснять потерпевшему, подозреваемому и обвиняемому такое право и содействовать его реализации. Сказанное вытекает из содержания ст. 11 УПК РФ, име-

ющей принципиальное для уголовного судопроизводства значение. Кроме того, любое следственное действие, осуществляемое следователем, дознавателем с участием потерпевшего, подозреваемого, обвиняемого, требует разъяснения прав, предусмотренных ст. 42, 46, 47 УПК РФ. В рамках сложившейся на данный момент практики следователи и дознаватели составляют протокол разъяснения прав подозреваемому, обвиняемому перед допросом указанных лиц. Добросовестное отношение к своим процессуальным обязанностям станет важнейшей гарантией реализации права на примирение заинтересованных участников. Ходатайство о применении процедуры примирения перечисленные субъекты вправе заявлять на общих основаниях, как и любое другое ходатайство, на любом этапе производства по делу. Привлечение же примирителя к участию в деле может осуществляться посредством включения в УПК РФ новой нормы – ст. 168¹ «Участие примирителя», которую можно сформулировать по аналогии с нормой об участии специалиста, предусмотрев, что следователь (дознаватель) при наличии желания сторон примириться обязан привлечь примирителя.

Целесообразность включения в действующий УПК РФ ряда норм, предлагаемых Проектом, весьма сомнительна. Например, не вполне оправданным видится предложение о приостановлении производства по уголовному делу для примирения сторон (ст. 28⁵ Проекта). Включение этой нормы нарушает логику законодателя, поскольку все основания для приостановления производства по делу, предусмотренные ст. 208 УПК РФ, связаны с невозможностью участия лица, действия которого расследуются (то есть подозреваемого, обвиняемого). В остальных случаях должна осуществляться активная правоприменительная деятельность. Сказанное относится и к судебному разбирательству, тем более что по правилам ст. 253 УПК РФ в подобных случаях оно откладывается. Указанная норма достаточно часто применяется, когда суд дает сторонам возможность предоставить доказательства состоявшегося примирения. Анализируемое положение не увязывается с принципом разумного срока уголовного судопроизводства, устанавливаемого как раз для соблюдения прав сторон на быстрое разрешение уголовно-правового конфликта (ст. 6¹ УПК РФ). Нелогичным с точки зрения уголовно-процессуального закона выглядит положение, предусмотренное ч. 4 ст. 28⁵

Проекта: оно позволяет в случае недостижения в установленный срок примирения и невыполнения подозреваемым, обвиняемым условий примирения без возобновления производства по уголовному делу в стадии предварительного расследования и судебного разбирательства продлевать срок приостановления. Во-первых, непонятно, почему при наличии этих двух условий необходимо продлевать срок приостановления производства по делу. Если стороны за определенный, установленный, видимо, ими же самими срок не смогли согласовать условия и достичь примирения, то следует ли любой ценой добиваться данного результата, продлевая срок производства по делу и нарушая при этом другие нормы уголовно-процессуального законодательства? Во-вторых, продление срока приостановления не предусматривается действующим УПК РФ, поэтому неясно, должны ли стороны ходатайствовать о принятии такого решения, по чьей инициативе оно может состояться, в каком порядке его следует осуществлять.

Проектом предоставляется возможность примирения на любом этапе производства по делу. Как показывает практика, расследование одноэпизодного уголовного дела осуществляется пять-шесть месяцев, а уголовного дела о тяжких и особо тяжких преступлениях – девять-десять. Как правило, еще несколько месяцев длится судебное разбирательство. Таким образом, разрешение уголовного дела по существу происходит отнюдь не быстро, что исключает необходимость приостановления производства для решения вопроса о примирении сторон, так как реальная возможность для выражения соответствующего волеизъявления сторон обеспечивается.

Отдельного осмысления требует правовое регулирование случая неисполнения условий примирительного договора, особенно тогда, когда производство по делу окончено, а обязательства, предусмотренные договором, еще не выполнены (ч. 3 ст. 28⁶ Проекта). Сомнения в необходимости этой нормы возникают потому, что, соглашаясь на проведение примирительной процедуры, стороны принимают решение по самостоятельному урегулированию вопросов, в разрешении которых они лично заинтересованы. Должно ли государство в лице его уполномоченных органов гарантировать исполнение обязательств, принятых на себя сторонами добровольно? Принимая во внимание то, что наличие примирительного договора Проект предлагает учитывать

при принятии процессуальных решений уже в стадии предварительного расследования, можно предположить, что его условия хотя бы частично должны выполняться в ходе производства по уголовному делу.

Определенная сложность в регулировании вопросов исполнения примирительного договора возникает, когда обвиняемый во время предварительного расследования находится под стражей, а затем осуждается к лишению свободы. В такой ситуации существенно снижается возможность заглаживания вреда, причиненного преступлением, что ставит осужденного в неравные условия с лицом, остающимся на свободе. Неясность возникает относительно того, кто будет контролировать законность обязательств, принимаемых примирительным договором. По замыслу разработчиков Проекта, примирительный договор не может нарушать права и законные интересы других лиц и противоречить закону (ч. 1 ст. 28⁶). Ответственность за законность производства по уголовному делу несет следователь (дознатель) и суд, которые не являются участниками примирительной процедуры и контролировать законность принимаемых на себя сторонами обязательств не могут.

Таким образом, анализируемый Проект не вполне удачно регламентирует процедуру примирения потерпевшего, подозреваемого, обвиняемого, допускает рассогласо-

ванность норм уголовно-процессуального закона, порождает дублирование правил, не дает исчерпывающего ответа на возникающие в процессе применения вопросы. В то же время социальное значение медиации в уголовном судопроизводстве однозначно позволяет сделать вывод о том, что было бы неправильным вообще отказаться от идеи законодательного регулирования примирения по уголовным делам. Осуществлять такую работу необходимо при соблюдении правил экономии нормативного материала, разумного использования имеющегося порядка производства по уголовному делу, соблюдении юридической техники.

Представляется, что совершенствование уголовно-процессуального законодательства в этой части должно происходить за счет внесения соответствующих дополнений в процессуальный статус потерпевшего, подозреваемого, обвиняемого, разработки специальной нормы, определяющей процессуальный статус примирителя и порядок его участия. Это позволит избежать необходимости включения в УПК РФ главы 4¹ и целого ряда других норм, предлагаемых Проектом (например, об изменении редакции ст. 267 (п. 9), 268 (п. 10), дополнении ст. 271 (п. 11), ст. (п. 12)), а также внесения изменений в федеральный закон «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» (ст. 3 Проекта).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Головкин, Л. В. Альтернативы уголовному преследованию в современном праве / Л. В. Головкин. – Санкт-Петербург : Юридический центр «Пресс», 2002. – 542 с. – ISBN 5-94201-118-4.
2. Современное состояние и пути развития уголовной политики : сборник статей по материалам международной научно-практической конференции, посвященной памяти профессоров В. А. Елеонского и Н. А. Огурцова (31 мая – 1 июня 2019 г.) / под общей редакцией Н. Ю. Скрипченко, Я. А. Корнеевой. – Архангельск : Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова, 2019. – 298 с. – ISBN 978-5-261-01408-9.

REFERENCES

1. Golovko L. V. *Al'ternativy ugovolnomu presledovaniyu v sovremennom prave* [Alternatives to criminal prosecution in modern law]. St. Petersburg, 2002. 542 p. (In Russ.).
2. Skripchenko N. YU., Korneeva YA. A. (red.) *Sbornik mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, posvyashchennoj pamyati professorov V. A. Eleonskogo i N. A. Ogurtsova «Sovremennoe sostoyanie i puti razvitiya ugovolnoj politiki»* [Collection of the international scientific-practical conference dedicated to the memory of professors V. A. Eleonsky and N. A. Ogurtsov «Current state and development of criminal policy»]. Arkhangelsk, 2019. 298 p. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTORS

НАТАЛЬЯ ВИКТОРОВНА МАШИНСКАЯ – заведующий кафедрой уголовного права и процесса Северного (Арктического) федерального университета им. М. В. Ломоносова, г. Архангельск, Российская Федерация, кандидат юридических наук, доцент. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1942-7288>, e-mail: n.mashinskaya@narfu.ru

NATALYA V. MASHINSKAYA – Head of the Department of Criminal Law and Procedure of the Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russian Federation, PhD. in Law, Associate Professor. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1942-7288>, e-mail: n.mashinskaya@narfu.ru

Уголовно-процессуальное противодействие преступлениям: сущность, понятие и значение

В. А. КРЫМОВ

Академия управления МВД России, г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1463-6811>, e-mail: krymov-19@mail.ru

Реферат. Термин «противодействие преступности» в настоящее время часто встречается на страницах нормативных правовых актов, научных и учебных изданий и не имеет при этом однозначного определения. Соединив в себе деятельность по выявлению, предупреждению, пресечению и расследованию уголовно наказуемых деяний, совершаемых в различных сферах жизни общества, минимизации вреда, причиненного преступной деятельностью, а также по привлечению к уголовной ответственности лиц, виновных в совершении преступлений, противодействие преступности действительно стало системообразующим понятием при исследовании отдельно взятого вида правоохранительной деятельности.

В этой связи деятельность должностных лиц правоохранительных и судебных органов, связанная с осуществлением предварительного расследования преступлений, производством по уголовному делу, рассматривается как уголовно-процессуальное противодействие преступлениям.

В статье на основании анализа правовой и эмпирической базы, имеющихся теоретических воззрений обосновывается выделение в качестве отдельного направления противодействия преступности уголовно-процессуального, выявляются проблемные вопросы начала его осуществления, а также формулируются выводы и предложения по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства с позиции защиты прав и законных интересов участников уголовно-процессуальных правоотношений.

Ключевые слова: противодействие преступности; противодействие преступлениям; уголовно-процессуальное противодействие; начало производства по уголовному делу; уголовно-процессуальные правоотношения; защита прав и законных интересов.

12.00.09 – Уголовный процесс.

Для цитирования: Крымов В. А. Уголовно-процессуальное противодействие преступлениям: сущность, понятие и значение. *Пенитенциарная наука*. 2020; 14(3):368–373. DOI 10.46741/2686-9764-2020-14-3-368-373.

Criminal procedural delinquency counteraction: essence, concept and meaning

V. A. KRYMOV

Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1463-6811>, e-mail: krymov-19@mail.ru

Abstract. The term “delinquency counteraction” is now often found on the pages of regulatory legal acts, scientific and educational publications, without having an unambiguous definition. Combining the activities of identifying, preventing, suppressing and investigating criminal acts committed in various spheres of society, minimizing harm caused by criminal activity, as well as prosecuting persons guilty of committing crimes, delinquency counteraction has indeed become a systemic concept in research of a separate type of law enforcement activity.

In this regard the activities of officials of law enforcement and judicial bodies related to the preliminary investigation of crimes, criminal proceedings are considered as criminal procedural delinquency counteraction.

Based on the analysis of the legal and empirical base, the existing theoretical views, the article substantiates the allocation of criminal procedural crime as a separate direction, identifies problematic issues of the beginning of its implementation, and also formulates conclusions and proposals for improving criminal procedural legislation from the standpoint of protecting rights and legal interests of participants in criminal procedural legal relations.

Key words: delinquency counteraction; crimes counteraction; criminal procedural opposition; commencement of criminal proceedings; criminal procedural legal relations; protection of rights and legitimate interests.

12.00.09 – Criminal procedure.

For citation: Krymov V. A. Criminal procedural delinquency counteraction: essence, concept and meaning. *Penitenciarnaya nauka = Penitentiary Science*. 2020; 14(3):368–373. (In Russ.). DOI 10.46741/2686-9764-2020-14-3-368-373.

Традиционно жалобы в сфере уголовного судопроизводства образуют значительную часть в общем объеме поступающей к Уполномоченному по правам человека в Российской Федерации корреспонденции. Из его доклада следует, что в 2019 г. 32 % обращений касалось вопросов реализации уголовно-процессуального законодательства (12 168), что на 9 % больше, чем в 2018 г. Количество жалоб по вопросам дознания и предварительного следствия увеличилось на 27 % и составило 4961 обращение, на 34 % возрос показатель жалоб на обоснованность уголовного преследования (2114 обращений). При этом на стадии возбуждения уголовного дела зафиксирован рост жалоб, связанных как с отказом в регистрации заявлений о преступлениях (на 29 %), так и с вынесением постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела (на 27 %) [5].

С учетом изложенного, а также принимая во внимание, что наряду с защитой прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, назначением уголовного судопроизводства также является защита личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод, следует заметить, что нарушение последних обуславливает либо особое внимание к уголовно-процессуальной сфере, либо, наоборот, приобретение преступными деяниями латентного характера, свидетельством чего выступают результаты виктимологических исследований.

Из аналитического доклада «Оценка потенциала государственной сферы защиты прав потерпевших от преступлений», подготовленного в 2020 г. Фондом поддержки пострадавших от преступлений, следует, что

ежегодно жертвами преступлений становятся порядка 10 млн чел. Проведенное данным фондом и ВЦИОМ исследование показало, что в половине случаев потерпевшие с заявлениями о совершении преступлений в отношении их или их имущества в правоохранительные органы не обращались. Напротив, треть обратившихся в полицию не была уведовлена о результатах предварительной проверки, а в 17 % случаев их пытались отговорить от подачи заявления [9].

Таким образом, данные, представленные в докладах Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации и Фонда поддержки пострадавших от преступлений, свидетельствуют, с одной стороны, о системном характере проблем, возникающих в уголовном судопроизводстве в целом и на его первоначальных стадиях в частности, а с другой – о важной роли уголовно-процессуального противодействия преступлениям, сущность, понятие и значение которого будут проанализированы в данной статье.

Отмечая важную роль органов предварительного расследования в осуществлении уголовного преследования, нельзя игнорировать более общие задачи, стоящие перед органами внутренних дел. Так, назначением полиции наряду с защитой жизни, здоровья, прав и свобод граждан Российской Федерации, иностранных граждан, лиц без гражданства, охраной общественного порядка и собственности, обеспечением общественной безопасности выступает и противодействие преступности. Несмотря на распространенность на страницах нормативных правовых актов, научных и учебных изданий, термин «противодействие преступности» представителями научного сообщества и практикующими юристами толкуется неоднозначно.

Как комплекс направленных на борьбу с преступностью мер противодействие преступности определяет С. В. Троицкий, включая в него как предупреждение (профилактику), пресечение, раскрытие и расследование преступлений, так и привлечение к ответственности виновных лиц, минимизацию и ликвидацию последствий преступного деяния [11, с. 18].

Исследование ряда нормативно-правовых актов позволило С. А. Тимко заключить, что противодействие преступности есть прежде всего совместная деятельность общества и государства, включающая в себя предупреждение преступности, выявление и расследование преступлений, привлечение к уголовной ответственности виновных лиц и ее реализацию, а также устранение либо минимизацию причиненного преступлением вреда. При этом ученый указал, что деятельность эта осуществляется посредством реализации мер правового, информационно-пропагандистского, культурно-образовательного, социального, экономического характера, отметил ее целенаправленность, последовательность и комплексный характер [10, с. 9].

С учетом анализа представленных и иных позиций [2; 3] целесообразным представляется рассуждение о противодействии преступности, во-первых, как деятельности в широком смысле слова, осуществляемой не отдельно взятым субъектом, а в целом обществом и государством, а во-вторых, как о системообразующем понятии при исследовании отдельно взятого вида правоохранительной деятельности. Заметим, что термин «противодействие» получил широкое распространение и в качестве обозначения деятельности, направленной на воспрепятствование расследованию преступлений.

В этой связи закономерно выделение в рамках противодействия преступности отдельного направления, связанного с осуществлением правоохранительными и судебными органами уголовно-процессуальной деятельности и производством по уголовному делу, – уголовно-процессуального противодействия преступлению.

О роли уголовного судопроизводства в противодействии преступности упоминает Н. С. Манова, которая отмечает наличие ряда уголовно-процессуальных механизмов противодействия преступности, выделяя при этом институт досудебного соглашения о сотрудничестве [7, с. 27–29].

На наш взгляд, с данной позицией возможно согласиться лишь частично, а именно

до момента, когда речь заходит о конкретном досудебном соглашении, заключенном между определенными участниками уголовного судопроизводства в рамках одного уголовного дела по расследованию того или иного преступления. Лицо, с которым было заключено соответствующее соглашение, возможно, окажет определенную помощь в предупреждении, пресечении, раскрытии или расследовании ряда преступлений, однако это не повлияет на общую картину преступности. В связи с этим досудебное соглашение о сотрудничестве в полной мере можно признать лишь механизмом уголовно-процессуального противодействия преступлениям, однако не преступности в целом.

О существовании уголовно-процессуального противодействия преступности, на наш взгляд, говорить не представляется возможным по следующим причинам:

1. Преступность – понятие более широкое, чем преступление. К такому выводу приходим, проанализировав ряд научных трудов, посвященных криминологической характеристике понятий «преступление» и «преступность» [4; 8], в том числе основные подходы, выделенные Л. В. Кондратюком и В. С. Овчинским [6, с. 115]. Преступлением является юридический факт, совершение какого-либо преступного деяния, тогда как преступность – массовое, социальное явление, образуемое совокупностью отдельно взятых противоправных деяний. При этом расследование многоэпизодного уголовного дела, включающего серию преступлений, по каждому из которых были возбуждены уголовные дела, впоследствии соединенные в одно производство, не может охватывать всю преступность в целом.

2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации не содержит упоминания о преступности. Защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, является назначением уголовного судопроизводства (ч. 1 ст. 6 УПК РФ). С точки зрения правового регулирования уголовно-процессуальная деятельность изначально направлена на установление признаков преступления, его фактических обстоятельств в рамках проверки сообщения о преступлении и далее при принятии процессуального решения по ее итогам, предварительном расследовании, судебном производстве.

3. Производство по уголовному делу – деятельность уполномоченных на то уголовно-процессуальным законом должностных лиц, представляющих интересы государства.

Учитывая, что противодействие преступности, как уже было отмечено, включает в себя деятельность общества и государства, то уголовно-процессуальное противодействие преступлениям нельзя назвать их совместной деятельностью, поскольку оно связано с производством по уголовному делу, его движением, осуществлением следственных и иных процессуальных действий.

Потерпевший, свидетель, а также другие участники уголовного процесса, не обличенные властными полномочиями, не могут осуществлять проверку сообщения о преступлении, предварительное расследование, отдельные следственные действия или судебное следствие. Их производство ложится на плечи судьи (в рамках судебного производства, в том числе по делам частного обвинения), следователя, дознавателя и других должностных лиц, уполномоченных на то уголовно-процессуальным законом и представляющих интересы государства. К ним, как представляется, относятся и органы, учреждения уголовно-исполнительной системы, начальники которых вправе производить неотложные следственные действия в случаях, предусмотренных п. 5 ч. 2 ст. 157 УПК РФ. Учитывая, что речь здесь идет преимущественно о совершении преступлений в расположении учреждений и органов уголовно-исполнительной системы, а равно уголовно наказуемых деяний против установленного порядка несения службы должностными лицами, производство неотложных следственных действий, хотя полноценного расследования и не представляет, однако в целом не может не быть частью уголовно-процессуального противодействия соответствующему преступлению.

Вместе с тем указанная уголовно-процессуальная деятельность имеет особое значение, и, хотя противодействие преступности к задачам Федеральной службы исполнения наказаний не отнесено, осуществление должностными лицами (уполномоченными на то УПК РФ) уголовно-процессуальной деятельности в полной мере позволяет назвать их субъектами уголовно-процессуального противодействия преступлениям, что само по себе выступает одним из направлений противодействия преступности.

При определении уголовно-процессуального противодействия преступлениям особое значение приобретает начало его осуществления, на что указывают приведенные ранее данные Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации о количестве жалоб на нарушения уголовно-процес-

суального законодательства при проверках сообщений о преступлениях и вынесении по их результатам процессуальных решений, а равно результаты виктимологического исследования Фонда поддержки пострадавшим от преступлений.

Ранее нами неоднократно поднимались вопросы, связанные с началом производства по уголовному делу. Представляется, что как уголовно-процессуальное противодействие преступлению, так и начало производства по уголовному делу определяется одним моментом – принятием (момент фактический) и регистрацией (момент юридический) сообщения о преступлении. При этом уголовно-процессуальное противодействие преступлению подразумевает осуществление уголовного судопроизводства в целом, выступая общим понятием по отношению к частным – началу производства по уголовному делу, досудебному и судебному производствам.

Таким образом, уголовно-процессуальное противодействие преступлению – осуществляемая в рамках уголовно-процессуальных правоотношений деятельность уполномоченных на то уголовно-процессуальным законом должностных лиц правоохранительных и судебных органов по рассмотрению поступившего сообщения о преступлении, дальнейшему расследованию и рассмотрению уголовного дела.

Систематическое внесение законодателем различного рода изменений и дополнений в уголовно-процессуальные нормы, в частности регламентирующие начало производства по уголовному делу, позволяет говорить о существенном влиянии первой стадии уголовного процесса не только на ход дальнейшего расследования и рассмотрения уголовного дела по существу, но и на процессуальный статус вовлеченных в него лиц.

В этой связи необходимы новые подходы к обеспечению прав и законных интересов участников уголовно-процессуальных правоотношений, чему призвано способствовать совершенствование законодательства с позиций повышения эффективности правовых средств защиты законных интересов в уголовном судопроизводстве. Особая роль при этом должна принадлежать принципам уголовного процесса как основополагающим его направлениям процессуальному статусу участников уголовного судопроизводства, а также деятельности, направленной на обеспечение законности и обоснованности принимаемых лицами, осу-

ществляющими расследование, процессуальных решений.

Представляется, что ряд принципов уголовного судопроизводства соответствуют уголовно-процессуальной деятельности, осуществляемой в рамках уголовно-процессуальных правоотношений с лицами, получающими уголовно-процессуальный статус в стадии предварительного расследования, однако формально могут действовать с момента регистрации сообщения о преступлении.

В контексте защиты прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства большое значение, на наш взгляд, имеют уголовно-процессуальные нормы ст. 16 УПК РФ, регламентирующей обеспечение подозреваемому и обвиняемому права на защиту. Видится необходимым предусмотреть изменение наименования и содержания данной статьи в части разъяснения права на защиту каждому участнику уголовного судопроизводства. При этом обеспечиваться это право будет по-прежнему подозреваемому и обвиняемому.

В продолжение правозащитной линии стоит отметить и процессуальный статус защитника в уголовном судопроизводстве, предусмотренный ст. 49 УПК РФ. Так, на раннем этапе производства по уголовному делу защитник участвует в нем с момента осуществления процессуальных действий, затрагивающих права и свободы лица, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении в соответствии со ст. 144 УПК РФ. Однако и после возбуждения уголовного дела защитник остается участником уголовного судопроизводства, осуществляющим защиту подозреваемых

и обвиняемых. В отличие от УПК РФ, Федеральный закон от 31.05.2002 № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» не сужает круг лиц, которым может быть оказана квалифицированная юридическая помощь в целях защиты их прав, свобод и интересов, а также обеспечения доступа к правосудию.

На практике широко распространено участие в уголовном судопроизводстве адвокатов, представляющих на допросе или очной ставке интересы и других участников уголовного процесса (свидетеля, потерпевшего) [1]. Такое участие обеспечивается лицом, которое имеет потребность в помощи, а не государством, и само по себе не может и не должно являться препятствием для включения в УПК РФ полномочия защитника (адвоката) отстаивать интересы и других лиц, в том числе официально не признанных участниками уголовного процесса. В этой связи, как представляется, нельзя прибегать к защите в свете принципа состязательности сторон (ст. 15 УПК РФ), поскольку речь идет о защите интересов любых участников уголовного судопроизводства, в том числе со стороны обвинения.

С учетом изложенного следует сделать вывод о возможности и обоснованности выделения в рамках противодействия преступности отдельного направления, а именно уголовно-процессуального противодействия преступлениям, а также о необходимости совершенствования правового регулирования уголовно-процессуальной деятельности с точки зрения обеспечения прав и законных интересов участников уголовно-процессуальных правоотношений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Азизова, О. А.** Адвокат как участник уголовного судопроизводства со стороны защиты : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Азизова Оксана Александровна. – Владимир, 2006. – 209 с.
2. **Алексеева, А. П.** Понятие противодействия преступности / А. П. Алексеева, П. И. Бабошин // Юристы-Правоведы. – 2008. – № 3. – С. 33–35.
3. **Воронин, Ю. А.** Теоретические основы формирования системы противодействия преступности в России / Ю. А. Воронин, А. В. Майоров // Всероссийский криминологический журнал. – 2013. – № 1. – С. 7–16.
4. **Гребенникова, С. С.** Понятие преступности / С. С. Гребенникова // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Право». – 2016. – № 1-2. – С. 204–206.
5. Ежегодный доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2019 год // Российская газета. – 2020. – № 80.
6. **Кондратюк, Л. В.** Еще раз о криминологическом понятии преступления и преступности / Л. В. Кондратюк, В. С. Овчинский // Журнал российского права. – 2004. – № 9. – С. 113–119.
7. **Манова, Н. С.** Уголовно-процессуальные средства противодействия преступности как фактор обеспечения национальной безопасности / Н. С. Манова // Правовая парадигма. – 2018. – Т. 17, № 2. – С. 26–32.
8. **Новикова, Ю. В.** Проблемы терминологии: «криминологическая характеристика преступлений или преступности?» / Ю. В. Новикова // Актуальные проблемы российского права. – 2010. – № 2. – С. 228–233.
9. Оценка потенциала государственной сферы защиты прав потерпевших от преступлений : аналитический доклад. – URL: <https://rg.ru/2020/02/20/sistema-podderzhki-liudej-stavshih-zhertvami-prestupnikov-trebuets-korrektirovki.html> (дата обращения: 08.03.2020).
10. **Тимко, С. А.** О сущности понятия «противодействие преступности» / С. А. Тимко // Юристы-Правоведы. – 2018. – № 1. – С. 6–11.
11. **Троицкий, С. В.** Система международно-правовых норм в сфере противодействия преступности : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Троицкий Сергей Владимирович. – Москва, 2012. – 29 с.

REFERENCES

1. Azizova O. A. *Advokat kak uchastnik ugovornogo sudoproizvodstva so storony zashchity*. Diss. kand. yurid. nauk [A lawyer as a participant in criminal proceedings on the part of the defense. Diss. PhD. in Law]. Vladimir, 2006. 209 p. (In Russ.).
2. Alekseeva A. P., Baboshin P. I. Ponyatie protivodejstviya prestupnosti [The concept of combating crime]. *YUrist"-Pravoved"* – *Lawyer-Legist*, 2008, no. 3, pp. 33–35. (In Russ.).
3. Voronin YU. A., Majorov A. V. Teoreticheskie osnovy formirovaniya sistemy protivodejstviya prestupnosti v Rossii [Theoretical foundations of the formation of a system for combating crime in Russia]. *Vserossijskij kriminologicheskij zhurnal – All-Russian criminological journal*, 2013, no. 1, pp. 7–16. (In Russ.).
4. Grebennikova S. S. Ponyatie prestupnosti [The concept of crime]. *Vestnik Samarskoj gumanitarnoj akademii. Seriya «Pravo» – Bulletin of the Samara Humanitarian Academy. Series "Right"*, 2016, no. 1-2, pp. 204–206. (In Russ.).
5. Ezhegodnyj doklad o deyatelnosti Upolnomochennogo po pravam cheloveka v Rossijskoj Federacii za 2019 god [Annual report on the activities of the Commissioner for Human Rights in the Russian Federation for 2019]. *Rossiyskaya gazeta – Russian newspaper*, 2020, no. 80. (In Russ.).
6. Kondratyuk L. V., Ovchinskij V. S. Eshche raz o kriminologicheskom ponyatii prestupleniya i prestupnosti [Once again about the criminological concept of crime and criminality]. *Zhurnal Rossijskogo prava – Journal of Russian Law*, 2004, no. 9, pp. 113–119. (In Russ.).
7. Manova N. S. Uголовно-processual'nye sredstva protivodejstviya prestupnosti kak faktor obespecheniya nacional'noj bezopasnosti [Criminal procedural means of combating crime as a factor in ensuring national security]. *Pravovaya paradigma – Legal paradigm*, 2018, vol. 17, no. 2, pp. 26–32. (In Russ.).
8. Novikova YU. V. Problemy terminologii: «kriminologicheskaya harakteristika prestuplenij ili prestupnosti?» [Terminology problems: "criminological characteristics of crimes or criminality?"]. *Aktual'nye problemy Rossijskogo prava – Actual problems of Russian law*, 2010, no. 2, pp. 228–233. (In Russ.).
9. Ocenka potentsiala gosudarstvennoj sfery zashchity prav poterpevshih ot prestuplenij [Assessment of the potential of the state sphere of protection of the rights of victims of crime]. Available at: <https://rg.ru/2020/02/20/sistema-podderzhki-liudej-stavshih-zhertvami-prestupnikov-trebuuet-korrektirovki.html> (accessed 08.03.2020). (In Russ.).
10. Timko S. A. O sushchnosti ponyatiya "protivodejstvie prestupnosti" [On the essence of the concept of "combating crime"]. *YUrist"-Pravoved"* – *Lawyer-Legist*, 2018, no. 1, pp. 6–11. (In Russ.).
11. Troickij S. V. *Sistema mezhdunarodno-pravovyh norm v sfere protivodejstviya prestupnosti*. Avtoref. diss. kand. yurid. nauk [The system of international legal norms in the field of combating crime. Author's abstract diss. PhD. in Law]. Moscow, 2012. 29 p. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTORS

ВИТАЛИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ КРЫМОВ – старший научный сотрудник отдела по изучению социальных процессов и разработке комплексных проблем обеспечения правопорядка научно-исследовательского центра Академии управления МВД России, г. Москва, Российская Федерация, кандидат юридических наук. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1463-6811>, e-mail: krymov-19@mail.ru

VITALY A. KRYMOV – Senior Researcher of the Department for the Study of Social Processes and the Development of Complex Problems of Law Enforcement of the Research Center of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russian Federation, PhD in Law. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1463-6811>, e-mail: krymov-19@mail.ru

DOI 10.46741/2686-9764-2020-14-3-373-381

УДК 343.847

Актуальные проблемы деятельности уголовно-исполнительных инспекций: результаты эмпирического исследования

П. В. ГОЛОДОВ

Вологодский институт права и экономики ФСИН России, г. Вологда, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2747-9723>, e-mail: pl-family@yandex.ru

Реферат. В статье рассматриваются отдельные правовые и организационные проблемы в сфере исполнения наказаний и иных мер уголовно-правового характера, не связанных с изоляцией осужденного от общества, представлены результаты анкетирования сотрудников уголовно-исполнительных инспекций территориальных органов Федеральной службы исполнения наказаний, намечены пути решения существующих проблем.

Исследование показало, что становление системы исполнения наказаний, не связанных с изоляцией осужденного от общества, в настоящее время еще не завершено. Требуются совершенствование уголовного и уголовно-исполнительного законодательства, более четкая правовая регламентация юридической ответственности осужденных, дальнейшее расширение круга полномочий и функций уголовно-исполнительных инспекций, преодоление сложностей в организационном, кадровом, финансовом и информационном обеспечении их деятельности. В статье указывается на исполнение уголовно-исполнительными инспекциями ряда несвойственных им функций, отсутствие правовой регламентации исполнения отдельных мер пресечения и мер уголовно-правового характера, порядка определения органами местного самоуправления перечня объектов для отбывания осужденными наказаний в виде исправительных работ и обязательных работ, а также порядка обеспечения явки осужденных в судебное заседание. Законодательно не предусмотрено проведение первоначальных мероприятий по установлению местонахождения осужденных к наказанию в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, не урегулирован вопрос обжалования непосредственно сотрудниками уголовно-исполнительных инспекций решений суда по представлениям в отношении осужденных.

Ключевые слова: уголовная политика; уголовно-исполнительное законодательство; уголовное наказание; альтернативные наказания; исполнение наказания; уголовно-исполнительная инспекция; служба пробации.

12.00.11 – Судебная деятельность, прокурорская деятельность, правозащитная и правоохранительная деятельность.

Для цитирования: Голодов П. В. Актуальные проблемы деятельности уголовно-исполнительных инспекций: результаты эмпирического исследования. *Пенитенциарная наука*. 2020; 14(3):373–381. DOI 10.46741/2686-9764-2020-14-3-373-381.

Actual problems in the activities of penal inspectorates: results of empirical research

P. V. GOLODOV

Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Vologda, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2747-9723>, e-mail: pl-family@yandex.ru

Abstract. The article examines certain legal and organizational problems in the field of the execution of sentences and other measures of a criminal-legal without isolation of a convict from society, presents the results of a survey of employees of penal inspectorates of territorial bodies of the Federal Penal Service and outlines ways to solve existing problems.

The study showed that the formation of a system for the execution of sentences without the isolation of a convicted person from society has not yet been completed. Improvement of criminal and penal legislation is required, a clearer legal regulation of the legal responsibility of convicts, further expansion of the range of powers and functions of penal inspectorates, overcoming difficulties in the organizational, personnel, financial and information support of their activities. The article points to the execution of a number of functions unusual for them by the penal inspectorates, the lack of legal regulation of the execution of certain preventive measures and measures of a criminal-legal nature, the procedure for determining the list of objects for convicts to serve sentences in the form of correctional labor and compulsory labor as well as the procedure ensuring the attendance of convicts at the hearing. The legislation does not provide for the initial measures to establish the whereabouts of convicts to punishment in the form of deprivation of the right to occupy certain positions or engage in certain activities, the issue of appealing directly by employees of penal inspectorates of court decisions on representations against convicts is not regulated.

Key words: criminal policy; penal legislation; criminal penalty; alternative punishments; execution of punishment; penal inspection; probation service.

12.00.11 – Judicial activity, prosecutor's activity, human rights and law enforcement activity.

For citation: Golodov P. V. Actual problems in the activities of penal inspectorates: results of empirical research. *Penitenciarnaya nauka = Penitentiary Science*. 2020; 14(3):373–381. (In Russ.). DOI 10.46741/2686-9764-2020-14-3-373-381.

Совершенствование отечественного уголовного и уголовно-исполнительного законодательства, а также соответствующей правоприменительной практики ориентировано на развитие системы уголовных наказаний и иных мер уголовно-правового характера, альтернативных лишению свободы, как не только более гуманных, но и более эффективных мер ответственности с точки зрения перспектив будущей занятости осужденных и их шансов на социальную интеграцию. В последние годы на государственно-правовом уровне предприняты значительные усилия в данном направлении. Реализация этой идеи уже заметно скорректировала уголовное, уголовно-процессуальное и уголовно-исполнительное законодательство [1, с. 14].

В УК РФ введены новые виды уголовных наказаний, не связанных с изоляцией осужденного от общества, совершенствуются правовые основы и практика их применения. Несмотря на то что в структуре судимости по видам наказаний наибольший удельный вес по-прежнему занимают лишение свободы и условное осуждение к лишению свободы (соответственно 29,3 % и 26,3 % в 2019 г., 31,5 % и 36,4 % в 2010 г.), прослеживается четкая тенденция к росту удельного веса осужденных к наказаниям, не связанным с изоляцией от общества (с 21,6 % в 2010 г. до 41,2 % в 2019 г.). Так, согласно сводным статистическим сведениям о состоянии судимости в России за 2010 и 2019 гг., опубликованным на официальном сайте Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, в структуре видов назначенных уголовных наказаний в 2019 г. в сравнении с 2010 г. наблюдается рост доли осужденных к обязательным работам – с 9,5 до 16,7 %, исправительным работам – с 4,9 до 8,4 % и ограничению свободы – с 0,9 до 3,4 %.

Уголовно-исполнительные инспекции приобрели значительную самостоятельность и получили статус юридических лиц, наделены дополнительными полномочиями и функциями в сфере исполнения наказаний и иных мер уголовно-правового характера, в их штаты введены должности психологов, улучшилось их финансовое, информационное и материально-техническое обеспечение, организована профильная подготовка кадров, совершенствуется система межведомственного взаимодействия. По данным официального сайта ФСИН России, на 01.04.2020 в состав уголовно-исполнительной системы Российской Федерации вхо-

дили 81 федеральное казенное учреждение «Уголовно-исполнительная инспекция» и 1347 филиалов, на учете в которых состояло 472 856 чел., осужденных к наказаниям, не связанным с изоляцией от общества, 6912 чел., подозреваемых и (или) обвиняемых в совершении преступлений, находящихся под домашним арестом, 1884 чел. с запретом определенных действий, 42 чел. с залогом с обязанностью по соблюдению установленных законодательством запретов.

Вместе с тем говорить о том, что становление системы исполнения наказаний, не связанных с изоляцией осужденного от общества, в настоящее время завершено, преждевременно. До конца не преодолены проблемность и противоречивость уголовного и уголовно-исполнительного законодательства, требуется дальнейшее расширение круга полномочий и функций уголовно-исполнительных инспекций, отсутствует четкая правовая регламентация юридической ответственности осужденных за нарушение установленного порядка отбывания наказания и иных мер уголовно-правового характера, сохраняются отдельные сложности в кадровом, финансовом и информационном обеспечении. Одной из существенных проблем является отсутствие действенной системы социальной профилактики правонарушений среди лиц, состоящих на учете в инспекциях, четко не определено место уголовно-исполнительной инспекции в данной системе. Открытый характер и специфика наказаний и иных мер уголовно-правового характера, не связанных с изоляцией осужденного от общества, требуют объединения усилий многих субъектов правоохранительной и социально-реабилитационной деятельности, создания эффективной схемы их профессионального взаимодействия.

Перечисленные проблемы актуализуют проведение исследований правоприменительной практики в сфере исполнения наказаний и иных уголовно-правовых мер, не связанных с изоляцией осужденного от общества. Здесь можно поддержать высказанное еще в 1999 г. Вивьен Стерн мнение о том, что большинство дискуссий о мерах наказания, альтернативных тюремному заключению, сосредоточено на вопросах права, в то время как способы их организации и осуществления имеют такое же важное значение для их успешной реализации, как и законодательная база, на которую они опираются; суды должны быть уверены в способах их обеспечения, в противном случае они не будут применяться [4].

В целях выявления наиболее значимых проблем в деятельности уголовно-исполнительных инспекций на современном этапе, а также разработки предложений по их решению в 2019–2020 гг. нами было проведено анкетирование 255 сотрудников данных организаций, а также сотрудников 85 отделов (отделений) по контролю за исполнением наказаний, не связанных с изоляцией осужденных от общества, 45 территориальных органов ФСИН России (всего 340 респондентов). Из числа опрошенных 211 чел. (62,1 %) имеют высшее юридическое образование, 40 чел. (11,8 %) – высшее педагогическое образование, 36 чел. (10,6 %) – высшее экономическое образование, 16 чел. (4,7 %) – высшее инженерное и техническое образование, 12 чел. (3,5 %) – высшее психологическое образование. Проведение исследования позволило получить следующие результаты.

Наиболее значимыми проблемами в деятельности уголовно-исправительных инспекций опрошенные сотрудники посчитали недостаточное материально-техническое и финансовое обеспечение (65,3 %), недостаточную штатную численность персонала (52,9 %), несовершенство правового регулирования порядка исполнения уголовных наказаний и иных мер уголовно-правового характера без изоляции осужденных от общества (18,2 %), трудности с комплектованием и недостаточный уровень квалификации персонала (17,1 %), проблемы правового статуса сотрудников (11,8 %) и правового регулирования управленческой деятельности УИИ (2,4 %). В числе трудностей общего характера респонденты отмечали исполнение инспекцией несвойственных ей функций (розыск осужденных, закупки товарно-материальных ценностей, транспортное обеспечение, оформление самостоятельного следования осужденного в колонию-поселение, извещение осужденного о необходимости явки в суд и даже контроль за применением мер пресечения в виде домашнего ареста, запрета определенных действий и залога); высокую нагрузку на сотрудников, не позволяющую индивидуализировать работу с осужденными, сделать ее более эффективной; необходимость включения в штат филиала инспекции оперативного работника, водителя и техперсонала; отсутствие должного взаимодействия с судами, единообразной судебной практики при рассмотрении представлений уголовно-исполнительной инспекции и квалификации нарушений; чрезмерный объем документо-

оборота и статотчетности; сбои и невысокую точность оборудования СЭМПЛ, отсутствие четких карт местности (особенно сельской); сложность трудоустройства осужденных к исправительным и обязательным работам (особенно в сельской местности), отсутствие мер стимулирования организаций-работодателей; отсутствие служебного жилья в районах, незначительный размер денежной компенсации за наем (поднаем) жилых помещений; недостаточную правовую защищенность сотрудников при угрозах со стороны осужденных, отсутствие в ряде случаев у сотрудников специальных средств защиты (палки специальные, специальные газовые устройства, электрошоковые устройства, наручники), в том числе по причине затрудненной организации их хранения и учета.

Наряду с этим респонденты указали на существование ряда конкретных проблем в правовой регламентации исполнения наказаний и иных мер уголовно-правового характера, не связанных с изоляцией осужденного от общества.

Отмечается отсутствие нормативно урегулированного порядка определения органами местного самоуправления перечня объектов (мест) для отбывания осужденными наказаний в виде исправительных и обязательных работ. Предлагается на законодательном уровне предусмотреть квотирование рабочих мест для осужденных к исправительным работам, например, в качестве условия выдачи разрешений на открытие представительств крупных торговых организаций (76,5 % респондентов); предоставление организациям-работодателям налоговых льгот, льгот по арендной плате и плате за землю, бюджетных субсидий (50,9 % респондентов), льгот при участии в закупках товаров, работ и услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд наравне с иными категориями льготных поставщиков (18,8 % респондентов); обязанность организаций-работодателей, включенных в соответствующий перечень, принимать осужденных на работу, а также меры ответственности данных организаций-работодателей за отказ в приеме осужденных на работу (24,5 % респондентов). Предлагается также предоставить осужденным к исправительным работам, не имевшим на момент осуждения основного места работы, право трудоустроиться самостоятельно в течение определенного промежутка времени (39,7 % респондентов); усилить меры ответственности осужденных к обязательным

и исправительным работам при недобросовестном отношении к труду и нарушениях трудовой дисциплины (30,9 % респондентов); законодательно определить правовое положение организаций-работодателей в системе субъектов уголовно-исполнительных правоотношений (16,5 % респондентов); совершенствовать воспитательную работу с осужденными в целях повышения их трудовой активности (мотивации к труду) и недопущения нарушения ими трудовой дисциплины (3,8 % респондентов). Отдельные сотрудники видят необходимость установления ответственности органов местного самоуправления за некачественный подбор организаций, в которых должны отбывать наказание осужденные к обязательным и исправительным работам (несоответствие фактически действующих рабочих мест перечню, предоставляемому администрацией); увеличение срока привлечения осужденных к отбыванию обязательных работ до 30 рабочих дней; назначения исправительных работ только лицам, имеющим на момент осуждения постоянное место работы.

Респонденты также указывают на отсутствие в уголовно-исполнительном законодательстве нормативного определения срока повторного привлечения к труду осужденных к исправительным работам, уволенным с предыдущего места работы по не зависящим от них причинам (по умолчанию осужденного необходимо трудоустроить в день, следующий за днем увольнения, хотя, согласно нормам УИК РФ, при выдаче предписания осужденному на новое место работы он обязан обратиться на предприятие в течение пяти дней), а также срока прибытия осужденных к обязательным работам для отбывания наказания на определенный уголовно-исполнительной инспекцией объект. Кроме того, по мнению опрошенных, при назначении обязательных и исправительных работ суды не учитывают факт отсутствия у осужденных документов, удостоверяющих личность, и не принимают во внимание состояние их здоровья, что не согласуется с требованиями постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22.12.2015 № 58. Отсутствие у осужденных документов, а в ряде случаев и денежных средств для прохождения медицинской комиссии затрудняет привлечение их к отбыванию назначенного судом наказания в установленные сроки. Представляется, что прохождение медицинской комиссии при трудоустройстве осужденных должно оплачиваться за счет средств федерального бюджета.

В числе мнений, высказанных опрошенными нами сотрудниками, есть предложение нормативно закрепить возможность мотивированного приостановления 30-дневного срока для привлечения к труду осужденных к исправительным работам либо его продления при наличии обстоятельств, не зависящих от сотрудников инспекции (например, на период проведения первоначальных мероприятий по установлению места нахождения осужденного, нахождения его на стационарном лечении, восстановления документов, удостоверяющих личность, и т. д.).

Отмечается также сложность трудоустройства иностранных граждан, так как они в соответствии с законодательством должны иметь патент для работы на территории Российской Федерации, которого лишаются при осуждении за совершение преступления. К этому добавим еще невозможность исполнения наказаний в отношении лиц без гражданства и иностранных граждан, депортированных за пределы Российской Федерации.

Серьезной правовой проблемой является отсутствие нормативного правового акта, регламентирующего осуществление контроля за подозреваемыми и обвиняемыми, в отношении которых судом избрана мера пресечения в виде запрета определенных действий или залога, а также правовой регламентации исполнения некоторых уголовно-правовых мер (принудительные меры медицинского характера (ч. 2.1 ст. 102 УК РФ и ч. 13 ст. 16 УИК РФ), возложенные судом на условно-досрочно освобожденных осужденных обязанности (ч. 2 и ч. 6 ст. 79 УК РФ)), отдельных функций уголовно-исполнительной инспекции (контроль запретов для лиц, находящихся под домашним арестом, на отправку и получение почтово-телеграфных отправок, использование телефонной связи и сети Интернет, общение с иными лицами) и функций иных субъектов, участвующих в исполнении приговора суда (изъятие водительского удостоверения у осужденного, лишеного права управления транспортным средством). Данные вопросы поднимаются не только практическими сотрудниками инспекций, но и исследователями уголовно-исполнительной сферы [2; 3].

Отмечается также отсутствие правовой основы для работы с осужденными к наказанию в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, скрывшимися от контроля уголовно-исполнительной инспекции (например, смена места жительства без

сообщения в инспекцию): законодательством не предусмотрено проведение первоначальных мероприятий по установлению их местонахождения и объявление в розыск, что ведет к безнаказанности. У инспекции отсутствуют полномочия для задержания осужденных, уклоняющихся от контроля, полномочия по беспрепятственному проникновению в помещения, где с большей долей вероятности находятся скрывающиеся осужденные. Отдельными респондентами предлагается также предусмотреть объявление в розыск осужденных, не являющихся в суд, и отменить самостоятельное следование осужденных в колонию-поселение.

Имеются проблемные моменты при задержании условно осужденных, объявленных в розыск розыскными подразделениями органов ФСИН России, а именно: в соответствии с ч. 18 ст. 397 УПК РФ суды рассматривают вопросы о заключении под стражу осужденного, скрывшегося от отбывания наказания в виде штрафа, обязательных работ и исправительных работ либо ограничения свободы, до рассмотрения вопроса о замене назначенного наказания на более строгое. Вместе с тем законодатель оставил без внимания такую категорию, как условно осужденные. Отсутствует правовое регулирование избрания меры пресечения в виде заключения под стражу на срок до 30 суток в отношении условно осужденных до решения вопроса об отмене условного осуждения и исполнении приговора суда к лишению свободы, объявленных в розыск как уклоняющихся от контроля уголовно-исполнительной инспекции и задержанных на срок до 48 часов. После задержания условно осужденного суды отказываются рассматривать представление об отмене условного осуждения и исполнении наказания, назначенного приговором суда, поясняя, что осужденный должен быть уведомлен о дате и времени судебного заседания не позднее чем за 14 суток, после чего осужденного отпускают. В назначенный день рассмотрения представления в суд он не является. Кроме того, суды не рассматривают одновременно вопросы о заключении под стражу осужденного и о замене назначенного наказания на более строгое.

По мнению отдельных респондентов, на законодательном уровне необходимо более четко урегулировать вопрос об исчислении срока наказания в виде ограничения свободы лицу, освободившемуся по ст. 80 УК РФ из мест лишения свободы и находящемуся в розыске. Вместе с тем представляется,

что данный вопрос регламентирован в ч. 3 ст. 49 УИК РФ, предусматривающей нечет в срок ограничения свободы времени самовольного отсутствия осужденного по месту жительства свыше одних суток без уважительной причины. Возможно, здесь речь идет о периоде со времени освобождения осужденного из исправительного учреждения до момента, определенного осужденному для явки в инспекцию, или до момента получения инспекцией документов на освободившегося осужденного, в связи с чем и требуются отдельные законодательные уточнения.

Также в ч. 4 ст. 50 УИК РФ не указано, что при исполнении наказания в виде ограничения свободы в отношении осужденного, трудоустроенного в муниципальном образовании, пределы которого ему запрещено покидать, одним из исключительных личных обстоятельств для получения согласия уголовно-исполнительной инспекции на выезд за пределы муниципального образования является осуществление трудовой деятельности. Данный момент, по мнению отдельных респондентов, целесообразно отразить в уголовно-исполнительном законодательстве независимо от наличия обстоятельства, закрепленного в п. «ж» ч. 4 ст. 50 УИК РФ.

Законодательно не урегулирован вопрос обжалования непосредственно сотрудниками инспекций решений суда по представлению уголовно-исполнительной инспекции (при отказе в их удовлетворении) в отношении осужденного, злостно уклоняющегося от отбывания наказания без изоляции от общества, поскольку сотрудник не является полноправным участником процесса и не может обжаловать решения суда самостоятельно, без обращения в прокуратуру. О существовании данной проблемы заявили свыше половины опрошенных. Такого рода отказы судов влекут безнаказанность осужденных.

Наряду с проблемами правового характера следует отметить и ряд организационных недостатков. В их числе респонденты назвали отсутствие исчерпывающих методических рекомендаций по контролю за осужденными к наказанию в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, контролю за соблюдением лицами, находящимися под домашним арестом, запрета на пользование сотовой связью и сетью Интернет, а также потребность в методическом документе для единообразного расчета срока наказания в виде исправительных работ в различных ситуациях (например, воз-

можно ли досрочное отбытие срока наказания в виде исправительных работ, когда при пятидневной рабочей неделе осужденный выходит на подработку в выходные дни).

Отсутствует возможность оперативного получения информации из баз данных МВД России, содержащих сведения о привлечении осужденных к административной и уголовной ответственности, социальных связях и т. п. Наличие даже ограниченного, выборочного доступа к данной информации способствовало бы, по мнению респондентов, более качественной и оперативной работе с подучетными лицами.

Ряд проблемных моментов касается деятельности судов. Так, по мнению отдельных сотрудников, при назначении наказания в виде исправительных работ суд не в полной мере учитывает личность осужденного, уровень его образования и имеющуюся специальность, опыт работы, состояние здоровья (многие осужденные страдают алкоголизмом и наркоманией) и поведение в обществе (уровень асоциальности), что в дальнейшем приводит к необходимости замены наказания на более строгий вид в связи с уклонением от его отбывания. Имеются случаи назначения судами исправительных работ осужденным, неоднократно привлекавшимся к уголовной ответственности, в том числе к исправительным работам с последующей их заменой более строгим видом наказания.

Особую озабоченность практических работников вызывает проблема обеспечения явки осужденных в судебное заседание в случае их отказа следовать самостоятельно, поскольку в настоящее время отсутствует алгоритм принудительной доставки. Отмена судом условного осуждения (ст. 190 УИК РФ) за нарушение возложенных обязанностей или уклонение от контроля уголовно-исполнительной инспекции в отсутствие осужденного проблематична. Осужденный за неявку в суд ответственности не несет (от явки умышленно уклоняется, а доставка затруднена). Законодателем не определены основания для осуществления инспекцией привода в судебное заседание осужденного, в отношении которого направлено представление (о продлении испытательного срока, замене наказания, дополнении обязанностей (ограничений)). В настоящее время предусмотрен лишь привод в связи с неявкой осужденного по вызову в инспекцию или неявкой для регистрации. В силу отсутствия у уголовно-исполнительной инспекции полномочий по осуществлению привода осужденных в суд зачастую последний

отказывает в удовлетворении представления инспекции по причине необеспечения последней явки осужденного в судебное заседание. В свою очередь суды не выносят постановления о приводе в суд осужденных, так как законом это не предусмотрено.

Как отмечают, суды отказывают в удовлетворении представлений о возложении на осужденных к ограничению свободы или условно осужденных дополнительных ограничений (обязанностей), ссылаясь на то, что уголовно-исполнительная инспекция уже вынесла постановление о применении мер взыскания в виде предупреждения (предостережения). Предлагается законодательно расширить перечень ограничений, устанавливаемых судом в рамках применения ограничения свободы. Это позволит повысить результативность профилактической работы. В ч. 3 ст. 53 УК РФ и ч. 3 ст. 58 УИК РФ закреплена возможность отмены либо дополнения в судебном порядке ранее установленных судом ограничений, но ничего не сказано о возможности дополнения ранее установленной судом обязанности осужденного являться в уголовно-исполнительную инспекцию для регистрации: при наложении обязанности являться на регистрацию один раз в месяц инспекция не вправе ходатайствовать об увеличении количества явок.

Применительно к осуществлению контроля за нахождением подозреваемых или обвиняемых в месте исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста и соблюдением ими наложенных судом запретов и (или) ограничений респонденты отметили трудности с принятием к исполнению соответствующих судебных решений в выходные дни и вечернее время, поскольку в составе уголовно-исполнительной инспекции и ее филиалов отсутствуют дежурные службы. В числе проблем были также названы сложность проверки лиц, помещенных под домашний арест, в отдаленных населенных пунктах два раза в неделю, а также отсутствие в ряде случаев должного реагирования следственных органов на сообщения о нарушениях, допущенных подучетными лицами.

На вопрос о целесообразности возложения на уголовно-исполнительные инспекции функции по контролю за условно-досрочно освобожденными от отбывания наказания в виде лишения свободы большинство опрошенных (86,8 %) ответили отрицательно, поскольку нагрузка на инспекторов и так чрезмерна. По их мнению, вполне достаточно действующего в настоящее время института административного надзора органов

внутренних дел в отношении отдельных категорий лиц, освобождаемых условно-досрочно. Часть респондентов (9,3 %) с учетом действующего уголовного и уголовно-исполнительного законодательства посчитала возложение данной функции на уголовно-исполнительные инспекции вполне обоснованным, но требующим дополнительного кадрового обеспечения (7,5 % – при одновременном совершенствовании института условно-досрочного освобождения, установлении порядка контроля и мер ответственности данной категории подучетных лиц, 1,8 % – с передачей от органов внутренних дел функции административного надзора). Отдельные опрошенные посчитали, что контроль за данной категорией лиц должен осуществляться органами внутренних дел.

В ходе исследования практическими сотрудниками были высказаны предложения по законодательному совершенствованию мер стимулирования правопослушного поведения осужденных без изоляции от общества: 53,8 % респондентов предложили предусмотреть возможность условно-досрочного освобождения от отбывания наказания осужденных к обязательным, исправительным работам, ограничению свободы, наказанию в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, 8,5 % – предусмотреть возможность снижения размера удержаний из заработной платы осужденных к исправительным работам в качестве поощрения (в судебном порядке); 6,5 % – предусмотреть меры поощрения для осужденных к обязательным и исправительным работам; 35 % считают меры стимулирования, предусмотренные действующим законодательством, оптимальными.

Относительно перспектив дальнейшего развития системы уголовно-исполнитель-

ных инспекций 34,1 % опрошенных посчитали необходимым расширение пробационных функций с сохранением последних в составе ФСИН России, 14,4 % – расширение пробационных функций с последующей передачей уголовно-исполнительных учреждений в состав самостоятельной федеральной службы – Федеральной службы пробации Российской Федерации. Около половины респондентов (47,6 %) полагают, что функционал инспекций в настоящее время оптимален и его расширение по аналогии с функционалом зарубежных служб пробации нецелесообразно; 11,5 % респондентов указали на необходимость разработки стратегии (программы) развития государственно-частного партнерства в сфере исполнения уголовных наказаний и применения иных мер уголовно-правового характера, социальной адаптации и ресоциализации лиц, освободившихся из мест лишения свободы. В качестве предложения отдельные сотрудники высказывали мысль о возвращении филиалов уголовно-исполнительной инспекции в каждый муниципальный район и отказе от межмуниципальных филиалов.

Таким образом, результаты проведенного исследования показали наличие немало-го числа недостатков в правовом регулировании и практике исполнения уголовных наказаний и иных мер уголовно-правового характера, не связанных с изоляцией осужденного от общества. Это касается и деятельности уголовно-исполнительных инспекций. Решение выявленных проблем невозможно без корректировки действующего уголовного и уголовно-исполнительного законодательства, внесения изменений в правоприменительную практику, исходя из необходимости достижения целей наказания и обеспечения безопасности общества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Дворянсков, И. В.** Эффективность альтернативных наказаний (компенсационная модель) : учебно-методическое пособие / И. В. Дворянсков ; под редакцией А. М. Никитина. – Москва : ЮНИТИ-ДАНА; Закон и право. 2004. – 96 с. – ISBN 5-238-00797-3.
2. **Пилипенко, О. А.** Проблемы эффективности контроля за условно-досрочно освобожденными от отбывания наказания / О. А. Пилипенко // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. – 2006. – № 16. – С. 72–78.
3. **Савин, А. А.** Проблемы правовой урегулированности исполнения принудительных мер медицинского характера без изоляции от общества / А. А. Савин // Вестник Владимирского юридического института. – 2018. – № 4 (49). – С. 127–130.
4. **Stern, V.** Alternatives to prison in developing countries / Vivien Stern. – London : International Centre for Prison Studies, Kings College London, Penal Reform International, 1999. – 184 p. – ISBN 10 0953522105, 13 9780953522101.

REFERENCES

1. Dvoryanskov I. V. *Effektivnost' al'ternativnyh nakazaniy (kompensacionnaya model')* [Effectiveness of Alternative Punishments (Compensation Model)]. Moscow, 2004. 96 p. (In Russ.).
2. Piliipenko O. A. Problemy effektivnosti kontrolya za uslovno-dosrochno osvobodhdennymi ot otbyvaniya nakazaniya [Problems of the effectiveness of control over conditionally released from serving the sentence]. *Izvestiya vysshih uchebnyh*

zavedenij. Severo-Kavkazskij region. Obshchestvennye nauki – Proceedings of higher educational institutions. North Caucasian region. *Social Sciences*, 2006, no. 16, pp. 72–78. (In Russ.).

3. Savin A. A. Problemy pravovoj uregulirovannosti ispolneniya prinuditel'nyh mer medicinskogo haraktera bez izolyacii ot obshchestva [Problems of legal regulation of the execution of compulsory medical measures without isolation from society]. *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta – Bulletin of the Vladimir Law Institute*, 2018, no. 4 (49), pp. 127–130. (In Russ.).

4. Stern V. *Alternatives to prison in developing countries*. London, 1999. 184 p. (In English).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTORS

ПАВЕЛ ВАСИЛЬЕВИЧ ГОЛОДОВ – профессор кафедры административно-правовых дисциплин юридического факультета Вологодского института права и экономики ФСИН России, г. Вологда, Российская Федерация, кандидат юридических наук, доцент. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2747-9723>, e-mail: pl-family@yandex.ru

PAVEL V. GOLODOV – Professor of the Department of Administrative and Legal Disciplines of the Law Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Vologda, Russian Federation, PhD. in Law, Associate Professor. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2747-9723>, e-mail: pl-family@yandex.ru

DOI 10.46741/2686-9764-2020-14-3-381-388

УДК 340.114

Повышение эффективности прокурорского надзора за законностью уголовно-процессуальной деятельности учреждений ФСИН России при производстве предварительного расследования

С. Н. КУНИЦИН

Прокуратура Воронежской области, г. Воронеж, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4332-5051>, e-mail: s.n.kunitsin@gmail.com

Реферат. В статье анализируются особенности уголовно-процессуальной деятельности учреждений ФСИН России при производстве предварительного расследования. Делается вывод, что данная деятельность носит усеченный характер и заключается в возбуждении уголовного дела для производства неотложных следственных действий и исполнении поручений о проведении отдельных следственных действий.

Специфика уголовно-процессуальной деятельности данного субъекта стороны обвинения предопределяет особенности прокурорского надзора за законностью ее осуществления. Действующее законодательство фактически исключило прокурора из механизма возбуждения уголовного дела и проведения неотложных следственных действий, что снижает эффективность прокурорского надзора в данной области, снижает уровень законности. Также отсутствует эффективный механизм прокурорского надзора за законностью при исполнении должностными лицами учреждений ФСИН России поручений о проведении отдельных следственных действий.

Путем анализа положений законодательства делается вывод о недостатках правового регулирования прокурорского надзора за законностью уголовно-процессуальной деятельности учреждений ФСИН России при производстве предварительного расследования на уровне как уголовно-процессуального закона, так и ведомственного регулирования.

В целях устранения отмеченных недостатков предлагаются соответствующие изменения законодательства.

Ключевые слова: уголовно-процессуальная деятельность; прокурорский надзор; учреждения ФСИН России; возбуждение уголовного дела; производство неотложных следственных действий; исполнение поручений о проведении следственных действий.

12.00.11 – Судебная деятельность, прокурорская деятельность, правозащитная и правоохранительная деятельность.

Для цитирования: Кунин С. Н. Повышение эффективности прокурорского надзора за законностью уголовно-процессуальной деятельности учреждений ФСИН России при производстве предварительного расследования. *Пенитенциарная наука*. 2020; 14(3):381–388. DOI 10.46741/2686-9764-2020-14-3-381-388.

Improving the efficiency of prosecutorial supervision for the legality of the criminal procedural activities of the institutions of the Federal Penal Service of Russia during the preliminary investigation

S. N. KUNIT SIN

Voronezh Prosecutor's Office, Voronezh, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4332-5051>, e-mail: s.n.kunitsin@gmail.com

Abstract. The article analyzes the features of the criminal procedural activities of the institutions of the Federal Penal Service of Russia during the preliminary investigation.

Based on the results of the analysis, it is concluded that the latter is truncated and consists of two components: the initiation of a criminal case for the production of urgent investigative actions and the execution of orders to carry out certain investigative actions.

The specificity of the criminal procedural activity of this subject of the prosecution determines the peculiarities of the prosecutor's supervision over the legality of its implementation.

The current legislation actually excluded the prosecutor from the mechanism for initiating a criminal case and conducting urgent investigative actions, which reduces the effectiveness of prosecutorial supervision in this area and reduces the level of legality. Also, there is no effective mechanism for prosecutorial supervision over the legality of the execution of orders by officials of institutions of the Federal Penal Service of Russia to conduct certain investigative actions.

By analyzing the provisions of the legislation, it is concluded that there are shortcomings in the legal regulation of the procedure for exercising prosecutorial supervision over the legality of the criminal procedural activities of the institutions of the Federal Penal Service of Russia during the preliminary investigation at the level of both criminal procedure law and departmental regulation.

In order to eliminate the noted shortcomings, appropriate amendments to the legislation are proposed.

Key words: criminal procedural activity; prosecutor supervision; institutions of the Federal Penal Service of Russia; criminal proceedings; the production of urgent investigative actions; execution of orders to conduct investigative actions.

12.00.11 – Judicial activities, prosecutorial activities, human rights and law enforcement.

For citation: Kunitsin S. N. Improving the efficiency of prosecutorial supervision for the legality of the criminal procedural activities of the institutions of the Federal Penal Service of Russia during the preliminary investigation. *Penitenciarnaya nauka = Penitentiary Science*. 2020; 14(3):381–388. (In Russ.). DOI 10.46741/2686-9764-2020-14-3-381-388.

На прокуратуру возложена обязанность осуществлять постоянный надзор за процессуальной деятельностью органов дознания, обеспечивать «безусловное реагирование на выявленные нарушения законов на всех этапах процессуальной деятельности с момента поступления сообщения о преступлении до принятия окончательного решения по уголовному делу», что закреплено в п. 1 приказа Генерального прокурора Российской Федерации от 26.01.2017 № 33 «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов дознания» [4] (далее – приказ № 33)

В то же самое время при осуществлении прокурорского надзора за законностью уголовно-процессуальной деятельности учреждений ФСИН России основное вни-

мание уделяется соблюдению законности на стадии, предшествующей возбуждению уголовного дела. Проверки же законности при принятии решений о возбуждении уголовного дела и осуществлении следственных и иных процессуальных, как правило, не проводятся.

Причиной подобного положения дел являются в первую очередь недостатки правового регулирования полномочий учреждений ФСИН России [5; 7, с. 81], предусмотренных ст. 145 УПК РФ, что приводит к тому, что зачастую делается ошибочный вывод об отсутствии у данного субъекта уголовно-процессуальных отношений права принимать решения о возбуждении уголовного дела. Так, в ходе опроса 76 сотрудников специализированных прокуратур по надзору за

соблюдением законов в исправительных учреждениях, обучавшихся на курсах повышения квалификации при Университете Генеральной прокуратуры Российской Федерации, лишь 20 % из них указали на то, что сотрудники учреждений ФСИН России вправе принимать решения о возбуждении уголовного дела.

Затруднения в правильном определении объема уголовно-процессуальных полномочий возникают и на более высоком уровне. Например, в информационном письме Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 03.03.2009 № 69-14-2009 «О практике прокурорского надзора за исполнением уголовно-процессуального законодательства в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы» указано, что данный субъект уголовно-процессуальных отношений лишен права принятия решений об отказе в возбуждении уголовного дела и о возбуждении уголовного дела. В то же самое время в указании Генерального прокурора Российской Федерации от 25.10.2013 № 456/69 «Об усилении прокурорского надзора за процессуальной деятельностью учреждений и органов уголовно-исполнительной системы» отмечена возможность принятия начальниками учреждений и органов ФСИН России решений о возбуждении уголовного дела.

Наряду с запутанностью правового материала, регламентирующего полномочия по возбуждению уголовного дела сотрудниками учреждений уголовно-исполнительной системы России, сложности правоприменения в данной области и осуществления надзора за ней возникают из-за того, что возбуждение уголовных дел данным субъектом допустимо лишь в целях производства неотложных следственных действий, проверка законности которых, как отмечают исследователи, традиционно остается вне рамок процессуального судебного контроля и прокурорского надзора [9, с. 4].

Вместе с тем не стоит забывать, что помимо возбуждения уголовного дела в целях производства неотложных следственных действий сотрудниками учреждений ФСИН России довольно часто проводятся следственные и иные процессуальные действия в порядке, предусмотренном ст. 152 УПК РФ, то есть во исполнение поручений лиц, производящих предварительное расследование, когда возникает необходимость производства отдельных следственных действий вне места производства предварительного расследования. Проверка законности при

осуществлении данного направления деятельности также нередко остается за пределами внимания надзирающих прокуроров, о чем свидетельствуют данные проведенного нами анкетирования.

На основе анализа законодательства установлено, что полномочия сотрудников учреждений ФСИН России в стадии предварительного расследования могут быть сведены к двум группам:

- возбуждение уголовного дела в целях производства неотложных следственных действий и их осуществление;

- проведение следственных и процессуальных действий при исполнении поручений, данных в порядке, предусмотренном п. 4 ч. 2 ст. 38, п. 1.1 ч. 3 ст. 41, ч. 1 ст. 152 УПК РФ.

То, что выполнение поручений о проведении отдельных следственных и процессуальных действий необходимо рассматривать в качестве составной части предварительного расследования, в свое время было убедительно обосновано О. В. Мичуриной [3, с. 10, 96–98].

Действующим законодательством не регламентированы периодичность и порядок проведения прокурором проверок соблюдения требований закона при возбуждении уголовного дела в целях проведения неотложных следственных действий и осуществления следственных действий в этой связи.

Указанный пробел правового регулирования при регламентации полномочий прокурора на данном участке надзора усугубляется тем обстоятельством, что Федеральным законом от 05.06.2007 № 87-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон "О прокуратуре Российской Федерации"» изменены положения ч. 3 ст. 157 УПК РФ, согласно которым по окончании выполнения неотложных следственных действий уголовное дело направляется руководителю следственного органа, а не прокурору, как было ранее. Последнее приводит к тому, что уголовные дела, по которым проводились неотложные следственные действия, выпадают из поля зрения прокуроров на данной стадии.

Вместе с тем возбуждение уголовного дела в целях производства неотложных следственных действий, на наш взгляд, не освобождает лицо, принявшее такое решение, от обязанностей по предоставлению копии постановления прокурору в порядке, предусмотренном ч. 4 ст. 146 УПК РФ.

При проверке законности решения о возбуждении уголовного дела в целях про-

изводства неотложных следственных действий прокурор наряду с проверкой наличия повода и оснований для возбуждения уголовного дела, а также таких обязательных данных, как дата, время и место вынесения постановления, лицо, которое его вынесло, пункт, часть и статья УК РФ, на основании которых возбуждается уголовное дело, подследственность данного преступления органам предварительного следствия должен с учетом конкретных обстоятельств ситуации давать оценку законности и обоснованности оценки ситуации как неотложной. В случае отсутствия хотя бы одного из указанных элементов прокурором принимается решение об отмене постановления о возбуждении уголовного дела, о чем выносится постановление и уведомляется лицо, принявшее данное решение.

Представляется оправданным более подробно рассмотреть точки зрения на критерии отнесения следственных действий к неотложным, так как с определением последних возникают наибольшие сложности ввиду их нераспространенности в практике.

В. И. Куклин выделял четыре специфических признака неотложных следственных действий: указанные действия должны производиться органом дознания по делам, которые им не подследственны, обязательность производства, вызванная указанием закона или обстоятельствами дела, незаменимость, незамедлительность [1, с. 16].

Л. Е. Сигалов указывал следующие характеристики: безотлагательность, незаменимость, неповторимость [8, с. 5].

Ю. Савельев выделяет следующие требования, предъявляемые к неотложным следственным действиям: проведение их органами дознания по делам, по которым следствие обязательно; направленность данных следственных действий на обеспечение сохранности следов преступления, когда имеются основания полагать, что следы преступления и другие вещественные доказательства могут быть уничтожены [6, с. 85].

Общим недостатком критериев, приведенных В. И. Куклиным и Ю. Савельевым, является то, что право на производство указанных следственных действий ими оставлено только за органами дознания, что противоречит современному законодательству.

Выделение В. И. Куклиным и Л. Е. Сигаловым в качестве одного из критериев «незаменимость следственного действия» вряд ли можно признать оправданным. Поскольку такая характеристика, как возможность получения доказательства вообще только

благодаря этому действию присуща следственному действию на любой стадии уголовного процесса.

Критерии, определяемые В. И. Куклиным как «незамедлительность», а Л. Е. Сигаловым как «безотлагательность», по нашему мнению, являются синонимами и их выделение вызвано тем, что, как совершенно справедливо отмечено, «сохранность материальных следов по отдельным видам преступлений иногда ограничена очень коротким промежутком времени» [1, с. 17], то есть вызвано обоснованным опасением того, что промедление в фиксации доказательственной информации может привести к ее утрате.

Выделенный Л. Е. Сигаловым критерий «неповторимость» является следствием такого свойства доказательственной информации, как изменчивость во времени вплоть до исчезновения и выступает оборотной стороной требования о безотлагательности проведения неотложных следственных действий. В связи с чем в качестве самостоятельного критерия нами выделяться не будет.

Таким образом, к признакам неотложных следственных действий можно отнести следующие:

- проведение их уполномоченными на то законом органами и должностными лицами;
- осуществление их по фактам преступлений, которые по общему правилу не отнесены к их подследственности ввиду невозможности их проведения тем органом, к подследственности которого отнесено их расследование;
- безотлагательное их производство ввиду риска утраты доказательств либо затруднительности их получения в последующем.

Выделяемая некоторыми авторами цель производства неотложных следственных действий как пресечение или предотвращение совершения преступления нами расценивается как не предусмотренная законом и не отвечающая природе следственных действий, назначение которых в сборе доказательств. Пресечение и предотвращение преступлений является важной составляющей деятельности органов и должностных лиц, уполномоченных на производство процессуальной деятельности, однако реализуется ими в рамках административных или оперативно-розыскных полномочий.

Опираясь на данные признаки, можно определить неотложные следственные действия как следственные действия, осуществляемые специально уполномоченными на то законом органами и должностными лица-

ми, по уголовным делам, которые по общему правилу не отнесены к их подсудности ввиду риска утраты доказательств либо затруднительности их получения в последующем. Помимо этого, не стоит забывать о необходимости соблюдения общих условий возбуждения уголовного дела, предусмотренных ст. 146 УПК РФ.

Таким образом, основанием для возбуждения уголовного дела в целях производства неотложных следственных действий является наличие, во-первых, повода для возбуждения уголовного дела, во-вторых, оснований для возбуждения уголовного дела, в-третьих, риска утраты доказательств либо затруднительности их получения в последующем. Лишь совокупность данных обстоятельств дает основание сотруднику учреждения ФСИН России принять решение о возбуждении уголовного дела.

Наличие ситуации, которая может повлечь утрату доказательств либо затруднить их получение в последующем, особо актуально для преступлений, совершаемых в исправительных учреждениях, так как места лишения свободы расположены, как правило, на значительном отдалении от правоохранительных органов, что отрицательно сказывается на возможности их своевременного вступления в уголовный процесс. Так, в ходе проведенного А. М. Лютынским и Р. М. Морозовым обобщения практики расследования побегов из исправительных учреждений было установлено, что там, где осмотры «осуществляли следователи и дознаватели ОВД, их привлечение потребовало значительного времени, что, в конечном счете, привело к безвозвратной утрате ряда следов» [2, с. 364]. Указанное обстоятельство приводит к выводу о необходимости максимального сокращения времени между обнаружением признаков преступления и проведением осмотра места происшествия, что при условии отдаленности приводит к необходимости проведения данного (а в ряде случаев и иных процессуальных действий) тем правоохранительным органом, который может это сделать с минимальным временным разрывом, а именно сотрудниками соответствующего учреждения.

Детального рассмотрения требует категория дел, в отношении которых закреплены процессуальные полномочия начальников органов и учреждений уголовно-исполнительной системы России.

Пункт 5 ч. 2 ст. 157 УПК РФ закрепляет подсудность начальников органов и учреждений ФСИН России по преступлени-

ям против установленного порядка несения службы, совершенных сотрудниками соответствующих учреждений и органов, а равно по преступлениям, совершенным в расположении указанных учреждений и органов иными лицами.

Таким образом, можно сделать вывод, что законодателем выделяются два признака: территориальный (по всем преступлениям, совершенным любыми лицами в расположении подчиненных учреждений) и предметный (преступления определенной категории, совершенные подчиненными сотрудниками).

После проведения неотложных следственных действий орган дознания вправе принять лишь решение о направлении дела руководителю следственного органа и не имеет возможности прекратить уголовное дело по п. 1 и 2 ст. 24 УПК РФ либо принять какое-либо иное решение, связанное с движением дела (соединение уголовных дел (ст. 153 УПК РФ), выделение уголовного дела (ст. 154 УПК РФ), выделение в отдельное производство материалов уголовного дела (ст. 155 УПК РФ), приостановление предварительного следствия (ст. 208 УПК РФ) и др.).

Ранее действовавшая редакция ч. 3 ст. 157 и п. 3 ст. 149 УПК РФ, предусматривавшая направление уголовного дела после производства неотложных следственных действий прокурору, а не руководителю следственного органа, позволяла эффективно осуществлять проверку законности решения о передаче уголовного дела для дальнейшего проведения предварительного следствия. В настоящий же момент прокурор фактически выключен из указанных правоотношений, что не согласуется с положениями п. 12 ч. 1 ст. 37 УПК РФ, определяющими право прокурора передавать материалы проверки и уголовные дела от одного субъекта предварительного расследования другому, и ролью прокурора как специально уполномоченного лица решать возникающие споры при определении подсудности.

С учетом положений вышеуказанного п. 12 ч. 1 ст. 37 УПК РФ возникает предложение закрепить законодательно изменения законодательства, предусматривающие передачу материалов уголовного дела, производство неотложных следственных действий по которому окончено, через прокурора. Однако вряд ли это оправдано ввиду возникающих временных потерь в этой связи, а также изменения соотношений процессуальных статусов руководителя следственного органа

и прокурора, которое привело к изменению данной нормы закона.

Представляется целесообразным предусмотреть обязанность предоставления прокурору копии постановления о направлении уголовного дела по подследственности, добавив право последнего истребовать материалы уголовного дела в случае невозможности сделать вывод о законности принятого решения без изучения уголовного дела в полном объеме. В связи с чем предлагается дополнить ч. 3 ст. 157 УПК РФ после слов «настоящего Кодекса» текстом следующего содержания: «о чем выносит постановление». Пункт 3 ст. 149 УПК РФ дополнить следующими предложениями: «Копия постановления о направлении уголовного дела предоставляется прокурору. В случае если оценить законность принятого решения исходя из предоставленного постановления не представляется возможным, прокурор истребует материалы уголовного дела».

В случае принятия подобной логики законодательных изменений регулирования правоотношений при производстве неотложных следственных действий и направления материалов уголовного дела по подследственности после их завершения потребуются внесение изменений в приказ № 33, п. 6 которого видится необходимым дополнить абзацем следующего содержания: «Безотлагательно изучать процессуальные решения о направлении уголовного дела по подследственности в порядке ч. 3 ст. 157 УПК РФ. В случае если оценить законность принятого решения исходя из предоставленного постановления не представляется возможным, истребовать материалы уголовного дела, давая оценку законности и полноте проведенных следственных действий».

Дальнейшее проведение следственных действий по уголовному делу, которое направлено руководителю следственного органа, как следует из ч. 4 ст. 157 УПК РФ, возможно лишь при наличии соответствующего поручения. Кроме того, на органы дознания, в том числе и учреждения ФСИН России, возложена обязанность по исполнению поручений о проведении отдельных следственных действий по уголовным делам и в том случае, если они не производили по ним неотложные следственные действия.

Соблюдение требований закона при исполнении поступивших поручений также, как указывалось выше, является предметом прокурорского надзора.

Несмотря на это, нормативными правовыми актами Генеральной прокуратуры Российской Федерации не регламентированы сроки, порядок и методика проведения проверок соблюдения требований закона при исполнении поручений, данных при производстве предварительного расследования.

Однако в данной области довольно часто допускаются нарушения закона, которые остаются вне зоны внимания специализированных прокуроров, так как осуществление надзора за данным участком уголовно-процессуальной деятельности не регламентировано. Также не предусмотрена обязанность по уведомлению прокуроров специализированных прокуратур о нарушениях, допущенных сотрудниками исправительных учреждений при исполнении поручений о производстве отдельных следственных действий в случае выявления подобных фактов прокурорами иных прокуратур.

Характерными нарушениями при исполнении поручений о проведении отдельных следственных действий является: во-первых, исполнение их в срок свыше десяти суток, а во-вторых, проведение следственных действий с нарушением уголовно-процессуальных норм.

Кроме того, дискуссионным вопросом является наличие у сотрудников учреждений ФСИН России права по исполнению поручений о проведении отдельных следственных действий по уголовным делам, которые возбуждены не по фактам преступлений против установленного порядка несения службы, совершенных сотрудниками соответствующих учреждений и органов, а о преступлениях, совершенных в расположении указанных учреждений и органов иными лицами.

Так, согласно мнению О. В. Мичуриной, сотрудники учреждений правомочны выполнять не любые поручения и указания о производстве следственных действий, а только те, которые даются по делам о преступлениях против установленного порядка несения службы, совершенных сотрудниками этих учреждений, а равно по делам о преступлениях, совершенных в расположении данных учреждений [3, с. 40]. В обоснование указанной точки зрения автор ссылается на мнение А. П. Рыжакова, который применительно к органам пожарного надзора отмечал, что органом дознания эти поручения и указания могут быть приняты и исполнены с учетом двух факторов: собственной уголовно-процессуальной правоспособности и конкретного требования следователя.

Однако согласиться с подобным утверждением вряд ли возможно, поскольку в случае дачи поручения орган, который его исполняет, действует не в пределах своей компетенции, а пределах полномочий, которые ему как бы делегируются на определенное время и для совершения строго определенных действий.

Указанные выше нарушения выявляются, как правило, лишь в ходе проверок, проводимых специализированными прокуратурами по собственной инициативе. Вместе с тем повышению уровня законности при исполнении поручений могло бы способствовать введение дополнительной обязанности инициатора поручения по информированию надзирающего прокурора о ненадлежащем исполнении поручения, а также проведение ежемесячных проверок надзирающими прокурорами соблюдения требований закона при исполнении поручений о проведении отдельных розыскных и следственных действий.

В этой связи предлагается дополнить ч. 1 ст. 152 УПК РФ предложением следующего содержания: «О допущенных нарушениях при исполнении поручения инициатор поручения обязан уведомить надзирающего прокурора».

Кроме того, п. 12 приказа № 33 необходимо дополнить предложением следующего содержания: «Систематически (не реже одного раза в месяц) проверять соблюдение требований закона при исполнении поручений, данных в порядке ч. 1 ст. 152 УПК РФ».

Таким образом, можно сделать вывод о имеющихся недостатках правового регулирования, которые не позволяют прокурору своевременно получать информацию о направлении дела по подследственности после выполнения неотложных следствен-

ных действий, а также не предусматривают механизма истребования материалов уголовного дела для их проверки на предмет соблюдения требований закона. В связи с чем предлагается дополнить ч. 3 ст. 157 УПК РФ после слов «настоящего Кодекса» текстом следующего содержания: «о чем выносит постановление». Пункт 3 ст. 149 УПК РФ дополнить следующими предложениями: «Копия постановления о направлении уголовного дела предоставляется прокурору. В случае если оценить законность принятого решения исходя из предоставленного постановления не представляется возможным, прокурор истребует материалы уголовного дела».

Кроме того, очевидно, что пробелы правового регулирования при осуществлении прокурорского надзора за законностью при исполнении учреждениями уголовно-исполнительной системы России поручений о проведении отдельных следственных и иных процессуальных действий существенно снижают уровень законности в данной области. В целях устранения данного пробела предлагается дополнить ч. 1 ст. 152 УПК РФ предложением следующего содержания: «О допущенных нарушениях при исполнении поручения инициатор поручения обязан уведомить надзирающего прокурора». Потребуется внесение изменений и в приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 26.01.2017 № 33 «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов дознания», п. 12 которого следует дополнить предложением следующего содержания: «Систематически (не реже одного раза в месяц) проверять соблюдение требований закона при исполнении поручений, данных в порядке ч. 1 ст. 152 УПК РФ».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Куклин, В. И.** Неотложные следственные действия / В. И. Куклин. – Казань : Изд-во Казан. гос. ун-та, 1967. – 141 с.
2. **Лютынский, А. М.** Некоторые вопросы практики расследования побегов из исправительных учреждений ФСИН России / А. М. Лютынский, Р. М. Морозов // Актуальные проблемы российского права. – 2008. – № 2. – С. 260–266.
3. **Мичурина, О. В.** Процессуальные и организационные вопросы осуществления начальниками следственных изоляторов и лечебно-трудовых профилакториев функций органов дознания : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Мичурина Оксана Валерьевна. – Москва, 1993. – 202 с.
4. Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов дознания : приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 26.01.2017 № 33 // Законность. – 2017. – № 5. – С. 40–44.
5. **Осипов, А. А.** О субъектах, осуществляющих предварительное расследование в форме дознания по действующему уголовно-процессуальному законодательству РФ / А. А. Осипов // Российский следователь. – 2009. – № 11 – С. 9–12.
6. **Савельев, Ю. О.** своевременности проведения неотложных следственных действий / Ю. Савельев // Закон и право. – 2007. – № 7. – С. 84–86.
7. **Саутиев, А. М.** Прием, регистрация и рассмотрение заявлений и сообщений о преступлениях и происшествиях в исправительных учреждениях ФСИН России: сравнительно-правовое исследование на основе законодательства Российской Федерации и стран СНГ : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Саутиев Адам Мухамедович. – Рязань, 2017. – 230 с.
8. Сигалов, Л. Е. Теория и практика неотложных следственных действий : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Сигалов Леонид Ефимович. – Свердловск, 1969. – 23 с.
9. Шабетя, В. И. Сущность, назначение и порядок производства неотложных следственных действий по УПК РФ : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Шабетя Игорь Васильевич. – Челябинск, 2004. – 25 с.

REFERENCES

1. Kuklin V. I. *Neotlozhnye sledstvennye dejstviya* [Urgent investigative actions]. Kazan, 1967. 141 p. (In Russ.).
2. Lyutynskij A. M., Morozov R. M. Nekotorye voprosy praktiki rassledovaniya pobegov iz ispravitel'nyh uchrezhdenij FSIN Rossii [Some questions of the practice of investigating escapes from correctional institutions of the Federal Penal Service of Russia]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava – Actual problems of Russian law*, 2008, no. 2, pp. 260–266. (In Russ.).
3. Michurina O. V. *Processual'nye i organizacionnye voprosy osushchestvleniya nachal'nikami sledstvennyh izolyatorov i lechebno-trudovyh profilaktoriev funkcij organov doznaniya*. Diss. kand. yurid. nauk [Procedural and organizational issues of the implementation by the heads of pre-trial detention centers and medical and labor dispensaries of the functions of the bodies of inquiry]. Diss. PhD. in Law]. Moscow, 1993. 202 p. (In Russ.).
4. Prikaz General'nogo prokurora Rossijskoj Federacii ot 26.01.2017 № 33 «Ob organizacii prokurorskogo nadzora za processual'noj deyatel'nost'yu organov doznaniya» [Order of the Prosecutor General of the Russian Federation from 26.01.2017 No. 33 «On the organization of prosecutor's supervision over the procedural activities of the bodies of inquiry»]. *Zakonnost' – Legality*, 2017, no. 5, pp. 40–44. (In Russ.).
5. Osipov A. A. O sub'ektah, osushchestvlyayushchih predvaritel'noe rassledovanie v forme doznaniya po dejstvuyushchemu ugolovno-processual'nomu zakonodatel'stvu RF [On the subjects carrying out a preliminary investigation in the form of an inquiry under the current criminal procedure legislation of the Russian Federation]. *Rossijskij sledovatel' – Russian investigator*, 2009, no. 11, pp. 9–12. (In Russ.).
6. Savel'ev YU. O svoevremennosti provedeniya neotlozhnyh sledstvennyh dejstvij [On the timeliness of carrying out urgent investigative actions]. *Zakon i pravo – Law and right*, 2007, no. 7, pp. 84–86. (In Russ.).
7. Sautiev A. M. *Priem, registraciya i rassmotrenie zayavlenij i soobshchenij o prestupleniyah i proisshestviyah v ispravitel'nyh uchrezhdeniyah FSIN Rossii: sravnitel'no-pravovoe issledovanie na osnove zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii i stran SNG*. Diss. kand. yurid. nauk [Reception, registration and consideration of applications and reports of crimes and incidents in correctional institutions of the Federal Penal Service of Russia: a comparative legal study based on the legislation of the Russian Federation and the CIS countries]. Diss. PhD. in Law]. Ryazan, 2017. 230 p. (In Russ.).
8. Sigalov L. E. *Teoriya i praktika neotlozhnyh sledstvennyh dejstvij*. Avtoref. diss. kand. yurid. nauk [Theory and practice of urgent investigative actions. Author's abstract of diss. PhD. in Law]. Sverdlovsk, 1969. 23 p. (In Russ.).
9. SHabet'ya V. I. *Sushchnost', naznachenie i poryadok proizvodstva neotlozhnyh sledstvennyh dejstvij po UPK RF*. Avtoref. diss. kand. yurid. nauk [The essence, purpose and procedure for the production of urgent investigative actions under the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation. Author's abstract of diss. PhD. in Law]. Chelyabinsk, 2004. 25 p. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTORS

СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ КУНИЦИН – заместитель Воронежского прокурора по надзору за соблюдением законов в исправительных учреждениях, г. Воронеж, Российская Федерация. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4332-5051>, e-mail: s.n.kunitsin@gmail.com

SERGEY N. KUNITSIN – Deputy Voronezh Prosecutor for Supervision of Compliance with Laws in Correctional Institutions, Voronezh, Russian Federation. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4332-5051>, e-mail: s.n.kunitsin@gmail.com

DOI 10.46741/2686-9764-2020-14-3-388-393

УДК 343.985

Особенности использования сети Интернет в расследовании преступлений экстремистской направленности

Н. И. ГЕРАСИМЕНКО

Омская академия МВД России, г. Омск, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1107-5337>, e-mail: ninella007@mail.ru

Р е ф е р а т: Достаточно большое количество преступных деяний можно отнести к преступлениям экстремистской направленности, но не все из них можно совершать посредством Интернета. Такого рода преступления имеют ряд характерных особенностей, которые подлежат установлению на первоначальном и последующих этапах расследования: 1) обстановка совершения преступлений, включающая место и время (возможность совершения преступления лицом, находящимся в любой точке земного шара, где есть доступ в Интернет; преступление может совершаться длительное время – с момента размещения информации экстремистской направленности в сети до момента ее блокировки); 2) способы совершения преступлений (размещение информации, содержащей элементы экстремистского характера (тексты, картинки, посты, песни и т. п.), большие возможности для сокрытия преступного действия). Помимо шифрования файлов существует возможность их быстрого удаления с информационных носителей. Учитывая эти обстоятельства, первоочередными являются незамедлительное фиксирование информации с экстремист-

ской направленностью, содержащейся на электронных носителях, и выявление лиц, ее разместивших. При этом ключевыми моментами в расследовании должны стать проведение осмотра интернет-ресурса с обязательным указанием электронного адреса, наименования, сведений об обратной связи, контактах, а также назначение компьютерной и лингвистической экспертиз.

Ключевые слова: экстремистская деятельность; осмотр; сеть Интернет; способ; удаленный файл; сокрытие информации.

12.00.12 – Криминалистика; судебно-экспертная деятельность; оперативно-розыскная деятельность.

Для цитирования: Герасименко Н. И. Особенности использования сети Интернет в расследовании преступлений экстремистской направленности. *Пенитенциарная наука*. 2020; 14(3):388–393. DOI 10.46741/2686-9764-2020-14-3-388-393.

Specifics of using the Internet in the investigation of extremist crimes

N. I. GERASIMENKO

Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Omsk, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1107-5337>, e-mail: ninella007@mail.ru

Abstract: A fairly large number of criminal acts can be attributed to crimes of an extremist nature, but not all of them can be committed via the Internet. This type of crime has a number of characteristic features that must be established at the initial and subsequent stages of the investigation: 1) the situation in which the crimes were committed, including place and time. A feature of the place is the possibility of committing a crime by a person located anywhere in the world where there is Internet access. The specifics of time include the fact that a crime can be committed for a long time – from the moment extremist information is posted on the network until it is blocked; 2) the methods of committing the considered category of crimes, the features of which are the placement of information containing elements of an extremist nature (texts, pictures, posts, songs, etc.), as well as great opportunities for concealing the crime. In addition to encrypting files, it is possible to quickly delete them from information carriers. Given these circumstances, the priority is the immediate recording of information with an extremist orientation contained in electronic media, and the identification of the persons who posted it. At the same time the key points in the investigation should be the examination of the Internet resource with the obligatory indication of the email address, name, information about feedback, contacts, as well as the appointment of computer and linguistic expertise.

Key words: extremist activity; inspection; Internet; means; deleted files; hiding information.

12.00.12 – Forensics; forensic activity; operational investigation.

For citation: Gerasimenko N. I. Specifics of using the Internet in the investigation of extremist crimes. *Penitenciarnaya nauka = Penitentiary Science*. 2020; 14(3):388–393. (In Russ.). DOI 10.46741/2686-9764-2020-14-3-388-393.

В настоящее время массив преступлений, в том числе экстремистской направленности, совершаемых посредством сети Интернет, достаточно велик. Так, по статистическим данным, размещенным на официальном сайте МВД России, с января по декабрь 2018 г. было зарегистрировано 1265 заявлений о совершении преступлений экстремистской направленности, в 2019 г. – 585, с января по март 2020 г. – 210, причем, на наш взгляд, истинные масштабы соответствующей преступной деятельности от-

ражены не в полной мере в силу ее латентности.

Распространенность рассматриваемых противоправных деяний обусловлена, во-первых, удаленностью лица, совершающего преступление, то есть фактической неопределенностью места его нахождения, а во-вторых, снижением уровня оставляемой в результате совершения преступления следовой информации.

Федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской

деятельности» не содержит понятия преступлений рассматриваемой категории. В соответствии со ст. 1 данного документа экстремистской деятельностью (экстремизмом) является:

1) деятельность общественных и религиозных объединений, либо иных организаций, либо средств массовой информации, либо физических лиц по подготовке и совершению действий, направленных на насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности России, подрыв безопасности страны, захват или присвоение властных полномочий, создание незаконных вооруженных формирований и т. д.;

2) пропаганда и публичное демонстрационное нацистской атрибутики или символики либо атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения;

3) публичные призывы к осуществлению указанной деятельности или действий;

4) финансирование указанной деятельности либо иное содействие ее осуществлению, в том числе путем предоставления финансовых средств, недвижимости, учебной, полиграфической и материально-технической базы, телефонной, факсимильной и иных видов связи, информационных услуг, иных материально-технических средств.

В соответствии с примечанием 2 к ст. 280 УК РФ под преступлениями экстремистской направленности понимаются преступления, совершенные по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, предусмотренные соответствующими статьями Особенной части УК РФ.

Проанализировав данное определение, можно заключить, что достаточно много преступлений можно отнести к экстремистским, но не все они совершаются посредством сети Интернет. В данной статье будут рассмотрены ст. 280 УК РФ (публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности), ст. 282 УК РФ (возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства), ст. 282.1 УК РФ (организация экстремистского сообщества), ст. 282.2 УК РФ (организация деятельности экстремистской организации).

К преступлениям экстремистской направленности, совершаемым в сети Интернет, содержащимся в иных главах УК РФ, относятся составы ст. 136 (нарушение равенства прав и свобод человека и гражданина), ч. 4

ст. 150 (вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления).

Также к интересующему нас виду можно отнести иные преступления, которые совершены по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы согласно п. «е» ч. 1 ст. 63 УК РФ. Наиболее опасными видами экстремизма являются националистический, религиозный и политический, проявляющиеся в возбуждении ненависти либо вражды по признакам пола, расовой, национальной, языковой, религиозной принадлежности или к какой-либо социальной группе, в том числе путем распространения призывов к насильственным действиям, вовлечения отдельных лиц в деятельность экстремистских организаций или групп, в первую очередь через информационно-телекоммуникационные сети, включая Интернет [4, с. 86].

Размещенная в сети информация зачастую служит поводом для возбуждения уголовного дела, поэтому процессуально грамотная ее фиксация носит принципиальный характер. Нельзя забывать, что сведения могут быть в любой момент удалены преступником – владельцем данной информации.

На основании интервьюирования 80 оперативных сотрудников Центра по противодействию экстремизму УМВД России по Омской области, ГУ МВД России по Новосибирской области, ГУ МВД России по Свердловской области нами были выделены основные проблемы, возникающие при расследовании рассматриваемой категории дел:

1) большое количество пользователей по всему миру;

2) принадлежность сайтов компаниям и пользователям, зарегистрированным за пределами Российской Федерации;

3) распространение информации экстремистской направленности разными способами (песни, текст, видео и др.).

А. С. Бутенко называет следующие причины распространения экстремистских материалов в сети Интернет: 1) многонациональность и многоконфессиональность Российской Федерации, сопровождаемые межнациональной и межрелигиозной напряженностью и высокой конфликтностью общества; 2) экономическая обстановка в стране, в частности социальное расслоение и неприязнь между социальными группами, способствующие быстрому распространению негативного контента в социальных сетях, блогах и чатах; 3) низкий уровень культу-

ры сетевого общения, компенсирующий повышенной эмоциональностью и агрессией [1, с. 60].

Для успешного сбора информации, свидетельствующей о совершении преступления экстремистской направленности, следует обратить внимание на те обстоятельства, которые подлежат установлению на первоначальном и последующем этапах расследования:

1. Обстановка совершения преступления, включающая время и место. Статья 152 УК РФ в ч. 1 определяет место производства предварительного расследования по месту совершения деяния, содержащего признаки преступления. Это значит, что, по общему правилу, местом совершения преступления будет считаться место нахождения лица, распространяющего информацию экстремистского характера. Однако преступления рассматриваемой категории носят транснациональный характер, следовательно, решение о возбуждении уголовного дела может попадать под юрисдикцию той страны, в которой находится лицо, совершающее противоправные действия, и вопрос о возбуждении и дальнейшем расследовании уголовного дела может относиться к компетенции страны, в которой находился преступник в момент совершения им общественно опасного деяния. В данном случае привлечение к уголовной ответственности решается по согласованию между государствами. В связи с этим перед лицом, производящим предварительное расследование, стоит задача не только своевременной фиксации противоправных действий лица, но и скорейшего установления местонахождения преступника для привлечения к уголовной ответственности. Зачастую это невозможно без применения сил и средств оперативных подразделений органов внутренних дел.

Временем совершения преступления признается момент размещения различных сведений экстремистской направленности. Применительно к обстановке совершения преступления следует обратить внимание на ее очевидность, то есть открытость самих действий преступного лица, которое умышленно локализует место либо в силу каких-либо обстоятельств делает его очевидным.

2. Личность совершившего преступление. Согласно статистическим данным МВД России и ФСБ России, более 90 % членов экстремистских организаций – молодые люди в возрасте от 16 до 30 лет. Они и совершают преступления экстремистской направленности. В настоящее время на территории Российской Федерации насчитывается

примерно 150 молодежных экстремистских организаций с четкой устоявшейся идеологией, распределением ролей (иерархией), строгой дисциплиной [5].

В ситуациях, когда преступник не предпринимает никаких действий по своему обезличиванию, например размещает информацию экстремистского характера в учетной записи социальной сети либо вместе с информацией оставляет свои установочные или контактные данные, вопрос об установлении личности остро не стоит. Посредством проведения ряда оперативно-розыскных и иных мероприятий лицо, проводящее предварительное расследование, собственноручно либо путем направления поручения в оперативные подразделения органов внутренних дел определяет преступника, и последующая работа по совершению преступления облегчается в разы. В случае же когда преступник принимает активные действия по сокрытию сведений о своей личности, комплекс следственных действий и иных проводимых мероприятий существенно расширяется. Наиболее рациональным способом установления личности преступника становится опять же использование сил и средств специальных оперативных подразделений. Говорить о том, что лицо может бесследно разместить сведения экстремистского содержания, не стоит: при любой активности лица в сети остается как минимум IP-адрес, который может служить отправной точкой в определении места совершаемого преступления и установлении личности преступника. Как правило, данная процедура осложняется использованием со стороны преступника различных компьютерных программ, направленных на искажение информации о месте выхода в сеть Интернет, поэтому при направлении поручения в оперативные подразделения органов внутренних дел и получении ответов от них следует в обязательном порядке проводить анализ сведений и вычленять те из них, которые не соответствуют действительности. Помимо прочего, в установлении личности может помочь и создаваемый для совершения преступления ресурс: различные компьютерные программы, скриншоты, интернет-сайты, сообщества. Создаются они в целях достижения скорейшего преступного результата, повышения эффективности преступной деятельности, усиления контроля над запущенными процессами, но в то же время снижают степень обезличенности преступника либо преступного сообщества, ведь введение любого рода инноваций увеличивает количество каналов

обратной связи, то есть преумножает число доказательств причастности того или иного лица к совершаемому преступлению.

Как отмечает О. С. Зубкина, проблема экстремизма имеет особое значение для юга России: ввиду разности культур и обычаев народов Кавказа происходят столкновения на национальной почве, сопровождающиеся созданием экстремистских сайтов, на которых ведутся агрессивные обсуждения [3, с. 54].

3. Способ совершаемого преступления. Если говорить о преступлениях экстремистской направленности, которые совершаются посредством использования сети Интернет, то речь будет идти прежде всего о таком способе совершения преступления, как размещение сведений экстремистской направленности. Информация такого рода может сопровождаться определенными призывами, указаниями как ограниченному, так и неограниченному кругу лиц. Однако не стоит исключительно так понимать рассматриваемое преступление. Зачастую действия экстремистского характера могут совершаться не на просторах Интернета, а в реальной жизни, а всемирная сеть при этом используется как средство коммуникации между членами преступных групп. Существенной разницей между двумя подходами является то, что в первом случае сведения будут носить открытый характер, ведь иначе теряется смысл совершаемого преступления, а во втором – тщательно скрываться. Во многом то, сколько внимания уделяется сокрытию информации о подготавливаемом или совершаемом преступлении, зависит от масштабности последнего. И как уже неоднократно отмечалось, следовательно при обнаружении признаков преступления экстремистской направленности и возникновении сложностей с установлением личности преступника следует обращаться с поручением в оперативные подразделения органов внутренних дел. В тех случаях когда не стоит вопроса о получении скрытой от следователя информации, она фиксируется в общем порядке при проведении следственных действий. Стоит все же подчеркнуть, что такого рода ситуации, когда информация о преступлении будет лежать на поверхности, встречаются крайне редко, ведь сам преступник прекрасно понимает, что это может способствовать установлению его личности правоохранительными органами.

Как уже было сказано, основным способом сокрытия преступления является удаление файлов, свидетельствующих о причастности лица к совершенному престу-

плению. Следует иметь в виду, что удаленные файлы могут быть восстановлены и служить при надлежащем их процессуальном закреплении доказательственной информацией, указывающей на причастность лица к преступлению.

При размещении информации экстремистского характера в сети Интернет, как правило, избираются такие ресурсы, которые обладают, во-первых, большой пропускной способностью, а во-вторых, пониженной степенью цензурности: ВКонтакте, Youtube, Facebook, Instagram, Twitter. Это своего рода информационные платформы, которые позволяют размещать различные сведения вне зависимости от формы их представления.

Для повышения эффективности воздействия размещенной информации и ускорения наступления преступного результата лицами используются различные способы размещения данных: рассылки, видео- и музыкальные материалы, фотографии, стихи, песни на действующих страницах, ссылки на материалы других ресурсов в публикациях и комментариях [2, с. 126].

В качестве базы для совершения экстремистских преступлений используются и такие мессенджеры, как Viber, WhatsApp и Telegram. Это связано в первую очередь с тем, что обозначенные программы обладают функцией шифрования, что защищает файлы от отслеживания и взлома без использования специальных программ.

Информационно-коммуникационные сети стали основным средством общения для экстремистских и террористических организаций: они используются ими для привлечения в свои ряды новых членов, организации и координации совершения преступлений, распространения экстремистской идеологии. Основной проблемой для следственных органов является длительность процесса получения информации с защищенных сайтов и их блокировки.

Способ совершения преступлений обусловлен большими возможностями информационных технологий. Местом совершения преступления экстремистского характера может стать любая точка, где есть доступ к сети Интернет.

Действия следователя на первоначальном и последующем этапах во многом зависят от характера совершенного преступления, но, как правило, перечень обязательных для выполнения мероприятий всегда остается неизменным. Так, при обнаружении информации, формально содержащей признаки экстремизма, следователю либо иному

лицу необходимо ее процессуально зафиксировать, ведь в последующем это может послужить основанием для возбуждения уголовного дела. Как правило, в практической деятельности следователь в роли лица, обнаружившего указанное преступление, выступает крайне редко. Чаще всего ему поступает либо материал проверки для последующего принятия процессуального решения, либо уже возбужденное уголовное дело. В обоих случаях необходимо процессуально зафиксировать сам факт совершенного преступления, если этого не сделано ранее. Важным является в кратчайшие сроки провести осмотр, отразив данный факт в протоколе осмотра места происшествия. При производстве указанного следственного действия и использовании в качестве объекта какого-либо интернет-ресурса следователю необходимо указывать все возможные реквизиты последнего: электронный адрес, наименование, сведения об обратной связи, контакты и т. д. В обязательном порядке к протоколу следственного действия прилагаются изображения ресурса, фиксируется содержание размещенных сведений.

Особое внимание следователю необходимо уделять взаимодействию с оперативными подразделениями органов внутренних

дел, так как некоторые аспекты совершенного преступления невозможно установить без их помощи.

Второй блок алгоритма расследования преступления образуют следственные действия, проводимые с лицами, а также материальными носителями информации. Они выходят на первый план при установлении лица, совершившего преступление, свидетелей и заключаются в сборе объема доказательственной информации. К таким следственным действиям можно отнести допросы свидетелей, обыски и выемки на местах совершения преступлений, назначение различных экспертиз, в основном компьютерных и лингвистических, проведение очных ставок, осмотров, допросов. На данном этапе расследование упрощается тем, что, как правило, в уголовном деле уже содержатся материалы о лице, совершившем преступление, характере последствий, и следователю остается только в общеопределенном порядке собрать максимально возможную доказательственную базу.

Быстрое развитие информационно-коммуникационных систем, появление программ, способных шифровать информацию, осложняют процесс выявления и доказывания преступлений экстремистского характера.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бутенко, А. С. Экстремизм в сети Интернет: понятие и сущность / А. С. Бутенко // Юрист-Правоведь. – 2019. – № 2. – С. 57–61.
2. Валеев, А. Х. Борьба с проявлением экстремизма в сети Интернет / А. Х. Валеев // Бизнес в законе. – 2011. – № 6. – С. 125–127.
4. Зубкина, О. С. Экстремизм в современном интернет-пространстве / О. С. Зубкина // Ростовский научный журнал. – 2019. – № 1. – С. 48–54.
5. Тронева, В. Н. Проблема распространения экстремизма в интернет-среде / В. Н. Тронева // Научный вестник Волгоградского филиала РАНХиГС. Серия : Юриспруденция. – 2019. – № 2. – С. 85–89. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42326823> (дата обращения: 08.08.2020).
6. Тхакохов, А. А. К проблеме молодежного экстремизма: факторы распространения, особенности, способы борьбы / А. А. Тхакохов // Молодой ученый. – 2015. – № 4. – С. 481–482.

REFERENCES

1. Butenko A. S. Ekstremizm v seti Internet: ponyatie i sushchnost' [Extremism on the Internet: concept and essence]. *YUrist»-Pravoved» – Lawyer-Legist*, 2019, no. 2, pp. 57–61. (In Russ.).
2. Valeev A. H. Bor'ba s proyavleniem ekstremizma v seti Internet [Fight against manifestations of extremism on the Internet]. *Biznes v zakone – Business in law*, 2011, no. 6, pp. 125–127. (In Russ.).
4. Zubkina O. S. Ekstremizm v sovremenном internet-prostranstve [Extremism in the modern Internet space]. *Rostovskiy nauchnyy zhurnal – Rostov scientific journal*, 2019, no. 1, pp. 48–54. (In Russ.).
5. Troneva V. N. Problema rasprostraneniya ekstremizma v internet-srede [The problem of the spread of extremism in the Internet environment]. *Nauchnyy vestnik Volgogradskogo filiala RANHiGS. YUrisprudenciya – Scientific bulletin of the Volgograd branch of the RANHiGS. Jurisprudence*, 2019, no. 2, pp. 85–89. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42326823> (accessed 08.08.2020). (In Russ.).
6. Thakohov A. A. K probleme molodezhnogo ekstremizma: faktory rasprostraneniya, osobennosti, sposoby bor'by [On the problem of youth extremism: factors of spread, features, methods of struggle]. *Molodoj uchenyj – Young scientist*, 2015, no. 4, pp. 481–482. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTORS

НИНА ИГОРЕВНА ГЕРАСИМЕНКО – старший преподаватель кафедры криминалистики Омской академии МВД России, г. Омск, Российская Федерация, кандидат юридических наук. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1107-5337>, e-mail: ninella007@mail.ru

NINA I. GERASIMENKO – Senior Lecturer of the Department of Criminalistics of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Omsk, Russian Federation, PhD. in Law. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1107-5337>, e-mail: ninella007@mail.ru

Понятие и административно-правовая природа государственной службы в органах прокуратуры Российской Федерации

А. В. СМИРНОВ

Прокуратура Вологодской области, г. Вологда, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0560-0841>, e-mail: smirnov5146@yandex.ru

Реферат. В статье на основе анализа различных научных позиций раскрывается административно-правовая природа и сущность государственно-служебных отношений в органах прокуратуры Российской Федерации. Отмечается, что уникальность прокурорской службы обусловлена в том числе выполнением работниками одновременно различных правоохранительных, правозащитных, контрольно-надзорных и других функций, что указывает на многофункциональность данного вида государственной службы. Такие характеристики службы в органах прокуратуры в свою очередь обуславливают повышенные требования к самой службе, к деловым и моральным качествам работников. На основе методологии интегративного правового понимания дается авторское понятие государственной службы и службы в органах прокуратуры. Последняя, в частности, раскрывается как особый вид профессиональной деятельности, осуществляемой от имени государства его гражданами, занимающими должности федеральной государственной службы в органах прокуратуры Российской Федерации, в целях выполнения в соответствии с законом о прокуратуре и правилами, устанавливающими особые нравственно-этические требования к их служебному и внеслужебному поведению, возложенных на органы прокуратуры обязанностей, реализуемых в целях обеспечения верховенства закона, единства и укрепления законности, защиты прав и свобод человека и гражданина, охраняемых законом интересов общества и государства, а также связанных с выполнением функций внутреннего управления органов прокуратуры, организацией и прохождением службы в данных органах.

Ключевые слова: государственная служба; административно-правовая природа; интегративный подход; должности государственной службы; прокуратура; работники прокуратуры.

12.00.14 – Административное право; административный процесс.

Для цитирования: Смирнов А. В. Понятие и административно-правовая природа государственной службы в органах прокуратуры Российской Федерации. *Пенитенциарная наука*. 2020; 14(3):394–399. DOI 10.46741/2686-9764-2020-14-3-394-399.

The concept and the administrative-legal nature of public service in the prosecutor's office of the Russian Federation

A. V. SMIRNOV

Prosecutor's Office of the Vologda Region, Vologda, Russian Federation

ORCID: 0000-0003-0560-0841, e-mail: smirnov5146@yandex.ru

Abstract. Based on the analysis of various scientific positions, the article reveals the administrative-legal nature and essence of state-service relations in the prosecutor's office of the Russian Federation. It is noted that the uniqueness of the prosecutor's service is due, among other things, to the execution of various law enforcement, human rights, control and supervisory and other functions by prosecutors, which indicates the multifunctionality of this type of public service. Such characteristics of the service in the

prosecutor's office, in turn, lead to increased requirements for the service itself, for the business and moral qualities of employees. On the basis of the methodology of integrative legal thinking, the author's concept of civil service and service in the prosecutor's office is given. The latter, in particular, is disclosed as a special type of professional activity carried out on behalf of the state by its citizens holding positions of the federal public service in the prosecutor's office of the Russian Federation, in order to fulfill in accordance with the law on the prosecutor's office and the rules establishing special moral and ethical requirements for their official and off-duty behavior of the duties assigned to the prosecutor's office, carried out in order to ensure the supremacy of law, unity and strengthening the rule of law, protect human and civil rights and freedoms, the interests of society and the state protected by law, as well as related to the performance of the functions of internal management of the prosecutor's office, organizing and service in these bodies.

Key words: public service; administrative and legal nature; integrative approach; civil service positions; the prosecutor's office; employees of the prosecutor's office.

12.00.14 – Administrative law; administrative process.

For citation: Smirnov A. V. The concept and the administrative-legal nature of public service in the prosecutor's office of the Russian Federation. *Penitenciarная наука = Penitentiary Science*. 2020; 14(3):394–399. (In Russ.). DOI 10.46741/2686-9764-2020-14-3-394-399.

В системе государственных органов прокуратура занимает особое положение, predetermined гл. 7 Конституции Российской Федерации и Федеральным законом от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации». Согласно последнему прокуратура представляет собой единую федеральную централизованную систему органов, осуществляющих от имени Российской Федерации наряду с другими функциями прежде всего надзор за соблюдением Конституции Российской Федерации и исполнением законов, действующих на территории России.

Служба в органах прокуратуры Российской Федерации является одним из видов федеральной государственной службы и занимает особое место в системе государственной службы, predetermined прежде всего особым статусом самих органов прокуратуры, осуществляющих функции по обеспечению соблюдения законности со стороны всех государственных и негосударственных органов и организаций, а также граждан.

Уникальность прокурорской службы обусловлена и выполнением государственными служащими – прокурорскими работниками – одновременно различных правоохранительных, правозащитных, контрольно-надзорных и других функций, что указывает на многофункциональность данного вида службы. Такие характеристики службы в органах прокуратуры обуславливают повышенные требования к самой службе, к деловым и моральным качествам работников.

Государственная служба в органах прокуратуры находится в исключительном ведении Российской Федерации. Ключевые

моменты всех ее механизмов регламентированы основополагающим федеральным законом. При этом, в отличие от других видов государственной службы, отдельные элементы данного механизма нашли свое отражение в положениях ст. 129 Конституции Российской Федерации, устанавливающих исключительные по сравнению с другими государственными органами условия и порядок назначения прокуроров на их должности.

Раскрытие подлинного содержания административно-правового регулирования государственной службы в органах прокуратуры, определение универсальности деятельности органов прокуратуры Российской Федерации и уникальности правового статуса ее работников невозможны без раскрытия сущности института государственной службы в целом, а также сравнения рассматриваемой службы с иными видами государственной службы в органах исполнительной власти, выполняющих правоохранительные функции.

Изучение различной справочной и специальной литературы позволяет прийти к выводу, что ключевыми признаками словосочетания «государственная служба» являются ее активный и публично-правовой характер [10, с. 100, 515; 11, с. 112–113]. Первый predetermined государственную службу как вид деятельности, связанный с выполнением определенной работы, функции в отдельно взятом органе, второй – свидетельствует о публичном (общественном, гласном, открытом) характере данного вида деятельности, реализация которой должна осуществляться в строгом соответствии с нормативными предписаниями.

Сущность государственной службы, по нашему мнению, сводится к выполнению лицом своих общественно значимых функций, направленных не на решение задач конкретного государственного органа, а, в первую очередь, на обеспечение эффективного функционирования всего государства в целом как механизма, в котором такой орган является лишь одним из его многочисленных взаимосвязанных элементов.

В современном административном праве выделяется большое количество подходов к пониманию термина «государственная служба». Однако более выгодным представляется позиция ряда авторов, отстаивающих необходимость использования комплексного (системного) подхода к пониманию сущности и содержания государственной службы.

Так, А. Ф. Ноздрачев определяет государственную службу как установленный государством, нормативно выраженный и легитимный, признаваемый гражданами юридический институт практического осуществления государственной власти и повседневного применения законодательства в масштабе всего общества и реального времени [9, с. 14].

А. М. Артемьев раскрывает государственную службу как осуществление государственными органами кадровой функции управления и практическую деятельность всех лиц, получающих заработную плату из государственного бюджета (то есть от государства в лице его органов и подразделений) и занимающих постоянно или временно должности в аппарате государственных органов, включая органы законодательной, исполнительной и судебной власти, прокуратуры, контрольно-надзорных органов [2, с. 16].

В более широком смысле рассматриваемая дефиниция раскрывается Г. В. Атаманчуком как практическое и профессиональное участие граждан в осуществлении целей и функций государства посредством исполнения обязанностей и полномочий по государственной должности, определенной в конкретном государственном органе. При этом ключевым, по мнению исследователя, здесь является слово «исполнение», которое означает не просто работу, измеряемую либо временем, отведенным на нее по правилам внутреннего трудового распорядка, либо количеством прочитанных, подготовленных или подписанных документов и т. п., а формирование властно-управленческих взаимоотношений между государством и

обществом, государственным органом и подлежащими его ведению управляемыми объектами [3, с. 364].

Л. Л. Попов, выделяя госслужбу среди других видов профессиональной деятельности, отмечает, что такая деятельность объединяет исключительно людей, занятых в аппарате государственных органов, которые профессионально и на постоянной основе занимаются вопросами государственного управления в различных областях или сферах общественной жизни или реализуют на практике важнейшие функции государства по обеспечению обороны, безопасности и правопорядка [1, с. 129].

В целом, как отмечается в специальной литературе, в рамках комплексного подхода государственная служба представляет собой сложное административно-правовое явление, связанное с организацией и административно-правовым регулированием профессиональной деятельности граждан в сфере выполнения внешних и внутренних функций государственных органов, а также непосредственной организацией и прохождением государственной службы гражданами Российской Федерации [6, с. 29].

Системное рассмотрение государственной службы подразумевает необходимость выделения в ее структуре внешней и внутренней сторон, первая из которых связана с непосредственной реализацией государственными служащими функций органов государственной власти по урегулированию общественных отношений, вторая – с осуществлением внутриорганизационной деятельности данных органов по повседневной организации их профильной деятельности, включая функции кадрового обеспечения (отбор, расстановка, выдвижение, перемещение и высвобождение служащих, обучение и воспитание), социальную защиту служащих и их семей.

Вместе с тем в современных условиях еще более прогрессивным следует считать интегративный подход, позволяющий максимально широко рассматривать социально-правовое предназначение и административно-правовую природу государственной службы в ее онтологическом единстве.

Интегративный подход подразумевает использование помимо традиционных материалистических способов познания иррациональных форм и способов познания. В этом случае государственная служба приобретает принципиально другой вид: она связана не просто с осуществлением гражданином профессиональной деятельности

на конкретной должности, а представляет собой деятельность, основанную на долге, верности Родине, чести и совести при выполнении публичных функций и т. п.

Интегративная природа института государственной службы обуславливает возможность исследования служебных отношений в органах прокуратуры, их правового содержания исключительно во взаимосвязи с изучением других видов государственной службы. Только интегративный подход позволяет выявить основные характеристики государственной службы, установить общность и индивидуальность отдельных ее видов, определить теоретическую основу для дальнейшего исследования особенностей службы в органах прокуратуры, обосновать концептуальные идеи по изменению модели рассматриваемой службы в соответствии с современными тенденциями государственно-правового строительства.

Именно такой подход в последние годы получил наиболее активное внедрение в исследованиях по юриспруденции и рассматривается как прогрессивное направление правовой мысли – способ разрешения методологического кризиса современной юридической науки, не позволяющего ей справиться с задачами правовой действительности XXI в. Данный подход позволяет перейти от одномерного восприятия права, существовавшего в рамках классических типов понимания права, к всестороннему его рассмотрению как сложного социального феномена [5, с. 167].

Выделяя преимущества такого подхода, М. В. Немытина отмечает, что именно интегральное (или интегративное) правопонимание позволяет сформировать целостное представление о праве, рассматривая его во множестве проявлений и одновременно в единстве [8, с. 38].

В связи с этим интегративный подход к определению понятия «государственная служба» должен опираться на общее понимание данного вида службы как многогранного процесса публичного (государственного) управления общественной жизнью. В отличие от односторонних определений, использующих в качестве основного один из критериев – субъектный (должностной), функциональный (деятельностный) или институциональный (правовой), только интегративный подход может дать системное представление о государственной службе как управленческом процессе, включающем все три базовых критерия, раскрыть содержание данного административно-правового

института как особой группы общественных отношений, урегулированных нормами административного права, устанавливающих наравне с полномочиями государственных служащих по осуществлению внешних функций государственных органов положения о непосредственной организации и прохождении государственной службы.

Применение интегративного подхода к пониманию государственной службы в органах и учреждениях прокуратуры подразумевает использование наравне с отмеченными традиционными материалистическими способами также и иррациональных способов познания, позволяющих признать собственными государственной службе такие нематериальные или духовно-нравственные категории, как долг, ответственность, справедливость, честь, совесть, патриотизм, служение Отечеству [7, с. 110] и т. д.

В данном случае государственная служба приобретает принципиально другой вид и связана с осуществлением гражданином не просто профессиональной деятельности на конкретной должности, но деятельности, имеющей в своей основе нравственные начала, отвечающие за формирование у служащих ценностной ориентации на соблюдение общепризнанных норм морали и достижение общепользовательных целей.

Регулятивная роль подобных нравственных норм заключается в том, что они дают образец поведения работников органов государственной власти при выполнении ими своего служебного долга и устанавливают критерии для его оценки, а также воспитывают у каждого из них желание поступать согласно образцу [4, с. 94].

Формирование именно таких качеств в служении государству и обществу должно составлять основу воспитательного процесса государственного служащего (в том числе будущего) для обеспечения безупречного исполнения им своих служебных обязанностей, следования интересам самой службы и государства в целом.

В современных условиях данные качества приобретают особую актуальность, так как доверие населения к институтам власти прежде всего зависит от моральности поступков представителей такой власти – государственных служащих.

Таким образом, применение интегративной методологии в исследовании государственной службы как с правовой, социальной и организационной, так и с этической сторон позволяет раскрыть ее как вид профессиональной деятельности, осуществля-

емой от имени государства его гражданами (служащими), занимающими должности в уполномоченных государственных органах, в целях управления определенной сферой общественных отношений либо выполнения функций самоуправления этих органов, реализуемой в строгом соответствии с правилами, установленными административно-правовыми нормами, и на основе этических принципов и нравственных начал, формирующих ценностную ориентацию служащих на достижение общественно полезных целей и интересов самого государства.

Отмечаемая интегративная природа института государственной службы обуславливает возможность исследования служебных отношений в органах прокуратуры, их правового содержания исключительно во взаимосвязи с изучением других видов государственной службы. Только такой подход позволит выявить основные сущностные характеристики государственной службы в целом, установить общность и индивидуальность отдельных ее видов, определить теоретическую основу для дальнейшего исследования особенностей службы в органах прокуратуры, обосновать концептуальные идеи по изменению модели рассматриваемой службы в соответствии с современными тенденциями государственно-правового строительства.

Итак, служба в органах прокуратуры на должностях прокурорских работников является одним из элементов системы государственной службы. Анализ положений ст. 2, 4 Федерального закона от 27.05.2003 г. № 58-ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации» и ч. 1 ст. 40 федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» позволяет сделать вывод об отнесении рассматриваемого вида службы к федеральной государственной службе.

Давая характеристику сущности прокурорской службы, выделяя самое существенное в ее внутреннем содержании, нельзя не отметить, что уникальность данного вида службы предопределена специфической ролью органов прокуратуры, выступающих в качестве механизма контроля и сдерживания всей системы органов управления государством. В этой связи сущность рассматриваемой службы, как никакого другого вида государственной службы, сводится к выполнению ее представителями (служащими) своих общественно значимых функций, направленных на обеспечение эффективного функционирования государства, представляющего собой многогранную си-

стему взаимосвязанных органов, организаций и отдельных граждан.

Учитывая данные особенности, характеристика рассматриваемого вида службы с точки зрения отдельных научных подходов может быть раскрыта как публично-правовые отношения между государством и работником прокуратуры, возникающие в процессе осуществления надзорной и иной функциональной деятельности органов прокуратуры по обеспечению соблюдения Конституции Российской Федерации и исполнения действующих на ее территории законов (правовой подход), как непосредственная профессиональная служебная деятельность, направленная на выполнение функций органов прокуратуры и государства в целом (деятельностный подход), как совокупность определенных должностей в системе органов прокуратуры, выполняющих такие функции (должностной подход). Не противопоставляя ни одну из данных точек зрения, а напротив, максимально широко объединяя их и выделяя ценностные характеристики служебных отношений, направленные в первую очередь на соблюдение высших правовых ценностей – прав и свобод человека, включая набор нравственных качеств, стандартов, норм и принципов морали, устанавливающих правила поведения и нормы служебной этики прокурорского работника в профессиональной и во внеслужебной деятельности, сущность данного вида службы раскрывает вышеупомянутый интегративный подход.

На основе методологии такого интегративного правопонимания государственная служба в органах прокуратуры может быть определена как особый вид профессиональной деятельности, осуществляемый от имени государства его гражданами (работниками прокуратуры), занимающими должности федеральной государственной службы в органах прокуратуры Российской Федерации, в целях выполнения в соответствии с федеральным законом «О прокуратуре Российской Федерации» и правилами, устанавливающими особые нравственно-этические требования к их служебному и внеслужебному поведению, возложенных на органы прокуратуры обязанностей, реализуемых в целях обеспечения верховенства закона, единства и укрепления законности, защиты прав и свобод человека и гражданина, охраняемых законом интересов общества и государства, а также связанный с выполнением функций внутреннего управления органов прокуратуры, организацией и прохождением службы в данных органах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Административное право : учебник / под редакцией Л. Л. Попова, М. С. Студеникиной. – 2-е изд., перераб и доп. – Москва : ИНФРА-М, 2019. – 704 с. – ISBN 978-5-16-103786-7.
2. **Артемьев, А. М.** Развитие государственной службы в Российской Федерации / А. М. Артемьев. – Москва : Палеотип, 2006. – 240 с. – ISBN 978-5-94727-222-2.
3. **Атаманчук, Г. В.** Теория государственного управления : учебник / Г. В. Атаманчук. – 2-е изд., стер. – Москва : Омега-Л, 2011. – 525 с. – ISBN 978-5-370-01733-9.
4. **Казанник, А. И.** Нравственные основы государственной службы в Российской Федерации / А. И. Казанник // Вестник Омского университета. – 2002. – № 4. – С. 92–95.
5. **Канищев, В. П.** Интегративный подход к пониманию права как прогрессивный тип правового мышления / В. П. Канищев, Р. Р. Палеха // Вестник Воронежского института МВД России. – 2018. – № 2. – С. 165–170.
6. **Нагорных, Р. В.** Государственная служба Российской Федерации в правоохранительной сфере: проблемы теории и практики административно-правового регулирования : монография / Р. В. Нагорных. – Москва : ИНФРА-М, 2018. – 188 с. – ISBN 978-5-16-014080-3.
7. **Нагорных, Р. В.** Интегративные основы правопонимания в теории государственной службы в правоохранительной сфере / Р. В. Нагорных // Ёлым=Наука. – 2019. – № 3 (62). – С. 109–115.
8. **Немытина, М. В.** Право России как интеграционное пространство / М. В. Немытина. – 2-е изд., перераб. – Саратов : Научная книга, 2008. – 255 с. – ISBN 978-5-9758-0463-1.
9. **Ноздрачев, А. Ф.** Государственная служба : учебник для подготовки государственных служащих / А. Ф. Ноздрачев. – Москва : Статут, 1999. – 591 с. – ISBN 5-8354-0015-4.
10. **Ожегов, С. И.** Словарь русского языка / С. И. Ожегов ; под общей редакцией профессора Л. И. Скворцова. – 24-е изд., испр. – Москва : Оникс : Мир и Образование, 2008. – 1200 с. – ISBN 978-5-488-01542-5.
11. Юридический энциклопедический словарь / главный редактор О. Е. Кутафин. – Москва : Большая Российская энциклопедия, 2002. – 558 с. – ISBN 5-85270-235-8.

REFERENCES

1. Popov L. L., Studenikina M. S. (red.) *Administrativnoe pravo* [Administrative law]. Moscow, 2019. 704 p. (In Russ.).
2. Artem'ev A. M. *Razvitie gosudarstvennoj sluzhby v Rossijskoj Federacii* [Development of civil service in the Russian Federation]. Moscow, 2006. 240 p. (In Russ.).
3. Atamanchuk G. V. *Teoriya gosudarstvennogo upravleniya* [Government theory]. Moscow, 2011. 525 p. (In Russ.).
4. Kazannik A. I. *Nravstvennye osnovy gosudarstvennoj sluzhby v Rossijskoj Federacii* [Moral foundations of public service in the Russian Federation]. *Vestnik Omskogo universiteta – Bulletin of the Omsk University*, 2002, no. 4, pp. 92–95. (In Russ.).
5. Kanishchev V. P., Palekha R. R. *Integrativnyj podhod k ponimaniyu prava kak progressivnyj tip pravovogo myshleniya* [An integrative approach to understanding law as a progressive type of legal thinking]. *Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii – Bulletin of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2018, no. 2, pp. 165–170. (In Russ.).
6. Nagornyh R. V. *Gosudarstvennaya sluzhba Rossijskoj Federacii v pravoohranitel'noj sfere: problemy teorii i praktiki administrativno-pravovogo regulirovaniya* [State Service of the Russian Federation in the Law Enforcement Sphere: Problems of Theory and Practice of Administrative and Legal Regulation]. Moscow, 2011. 525 p. (In Russ.).
7. Nagornyh R. V. *Integrativnye osnovy pravoponimaniya v teorii gosudarstvennoj sluzhby v pravoohranitel'noj sfere* [Integrative foundations of legal thinking in the theory of civil service in the law enforcement sphere]. *Gylym= Nauka – The science*, 2019, no. 3 (62), pp. 109–115. (In Russ.).
8. Nemytina M. V. *Pravo Rossii kak integracionnoe prostranstvo* [Russian law as an integration space]. Saratov, 2008. 255 p. (In Russ.).
9. Nozdrachev A. F. *Gosudarstvennaya sluzhba* [Public service]. Moscow, 1999. 591 p. (In Russ.).
10. Ozhegov S. I. *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian language]. Moscow, 2008. 1200 p. (In Russ.).
11. Kutafin O. E. (red.) *Yuridicheskij enciklopedicheskij slovar'* [Legal encyclopedic dictionary]. Moscow, 2002. 558 p. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTORS

АНДРЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧ СМИРНОВ – старший помощник прокурора Вологодской области по взаимодействию с законодательными (представительными) и исполнительными органами области, органами местного самоуправления, правовому обеспечению, г. Вологда, Российская Федерация, советник юстиции. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0560-0841>, e-mail: smirnov5146@yandex.ru

ANDREY V. SMIRNOV – Senior Assistant to the Prosecutor of the Vologda Region for interaction with legislative (representative) and executive bodies of the region, local government bodies, legal support, Vologda, Russian Federation, Counselor of Justice. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0560-0841>, e-mail: smirnov5146@yandex.ru

DOI 10.46741/2686-9764-2020-14-400-406

УДК 159.9:343.85

Психологические причины и условия отклоняющегося поведения подростков, находящихся в центрах временного содержания несовершеннолетних правонарушителей

В. Л. ЦВЕТКОВ

Московский университет МВД России им. В. Я. Кикотя, г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4692-8045>, e-mail: czvetkov_slava@inbox.ru**Т. А. ХРУСТАЛЕВА**

Московский областной филиал Московского университета МВД России им. В. Я. Кикотя, Московская область, Рузский район, поселок Старотеряево, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9709-2121>, e-mail: khrustalev100@mail.ru

Реферат. В статье проанализированы причины отклонений в поведении подростков и условия их устранения, рассмотрены формы девиантного поведения, сформулированы рекомендации по организации психологической работы с лицами, содержащимися в центрах временного содержания несовершеннолетних правонарушителей.

Выявлено, что в происхождении девиантного поведения подростков большую роль играют дефекты правового и нравственного воспитания, безнадзорность, отсутствие контроля родителей за тем, как ребенок проводит свободное время, несовершенство процесса формирования личности, отрицательное влияние семьи и ближайшего окружения и их ценностных ориентаций, конфликтная обстановка в семье, личностные особенности подростков, которые возникли в большей мере из-за упущений в семейном воспитании.

Показано, что выявление причин и мотивов, заставивших подростка совершить правонарушение, оказание консультационной помощи родителям или законным представителям несовершеннолетних по нормализации внутрисемейных отношений, индивидуальный подход при организации профилактической работы с учетом личностных особенностей подростков способствуют оптимизации психологической работы с несовершеннолетними, содержащимися в центре временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей (ЦВСНП).

Авторы считают, что основной акцент в организации психологической работы с детьми и подростками, содержащимися в ЦВСНП, должен быть сделан на коррекцию системы ценностей личности, поскольку преступления совершаются несовершеннолетними в силу роста потребительской ориентации на фоне утраты моральных ценностей, а также из-за потребности подростков во включении в обособленные группы на фоне нарушения отношений с окружающей средой обитания.

Ключевые слова: центр временного содержания; несовершеннолетний; подросток; отклоняющееся поведение; психологическая работа с несовершеннолетними правонарушителями; профилактика.

19.00.06 – Юридическая психология.

Для цитирования: Цветков В. Л., Хрусталева Т. А. Психологические причины и условия отклоняющегося поведения подростков, находящихся в центрах временного содержания несовершеннолетних правонарушителей. *Пенитенциарная наука*. 2020; 14 (3):400–406. DOI 10.46741/2686-9764-2020-14-3-400-406.

Psychological reasons and conditions of deviant behavior of juveniles in the temporary detention centers for minor delinquents

V. L. TSVETKOV

the Moscow University of MIA of Russia named after V. Ya. Kikot, Moscow, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4692-8045>, e-mail: czvetkov_slava@inbox.ru

T. A. KHRUSTALEVA

the Moscow regional branch of the Moscow University of the MIA of Russia named after V. Ya. Kikot, Moscow region, Ruzsky district, Staroteryaev village, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9709-2121>, e-mail: khrustalev100@mail.ru

Abstract: The article analyzes the causes of deviations in the behavior of juveniles and the conditions for their elimination, considers forms of deviant behavior, it formulates recommendations for organizing psychological work with minors held in temporary detention centers for minor offenders.

It was revealed that an important role play defects of legal and moral education, neglect, lack of parental control over how the child spends free time, imperfection of the personality formation process, the negative influence of the family and immediate environment and their value orientations, the conflict situation in the origin of the deviant behavior of the minor family, personal characteristics of minors, which arose to a greater extent due to omissions in family education.

It is shown that identifying the causes and motives that caused the juvenile to commit an offense, providing counseling to parents or legal representatives of minors to normalize family relationships, an individual approach to organizing preventive work taking into account the personality characteristics of juveniles, help optimize the psychological work with minors held in the temporary detention center for minor offenders.

The authors believe that the main emphasis in the organization of psychological work with children and juveniles held in the temporary detention centers for minor offenders should be made on the correction of the personal value system, since crimes are committed by minors due to the growth of consumer orientation against the background of the loss of moral values, as well as because of the needs of juveniles in inclusion in isolated groups on the background of a violation of relations with the environment.

Key words: temporary detention center; minor; juvenile; deviant behavior; psychological work with minor delinquents; prophylaxis.

19.00.06 – Legal Psychology.

For citation: Tsvetkov V. L., Khrustaleva T. A. Psychological reasons and conditions of deviant behavior of juveniles in the temporary detention centers for minor delinquents. *Penitenciarная наука = Penitentiary Science*. 2020; 14 (3):400–406. (In Russ.). DOI 10.46741/2686-9764-2020-14-3-400-406.

Несовершеннолетние были и остаются самой уязвимой частью общества, так как в силу возрастных особенностей отличаются неустоявшейся психикой, несформированностью системы ценностных ориентаций.

Рост подростковой преступности вызывает необходимость научного переосмыс-

ления психологами вопросов, связанных с ее профилактикой.

В предупреждении подростковой преступности участвует большое количество субъектов, представляющих собой единую систему, связанную общностью целей и задач.

Центры временного содержания несовершеннолетних правонарушителей (ЦВСНП) – воспитательные учреждения закрытого типа, предназначением которых являются профилактика безнадзорности и правонарушений среди несовершеннолетних, выявление и устранение данных явлений, а также педагогическая и психологическая помощь несовершеннолетним в период их содержания в ЦВСНП [1, с. 2].

Исследование особенностей пребывания несовершеннолетних в ЦВСНП показывает, что пути, направления и методы оказания психологической помощи несовершеннолетним правонарушителям изучены недостаточно глубоко, мало работ посвящено рассмотрению специфики работы специ-

алистов с несовершеннолетними правонарушителями в ЦВСНП.

Анализ социально-психологических особенностей 130 несовершеннолетних, находящихся в одном из региональных ЦВСНП, на основе данных психодиагностического обследования и результатов индивидуальных бесед показал, что большая часть из них воспитывается в детских домах и учреждениях социального обслуживания, их родители были лишены родительских прав или ограничены в них. Значительное число подростков (24 %) воспитываются в полных семьях, однако большую часть составляют дети из неполных семей, чьим воспитанием занималась либо одна мать, либо мать и отчим – сожитель матери (см. табл. 1).

Таблица 1

Социально-психологические особенности несовершеннолетних, находящихся в ЦВСНП, по данным за 2019 г. в сравнении с АППГ

Количество несовершеннолетних	Воспитываются	2019 г., в %	2018 г., в %
23	в полной семье	24	20,8
19	матерью	19,8	23,4
4	отцом	4,2	7,8
21	матерью и отчимом/сожителем	21,9	26,0
3	отцом и мачехой	3,1	2,6
1	опекуном/попечителем, бабушкой	1	3,9
25	в детском доме, учреждениях социального обслуживания, СУВУЗТ	26	13,0

54,2 % воспитанников ЦВСНП воспитываются в многодетных семьях, наибольший

процент – из семей с двумя и тремя детьми (см. рис. 1).

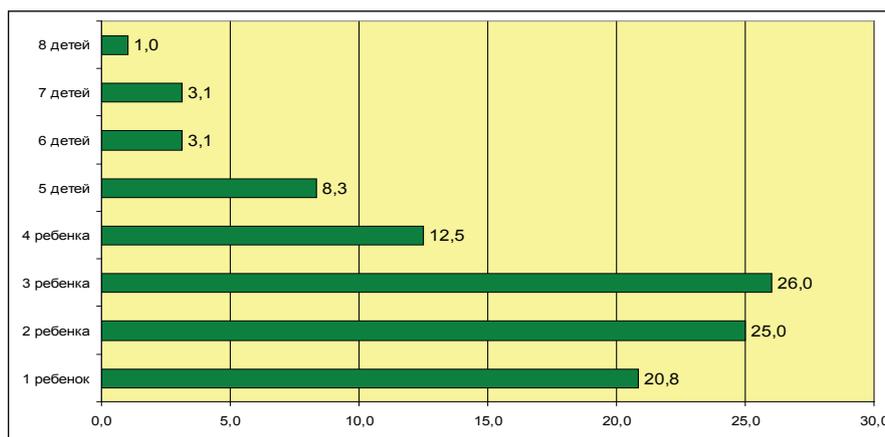

Рис. 1. Процентное соотношение семей по количеству детей в них

Одной из основных причин девиантного поведения детей является то, что их родители злоупотребляют спиртными напитками. Так, о наличии такой проблемы заявили

58,4 % несовершеннолетних (АППГ – 58,5 %), у четверти детей злоупотребляют спиртными напитками только отцы, а у пятой части – оба родителя (см. табл. 2).

Таблица 2

*Злоупотребление родителями спиртными напитками,
по данным за 2019 г. в сравнении с АППГ*

	Количество несовершеннолетних	Процентное отношение к общему количеству обследованных несовершеннолетних	
		2019 г.	2018 г.
Мать	15	15,6	11,7
Отец	23	24,0	24,7
Оба родителя	18	18,8	22,1

Делинкветное поведение несовершеннолетних характеризуется совершением общественно опасных деяний разного характера. В криминальном опыте несовершеннолетних первое место занимают кражи, второе – побои.

Причинами совершения общественно опасных деяний несовершеннолетние чаще называют:

- желание иметь деньги на карманные расходы для покупки сигарет, спиртных напитков, чипсов и других мелочей;
- желание иметь похищенные вещи;
- совершение хищений за компанию с друзьями;

– нанесение побоев в ответ на оскорбление (применение физической силы некоторые подростки считают «нормальным» способом решения конфликтов).

Общественно опасные деяния несовершеннолетние совершают в основном группой лиц. Распределение данных по этому параметру представлено в табл. 3: из помещенных в ЦВСНП в 2019 г. больше всего детей, которые совершили правонарушения либо в одиночку, либо группой лиц, в 2018 г. наибольшим стал процент подростков, совершивших противоправные поступки группой лиц. 57,8 % подростков отметили, что их друзья также состоят на учете в ПДН.

Таблица 3

*Особенности совершения общественно опасных деяний несовершеннолетними,
по данным за 2019 г. в сравнении с АППГ*

	Количество несовершеннолетних	2019 г., в %	2018 г., в %
Группой лиц	29	30,2	50,1
Один и группой лиц	41	42,7	29,9
Один	19	19,8	19,5

Самовольные уходы из дома допускали 60 несовершеннолетних, или 62,5 % (АППГ – 70,1 %), почти половина подростков уходит из дома регулярно:

- от одного до трех уходов – 21 чел., или 21,9 % (АППГ – 24,7 %);
- четыре и более уходов – 39 чел., или 40,6 % (АППГ – 45,5 %).

Чаще всего причинами самовольных уходов несовершеннолетние называют желание погулять с друзьями, конфликты с родителями, отчимом/сожителем матери или вообще затрудняются ответить. В периоды самовольных уходов большинство детей ночуют у своих знакомых или родственников, там же и питаются, а в некоторых случаях совершают общественно опасные деяния (кражи, грабежи).

Анализ аддиктивного поведения несовершеннолетних показывает, что большая часть подростков имеет опыт употребления

спиртных напитков и табака. Так, 76 несовершеннолетних, или 79,2 % (АППГ – 83,1 %), имели такую практику, из них 46 подростков, или 47,9 % (АППГ – 54,5 %), употребляют спиртное регулярно.

Чаще всего несовершеннолетние употребляют пиво, джинтоник, энергетики, но некоторые из них указали, что пробовали и более крепкие спиртные напитки, такие как водка и коньяк. Спиртные напитки подростки в основном распивают в компании со своими друзьями на деньги, которые родители дают на карманные расходы, или деньги, добытые криминальным путем.

Первый опыт употребления спиртных напитков имел место в возрасте с 6 до 11 лет у 37 чел. (38,5 %), с 12 до 16 лет – у 36 чел. (37,5 %).

Ответы подростков на вопрос о частоте употребления алкоголя распределились

следующим образом: каждую неделю – 17 чел. (17,7 %), раз в месяц – 22 чел. (22,9 %), по праздникам – 14 чел. (14,6 %).

91 несовершеннолетний, или 94,8 % (АППГ – 93,5 %), отметил, что имеет опыт табакокурения.

Регулярно курят 77 подростков, или 80,2 % (АППГ – 72,7 %), при этом некоторые дети отмечают, что их родители знают о наличии этой вредной привычки, но никаких мер не предпринимают, а порой и сами покупают им сигареты.

Первый опыт употребления табачных изделий имел место в возрасте с 6 до 11 лет у 65 чел. (67,7 %), с 12 до 16 лет – у 26 чел. (27,1 %).

Наличие опыта употребления токсических веществ подтвердили 33 подростка, или 34,4 % (АППГ – 35,1 %). 13 детей, или 13,5 % (АППГ – 11,7 %), употребляли токсические вещества регулярно в течение продолжительного времени. В основном они вдыхают пары карата, морилки, серебрянки, лака, бензина, а также пьют газ для зажигалок.

Опыт употребления наркотических веществ подтвердили 15 подростков, или 15,6 % (АППГ – 19,5 %), регулярного – 2, или 2,1 % (АППГ – 3,9 %). Речь в основном идет о наркотиках в виде курительных смесей. В большинстве случаев несовершеннолетние попробовали наркотические вещества в 13–14 лет.

Мысли о самоубийстве возникали у 28 несовершеннолетних, или 29,2 % (АППГ – 23,4 %), у 20 подростков, или 20,8 % (АППГ – 15,6 %), были незавершенные суицидальные попытки, причинами которых являются:

- конфликты с родными;
- разрыв любовных отношений;
- страх перед наказанием, помещение в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа;
- конфликты с учителями и одноклассниками.

75,9 % подростков нерегулярно посещают учебные занятия, 39,8 % являются неуспевающими. Причинами пропусков учебных занятий несовершеннолетние называли:

- конфликтные взаимоотношения с одноклассниками и учителями;
- отсутствие мотивации и интереса к учебе.

Наличие школьных конфликтов признали 59 % подростков, в том числе:

- с учителями – 27,7 %;
- одноклассниками – 8,4 %;
- учителями и одноклассниками – 22,9 %.

Изучение личностных особенностей несовершеннолетних с помощью детского варианта индивидуально-типологического опросника (ИТДО) позволило выявить акцентуированные черты характера обследуемых, а также наличие у них признаков социальной дезадаптации (см. рис. 2).

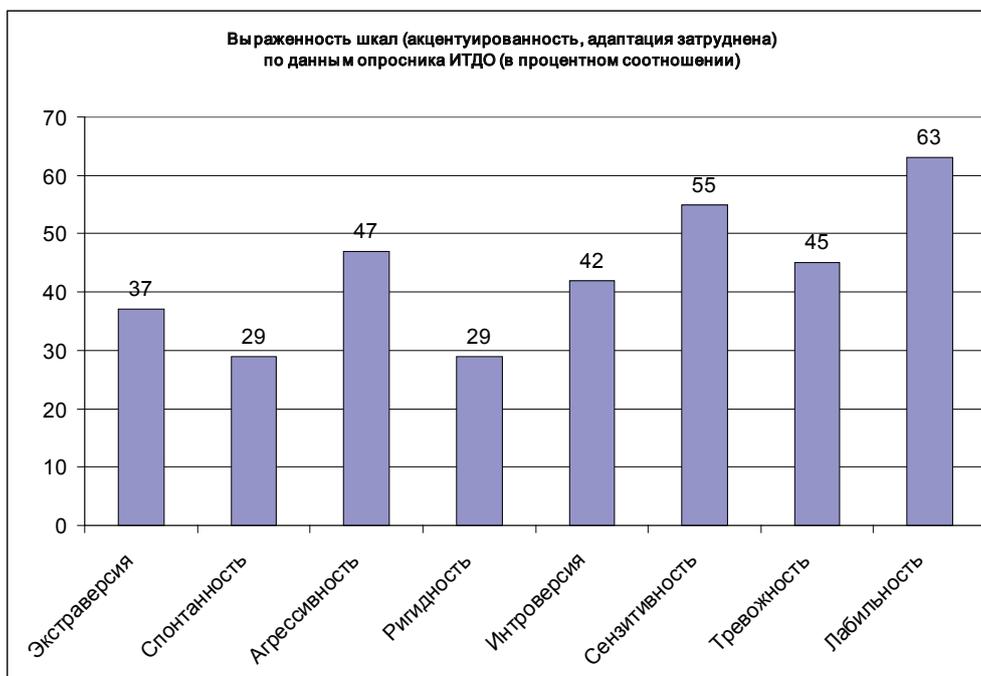

Рис. 2. Процентное соотношение выраженности шкал по результатам ИТДО

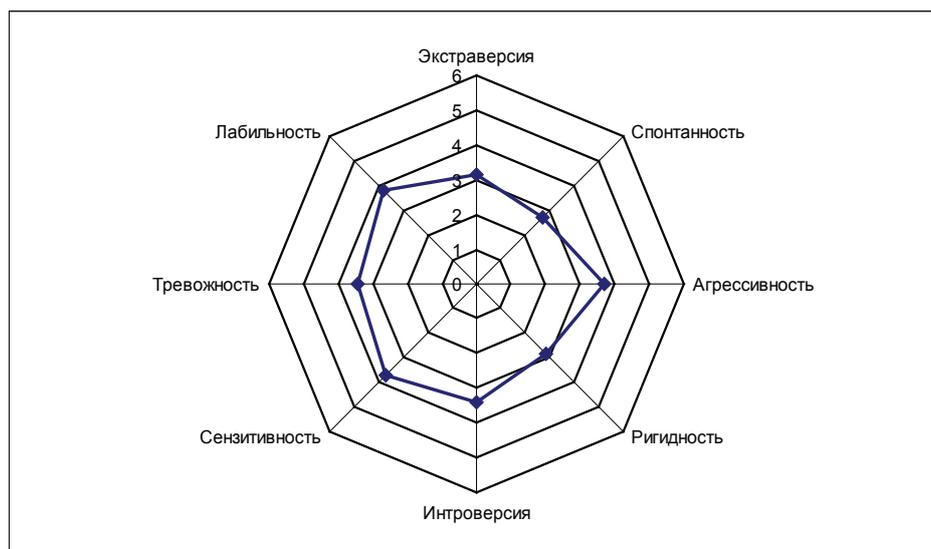

Рис. 3. Усредненный профиль данных ИТДО

Усредненный профиль ИТДО (см. рис. 3) показывает, что все шкалы находятся в пределах нормативного разброса, наблюдаются пики по шкалам агрессивности, лабильности и сензитивности.

Шкала сензитивности выявляется у впечатлительных, ранимых, обидчивых, склонных к депрессивным реакциям подростков. Такие дети характеризуются стремлением к преувеличению своей вины в случившемся, ведомой по отношению к одноклассникам позицией, стремлением находиться под прикрытием более сильной личности, нередко ищут поддержки у преподавателей и родителей, в конфликтных ситуациях, при проявлении грубости, неверности, обиды могут обнаруживать суицидальные тенденции и затяжные депрессивные реакции [2, с. 271].

Высокие показатели по шкале лабильности отражают значительную эмоциональную неустойчивость, характеризующуюся перепадами настроения – от избыточной веселости, болтливости, смешливости до резко пониженного настроения со слезами, бурными реакциями огорчения. Ее обладателей отличают впечатлительность, богатое воображение, склонность к фантазированию, артистичность, стремление быть в центре внимания.

Наличие у несовершеннолетних акцентуированных черт по шкале агрессивности характеризует их как уверенных в себе, активных, стремящихся к самоутверждению и самостоятельности при низкой подчиняемости. Высокие баллы (6 баллов) указывают на избыточную активность, импульсивное поведение при низкой подчиняемости, небрежность в выполнении заданий, склонность к прогулам и агрессивным поступкам.

Такой тип больше характерен для мальчиков, особенно выросших в неполных семьях. Профилактическая и коррекционная работа с этими подростками представляет самые серьезные трудности, так как жесткие меры пресечения могут привести к еще большему ожесточению ребенка и усилению личностной деформации.

Усредненный профиль личности несовершеннолетних по методике определения склонности к отклоняющемуся поведению А. Н. Орел (СОП) показал наличие выраженности:

- шкалы 4 (склонность к самоповреждающему и саморазрушающему поведению), которая определяет у подростков низкую ценность собственной жизни, склонность к риску, выраженную потребность в острых ощущениях;
- шкалы 5 (склонность к агрессии и насилию), что свидетельствует о наличии агрессивных тенденций у испытуемых;
- шкалы 7 (склонность к делинквентному поведению), выявляющей делинквентные тенденции, низкий уровень социального контроля.

Итак, для успешной работы с трудными подростками следует разграничивать девиантное поведение социально-педагогического генезиса, обусловленное средовыми условиями (как минимум педагогически неблагоприятной или напрямую асоциальной средой), и психофизиологического генезиса, при котором отклонения в поведении объясняются различными нервными нарушениями подростка.

В происхождении девиантного поведения большую роль играют дефекты правового

и нравственного воспитания, безнадзорность, отсутствие контроля родителей за тем, как ребенок проводит свободное время, несовершенство процесса формирования личности, отрицательное влияние семьи и ближайшего окружения и их ценностных ориентаций, конфликтная обстановка в семье, личностные особенности подростков, причиной возникновения которых стали упущения в семейном воспитании.

Деятельность центров временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей необходимо ориентировать на психологическое обеспечение индивидуальной профилактической работы с подростками, в ходе чего следует:

- выявлять причины и условия, способствующие совершению правонарушений несовершеннолетними, их личностные качества и интересы, причины самовольного прекращения работы, учебы, ухода из семьи, учебного заведения;

- находить и развивать положительные склонности и интересы несовершеннолетних, проводить работу по устранению недостатков в поведении, приобщению к учебе и труду;

- осуществлять коррекционную работу с несовершеннолетними, направленную на формирование позитивного самосознания;

- проводить работу с родителями в форме психологических консультаций, бесед по психологическому просвещению и профилактике правонарушений среди несовершеннолетних;

- готовить и направлять информацию в органы и учреждения системы профилактики правонарушений и безнадзорности.

Основной акцент в организации психологической работы с трудными детьми и подростками должен быть сделан на переориентирование системы ценностей личности.

Как отмечалось ранее, преступления совершаются несовершеннолетними в силу роста потребительской ориентации на фоне утраты моральных ценностей, а также из-за потребности во включении в обособленные группы на фоне нарушения отношений с окружающей средой обитания. Таким образом, очевиден социально-экономический и социально-психологический характер девиантного поведения подростков.

Следовательно, организация психологической работы с лицами, содержащимися в центрах временного содержания для несовершеннолетних, должна быть полимодальна, то есть охватывать разные сферы личности и задавать ориентиры для их развития.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Прокурова, С. В. Психологические особенности работы с подростками, находящимися в центрах временного содержания несовершеннолетних правонарушителей : диссертация на соискание ученой степени кандидата психологических наук / Прокурова Софья Витальевна. – Москва, 2006. – 178 с.

2. Собчик, Л. Н. Психология индивидуальности. Теория и практика психодиагностики / Л. Н. Собчик. – Санкт-Петербург : Речь, 2017. – 480 с. – ISBN 5926801958.

REFERENCES

1. Prokurova S. V. *Psichologicheskie osobennosti raboty s podrostkami, nahodyashchimisya v centrakh vremennogo soderzhaniya nesovershennoletnih pravonarushitelej. Diss. kand. psihol. nauk* [Psychological features of working with adolescents in temporary detention centers for juvenile offenders. Diss. PhD. in Psychology]. Moscow, 2006. 178 p. (In Russ.).

2. Sobchik L. N. *Psichologiya individual'nosti. Teoriya i praktika psichodiagnostiki* [Psychology of personality. Theory and practice of psychodiagnosics]. St. Petersburg, 2017. 480 p. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTORS

ВЯЧЕСЛАВ ЛАЗАРЕВИЧ ЦВЕТКОВ – начальник кафедры юридической психологии учебно-научного комплекса психологии служебной деятельности Московского университета МВД России им. В. Я. Кикотя, г. Москва, Российская Федерация, доктор психологических наук, профессор. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4692-8045>, e-mail: czvetkov_slava@inbox.ru

ТАТЬЯНА АЛЕКСАНДРОВНА ХРУСТАЛЕВА – доцент кафедры социально-экономических и гуманитарных дисциплин Московского областного филиала Московского университета МВД России им. В. Я. Кикотя, Московская область, Рузский район, поселок Старотеряево, Российская Федерация, кандидат психологических наук, доцент. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9709-2121>, e-mail: khrustalev100@mail.ru

VYACHESLAV L. CVETKOV – Head of the Department of Law Psychology of the Training and Research Complex of the Employment Activity Psychology of the Moscow University of MIA of Russia named after V.Ya. Kikot, Moscow, Russian Federation, Dsc. in Psychology, Professor. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4692-8045>, e-mail: czvetkov_slava@inbox.ru

TAT'YANA A. HRUSTALEVA – Associate Professor of the Department of SocioEconomic and Humanitarian disciplines of the Moscow University of the MIA of Russia named after V. Ya. Kikot, Moscow region, Ruzsky district, Staroteryaev village, Russian Federation, PhD. in Psychology, Associate Professor. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9709-2121>, e-mail: khrustalev100@mail.ru

DOI 10.46741/2686-9764-2020-14-3-407-414
УДК 159.9.07

Психологические механизмы развития социального интеллекта несовершеннолетних осужденных

О. Б. ПАНОВА

Вологодский институт права и экономики ФСИН России, г. Вологда, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6096-2581>, e-mail: xenia-vipe@mail.ru

Э. В. ЗАУТОВА

Вологодский институт права и экономики ФСИН России, г. Вологда, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1334-2654>, e-mail: elvira-song@mail.ru

Н. Г. СОБОЛЕВ

Вологодский институт права и экономики ФСИН России, г. Вологда, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6101-7437>, e-mail: sobolev-nikolay@mail.ru

Реферат. Решение проблемы предупреждения рецидивной преступности несовершеннолетних осужденных связано с психологическим взаимодействием с воспитанниками исправительных учреждений с акцентом на формирование у них способности предвидеть результаты совершаемых поступков. В современной психологической науке проблематика познания социальных явлений с точки зрения прогнозирования их последствий осуществляется в рамках исследования социального интеллекта личности и механизмов его функционирования. Вопросам социального интеллекта посвящены труды Дж. Гилфорда, Г. Оллпорта, Р. Селмана, Р. Стернберга, В. Н. Куницыной, Е. С. Михайловой, А. И. Савенкова, Д. В. Ушакова и др., которые рассматривают данный феномен как способность к познанию социальных явлений, дополнительную возможность, обеспечивающую успешное функционирование человека в обществе.

Выстраивание системы психологического сопровождения развития социального интеллекта у несовершеннолетних осужденных базируется на выявлении механизмов его функционирования. Анализ трудов, посвященных описанию механизмов развития социального интеллекта (М. И. Бобнева, О. Ю. Масыгина, В. С. Мухина, Д. В. Ушаков), соотнесенный с прикладными задачами и позитивным потенциалом личностного развития несовершеннолетних осужденных, позволяет представить разноуровневую структуру психологических механизмов развития социального интеллекта у данной категории правонарушителей, которая включает следующие процессы: идентификацию и обособление, распознавание мотивов поведения всех участников коммуникации, рефлексию.

Для подтверждения предположений о значимом влиянии рефлексивных процессов на уровень социального интеллекта несовершеннолетних осужденных авторами было проведено эмпирическое исследование, включающее констатирующий и формирующий эксперименты. Основу формирующего эксперимента составил тренинг, представляющий собой систему упражнений, среди которых особая роль отводилась дилемме. Благодаря рефлексии в ходе решения дилемм несовершеннолетний сталкивается с необходимостью самоанализа и осознания социальных норм, которые преобразовываются в его социальный опыт. Роль психолога при этом состоит в формировании у подопечных позитивной Я-концепции, побуждении их к подражанию положительному образу, создании благоприятной атмосферы общения. Действенность дилеммы повышается, когда ее содержательная основа является актуальной, вызывает эмоциональный отклик, при этом поэтапное принятие нравственного выбора сопровождается психологом.

Динамика развития социального интеллекта несовершеннолетних осужденных определялась сопоставлением результатов диагностики социального интеллекта до и после формирующего эксперимента с помощью теста «Диагностика социального интеллекта» Дж. Гилфорда и М. Салливена в адаптации Е. С. Михайловой. В ходе верификации нашло свое подтверждение положение о том, что стимулирование

рефлексивных процессов оказывает существенное влияние на развитие социального интеллекта. Перспективы дальнейшего исследования психологических механизмов социального интеллекта несовершеннолетних осужденных связываются с интеграцией психологического и педагогического знания, преемственностью в психолого-педагогическом обеспечении исследуемого процесса на пенитенциарном и постпенитенциарном этапах.

Ключевые слова: несовершеннолетние осужденные; прогнозирование; профилактика; социальный интеллект; психологические механизмы; социализация; Я-концепция; рефлексия; психокоррекционная работа; психологический тренинг; дилемма; эксперимент.

19.00.06 – Юридическая психология.

Для цитирования: Панова О. Б., Зауторова Э. В., Соболев Н. Г. Психологические механизмы развития социального интеллекта несовершеннолетних осужденных. *Пенитенциарная наука*. 2020; 14 (3):407–414. DOI 10.46741/2686-9764-2020-14-3-407-414.

Psychological mechanisms of development of social intelligence of juvenile convicts

O. B. PANOVA

The Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Vologda, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6096-2581>, e-mail: xenia-vipe@mail.ru

E. V. ZAUTOVA

The Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Vologda, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1334-2654>, e-mail: elvira-song@mail.ru

N. G. SOBOLEV

The Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Vologda, Russian Federation

ORCID <https://orcid.org/0000-0001-6101-7437>, e-mail: sobolev-nikolay@mail.ru

Abstract. The solution of the problem of preventing recidivism of juvenile convicts is associated with psychological interaction with inmates of correctional institution with an emphasis on the formation of their ability to foresee the results of their actions. In modern psychological science, the problem of cognition of social phenomena from the point of view of predicting their consequences is carried out in the framework of the study of social intelligence of a person and the mechanisms of its functioning. The works of J. Gilford, G. Allport, R. Selman, R. Sternberg, V. N. Kunitsyna, E. S. Mikhailova, A. I. Savenkova, D. V. Ushakov and others are devoted to the issues of social intelligence, they consider this phenomenon as the ability to cognize social phenomena, an additional feature that ensures the successful functioning of a person in society.

Building a system of psychological support for the development of social intelligence by juvenile convicts is based on identifying the mechanisms of its functioning. The analysis of works devoted to the description of the mechanisms of development of social intelligence (M. I. Bobneva, O. Yu. Masyagina, V. S. Mukhina, D. V. Ushakov), correlated with applied tasks and the positive potential of personal development of juvenile convicts, allows to present a multilevel structure of psychological mechanisms of development of social intelligence in this category of offenders, which includes the following processes: identification and isolation, recognition of motives of behavior of all participants of communication, reflection.

To confirm the assumptions about the significant influence of reflexive processes on the level of social intelligence of juvenile convicts, we conducted an empirical study, including ascertaining and forming experiments. The basis of the forming experiment was a training, including a system of exercises, among which a special role was given to the dilemma. Due to reflection in the course of solving dilemmas, the minor's self-

analysis and awareness of social norms take place, which are transformed into his social experience. The role of the psychologist in this case consists in the formation of the wards of a positive "Self-conception", encouraging them to imitate a positive image, creating a favorable atmosphere of communication. The effectiveness of dilemmas increases when its substantive basis is relevant, causes an emotional response; at the same time, the gradual adoption of moral choices is accompanied by a psychologist.

The dynamics of the development of social intelligence of juvenile convicts was determined by comparing the results of diagnosing social intelligence before and after the forming experiment using the test "Diagnosis of social intelligence" by J. p. Gilford and M. Sullivan as adapted by E. S. Mikhailova. In the course of verification, the position was confirmed that the stimulation of reflexive processes has a significant impact on the development of social intelligence. Prospects for further research on the psychological mechanisms of social intelligence of juvenile convicts are associated with the integration of psychological and pedagogical knowledge, continuity in the psychological and pedagogical support of the process under study at the penitentiary and post-penitentiary stages.

Key words: juvenile convicts; forecasting; prevention, social intelligence; psychological mechanisms; socialization; «Self-conception», reflection; psycho-correction work; psychological training; dilemma, experiment.

19.00.06 – Legal Psychology.

For citation: Panova O. B., Zautorova E. V., Sobolev N. G. Psychological mechanisms of development of social intelligence of juvenile convicts. *Penitenciarnaya nauka = Penitentiary Science*. 2020; 14 (3):407–414. (In Russ.). DOI 10.46741/2686-9764-2020-14-3-407-414.

Преступность несовершеннолетних остается значимой проблемой, хотя, согласно официальным данным, ее показатели снижаются. Так, по информации Генеральной прокуратуры Российской Федерации в 2018 г. преступность несовершеннолетних снизилась на 3,8 % (с 45 288 до 43 553) [13]. Зафиксированы объективные тенденции сокращения за последние десять лет количества несовершеннолетних, содержащихся в воспитательных колониях: на конец 2018 г. их численность составила 1310, что в 6,5 раза меньше аналогичных параметров за 2008 г. (8550 чел.) [18]. В то же время возрастает доля несовершеннолетних в совершении таких тяжких насильственных преступлений, как убийство (в 2,7 раза), причинение тяжкого вреда здоровью (в 2,9 раза) и др. [16, с. 64–66]. Увеличение удельного веса воспитанников с большим уровнем выраженности криминальной зараженности показывает важность исследования психологических механизмов позитивной переориентации личности, а количественное снижение контингента воспитательных колоний создает благоприятные условия для более тонкой психокоррекционной работы.

Особое внимание специалистов сконцентрировано на проблеме предупреждения рецидивов преступных деяний воспитанников исправительных учреждений. Одним из путей ее решения выступает психологическое взаимодействие с осужденным по поводу формирования у него «способности предвидеть последствия совершаемых по-

ступков» [1, с. 4]. С. В. Познышев связывал данную задачу с формированием умения «взвешивать все pro и contra, задерживать внешние проявления эмоций и по рассмотрении всех данных решать поступать так или иначе» [11, с. 158].

В современной психологической науке проблематика познания социальных явлений с точки зрения прогнозирования их последствий соотносится с исследованием социального интеллекта личности и механизмов его функционирования. Считается, что терминологический конструкт «социальный интеллект» был введен в научный оборот Э. Торндайком, по мнению которого данный вид интеллекта представляет собой совокупность способностей, направленных на анализ социальной ситуации [3, с. 171–175]. Большой вклад в исследование социального интеллекта внесли западные психологи, среди которых Дж. Гилфорд, Г. Оллпорт, Р. Селман, Р. Стернберг и др. Рассмотрение развития социального интеллекта как средства психологической коррекции противоправных установок несовершеннолетних осужденных делает особо востребованными идеи Р. Стернберга, в соответствии с которыми социальный интеллект характеризуется в качестве инструмента, позволяющего извлекать «выгоду из своих умственных способностей, направляя их на компенсацию и корректировку своих слабых сторон» [15, с. 40].

Значимой для исследования факторов предупреждения преступного рецидива

представляется теория Дж. Гилфорда, в соответствии с которой социальный интеллект – это способность индивида понимать устремления и эмоциональные состояния окружающих людей по вербальным и невербальным сигналам. Человек с высоким уровнем социального интеллекта обладает дальновидностью в межличностных отношениях, склонностью предвидеть наиболее вероятные варианты развития событий и их последствий. Напротив, люди с низким социальным интеллектом не могут адекватно анализировать ситуации межличностного взаимодействия, в результате чего испытывают сложности адаптационного характера [4, с. 433–456].

Исследованию феномена «социальный интеллект» посвятили свои труды такие российские ученые, как Ю. Н. Емельянов, В. Н. Куницына, Е. С. Михайлова, А. И. Савенков, Д. В. Ушаков и др. Актуальной представляется точка зрения Д. В. Ушакова, в соответствии с которой социальный интеллект базируется на использовании «внутреннего опыта» [14, с. 20–21]. В концепции А. И. Савенкова дано методологическое обоснование модели социального интеллекта, включающей три группы характеристик: когнитивных, эмоциональных и поведенческих. Когнитивные охватывают знания о нормах и границах межличностного взаимодействия. Эмоциональные показатели включают эмоциональную выразительность и чувствительность, умение регулировать собственные эмоции и настроение. К элементам поведенческого компонента отнесены умение слушать собеседника и взаимодействовать с ним, умение убеждать других, способность ужиться с людьми, открытость в отношениях с окружающими [12, с. 30–38]. Таким образом, социальный интеллект как способность к познанию социальных явлений выступает дополнительной возможностью, обеспечивающей успешное функционирование человека в обществе, эффективность его в той или иной деятельности.

Исследуя причины совершения преступлений несовершеннолетними осужденными, мы установили в ходе анкетирования 280 воспитанников ряда исправительных учреждений, что многие из них в момент, предшествующий совершению преступления, не были готовы адекватно воспринять сигналы от других участников коммуникаций. Так, из 56 несовершеннолетних, осужденных по ст. 111 УК РФ, 42 чел. не имели предварительного намерения совершать насильственные действия с причинением

тяжкого вреда здоровью. Объяснение причин своих деяний они дали в таких ответах, как «по глупости», «не думал о последствиях», «не разобрался в ситуации».

Немаловажным аспектом является то, что среди респондентов, осужденных по ст. 111 УК РФ, 11 чел. (19,6 %) осуждены по данной статье повторно. Подавляющее большинство из них – 44 чел. (78,5 %) – сожалеют о случившемся. Из этого следует, что сам по себе факт отбывания наказания не обуславливает приобретение достаточного социального опыта. А если уровень социального прогнозирования и интуиции осужденного низок, то рецидив преступления имеет высокую степень вероятности.

Рассмотрение недостаточного уровня социальных компетенций в качестве значимого психологического фактора повторной преступности ориентирует на исследование проблемы развития данного феномена. В связи с этим возникают вопросы: поддается ли социальный интеллект влиянию, обеспечивающему его развитие? что выступает толчком (психологическим механизмом) развития данного феномена? какие формы и методы психокоррекционной работы следует применять для того, чтобы запустить соответствующие механизмы и обеспечить их последующее функционирование?

Мы исходим из того, что, поскольку социальный интеллект человека относится к сфере познавательных способностей, его не только возможно, но и необходимо развивать в аспекте обогащения субъектного социального опыта, приобретаемого в определенных жизненных ситуациях. Выводы, формулируемые для себя субъектом при осмыслении таких ситуаций, во многом определяются его личностными качествами. При этом социальный интеллект несовершеннолетнего осужденного обуславливается не только личностным потенциалом, который характеризуется существенной деформированностью, но и тем, насколько системной является психокоррекционная работа по сопровождению процесса развития данной познавательной способности.

Изучение трудов, посвященных описанию механизмов развития социального интеллекта, позволяет выделить два научных подхода. Авторы одного из них, отталкиваясь от механизма формирования личности, в качестве которого выступает процесс социализации (Л. С. Выготский), к механизмам развития социального интеллекта относят идентификацию и обособление (М. И. Бобнева, О. Ю. Масягина, В. С. Мухина и др.)

[2; 6; 8]. В соответствии со вторым подходом толчком развития социального интеллекта выступает распознавание мотивов поведения всех участников коммуникации (Д. В. Ушаков) [14, с. 12–13].

Сопоставление двух подходов показывает, что они, не противореча один другому, раскрывают исследуемое явление на разных методологических уровнях: первый подход позволяет рассмотреть его на общенаучном уровне, обобщающем теоретические концепции, применяемые к исследуемому феномену, второй – на конкретно-научном, определяющем сферу применяемых методов. Осмысление степени изученности проблемы механизмов развития социального интеллекта вызывает потребность в ее изучении и на технологическом уровне, так как последний позволяет выстраивать работу в более конкретном формате и адресно ориентироваться на особенности определенной категории клиентов. В отношении несовершеннолетних следует опираться на позитивный потенциал таких возрастных особенностей, как потребность в поиске смысла жизни и самоопределении, рассмотрение жизненных проблем преимущественно в морально-оценочной плоскости [5, с. 45–47].

Анализ рассмотренных подходов, сопоставленный с актуальными возрастными особенностями несовершеннолетних осужденных, позволил предположить, что универсальным механизмом развития социального интеллекта у данной категории детей на технологическом уровне выступает рефлексия как специфический импульс развития самосознания личности.

Для подтверждения выдвинутой гипотезы нами был проведен эксперимент, суть которого состояла в определении влияния рефлексивных процессов на уровень социального интеллекта несовершеннолетних осужденных. Основу формирующего эксперимента составил тренинг, включающий систему упражнений, среди которых особая роль отводилась дилемме. Специфика дилеммы заключается в создании ситуации выбора между несколькими альтернативными решениями; предметом выбора является модель поведения в определенных социальных обстоятельствах.

Благодаря рефлексии в ходе решения дилемм несовершеннолетний сталкивается с необходимостью самоанализа и осознания социальных норм, которые преобразовываются в его социальный опыт. Роль психолога при этом состоит в формировании у подопечных позитивной Я-концепции, побужде-

нии их к подражанию положительному образу, созданию благоприятной атмосферы общения. Действенность дилеммы повышается, когда ее содержательная основа является актуальной, вызывает эмоциональный отклик, при этом поэтапное принятие нравственного выбора сопровождается стимулирующими средствами.

В нашем тренинге основой для моделирования дилемм выступают художественные фильмы, литературные произведения, реальные события из жизни. В качестве художественных средств, побуждающих несовершеннолетних к нравственному выбору, используются такие фильмы, как «Семь нянек», «Верьте мне, люди» и др., книги – «Один год» (Ю. Германа), «Над пропастью во ржи» (Дж. Сэлинджера) и др.

Большая часть дилемм основывается на реальных событиях. Приведем пример такой дилеммы.

Ситуация. В одной из воспитательных колоний несовершеннолетние осужденные, забравшись на крышу школы, подожгли ее. Участники беспорядков бросали камни в сотрудников колонии, избивали воспитанников, не пожелавших поддержать их. В результате погибли два человека – воспитанник и сотрудник, были также и раненые. В таких обстоятельствах к воспитаннику Н. обратился его приятель с предложением помочь спрятаться от погромщиков сотрудникам данного учреждения, что спасло об их жизни.

Дилемма: как следует поступить Н. в ответ на предложение приятеля? Выберите один из двух вариантов. Подумайте, какое продолжение в развитии ситуации могло бы последовать в каждом из двух вариантов. Обоснуйте свое мнение.

Варианты для выбора:

- а) воспитаннику Н. следует принять предложение приятеля;
- б) воспитаннику Н. не следует принимать предложение приятеля.

В приведенной дилемме используется прием дерефлексии, эффективность применения которой обосновал В. Франкл [17]. Деревлексия направлена на то, чтобы переключить внимание человека с самого себя на те обстоятельства, в которых он мог бы оказаться и которые ему следует проанализировать и оценить. Деревлексия обуславливает некое «возвышение над ситуацией», при котором процесс оценивания другого не травмирует психику и происходит более объективно. В то же время актуальность обстоятельств побуждает к проецированию

оценочных суждений в том числе и на себя. Таким образом, дерефлексия пробуждает «склонность к наблюдению за поведением людей, потерпевших неудачу, отмечать для себя факторы, обусловившие проигрыш, и затем принимать все меры к тому, чтобы не повторять подобных ошибок» [17, с. 13]. В таком качестве дерефлексия активизирует собственно рефлексия [9, с. 96].

Динамика развития социального интеллекта несовершеннолетних осужденных определялась сопоставлением результатов диагностики социального интеллекта до и после формирующего эксперимента с помощью теста «Диагностика социального интеллекта» Дж. Гилфорда и М. Салливена в адаптации Е. С. Михайловой [7].

В эксперименте были задействованы 60 осужденных, отбывающих наказание в Брянской воспитательной колонии. Участники были распределены в экспериментальную группу (далее – ЭГ) и контрольную группу (далее – КГ) по 30 чел. Воспитанники, включенные в ЭГ, были охвачены тренингом, направленным на развитие рефлексивных способностей; с воспитанниками, составляющими КГ, соответствующая работа не проводилась.

Значительная часть испытуемых из ЭГ и КГ на констатирующем этапе эксперимента характеризовалась низким уровнем социального интеллекта, отсутствием способностей предвидеть исход ситуаций, связанных с взаимодействием между людьми, просчитывать вероятные варианты развития событий на основе определенных признаков.

После проведения формирующего эксперимента ситуация изменилась. В ЭГ по шкале СВІ (способность предвидеть последствия поведения людей в определенных ситуациях, предсказать то, что произойдет дальше) среднее значение увеличилось с 3,7 до 6,1. По шкале СВС (фактор познания классов поведения, способность к логическому обобщению поведенческих проявлений) среднее значение увеличилось с 4 до 6,2. По шкале СВТ (способность понимать изменения значения сходных вербальных реакций человека в зависимости от контекста вызвавшей их ситуации) – с 5,1 до 6,8. По шкале СВS (способность понимать логику развития ситуаций взаимодействия, значение поведения людей в этих ситуациях) – с 4,9 до 6,5. В ЭГ средние значения по всем шкалам стали соответствовать среднему уровню (см. рис. 1).

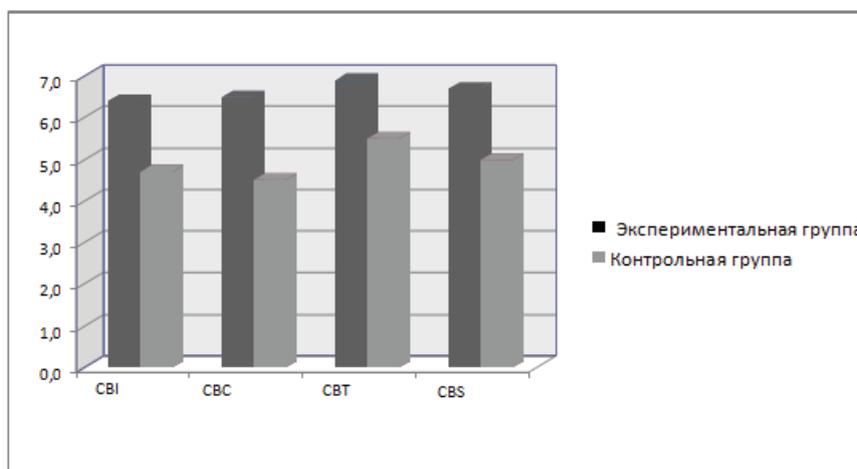

Рис. 1. Средние значения социального интеллекта в ЭГ и КГ после формирующего эксперимента

С помощью критерия Вилкоксона установлено, что значимые сдвиги произошли по трем исследуемым параметрам: по шкалам СВІ и СВС ($p \leq 0,01$), по шкале СВТ ($p \leq 0,05$). Не подтверждено значимых сдвигов по шкале СВS. В то же время значимых изменений социального интеллекта воспитанников КГ не выявлено ни по одной из шкал методики [10, с. 360–361].

Таким образом, гипотеза, согласно которой стимулирование рефлексивных процессов оказывает существенное влияние на развитие социального интеллекта, нашла

свое подтверждение в ходе верификации. В результате теоретического осмысления источников информации и анализа результатов проведенного эксперимента сформулированы следующие выводы:

1. Актуальность исследования механизмов развития социального интеллекта воспитанников исправительных учреждений определяется потребностью в выявлении и обосновании психологических средств, побуждающих осужденных к переосмыслению своего поведения.

2. Развитие социального интеллекта несовершеннолетних осужденных направлено на формирование у них готовности к внесению позитивных изменений в свое поведение и отношение к людям, стимулирование эмоциональных переживаний, содействие развитию способностей, необходимых для продуктивного включения в социум.

3. Разноуровневая система психологических механизмов, обеспечивающих развитие социального интеллекта несовершеннолетних осужденных, может быть представлена в виде ступеней: идентификация и обособление → распознавание мотивов всех участников коммуникации → рефлексия. Каждая последующая ступень в этой цепочке конкретизирует предыдущую в определении средств психологического влияния на несовершеннолетнего.

4. Результативность психологического сопровождения развития социального интеллекта несовершеннолетних осужденных повышается, если сотрудники воспитательной колонии стимулируют социально

адекватную рефлексивную деятельность воспитанников, соотносимую с позитивным потенциалом их возрастных особенностей.

5. В качестве эффективных средств актуализации рефлексии выступают дилеммы, обеспечивающие воспитанникам возможность выражать эмоции по поводу жизненных явлений и фактов, сопоставлять свое поведение с моральными и правовыми нормами, делать осознанный выбор. В ходе решения дилемм происходит становление чувства принадлежности к нормативному обществу, формирование положительной Я-концепции и самоуважения, подражание положительному образу, реализуется гуманистический стиль общения в рамках контактов со сверстниками.

Перспективы дальнейшего исследования психологических механизмов социального интеллекта несовершеннолетних осужденных связываются с интеграцией психологического и педагогического знания, преимущественно в психолого-педагогическом обеспечении исследуемого процесса на пенитенциарном и постпенитенциарном этапах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бехтерев, В. М. О социально-трудовом воспитании : доклад на Съезде по экспериментальной педагогике 23 мая 1917 г. / В. М. Бехтерев. – Петроград : типография Н. П. Зандмана, 1917. – 16 с.
2. Бобнева, М. И. Социальные нормы и регуляция поведения / М. И. Бобнева. – Москва : Наука, 1978. – 311 с.
3. Васильева, И. А. Социальный интеллект как интегральная интеллектуальная способность / И. А. Васильева, У. В. Болотова, Ю. О. Рясная // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2015. – № 3. – С. 171–175.
4. Гилфорд, Дж. Три стороны интеллекта / Дж. Гилфорд // Психология мышления / под редакцией А. М. Матюшкина. – Москва : Прогресс, 1965. – С. 433–456.
5. Кон, И. С. Психология юношеского возраста (Проблемы формирования личности) : учебное пособие / И. С. Кон. – Москва : Просвещение, 1979. – 175 с.
6. Масыгина, О. Ю. Механизмы развития социального интеллекта в дошкольный период / О. Ю. Масыгина // Актуальные вопросы современной психологии : материалы международной научной конференции (г. Челябинск, март 2011 г.). – Челябинск : Два комсомольца, 2011. – С. 58–60. – URL: <https://moluch.ru/conf/psy/archive/30/127/> (дата обращения: 13.11.2019).
7. Михайлова, Е. С. Тест Дж. Гилфорда и М. О'Салливан. Диагностика социального интеллекта : методическое руководство / Е. С. Михайлова. – 2-е изд. – Санкт-Петербург : ИМАТОН, 2002. – 56 с. – ISBN 978-5-7822-0089-3.
8. Мухина, В. С. Эволюция личности сквозь призму механизмов развития и бытия / В. С. Мухина // Развитие личности. – 2007. – № 2. – С. 8–31.
9. Панова, О. Б. Обсуждение морально-правовых дилемм как средство активизации правовой ресоциализации несовершеннолетних осужденных в воспитательной колонии / О. Б. Панова // Вестник института: преступление, наказание, исправление. – 2017. – № 2 (38). – С. 93–98.
10. Панова, О. Б. Педагогическое обеспечение правовой ресоциализации несовершеннолетних осужденных в воспитательной колонии : диссертация на соискание ученой степени доктора педагогических наук / Панова Оксана Брониславовна. – Ярославль, 2013. – 487 с.
11. Познышев, С. В. Очерки тюрьмоведения / С. В. Познышев. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва : Типогр. Г. А. Лемана и Б. Д. Плетнева, 1915. – 296 с.
12. Савенков, А. И. Эмоциональный и социальный интеллект как предикторы жизненного успеха / А. И. Савенков // Вестник практической психологии образования. – 2006. – № 1. – С. 30–38.
13. Состояние преступности в России за январь–декабрь 2018 года : сборник. – URL: <https://genproc.gov.ru/> (дата обращения: 13.11.2019).
14. Социальный интеллект: Теория, измерение, исследования / под редакцией Д. В. Люсина, Д. В. Ушакова. – Москва : Ин-т психологии РАН, 2004. – 176 с. – ISBN 5–9270–0058–4.
15. Стернберг, Р. Интеллект успеха / Р. Стернберг ; перевод с английского С. И. Ананина. – Минск : Попурри, 2015. – 231 с. – ISBN 978-985-15-2561-0.
16. Титова, А. И. Преступность несовершеннолетних: состояние и динамика / А. И. Титова // Молодой ученый. – 2018. – № 34. – С. 64–66. – URL: <https://moluch.ru/archive/220/52434/> (дата обращения: 01.12.2019).
17. Франкл, В. Человек в поисках смысла : сборник / В. Франкл ; общая редакция и перевод с английского и немецкого Л. Я. Гозмана, Д. А. Леонтьева. – Москва : Прогресс, 1990. – 366 с. – ISBN 5-01-001606-0.
18. Характеристика лиц, содержащихся в воспитательных колониях для несовершеннолетних. – URL: <http://xn--h1akkl.xn--p1ai/statistics/> (дата обращения: 13.11.2019).

REFERENCES

1. Bekhterev V. M. *O social'no-trudovom vospitanii* [On social and labor education]. Petrograd, 1917. 16 p. (In Russ.).
2. Bobneva M. I. *Social'nye normy i regulyaciya povedeniya* [Social norms and regulation of behavior]. Moscow, 1978. 311 p. (In Russ.).
3. Vasil'eva I. A., Bolotova U. V., Rysnaya YU. O. Social'nyj intellekt kak integral'naya intellektual'naya sposobnost' [Social intelligence as an integral intellectual ability]. *Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk – Actual problems of the humanities and natural sciences*, 2015, no. 3, pp. 171–175. (In Russ.).
4. Gilford Dzh. Tri storony intellekta [Three sides of intelligence]. *Psihologiya myshleniya* [Psychology of intellection]. Moscow, 1965, C. 433–456. (In Russ.).
5. Kon I. S. *Psihologiya yunosheskogo vozrasta (Problemy formirovaniya lichnosti)* [Psychology of adolescence (Problems of personality formation)]. Moscow, 1979. 175 p. (In Russ.).
6. Masyagina O. YU. Mekhanizmy razvitiya social'nogo intellekta v doskol'nyj period [The mechanisms of development of social intelligence in the preschool period]. *Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii «Aktual'nye voprosy sovremennoj psikhologii»* [Materials of the international scientific conference «Actual issues of modern psychology»]. Chelyabinsk, 2011, pp. 58–60. Available at: <https://moluch.ru/conf/psy/archive/30/127/> (accessed 13.11.2019). (In Russ.).
7. Mihajlova E. S. *Test Dzh. Gilforda i M. O'Salliven. Diagnostika social'nogo intellekta* [J. Guilford and M. O'Sullivan's test. Diagnostics of social intelligence]. St. Petersburg, 2002. 56 p. (In Russ.).
8. Muhina V. S. Evolyuciya lichnosti skvoz' prizmu mekhanizmov razvitiya i bytiya [The evolution of personality through the prism of the mechanisms of development and being]. *Razvitie lichnosti – Personal development*, 2007, no. 2, pp. 8–31. (In Russ.).
9. Panova O. B. Obsuzhdenie moral'no-pravovykh dilemm kak sredstvo aktivizatsii pravovoj resotsializatsii nesovershennoletnih osuzhdennykh v vospitatel'noj kolonii [Discussion of moral and legal dilemmas as a means of enhancing the legal resocialization of juvenile convicts in an educational colony]. *Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie – Bulletin of the Institute: crime, punishment, correction*, 2017, no. 2 (38), pp. 93–98. (In Russ.).
10. Panova O. B. *Pedagogicheskoe obespechenie pravovoj resotsializatsii nesovershennoletnih osuzhdennykh v vospitatel'noj kolonii*. Diss. dokt. ped. nauk [Pedagogical support of legal resocialization of juvenile convicts in an educational colony. Diss. Dsc. in Pedagogy]. Yaroslavl, 2013. 487 p. (In Russ.).
11. Poznyshchev S. V. *Ocherki tyur'movedeniya* [Essays on Prison Science]. Moscow, 1915. 296 p. (In Russ.).
12. Savenkov A. I. Emotsional'nyj i social'nyj intellekt kak prediktory zhiznennogo uspekha [Emotional and Social Intelligence as Predictors of Life Success]. *Vestnik prakticheskoy psikhologii obrazovaniya – Bulletin of practical educational psychology*, 2006, no. 1, pp. 30–38. (In Russ.).
13. *Sostoyanie prestupnosti v Rossii za yanvar'–dekabr' 2018 goda* [The state of crime in Russia in January–December 2018]. Available at: <https://genproc.gov.ru/> (accessed 13.11.2019). (In Russ.).
14. Lyusin D. V., Ushakova D. V. (red.) *Social'nyj intellekt: Teoriya, izmerenie, issledovaniya* [Social Intelligence: Theory, Measurement, Research]. Moscow, 2004. 176 p. (In Russ.).
15. Sternberg R. *Intellekt uspekha* [Intelligence of success]. Minsk, 2015. 231 p. (In Russ.).
16. Titova A. I. Prestupnost' nesovershennoletnih: sostoyanie i dinamika [Juvenile delinquency: state and dynamics]. *Molodoj uchenyj – Young scientist*, 2018, no. 34, pp. 64–66. Available at: <https://moluch.ru/archive/220/52434/> (accessed 01.12.2019). (In Russ.).
17. Frankl V. *Chelovek v poiskah smysla* [Man's Search for Meaning]. Moscow, 1990. 366 p. (In Russ.).
18. *Harakteristika lic, sodержashchih v vospitatel'nykh koloniyah dlya nesovershennoletnih* [Characteristics of persons held in juvenile educational colonies]. Available at: <http://xn--h1akkl.xn--p1ai/statistics/> (accessed 13.11.2019). (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTORS

ОКСАНА БРОНИСЛАВОВНА ПАНОВА – профессор кафедры юридической психологии и педагогики психологического факультета Вологодского института права и экономики ФСИН России, г. Вологда, Российская Федерация, доктор педагогических наук, доцент, действительный член Международной академии наук экологии и безопасности жизнедеятельности. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6096-2581>, e-mail: xenia-vipe@mail.ru

ЭЛЬВИРА ВИКТОРОВНА ЗАУТОВА – профессор кафедры юридической психологии и педагогики психологического факультета Вологодского института права и экономики ФСИН России, г. Вологда, Российская Федерация, доктор педагогических наук, профессор, член-корреспондент Международной академии наук педагогического образования. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1334-2654>, e-mail: elvira-song@mail.ru

НИКОЛАЙ ГУРГЕНОВИЧ СОБОЛЕВ – начальник кафедры юридической психологии и педагогики психологического факультета Вологодского института права и экономики ФСИН России, г. Вологда, Российская Федерация, кандидат психологических наук, доцент. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6101-7437>, e-mail: sobolev-nikolay@mail.ru

OKSANA B. PANOVA – Professor of the Department of Legal Psychology and Pedagogy of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Dsc. in Pedagogics, Associate Professor, Full Member of the International Academy of Ecology and Life Safety. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6096-2581>, e-mail: xenia-vipe@mail.ru

ELVIRA V. ZAUOTOVA – Professor of the Department of Legal Psychology and Pedagogy of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Dsc. in Pedagogics, Professor, Member-correspondent of the International Academy of Sciences of Pedagogical Education. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1334-2654>, e-mail: elvira-song@mail.ru

NIKOLAI G. SOBOLEV – Head of the Department of Legal Psychology and Pedagogy of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Psychology, Associate Professor. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6101-7437>, e-mail: sobolev-nikolay@mail.ru

Радикализация в местах заключения: ПОДХОД СОЦИАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Б. Г. БОВИН

Научно-исследовательский институт ФСИН России, г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9255-7372>, e-mail: bovinbg@yandex.ru

П. Н. КАЗБЕРОВ

Управление воспитательной, социальной и психологической работы ФСИН России, г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2233-0230>, e-mail: opodnii@yandex.ru

И. Б. БОВИНА

Московский государственный психолого-педагогический университет, г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9497-6199>, e-mail: innabovina@yandex.ru

Реферат. В статье осуществлен анализ исследований о распространении экстремистской идеологии в местах лишения свободы и использована теория социальной идентичности для понимания механизма радикализации в условиях изоляции. Актуальность обращения к этой проблеме объясняется тем, что после событий 11 сентября 2001 г. именно радикализация в тюрьмах превратилась в серьезную угрозу безопасности разных стран. Кроме того, меры по противодействию терроризму должны опираться на знание психологических закономерностей, по которым происходит радикализация; равным счетом, как и разработка мер профилактики, направленных на осужденных, а также создание программ по дерадикализации базируются на понимании механизмов социального поведения. В фокусе внимания в работе оказывается концепция современного терроризма, предложенная Ж. Бодрийяром, изучается проблема радикализации и распространения идеологии экстремизма в местах лишения свободы, демонстрируется важность социальной идентичности в связи с процессом радикализации в ситуации изоляции. Особая роль отводится идеям теории неопределенности-идентичности М. Хогга (мотивационному направлению подхода социальной идентичности). Согласно ей, переживая неопределенность, люди склоняются к разделению радикальных идей и членству в соответствующих группировках, ибо таким образом они получают прямые и однозначные ответы на беспокоящие их вопросы. Способ снижения неопределенности – это принадлежность к группе, так как последняя является основой для самоопределения, то есть индивиды в ней обретают искомую социальную идентичность, получают нормы и правила поведения, направление мыслей и чувств. В заключение объясняются возможности подхода социальной идентичности для диагностики лиц, уязвимых к вовлечению в террористическую деятельность.

Ключевые слова: терроризм; радикализация; противодействие терроризму; социальная идентичность; осужденные; неопределенность.

19.00.06 – Юридическая психология.

Для цитирования: Бовин Б. Г., Казберов П. Н., Бовина И. Б. Радикализация в местах заключения: подход социальной идентичности. *Пенитенциарная наука*. 2020; 14 (3):415–424. DOI 10.46741/2686-9764-2020-14-3-415-424.

Radicalisation in prison: social identity approach

B. G. BOVIN

Research Institute of the Federal Penal Service of Russia, Moscow, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9255-7372>, e-mail: bovinbg@yandex.ru

P. N. KAZBEROV

Department of educational, social and psychological work of the Federal Penal Service of Russia, Research Institute of the Federal Penal Service of Russia, Moscow, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2233-0230>, e-mail: opodnii@yandex.ru

I. B. BOVINA

Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9497-6199>, e-mail: innabovina@yandex.ru

Abstract. The article analyzes research on the spread of extremist ideology in prisons and uses the theory of social identity to understand the mechanism of radicalization in conditions of isolation. The urgency of addressing this problem is explained by the fact that since the events of September 11, 2001, it is the radicalization in prisons that has turned into a serious threat to the security of different countries. In addition measures to counter terrorism necessarily rely on knowledge of the psychological laws by which radicalization occurs; equally, like the development of preventive measures aimed at convicts as well as the creation of deradicalization programs, are based on an understanding of the mechanisms of social behavior. The focus of the work is on the concept of modern terrorism proposed by J. Baudrillard, the problem of radicalization and the spread of the ideology of extremism in prisons is studied, the importance of social identity in connection with the process of radicalization in a situation of isolation is demonstrated. A special role is given to the ideas of M. Hogg's theory of uncertainty-identity (the motivational direction of the approach of social identity). According to her, experiencing uncertainty, people become inclined to the division of radical ideas and membership in the corresponding groups, because in this way they receive direct and unambiguous answers to their questions. The way to reduce uncertainty is belonging to a group, since the latter is the basis for self-determination, that is, individuals in it acquire the desired social identity, receive norms and rules of behavior, direction of thoughts and feelings. In conclusion the possibilities of the social identity approach for diagnosing persons vulnerable to involvement in terrorist activities are explained.

Key words: terrorism; radicalization; counter-terrorism; social identity; convicts; uncertainty.

19.00.06 – Legal psychology.

For citation: Bovin B. G., Kazberov P. N., Bovina I. B. Radicalisation in prison: social identity perspective. *Penitenciarnaya nauka = Penitentiary Science*. 2020; 14 (3):415–424. (In Russ.). DOI 10.46741/2686-9764-2020-14-3-415-424.

Воспользуемся одним из определений терроризма, согласно которому под этим явлением понимаются «действия негосударственных субъектов, связанные с угрозой или фактическим применением незаконной силы или насилия для достижения политической, экономической, религиозной или социальной цели посредством страха, принуждения или запугивания» [17, с. 496]. Важный момент в определении терроризма, который следует добавить, заключается в указании на групповую природу: негосударственные

субъекты – это группы, ибо террористические акты совершаются членами групп.

В авторитетной базе данных по терроризму с 1970 по 2018 г. зафиксировано 191 464 теракта [18]. Анализ количества погибших в результате терактов (см. рис. 1) свидетельствует, что после пика в 2014 г. к 2018 г. наблюдается существенный спад (более 50 %) [24]. В том же отчете утверждается, что география наиболее смертоносных террористических актов включает страны Ближнего Востока, Южной Азии, а также Африканского

континента к югу от Сахары. Именно здесь погибли 93 % жертв терроризма за период с 2002 по 2017 г. Однако при этом представ-

ляется возможным говорить об экспоненциальном росте количества жертв террористической активности (рис. 1).

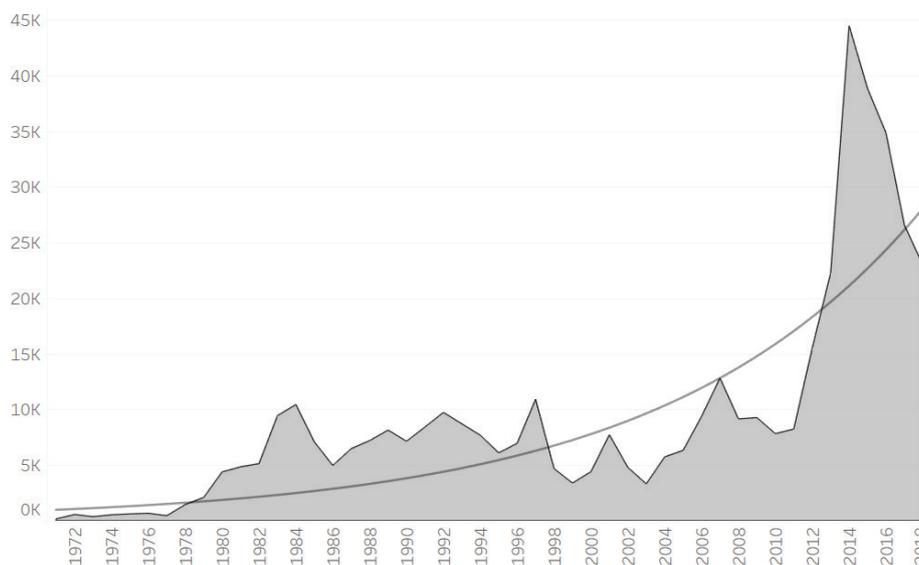

Рис. 1. Количество погибших в результате терактов по всему миру (1972–2018)*

Терроризм по-прежнему представляет собой реальную угрозу обществу, существованию человечества в целом, а значит, требуются самые серьезные меры противодействия этому явлению на различных уровнях [3; 32]. Основной чертой современного терроризма является его трансформация из классического в глобальный (М. Вьеверка связывает зарождение глобального терроризма с двумя террористическими атаками в Бейруте, направленными против американских и французских миротворцев (23.10.1983), когда грузовики, начиненные взрывчаткой, врезались в казармы военных, что стоило жизни 248 американским и 58 французским военным [32]).

Для радикализации и рекрутирования новых членов террористические организации используют стратегии, основанные на современных информационно-коммуникационных технологиях. Форма подачи информации базируется на западных сериалах, рекламе, видеоиграх, музыке, при этом известные темы наделяются новым смыслом [11; 13; 16; 30]. Особую угрозу представляют вовлечение в террористическую деятельность молодежи и рост радикализации осужденных в местах лишения свободы [9; 25; 29].

Проблема противодействия религиозному экстремизму по-прежнему остается актуальной, наблюдается рост числа лиц, осужден-

ных за религиозный экстремизм и терроризм. Стратегии содержания этой категории осужденных таковы: изоляция от других осужденных или распределение среди других категорий [8; 25]. Если опираться на анализ опыта западных стран, то есть основания говорить о том, что радикализация происходит достаточно быстро. Как отмечает О. Н. Новикова, это вопрос нескольких недель [8]. Находясь в местах заключения, террористы взаимодействуют с экстремистскими группировками, планируют будущие террористические акты. Кроме того, враждебность со стороны этой категории осужденных в отношении персонала тюрьмы обостряет оперативную обстановку. Предполагается, что в случае рассредоточения осужденных за террористическую и экстремистскую деятельность среди других заключенных последние будут оказывать сдерживающее влияние на распространение экстремистской идеологии, но определенный риск обратного влияния сохраняется. Эти факторы обуславливают необходимость разработки и проведения специальных профилактических мероприятий [8]. Создание локальных зон для заключенных террористов представляет другую опасность, связанную с усилением сплоченности этих групп, что представляет угрозу для персонала тюрем [8; 25].

Успешность мероприятий по профилактике и противодействию радикализации

* Расчеты выполнены авторами на основе данных, представленных в Глобальной базе данных по терроризму [18].

в местах заключения определяется тем, насколько точно удастся понять процесс и механизмы радикализации в местах отбывания наказания. Как отмечается в Комплексном плане противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации на 2019–2023 гг. [6], научное и методическое обеспечение мероприятий по профилактике и противодействию отстает от потребностей практики, поэтому требуется дальнейшее развитие научно-исследовательской деятельности в данной сфере.

В контексте данной задачи предпримем попытку анализа исследований о распространении экстремистской идеологии в местах лишения свободы и использования теории социальной идентичности для понимания механизма радикализации в условиях изоляции.

Современный терроризм. В философской концепции «Дух терроризма» [1], появившейся после терактов 11 сентября 2001 г., ее автор, Ж. Бодрийяр, сформулировал ключевые характеристики современного терроризма.

Как ни парадоксально, религиозный экстремизм, по мысли Ж. Бодрийяра, не является собой идеологического противника существующему государственному строю. За терроризмом едва ли стоит определенная идеология. Цель этого типа экстремизма вовсе не в том, чтобы осуществить преобразование мира, а в том, чтобы его радикализировать, используя жертвоприношения.

Французский философ утверждает, что исламский мир представляет собой единственную культуру, отрицающую западную систему ценностей. Другие религии не противопоставляют себя процессу глобализации, их культуры не противостоят западному миру. Террористический ислам – это главная сила, которая пытается противостоять глобализму и модернизму, понимаемому как отход от религиозных традиций ислама. Особенностью является то, что терроризм проник повсюду и, подобно тени, следует за господствующей системой, готовый неожиданно выйти из своего убежища.

Суть современного терроризма, этого нового вида боевых действий, заключается в том, чтобы, изучив правила игры, нарушать их, и Ж. Бодрийяр подчеркивает, что абсолютным оружием террориста, оружием возмездия является его собственная смерть. Раньше суицидальный терроризм был средством бедных, ныне – богатых. В распоряжении современных террористов находятся новейшие средства и технологии, однако наряду со всем этим они обладают

еще более фатальным оружием, а именно собственной смертью.

Террористические акты направлены на разрушение современной цивилизации, ее главных достижений, образцов технологического прогресса. Захват заложников и смерть невинных людей – то, что в рамках либеральных ценностей представляет собой величайшую цивилизационную трагедию, используются террористами как способ наказания современного общества, ибо оно пренебрегает истинной верой.

Террорист-смертник с поясом шахида превратился в один из символов современного глобального терроризма. Ж. Бодрийяр подчеркивает, что представителям западного мира добровольная смерть при совершении теракта видится иррациональной, непонятной. Исполнителям террористических актов смерть не страшна, и это делает терроризм трудно преодолимым явлением современного общества.

Наряду с этим, по мысли философа, у этой категории террористов, по аналогии с лицами, склонными к крайним формам радикализма, отмечается стремление выйти за рамки обыденной жизни, наполнить ее неординарными событиями, острыми переживаниями на грани соприкосновения со смертью. По словам А. Ш. Тхостова, это та самая легкость бытия, влекущая к определенному типу действий [3]. По мнению К. Ясперса, представителя экзистенциальной психологии, именно в пограничной ситуации, когда человек находится на грани физической, интеллектуальной, моральной гибели, высвечивается экзистенция, ощущается мир свободы и самости, приходит озарение и обретение собственного Я [14].

Радикализация и проблема идентичности. Вопрос радикализации в местах заключения попал в поле зрения исследователей, ибо, как уже отмечалось выше, это явление превратилось в серьезную проблему после 11 сентября 2001 г. Попытки изучить то, как человек вступает на путь терроризма, предпринимались неоднократно [4; 5; 9; 10; 25; 29; 31]. А. Силке и Т. Велдхуис указывают на то, что радикализация в местах заключения – результат взаимодействия институциональных, социальных и индивидуальных факторов [31]. При этом акцентируется внимание на том, что имеются два конструкта, в отношении которых существует своего рода консенсус: переполненность тюрем и харизматическое лидерство, то есть условия пребывания и специфика воздействия, которые определяют процесс радикализации индивида. С

нашей точки зрения, в фокусе должно быть то, что происходит с индивидом, который оказался в местах заключения, причем в первый раз, ибо в условиях тюремной изоляции осужденные подвергаются различного рода психологической депривации: сенсорной, эмоциональной, двигательной, сексуальной и социальной. Человек изолируется от семьи, привычного социального окружения, это период неопределенности. В отсутствие группы поддержки, опыта пребывания в заключении человеку требуется некоторая точка опоры. В таких условиях, особенно у впервые лишенного свободы человека, возникают чувства одиночества, незащищенности, тревоги, обреченности, безнадежности, могут развиваться тревожно-депрессивные состояния, сопровождаемые переживаниями отчаяния или истерическими, демонстративными, паническими реакциями. По сути, осужденные переживают так называемый пенитенциарный стресс [2; 7] и стремятся так или иначе преодолеть это состояние.

Выше уже говорилось о том, что террористическая деятельность осуществляется группой. Одной из ключевых психологических особенностей индивидов, вовлеченных в экстремистскую и террористическую активность, является их потребность в укреплении социальной идентичности. Это достигается путем присоединения к группе единомышленников, к группе, разделяющей сходные взгляды на мир [3; 5; 9; 12]. Данную потребность можно выразить формулой «кто не с нами, тот против нас». Обращение к различным моделям анализа радикализации (Р. Борем [15], К. Викторевич [12], Ф. Мохаддам [27]) позволяет говорить об идентичности как важном конструкте. Так, в руководстве по оценке риска экстремизма, используемом в Великобритании, среди 22 индикаторов риска можно выделить серию показателей, которые позволяют говорить об идентичности, в частности это потребность в идентичности, смысле и принадлежности, потребность в статусе, крайняя степень идентификации с группой, мышление по принципу «Мы – Они», дегуманизация врага [28]. Позже рассмотрим эти индикаторы как стороны единого целого.

По результатам исследования лиц, осужденных за преступления террористической и экстремистской направленности и находящихся в местах лишения свободы, можно говорить о том, что в большинстве своем преступления ими совершались в составе группы, имеющей иерархическую структуру, ясные роли, по предварительномуговору, направлялись четким планом действий.

Для достижения цели группа использовала огнестрельное и холодное оружие, взрывчатые вещества для нанесения травм и увечий людям, часто незнакомым и всегда ни в чем невиновным [4].

Результаты другого исследования, проведенного на выборке в 223 осужденных из 12 исправительных учреждений (N1 = 105 осужденных по различным статьям УК РФ, исключая статьи за экстремизм и терроризм; N2 = 92 осужденных за экстремистскую и террористическую деятельность; N3 = 26 осужденных, попавших под влияние религиозных экстремистов и поставленных на профилактический учет), позволили говорить об уровне осведомленности осужденных об исламе, а также оценить масштаб влияния идеологии религиозного радикализма на лиц, не связанных до осуждения с экстремизмом и терроризмом [9]. Более половины (57 %) осужденных (N = 223 респондентов) отметили, что относят себя к вероисповеданию, связанному с исламом, 24 % – с христианством. В выборке не оказалось приверженцев иудаизма, кришнаизма или буддизма; 12 % респондентов указали на принадлежность к другим религиозным направлениям, не уточнив при этом конкретное вероисповедание; 7 % осужденных считают себя атеистами [9].

До осуждения верующими себя считали 77 % респондентов, 23 % не причисляли себя к каким-либо религиозным направлениям. Привлекательность ислама для 127 приверженцев заключалась в законах шариата, справедливости учения, братстве, верности Богу. Среди мусульман многие являются, по определению Р. Мертон, «ритуалистами»: для них ценность представляет лишь ритуальная сторона ислама, форма, но не его смысловые категории. Это подтверждается результатами исследования: на вопрос об осведомленности о священных писаниях около 30 % ответили, что не знают этих текстов; 20 % не читают Коран и в местах лишения свободы им не требуется религиозная литература [9].

Соотношение верующих и неверующих до осуждения было таким: группа 1 – 61 и 39 % соответственно, группа 2 – 88 и 12 %, группа 3 – 94 и 6 %. Преимущественное соотношение верующих и неверующих в группе 3 у осужденных, состоящих на профилактическом учете, по сравнению с осужденными за религиозный экстремизм, говорит в пользу того, что происходит достаточно быстрое заражение определенной части осужденных идеологией религиозного экстремизма, хотя изначально они были осуждены за пре-

ступление иного толка, чем экстремистская и террористическая деятельность [9]. Этот факт соответствует тому, что О. Н. Новикова говорит о зарубежной ситуации [8].

Сходство групп 2 и 3 и явная разница с группой 1 наблюдаются и в ответах на другие значимые для приверженцев ислама вопросы, в частности количестве молитв в день, названиях священных писаний, именах пророков ислама и течениях в исламе и пр. [9].

В противоположность осужденным за общеуголовные преступления (группа 1) индивиды, осужденные по статьям за террористическую и экстремистскую деятельность (группа 2), в местах лишения свободы являют собой достаточно монолитную группу. Они объединены религиозной принадлежностью и идентичностью, традициями, общностью целей. Эти лица осуждены на длительные сроки заключения, в ситуации отсутствия ближайшей перспективы освобождения они, как правило, видят смысл своего существования в распространении идеологических убеждений среди других осужденных, совершивших общеуголовные преступления, особенно среди тех, кто попал в места заключения в первый раз [9].

Авторы исследования анализируют поведение осужденных, так называемую дисциплинарную практику, во всех трех группах и приходят к выводу, что группа 1 является по сравнению с двумя другими наиболее благополучной: только 6 % осужденных признаны нарушителями режимных требований исправительных учреждений. Характеристика дисциплинарной практики в группах 2 и 3 крайне неблагоприятна: здесь регистрируется немного мелких нарушений, зато имеется значительное количество осужденных, признанных злостными нарушителями (до 19 и 29 % соответственно) [9].

Рассмотренные выше результаты дают основания заключить, что религиозный экстремизм является серьезным фактором, негативно влияющим на оперативную обстановку в исправительных учреждениях.

Следует признать, что рассматриваемая категория осужденных образует чрезвычайно сложный контингент для каких-либо коррекционных воздействий со стороны психологов и воспитателей исправительных учреждений в силу психологической сопротивляемости, связанной с религиозным воспитанием и концепцией религиозного экстремизма, усвоенной в процессе террористической деятельности. Отсюда основное направление деятельности психологов совместно с другими службами пенитенциарного учреждения – профилактика деструктивного поведения

таких осужденных, противодействие распространению религиозного экстремизма в местах лишения свободы. Теоретический анализ проблемы радикализации в местах лишения свободы сквозь призму идей социальной идентичности позволит отследить механизмы радикализации.

Радикализация в местах заключения: потенциал подхода социальной идентичности. Вслед за М. Хоггом и А. Хэсламом будем говорить в более широком смысле о подходе социальной идентичности [19; 21], базирующемся на теории социальной идентичности Г. Тэшфела и теории самокатегоризации Дж. Тернера. Ключевая идея заключается в том, что индивидуальные действия определяются социальными силами [21]. Остановимся на основных положениях подхода, чтобы объяснить механизм, по которому происходит радикализация в местах лишения свободы.

Социальная идентичность определяется Г. Тэшфелом как «знание индивидом своей принадлежности к определенным социальным группам вместе с некоторой эмоциональной и ценностной значимостью для него принадлежности к этой группе» [19, с. 15]. Это знание является крайне важным, чувство self люди извлекают именно из принадлежности к социальным группам. Группа здесь опеределается как категория людей, разделяющих одну и ту же социальную идентичность, оценивающих себя сходным образом (ингруппа), отличающихся от людей с другой идентичностью (аутгруппа), стремящихся к поддержанию позитивной социальной идентичности. Итак, получая от группы социальную идентичность, человек обретает определенность в отношении того, кем он является, каково его место в социальном мире, что ему думать, чувствовать, как поступать, а также как его воспринимают и как с ним взаимодействуют другие [20].

Наряду с социальной идентичностью человек обладает персональной идентичностью (конструкт, отличающий человека от других членов группы, характеризующий его в терминах личностных атрибутов). Человек обладает целым рядом социальных и персональных идентичностей. Это определяется тем, скольким группам он принадлежит. Важность той или иной социальной идентичности варьируется, в определенный момент только одна идентичность является актуализированной, сквозь ее призму человек интерпретирует себя, воспринимает других и выстраивает свое социальное поведение.

В рамках подхода социальной идентичности люди представляют группу или соци-

альную категорию как некоторый прототип, то есть расплывчатый набор атрибутов, среди которых восприятия, аттитюды, чувства. Прототип предписывает поведение, позволяющее говорить о том, что характеризует данную группу и отличает ее от других. По принципу метаконтраста прототип акцентирует сходство внутри группы и разницу между группами [21].

Мотивационные процессы, связанные с социальной идентичностью, таковы: само совершенствование, оптимальное отличие и снижение неопределенности [23]. Последний мотив лег в основу теории неопределенности-идентичности М. Хогга, которая дает объяснение тому, почему люди присоединяются к группировкам с экстремистскими и радикальными взглядами [23]. В повседневной жизни человека часто окружает неопределенность, она связана с самыми различными явлениями, не только безработица, война, кризис, эпидемия порождают ее. Современный глобализированный мир становится непредсказуемым, непонятным, пугающим. Процесс общения трансформировался, большая часть повседневной жизни связана с использованием коммуникативных технологий. «Социальные медиа (и сопутствующие им технологии) представляют собой, вероятно, самый большой переворот в том, как люди взаимодействуют и взаимодействуют друг с другом со времен Уильяма Джеймса» [26, с. 277]. Современный мир характеризуется дефрагментацией, традиционные основания для категоризации не срабатывают, что порождает неопределенность [19].

Неопределенность, связанная с self, особенно тревожна, она порождает у индивида многочисленные вопросы: кто я такой? где мое место в мире? как нужно думать и чувствовать в той или иной ситуации? и пр. Ощущение неопределенности неприятно, человек стремится его избежать. Для этого он устремляется к другим, которые помогут ему понять, что думать, как чувствовать и действовать. Социальная категоризация снижает неопределенность, ибо делает поведение предсказуемым. И чем больше человек испытывает такую неопределенность, тем больше он стремится к группам со следующими особенностями:

1) высокий уровень энтитативности (это понятие, введенное Д. Кэмпбеллом, подразумевает степень, в которой группа имеет природу сущности по четырем измерениям: общая судьба, сходство, заметность среди членов, границы группы; чем выше выраженность этих качеств, тем привлекательнее группа);

2) специфический прототип – ясный, простой, предписывающий, согласованный (исключается инакомыслие, так как порождает сомнения и неопределенность);

3) сильно выраженное отличие группы от других групп [21].

Способ снижения неопределенности – это принадлежность к группе. Она является основой для самоопределения: индивиды обретают искомую социальную идентичность, получая готовые нормы и правила поведения, направление мыслей и чувств. В экстремальных ситуациях привлекательнее становятся группы, в которых отдается предпочтение снижению неопределенности, затрагивающей self, вместе с ортодоксальными, экстремистскими взглядами, для которых характерны жесткая идеологическая система убеждений, авторитарное лидерство [21].

Присоединяясь к группе с экстремистскими взглядами, индивид получает всеохватывающую, ригидную, эксклюзивную и предписывающую в крайней степени социальную идентичность и чувство Я. Группы с экстремистскими взглядами обеспечивают своим членам четкий стандарт, что является верным, а что нет, давая однозначную основу для оценки членов аутгруппы, дегуманизируя их, что в результате оправдывает любые действия в отношении последних [20]. Если вернуться к системе 22 индикаторов, позволяющих оценивать риск экстремизма [28], можно заметить, что логика теории социальной идентичности, а также теории неопределенности идентичности позволяет объединить в единое целое набор индикаторов, касающихся групповых и межгрупповых отношений.

Ригидные идеологические системы, как отмечает М. А. Хогг, позволяют разрешить парадокс постмодернизма: получая свободу, человек страдает от неопределенности (что делать? кем быть?) и, как следствие, стремится к определенности, абсолюту, что и делает привлекательными идеологические системы убеждений [20].

Посмотрим через призму этих идей на ситуацию, в которую попадают в местах лишения свободы осужденные: не имеющие криминального прошлого, оказавшиеся в заключении первый раз, переживая депривацию, они испытывают пенитенциарный стресс [2; 7], озадачены неопределенностью относительно себя, жизненной перспективы, своего положения в мире. Тогда становится очевидным, по какому механизму эти люди примыкают к группировкам с экстремистскими взглядами, разделяют радикальные идеи: переживание неопределенности оборачивается идентификацией

с группами, стоящими на крайних позициях, – такова цена обретения определенности. При этом, как указывает М. А. Хогг, продолжительная ситуация неопределенности только усиливает поиск и стремление присоединиться к группе с простыми, предписываемыми прототипами. Более того, как отмечалось выше, группы осужденных за террористическую и экстремистскую деятельность воспринимаются как гомогенная группа, имеющая определенную структуру, разделяющая общую судьбу, цели, зачастую с высокопрототипическим лидером, всем тем, что привносит определенность. Таким образом, два параметра, часто встречающиеся как объяснительные конструкты радикализации в местах заключения, могут быть поняты через призму идей теории неопределенности-идентичности.

Чем выше идентификация с такими группами у индивида, тем больше вероятность, что он будет вовлекаться в радикальные действия во имя этой группы, ибо социальная идентичность, особенно если она единственная, эксклюзивная, ригидная, способствует мобилизации.

Профилактика радикализации. Для предотвращения распространения экстремизма в местах лишения свободы необходимы система профилактики и меры по дерадикализации осужденных. Востребована разработка программ реабилитации, базирующихся на анализе психологических качеств личности и мотивационной сферы террористов. Можно предположить, что психологи-

ческое воздействие окажется в наибольшей степени эффективным для тех индивидов, чье мировоззрение не сформировано в полной мере, а также тех, кто отошел от идеологии терроризма во время членства в террористических организациях. Категория осужденных, которая нуждается в профилактической работе, – это те, кто подвержен принятию экстремистской идеологии или находится под влиянием религиозных экстремистов, однако не принял решение о присоединении к террористической организации [8].

Наконец, с профилактической точки зрения представляется возможным разрабатывать систему оценки риска радикализации, исходя из идей подхода социальной идентичности [19; 21; 22]. В фокусе внимания должны быть, с одной стороны, степень неопределенности, испытываемой осужденным, попавшим в первый раз в места заключения, с другой – особенности социальных идентичностей индивида. Сильная выраженность неопределенности в сочетании с небольшим количеством групп, членом которых человек себя считает (небольшое количество социальных идентичностей), а также невысокой степенью идентификации с этими группами позволяют говорить о риске радикализации, однако этот процесс не запускается автоматически. Анализируя перечисленные параметры, возможно оценить уязвимость осужденных к радикализации, а также разработать специальные меры для снижения привлекательности групп с экстремистскими убеждениями.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Бодрийяр, Ж.** Дух терроризма. Войны в Заливе не было / Ж. Бодрийяр. – Москва : Рипол-Классик, 2017. – 226 с. – ISBN 978-5-386-09139-2.
2. **Ермасов, Е. В.** Психологический стресс в условиях изоляции / Е. В. Ермасов // Развитие личности. – 2009. – № 2. – С. 84–99.
3. **Зинченко, Ю. П.** Мотивация террориста / Ю. П. Зинченко, К. Г. Сурнов, А. Ш. Тхостов // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. – 2007. – № 2. – С. 20–34.
4. **Казберов, П. Н.** Общая характеристика лиц, осужденных за преступления экстремистской и террористической направленности / П. Н. Казберов, Б. Г. Бовин // Психология и право. – 2019. – Т. 9, № 1. – С. 36–53. – DOI: 10.17759/psylaw.2019090103.
5. **Казберов, П. Н.** Психологический профиль террориста / П. Н. Казберов, Б. Г. Бовин, А. А. Фасоля // Психология и право. – 2019. – Т. 9, № 3. – С. 141–157. – DOI: 10.17759/psylaw.2019090311.
6. Комплексный план противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации на 2019–2023 годы. – URL: <https://www.mchs.gov.ru/dokumenty/2632> (дата обращения: 16.05.2020).
7. **Мельникова, Д. В.** Пенитенциарный стресс и особенности его проявления у осужденных, подозреваемых, обвиняемых / Д. В. Мельникова, М. Г. Дебольский // Психология и право. – 2015. – Т. 5, № 2. – С. 105–116. – DOI: 10.17759/psylaw.2015100208.
8. **Новикова, О. Н.** Иностранцы боевики-террористы: они возвращаются / О. Н. Новикова // Европейская безопасность: события, оценки, прогнозы. – 2018. – № 49. – С. 2–4.
9. **Оганесян, С. С.** Проблема распространения религиозного экстремизма в местах лишения свободы / С. С. Оганесян, Б. Г. Бовин, П. Н. Казберов, Д. Е. Дикопольцев // Ведомости уголовно-исполнительной системы. – 2019. – № 3. – С. 51–59. – URL: http://or.fsin.su/vedomosti/detail.php?ELEMENT_ID=462214 (дата обращения: 01.06.2020).
10. **Сундиев, И. Ю.** Теория и практика информационного противодействия экстремистской и террористической деятельности / И. Ю. Сундиев, А. А. Смирнов, А. И. Кундетов, В. П. Федоров. – Вологда : Полиграф-книга, 2014. – 240 с. – ISBN 978-5-91967-164-0.
11. **Тихонова, А. Д.** Социальные медиа и молодежь: риск радикализации / А. Д. Тихонова // Психология и право. – 2018. – Т. 8, № 4. – С. 55–64. – DOI: 10.17759/psylaw.2018080406.
12. **Тихонова, А. Д.** Радикализация в подростково-молодежной среде: в поисках объяснительной схемы / А. Д. Тихонова, Н. В. Дворянчиков, А. Эрнст-Винтила, И. Б. Бовина // Культурно-историческая психология. – 2017. – Т. 13, № 3. – С. 32–40. – DOI: 10.17759/chp.2017130305.

13. **Чайников, Ю. В.** Хосрохавар Ф. Кибер-Халифат ИГИЛ. Khosrokhavar F. Le cyber-califat de Daech // *Carnet du CAPS*. – Paris, 2018. – N 26 – P. 89–100 / Ю. В. Чайников // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 9: Востоковедение и Африканистика : реферативный журнал. – 2019. – № 4. – С. 96–99.
14. **Ясперс, К.** Разум и экзистенция / К. Ясперс. – Москва : Канон+ : РООИ «Реабилитация», 2013. – 336 с. – ISBN 978-5-88373-347-4.
15. **Borum, R.** Radicalization into Violent Extremism I: A review of definitions and applications of social science theories / Randy Borum // *Journal of Strategic Security*. – 2012. – No. 4. – Pp. 7–36. – DOI: <http://dx.doi.org/10.5038/1944-0472.4.4.1>.
16. **Conesa, P.** La propagande francophone de Daech: la mythologie du combattant heureux / Pierre Conesa, François Bernard Huyghe, Margaux Chouraqui. – Paris : FMSH : FAVT, 2016. – 265 p. – URL: http://www.fmsch.fr/sites/default/files/rapport_propagande_bdef.pdf (дата обращения: 16.05.2020).
17. **Gelfand, M. J.** Culture and Extremism / M. J. Gelfand, G. LaFree, S. Fahey, E. Feinberg // *Journal of Social Issues*. – 2013. – Vol. 69, № 3. – P. 495–517. – DOI: <https://doi.org/10.1111/josi.12026>.
18. Global Terrorism database. 2020. – URL: <https://www.start.umd.edu/gtd/search/Results.aspx?search=&sa.x=54&sa.y=3> (дата обращения: 16.05.2020).
19. **Haslam, C.** The new psychology of health / Catherine Haslam, Jolanda Jetten, Tegan Cruwys, Genevieve Dingle, S. Alexander Haslam. – London : Routledge, 2018. – 510 p. – ISBN 9781315648569. – DOI: <https://doi.org/10.4324/9781315648569>.
20. **Hogg, M. A.** Self-uncertainty, social identity and the solace of extremism / M. A. Hogg // *Extremism and psychology of uncertainty* / ed. by M. A. Hogg, D. L. Blaylock. – Oxford : Wiley-Blackwell, 2012. – Pp. 19–35. – ISBN 9781444331288.
21. **Hogg, M. A.** Social identity theory / M. A. Hogg // *Contemporary social psychological theories* / ed. by P. J. Burke. – Palo-Alto : Stanford University Press, 2006. – Pp. 111–136. – ISBN 978-0804753470.
22. **Hogg, M. A.** To belong or not to belong: some self-conceptual and behavioural consequences of identity uncertainty / M. A. Hogg // *Revista de Psicologia Social*. – 2015. – Vol. 30. – P. 586–613. – DOI: 10.1080/02134748.2015.1065090.
23. **Hogg, M. A.** Uncertainty and the Roots of Extremism / M. A. Hogg, A. Kruglanski, K. Van den Bos // *Journal of Social Issues*. – 2013. – Vol. 69, № 3. – Pp. 407–418. – DOI: <https://doi.org/10.1111/josi.1202>.
24. Institute for Economics & Peace. Global Terrorism Index 2019: Measuring the Impact of Terrorism (Sydney, November 2019). – URL: <http://visionofhumanity.org/reports> (дата обращения: 16.05.2020).
25. **Jones, C. R.** Are prison really schools for terrorism? Challenging the rhetoric on prison radicalization / C. R. Jones // *Punishment and society*. – 2014. – № 16 (1). – Pp. 74–103. – DOI: <https://doi.org/10.1177/1462474513506482>.
26. **Kende, A.** Putting the social (psychology) into social media / A. Kende, A. Ujhelyi, A. Joinson, T. Greitemeyer // *European Journal of Social Psychology*. – 2015. – Vol. 45. – Pp. 277–278. – DOI: 10.1002/ejsp.2097.
27. **King, M.** The Radicalization of Homegrown Jihadists: A Review of Theoretical Models and Social Psychological Evidence / M. King, D. M. Taylor // *Terrorism and Political Violence*. – 2011. – № 4. – Pp. 602–622. – DOI: <https://doi.org/10.1080/09546553.2011.587064>.
28. **Knudsen, R. A.** Measuring radicalisation: risk assessment conceptualisations and practice in England and Wales / R. A. Knudsen // *Behavioral Sciences of Terrorism and Political Aggression*. – 2020. – Vol. 12. – Pp. 37–54. – DOI: 10.1080/19434472.2018.1509105.
29. **Millana, L.** Terrorism and violence in Spanish prisons: A Brief Glimpse into Prison Environment: Personal Experiences and Reflections / L. Millana // *Cross-Cultural Dialogue as a Conflict Management Strategy* / ed. by J. Martin Ramirez, G. Abad-Quintana. – Verlag : Springer International Publishing, 2018. – P. 138–153. – ISBN 978-3-319-77231-8.
30. **Moliner, P.** Images propagatrices et textes propagandistes dans la communication islamiste / Pascal Moliner, Inna Bovina, Anastasya Tikhonova // 12ème édition du Congrès International de Psychologie Sociale en Langue Française, Louvain-la-Neuve, 4–6.07.2018. – URL: <https://hal.archives-ouvertes.fr/hal-02891359> (дата обращения: 16.05.2020).
31. **Silke, A.** Countering violent extremism in prisons: A review of key recent research and critical research gaps / A. Silke, T. Veldhuis // *Perspectives on Terrorism*. – 2017. – Vol. 11 (5). – URL: <http://www.terrorismanalysts.com/pt/index.php/pot/article/view/640/html> (дата обращения: 16.05.2020).
32. **Wieviorka, M.** From the «classic» terrorism of the 1970s to contemporary «global» terrorism / M. Wieviorka // *Societies under threat* / ed. by D. Jodelet, J. Vala, E. Drozda-Senkowska. – Cham : Springer, 2020. – P. 75–85. – ISBN 978-3-030-39315-1. – DOI: <https://doi.org/10.1007/978-3-030-39315-1>.

REFERENCES

1. Bodrijar ZH. *Duh terorizma. Vojny v Zalive ne bylo* [The spirit of terrorism. There was no Gulf War]. Moscow, 2017. 226 p. (In Russ.).
2. Ermasov E. V. Psihologicheskij stress v usloviyah izolyacii [Psychological stress in isolation]. *Razvitie lichnosti – Development of person*, 2009, no. 2, pp. 84–99. (In Russ.).
3. Zinchenko YU. P., Surnov K. G., Thostov A. SH. Motivaciya terrorista [Motivation of a terrorist]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14. Psihologiya – Bulletin of the Moscow University. Serie 14. Psychology*, 2007, no. 2, pp. 20–34. (In Russ.).
4. Kazberov P. N., Bovin B. G. Obshchaya harakteristika lic, osuzhdennyh za prestupleniya ekstremistskoj i terroristicheskoj napravlenosti [General characteristics of persons convicted of crimes of extremist and terrorist orientation]. *Psihologiya i pravo – Psychology and Law*, 2019, vol. 9, no. 1, pp. 36–53. doi: 10.17759/psylaw.2019090103. (In Russ.).
5. Kazberov P. N., Bovin B. G., Fasolya A. A. Psihologicheskij profil' terrorista [Psychological profile of a terrorist]. *Psihologiya i pravo – Psychology and Law*, 2019, vol. 9, no. 3, pp. 141–157. doi: 10.17759/psylaw.2019090311. (In Russ.).
6. *Kompleksnyj plan protivodejstviya ideologii terorizma v Rossijskoj Federacii na 2019–2023 gody* [Comprehensive plan for countering the ideology of terrorism in the Russian Federation for 2019–2023]. Available at: <https://www.mchs.gov.ru/dokumenty/2632> (accessed 16.05.2020). (In Russ.).
7. Mel'nikova D. V., Debol'skij M. G. Penitencijarnyj stress i osobennosti ego proyavleniya u osuzhdennyh, podozrevaemyh, obvinyaemyh [Penal stress and peculiarities of its manifestation among convicts, suspects, accused]. *Psihologiya i pravo – Psychology and Law*, 2015, vol. 5, no. 2, pp. 105–116. doi: 10.17759/psylaw.2015100208. (In Russ.).
8. Novikova O. N. Inostrannye boeviki-terroristy: oni vozvrashchayutsya [Foreign terrorist fighters: they return]. *Evropejskaya bezopasnost': sobytiya, ocenki, prognozy – European security: events, assessments, forecasts*, 2018, no. 49, pp. 2–4. (In Russ.).
9. Oganessian S. S., Bovin B. G., Kazberov P. N., Dikopol'cev D. E. Problema rasprostraneniya religioznogo ekstremizma v mestah lisheniya svobody [The problem of the spread of religious extremism in places of detention]. *Vedomosti ugolovno-ispolnitel'noj sistemy – Journal of the Penal System*, 2019, no. 3, pp. 51–59. Available at: http://or.fsin.su/vedomosti/detail.php?ELEMENT_ID=462214 (accessed 01.06.2020). (In Russ.).
10. Sundiev I. YU., Smirnov A. A., Kundetov A. I., Fedorov V. P. *Teoriya i praktika informacionnogo protivodejstviya ekstremistskoj i terroristicheskoj deyatel'nosti* [Theory and Practice of Information Counteraction to Extremist and Terrorist Activities]. Vologda, 2014. 240 p. (In Russ.).

11. Tihonova A. D. Social'nye media i molodezh': risk radikalizacii [Social media and youth: the risk of radicalization]. *Psihologiya i pravo – Psychology and Law*, 2018, vol. 8, no. 4, pp. 55–64. doi: 10.17759/psylaw.2018080406. (In Russ.).
12. Tihonova A. D., Dvoryanchikov N. V., Ernst-Vintila A., Bovina I. B. Radikalizaciya v podrostkovo-molodezhnoj srede: v poiskah ob'yasnitel'noj skhemy [Radicalization in adolescents and youth: in search of an explanatory scheme]. *Kul'turno-istoricheskaya psihologiya – Cultural-historical psychology*, 2017, vol. 13, no. 3, pp. 32–40. doi: 10.17759/chp.2017130305. (In Russ.).
13. CHajnikov YU. V. Hosrohavar F. Kiber-Halifat IGLIL. Khosrokhavar F. Le cyber-califat de Daech // Carnet du CAPS. – Paris, 2018. – N 26 – R. 89–100 [Khosrokhavar F. ISIS Cyber Caliphate. Khosrokhavar F. Le cyber-califat de Daech // Carnet du CAPS. – Paris, 2018. – N 26 – P. 89–100]. *Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 9: Vostokovedenie i Afrikanistika – Social and Human Sciences. Domestic and foreign literature. Serie 9: Oriental and African Studies*, 2019, no. 4, pp. 96–99. (In Russ.).
14. YAspers K. *Razum i ekzistenciya* [Mind and Existence]. Moscow, 2013. 336 p.
15. Borum R. Radicalization into Violent Extremism I: A review of definitions and applications of social science theories. *Journal of Strategic Security*, 2012, no. 4, pp. 7–36. doi: <http://dx.doi.org/10.5038/1944-0472.4.4.1>. (In English).
16. Conesa P., Huyghe F. B., Chouraqui M. *La propagande francophone de Daech: la mythologie du combattant heureux*. Paris, 2016. 265 p. Available at: http://www.fmsh.fr/sites/default/files/rapport_propagande_bdef.pdf (accessed 16.05.2020). (In French).
17. Gelfand M. J., LaFree G., Fahey S., Feinberg E. Culture and Extremism. *Journal of Social Issues*, 2013, vol. 69, no 3, pp. 495–517. doi: <https://doi.org/10.1111/josi.12026>. (In English).
18. *Global Terrorism database. 2020*. Available at: <https://www.start.umd.edu/gtd/search/Results.aspx?search=&sa.x=54&sa.y=3> (accessed 16.05.2020). (In English).
19. Haslam C., Jetten J., Cruwys T., Dingle G., Haslam S. A. *The new psychology of health*. London, 2018. 510 p. doi: <https://doi.org/10.4324/9781315648569>. (In English).
20. Hogg M. A. Self-uncertainty, social identity and the solace of extremism. *Extremism and psychology of uncertainty*. Oxford, 2012, pp. 19–35. (In English).
21. Hogg M. A. Social identity theory. *Contemporary social psychological theories*. Palo-Alto, 2006, pp. 111–136. (In English).
22. Hogg M. A. To belong or not to belong: some self-conceptual and behavioural consequences of identity uncertainty. *Revista de Psicologia Social*, 2015, vol. 30, pp. 586–613. doi: 10.1080/02134748.2015.1065090. (In English).
23. Hogg M. A., Kruglanski A., Van den Bos K. Uncertainty and the Roots of Extremism. *Journal of Social Issues*, 2013, vol. 69, no. 3, pp. 407–418. doi: <https://doi.org/10.1111/josi.1202>. (In English).
24. *Institute for Economics & Peace. Global Terrorism Index 2019: Measuring the Impact of Terrorism (Sydney, November 2019)*. Available at: <http://visionofhumanity.org/reports> (accessed 16.05.2020). (In English).
25. Jones C. R. Are prison really schools for terrorism? Challenging the rhetoric on prison radicalization. *Punishment and society*, 2014, no. 16 (1), pp. 74–103. doi: <https://doi.org/10.1177/1462474513506482>. (In English).
26. Kende A., Ujhelyi A., Joinson A., Greitemeyer T. Putting the social (psychology) into social media. *European Journal of Social Psychology*, 2015, vol. 45 pp. 277–278. doi: 10.1002/ejsp.2097. (In English).
27. King M., Taylor D. M. The Radicalization of Homegrown Jihadists: A Review of Theoretical Models and Social Psychological Evidence. *Terrorism and Political Violence*, 2011, no. 4, pp. 602–622. doi: <https://doi.org/10.1080/09546553.2011.587064>. (In English).
28. Knudsen R. A. Measuring radicalisation: risk assessment conceptualisations and practice in England and Wales. *Behavioral Sciences of Terrorism and Political Aggression*, 2020, vol. 12, pp. 37–54. doi: 10.1080/19434472.2018.1509105. (In English).
29. Millana L. Terrorism and violence in Spanish prisons: A Brief Glimpse into Prison Environment: Personal Experiences and Reflections. *Cross-Cultural Dialogue as a Conflict Management Strategy*. Verlag, 2018, pp. 138–153. (In English).
30. Moliner P., Bovina I., Tikhonova A. Images propagatrices et textes propagandistes dans la communication islamiste. *12ème Congrès International de Psychologie Sociale en Langue Française, Louvain-La-Neuve, 4–6 juillet 2018*. Available at: <https://hal.archives-ouvertes.fr/hal-02891359> (accessed 16.05.2020). (In French).
31. Silke A., Veldhuis T. Countering violent extremism in prisons: A review of key recent research and critical research gaps. *Perspectives on Terrorism*, 2017, vol. 11 (5). Available at: <http://www.terrorismanalysts.com/pt/index.php/pot/article/view/640/html> (accessed 16.05.2020). (In English).
32. Wiewiorka M. From the «classic» terrorism of the 1970s to contemporary «global» terrorism. *Societies under threat*. Cham, 2020, pp. 75–85. doi: <https://doi.org/10.1007/978-3-030-39315-1>. (In English).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTORS

БОРИС ГЕОРГИЕВИЧ БОВИН – ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского института ФСИН России, г. Москва, Российская Федерация, кандидат психологических наук, доцент. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9255-7372>, e-mail: bovinbg@yandex.ru

ПАВЕЛ НИКОЛАЕВИЧ КАЗБЕРОВ – старший инспектор по особым поручениям отдела организации психологической работы управления воспитательной, социальной и психологической работы ФСИН России, г. Москва, Российская Федерация, кандидат психологических наук. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2233-0230>, e-mail: opodnii@yandex.ru

ИННА БОРИСОВНА БОВИНА – профессор кафедры клинической и судебной психологии факультета юридической психологии Московского государственного психолого-педагогического университета, доктор психологических наук, доцент. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9497-6199>, e-mail: innabovina@yandex.ru

BORIS G. BOVIN – Leading Researcher of the Research Institute of the Federal Penal Service of Russia, Moscow, Russian Federation, PhD. in Psychology, Associate Professor. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9255-7372>, e-mail: bovinbg@yandex.ru

PAVEL N. KAZBEROV – Senior Inspector for special assignments of the Department of Organizing Psychological Work of the Office of Educational, Social and Psychological Work of the Federal Penal Service of Russia, Moscow, Russian Federation, PhD. in Psychology. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2233-0230>, e-mail: opodnii@yandex.ru

INNA B. BOVINA – Professor of the Department of Clinical and Forensic Psychology of the Legal Psychology Faculty of the Moscow State Psychological and Pedagogical University, Dsc. in of Psychology, Associate Professor. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9497-6199>, e-mail: innabovina@yandex.ru

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

DOI 10.46741/2686-9764-2020-14-3-425-431

УДК 378:343.83

Принцип культуросообразности в профессиональной подготовке специалистов в ведомственных образовательных организациях

Е. И. МЕЩЕРЯКОВА

Воронежский институт МВД России, г. Воронеж, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3726-5283>, e-mail: elenamso@yandex.ru

Реферат. Проблемы современного ведомственного образования, связанные с формированием профессиональной культуры будущих специалистов, требуют выявления и вдумчивого исследования лежащих в их основе противоречий, обоснования возможностей их разрешения. Особенность проведенного нами исследования в том, что оно осуществлено в контексте трех методологических подходов – культурологического, аксиологического и герменевтического. Новизна исследования и полученных результатов связана с его направленностью на формирование не столько лично-профессиональных качеств курсантов, определяемых развитием их общей культуры, сколько качеств, особенно важных для развития профессиональной культуры будущих специалистов с учетом специфики предстоящей правоохранительной деятельности выпускников образовательных организаций ФСИН и МВД России.

По результатам исследования, а также их реализации в образовательной деятельности сформулированы актуальные предложения, позволяющие направить формирование профессиональной культуры будущих специалистов в русло понимания ими гуманистического содержания предстоящей правоохранительной деятельности, а также на развитие таких лично значимых качеств сотрудников правоохранительных органов, которые обеспечивают их морально-нравственную устойчивость под влиянием факторов, вызывающих профессионально-нравственную деградацию, среди которых может быть и взаимодействие с носителями пенитенциарной субкультуры.

Профессиональная подготовка специалистов в ведомственных образовательных организациях, осуществляемая в соответствии с принципом культуросообразности, будет успешной, если: созданы педагогические условия, направляющие образовательную деятельность на достижение понимания обучающимися особенностей субкультуры отдельных социальных групп и их представителей – носителей субкультуры; создано и используется методическое сопровождение аудиторных занятий, а на занятиях для достижения своеобразного «погружения» обучающихся в ситуации правоохранительной деятельности, включающие проявления субкультуры, используются преимущества традиционных и инновационных методов и средств обучения; внеаудиторная воспитательная работа включает мероприятия, отражающие особенности субкультуры объектов предстоящей будущим специалистам правоохранительной деятельности.

Ключевые слова: принцип культуросообразности; пенитенциарная субкультура; формирование профессиональной культуры; педагогический потенциал; методическое сопровождение; профессиональная подготовка.

13.00.01 – Общая педагогика, история педагогики и образования.

Для цитирования: Мещерякова Е. И. Принцип культуросообразности в профессиональной подготовке специалистов в ведомственных образовательных организациях. *Пенитенциарная наука*. 2020; 14(3):425–431. DOI 10.46741/2686-9764-2020-14-3-425-431.

Cultural conformity principle in specialists' professional training in departmental educational organizations

E. I. MESHCHERYAKOVA

Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Voronezh, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3726-5283>, e-mail: elenamsol@yandex.ru

Abstract. The problems of modern departmental education associated with the formation of the professional culture of future specialists require the identification and thoughtful study of the underlying contradictions, substantiation of the possibilities for their resolution. The peculiarity of our research is that it was carried out on the basis and in the context of three methodological approaches - culturological, axiological and hermeneutic. The novelty of the research and the results obtained is related to its focus not so much on the formation of personal and professional qualities of cadets, determined by the development of their general culture, but on the formation of qualities that are especially important for the development of the professional culture of future specialists, taking into account the specifics of the upcoming law enforcement activities of graduates of educational institutions of the Federal Penal Service and the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Based on the results of the study as well as their implementation in educational activities, relevant proposals have been formulated that make it possible to direct the formation of the professional culture of future specialists in the direction of their understanding of the humanistic content of the upcoming law enforcement activity, as well as to the development of such personally significant qualities of law enforcement officers that provide them moral stability under the influence of factors that cause professional and moral degradation, among which there may be interaction with carriers of the penitentiary subculture.

Professional training of specialists in departmental educational organizations, carried out in accordance with the principle of cultural conformity, will be successful if: pedagogical conditions are created that direct educational activities to achieve understanding by students of the peculiarities of the subculture of individual social groups and their representatives – carriers of the subculture; methodological support of classroom lessons has been created and used, and in the classroom, to achieve a kind of «immersion» of students in a situation of law enforcement, including manifestations of subculture, the advantages of traditional and innovative methods and means of teaching are used; extracurricular educational work includes activities that reflect the peculiarities of the subculture of objects for future law enforcement specialists.

Key words: the principle of cultural conformity; penal subculture; formation of professional culture; pedagogical potential; methodological support; professional training.

13.00.01 - General pedagogy, History of pedagogy and education.

For citation: Meshcheryakova E. I. Cultural conformity principle in specialists' professional training in departmental educational organizations. *Penitenciarnaya nauka = Penitentiary Science*. 2020; 14(3):425–431. (In Russ.). DOI 10.46741/2686-9764-2020-14-3-425-431.

Формирование профессиональной культуры курсантов в ведомственных образовательных организациях – многоплановый и противоречивый процесс, исследование которого требует выявления и осмысливания лежащих в его основе противоречий, постановки проблем и их вдумчивого изучения. При этом каждая проблема предстает как многоаспектное образование, применительно к исследованию которого могут использоваться, взаимодействуя и переплетаясь, самые разные подходы и точки зрения. Нами рассматривается проблема формирования профессиональной культуры будущих

специалистов правоохранительных органов с позиции триединства культурологического, аксиологического и герменевтического методологических подходов. При этом лишь один из аспектов проблемы – формирование способности понимать и грамотно использовать в предстоящей профессиональной деятельности пенитенциарную субкультуру. Безусловно, особую роль в таком исследовании играет опора на принцип культуросообразности в обучении, воспитании, личностном развитии курсантов.

Определим актуальность исследования. Как одну из проблем следует выде-

лить прежде всего противоречие между потребностью правоохранительных органов в специалистах, способных осуществлять эффективную профессиональную деятельность с учетом социально-культурных особенностей лиц, нарушающих правовые нормы, и несформированностью у выпускников ведомственных образовательных организаций компетенций, позволяющих действовать в условиях пенитенциарной субкультуры. Еще одна проблема связана с недостаточной разработанностью методического сопровождения образовательной деятельности, учитывающей необходимость понимания пенитенциарной субкультуры, неготовность преподавателей к его разработке и использованию.

В связи с этим исследуемую проблему можно сформулировать следующим образом: как обеспечить эффективное формирование профессиональной культуры будущих специалистов правоохранительных органов с учетом специфики культуросообразного представления о пенитенциарной субкультуре лиц (группы лиц), нарушающих действующее законодательство?

Использование принципа культуросообразности в качестве доминирующего может привести к обоснованию различных выводов в зависимости от предмета исследования и используемых методологических подходов. Предметом нашего исследования определено формирование профессиональной культуры курсантов ведомственных образовательных организаций в аспекте понимания особенностей пенитенциарной субкультуры. Исследование проводилось с позиций культурологического, аксиологического и герменевтического методологических подходов. Культурологический подход (Е. И. Артамонова, Е. В. Бондаревская, Г. И. Гайсина, А. Н. Галагузов, И. Ф. Исаев, Н. В. Петрова, М. И. Ситникова, В. А. Сластенин и др.) потребовал изучения образовательного процесса в ракурсе развития и целостного преобразования личности его субъектов – обучающихся, выявления механизмов «включения личности в культуру и становления ее субъектом» [1, с. 9] культуры, при этом содержание образовательного процесса рассматривалось как обобщенная культура, предназначенная для овладения ее ценностями, а также саморазвития и самореализации личности «как субъекта культуры на основе культурной преемственности» [2, с. 10].

Аксиологический подход (А. И. Арнольдов, Н. А. Асташова, Л. В. Вершинина, П. С. Гуревич, А. Г. Здравомыслов, М. Г. Казакина, С. А. Смирнов, З. И. Равкин, В. П. Тугаринов,

Н. З. Чавчавадзе, Г. И. Чижаква и др.) направил исследование в русло установления взаимосвязи между ценностями, социально-культурными факторами и личностью. При этом, по справедливому утверждению Е. В. и Н. О. Яковлевых, этот подход «применительно к любым направлениям и формам педагогической действительности может использоваться только в культурологическом контексте» [10, с. 87], чем определяется взаимосвязь культурологического и аксиологического подходов в исследовании проблемы формирования профессиональной культуры курсантов в ведомственных образовательных организациях.

Герменевтический подход (Е. Н. Атарщикова, М. М. Бахтин, Н. В. Блажевич, П. П. Гайдено, А. Ф. Закирова, Э. В. Ильенков, Н. В. Малиновская, А. И. Овчинников, А. Е. Писаревский, Н. В. Сердюк, И. И. Сулима, В. А. Суслов, И. Л. Честнови и др.) дополнил исследование изучением направленности образовательной деятельности на обеспечение понимания будущими специалистами значимости пенитенциарной субкультуры в поведении тех субъектов, с которыми им предстоит взаимодействовать в профессиональной деятельности, а также понимания смысла и содержания осуществляемых этими субъектами действий (бездействия), их зависимости от сложившихся традиций, обычаев, требований субкультуры. Направленность на достижение понимания «имеет для педагогики уникальное значение, так как затрагивает интересы всех участников образовательного процесса и проявляет себя на разных его уровнях: от социального заказа образовательной сфере до конкретного методического приема, применяемого преподавателем» [5, с. 229].

Профессиональная культура понимается нами как «интегративное динамически развивающееся личностное образование, объединяющее совокупность правовых и гуманитарных знаний, практических умений осуществления правоохранительной деятельности на основе сформированной системы ценностных ориентаций, определяемых ее правозащитными функциями, где системообразующим элементом является, безусловно, правовая культура» [4, с. 40]. Важными чертами профессиональной культуры являются интегративность и динамизм, а также доминанта правовой культуры в процессе интериоризации, которая, по мнению Т. В. Пушкаревой, «состоит не в простом перемещении внешней деятельности во внутренний план сознания, а в формировании самого этого сознания» [8] обучающихся.

Безусловно, пенитенциарную субкультуру ни в коем случае нельзя рассматривать как элемент профессиональной культуры сотрудника правоохранительных органов, а ее формирование – как составляющую становления и развития профессиональной культуры курсантов в период их обучения в ведомственной образовательной организации. Ведь пенитенциарная субкультура, по мнению ее исследователей, это составная часть «криминальной субкультуры, т.е. обработанной преступным миром под себя системы человеческих ценностей: духовных, интеллектуальных, материальных, эстетических, противопоставленных общественным ценностям» [9, с. 59], «совокупность духовных и моральных ценностей, регламентирующих и упорядочивающих неофициальную (неформальную) жизнь осужденных в местах лишения свободы» [7, с. 12].

Важно учитывать, что атрибуты пенитенциарной субкультуры (жаргон и татуировки, неписанные обычаи и традиции, неформальные нормы поведения, особенности проведения времени и др.) в современной России стали довольно распространенным явлением в самых разных социальных группах, что «тюремная субкультура, благодаря наличию в ней определенной доли романтических моментов, таинственности, необычности, привлекательности, сравнительно легко усваивается, особенно молодежью» [11, с. 7]. Еще важнее понимать то пагубное, разрушающее личность влияние, которое оказывает пенитенциарная субкультура как на тех, кто пребывает в местах лишения свободы, так и на тех, кто потенциально может оказаться среди них. А для этого уже в процессе формирования профессиональной культуры будущих специалистов правоохранительных органов в период обучения в ведомственных образовательных организациях необходимо создать условия как для получения курсантами необходимых знаний в области пенитенциарной субкультуры, так и для приобретения ими умений и навыков использовать эти знания в профессиональной правоохранительной деятельности. Полезно сформировать и определенный иммунитет (невосприимчивость, сопротивляемость) сотрудников правоохранительных органов к влиянию пенитенциарной субкультуры.

Какова же роль принципа культуросообразности в формировании профессиональной культуры сотрудников правоохранительных органов посредством изучения пенитенциарной субкультуры? Следует напомнить, что, согласно принципу культуросообразности (А. Дистервег), «та ступень

культуры, на которой мы находимся в данное время, предъявляет к нам требование, чтобы мы действовали сообразно с ней, если только хотим добиться положительных результатов. Иными словами, мы должны поступать культуросообразно» [3, с. 229]. Это означает, что сотрудники правоохранительных органов должны знать пенитенциарную субкультуру, чтобы эффективно осуществлять свою профессиональную деятельность.

Формирование профессиональной культуры курсантов как будущих сотрудников правоохранительных органов осуществляется в культурно-образовательном пространстве ведомственных образовательных организаций, где формируются такие важнейшие ее (профессиональной культуры) составляющие, как правовая культура и культура правоохранительной деятельности. Неотъемлемыми личностно-профессиональными качествами являются развитый интеллект, дисциплинированность и ответственность, устойчивая правоохранительная направленность мировоззрения, широкий кругозор и способность к творчеству, гармония физического и умственного развития, гуманизм интересов и потребностей, развитое чувство долга и др. Именно эти качества, позволяют эффективно осуществлять профессиональную деятельность, связанную с взаимодействием с лицами, пребывающими в местах лишения свободы, а также с теми, кто потенциально может оказаться среди них.

Для курсантов, подготовка которых в ведомственных образовательных организациях осуществляется по специальности 40.05.02 Правоохранительная деятельность, своеобразное «соприкосновение» с элементами пенитенциарной субкультуры наблюдается в процессе изучения дисциплин «Криминология» и «Профессиональная этика». На занятиях по криминологии курсанты знакомятся с субкультурой в аспекте ее влияния на пенитенциарную преступность – «самодетерминирующийся вид преступности, повторяющий общие закономерности ее развития опосредованно, через глубинные криминогенные процессы, происходящие в период исполнения и отбывания наказания» [6, с. 55]. При этом субъектами противоправных деяний могут быть как лица, отбывающие наказания, так и сотрудники пенитенциарных учреждений, большинство из которых – выпускники ведомственных образовательных организаций. Причины соучастия сотрудников уголовно-исполнительной системы в пенитенциарной преступности могут быть различными, но одна из них – недостаточная сформированность професси-

ональной культуры сотрудников, в том числе и в период обучения в ведомственных образовательных организациях, – должна стать предметом педагогического исследования.

При обучении курсантов важно развеять мифы о романтике, таинственности, привлекательности пенитенциарной субкультуры, убедить в ее пагубном, разрушающем влиянии на личность. Последнее особенно важно для профилактики преступности в молодежной среде.

Знания, полученные курсантами в процессе изучения криминологии, должны быть дополнены на занятиях по профессиональной этике. Именно в курсе «Профессиональная этика» курсанты изучают морально-нравственные основы профессиональной деятельности сотрудников правоохранительных органов, ее гуманистическое содержание, приобретают умения к осуществлению профессиональной деятельности в соответствии с нравственными принципами, которые в реальной правоохранительной деятельности должны стать устойчивыми навыками. Организация изучения этих важнейших для формирования профессиональной культуры будущих специалистов дисциплин в соответствии с принципом культуросообразности может обеспечить достижение такого уровня сформированности и устойчивости их профессионально- и личностно значимых качеств, который позволит не только повысить эффективность правоохранительной деятельности, но и предотвратить профессионально-нравственную деформацию, в том числе и под влиянием факторов пенитенциарной субкультуры.

Важно, чтобы в образовательном процессе использовались адекватные методическое сопровождение, включающее рациональную интеграцию форм, методов и средств в рамках используемых педагогических технологий, причем как на аудиторных занятиях, так и во внеаудиторной (в том числе и самостоятельной) деятельности курсантов. Практика показывает, что значительным потенциалом в этой связи обладают наглядно-иллюстративные методы, которые позволяют курсантам «погрузиться» в среду пенитенциарной культуры, прочувствовать ее губительное влияние на личность. Так, например, в сочетании с интерактивными методами коллективного обсуждения видеоматериалов наглядно-иллюстративные методы при грамотной организации педагогического взаимодействия позволяют достичь высокой степени воздействия на сознание обучающихся, стимулируя тем самым формирование их профессиональной культуры.

Большим педагогическим потенциалом обладает и метод ситуационного анализа, когда для изучения вариантов эффективно и обоснованного поведения сотрудников предлагаются ситуации, взятые из практики правоохранительной деятельности. Для курсантов образовательных организаций ФСИН России в аспекте пенитенциарной субкультуры это ситуации, в которых проявляются традиции и неписаные законы криминальных группировок пенитенциарного учреждения, их иерархия, коммуникативные, экономические, сексуальные и иные атрибуты взаимоотношений носителей пенитенциарной субкультуры. Для курсантов образовательных организаций МВД России это главным образом ситуации профилактической работы с теми, кто с высокой долей вероятности может пополнить ряды находящихся в местах лишения свободы. Особую роль в анализе ситуаций правоохранительной деятельности играет в том числе и поддержание взаимосвязи между ценностями, социально-культурными факторами и личностью, соответствующей аксиологической направленности деятельности.

В связи с ограниченностью времени, которое может быть отведено на аудиторных занятиях в процессе изучения дисциплин «Криминология» и «Профессиональная этика» для понимания курсантами пенитенциарной субкультуры, полезно использовать для этого внеаудиторное время, в частности работу курсантов в научных кружках. Опыт показывает, что и подготовка, и заслушивание докладов по темам, так или иначе связанным с тюремной субкультурой, вызывают большой интерес обучающихся и сопровождаются активным коллективным обсуждением, которое очень важно направить в русло формирования у будущих специалистов профессиональной культуры.

По результатам проведенного исследования можно сформулировать следующие выводы:

- использование при исследовании проблемы повышения эффективности формирования профессиональной культуры будущих специалистов правоохранительных органов триединства методологических подходов (культурологического, аксиологического, герменевтического) позволяет выявить противоречия, разрешение которых может иметь существенное значение для совершенствования образовательной деятельности ведомственных образовательных организаций;
- формирование профессиональной культуры курсантов ведомственных образовательных организаций в русле понима-

ния гуманистического содержания предстоящей правоохранительной деятельности предполагает становление личностно значимых качеств, обеспечивающих их морально-нравственную устойчивость, в том числе устойчивость под влиянием факторов, вызывающих профессионально-нравственную деградацию, среди которых могут быть и факторы пенитенциарной субкультуры;

– применение принципа культуросообразности в образовательной деятельности, когда она направлена на достижение цели формирования профессиональной культуры будущих специалистов, требует такого ее содержательного наполнения, при котором обеспечивается понимание культуры тех, в отношении кого осуществляется правоохранительная деятельность, при одновременном достижении обучающимися уровня профессиональной культуры, необходимого и достаточного для такого понимания.

Обобщая результаты исследования и практику их реализации в образовательном процессе, можно определить следующие направления повышения эффективности формирования профессиональной культуры будущих специалистов правоохранительных органов с учетом специфики культуросообразного представления о субъектах взаимодействия:

– создание педагогических условий, обеспечивающих направленность образо-

вательной деятельности на понимание обучающимися особенностей субкультуры социальных групп, с которыми и в отношении которых осуществляется профессиональная правоохранительная деятельность, а также на восприятие их отдельных представителей как носителей субкультуры;

– разработка методического сопровождения аудиторных занятий (диагностика проблем и информационный поиск, обоснование возможных путей и способов их решения, методическое обеспечение занятий и др.), обеспечивающего формирование личностно-профессиональных качеств курсантов в процессе культуросообразного взаимодействия субъектов образовательной деятельности;

– интеграция на аудиторных занятиях преимуществ традиционных и инновационных методов и средств обучения, позволяющих достигать своеобразного «погружения» обучающихся в ситуации правоохранительной деятельности, включающие проявления субкультуры тех лиц, социальных групп и др., с кем осуществляется профессиональное взаимодействие, в том числе как один из возможных вариантов – и представителей пенитенциарной субкультуры;

– организация и проведение внеаудиторной воспитательной работы с курсантами, включающей мероприятия, отражающие особенности тюремной субкультуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Гайсина, Г. И.** Культурологический подход в теории и практике педагогического образования : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора педагогических наук / Гайсина Гузель Иншаровна. – Москва, 2002. – 37 с.
2. **Галагузов, А. Н.** Культурологический подход в профессиональной подготовке специалистов социальной сферы : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора педагогических наук / Галагузов Алексей Николаевич. – Москва, 2011. – 41 с.
3. **Дистервег, А.** Избранные педагогические сочинения / А. Дистервег. – Москва : Учпедгиз, 1956. – 374 с.
4. **Мещерякова, Е. И.** К вопросу о формировании профессионально-педагогической культуры будущих педагогов-исследователей в процессе педагогической практики / Е. И. Мещерякова // Воронежская педагогическая школа: опыт прошлого – вызовы современности : материалы международной научно-практической конференции (Воронеж, 6–7 апреля 2018 г.). – Воронеж : Ритм, 2018. – С. 39–41. – ISBN 978-5-6041905-2-4.
5. **Мещерякова, Е. И.** Формирование готовности курсантов к действиям в экстремальных ситуациях с позиций герменевтического подхода / Е. И. Мещерякова, М. А. Сибирко // Вестник Воронежского института ФСИН России. – 2017. – № 3. – С. 228–233.
6. Пенитенциарная криминология : учебник / под редакцией Ю. М. Арутюняна, А. Я. Гришко, А. П. Фильченко. – Рязань : Академия ФСИН России, 2009. – 566 с. – ISBN 978-5-7743-0270-3.
7. **Писарев, О. М.** Психология пенитенциарного социума / О. М. Писарев // Хрестоматия по юридической психологии. Особенная часть. Пенитенциарная психология. – Томск : Томский филиал ФГОУ ВПО Кузбасский институт ФСИН России, 2007. – С. 12–52.
8. **Пушкарева, Т. В.** Проблема интериоризации знаний в психолого-педагогической науке / Т. В. Пушкарева // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 1-1. – URL: <http://science-education.ru/ru/article/view?id=17247> (дата обращения: 19.02.2020).
9. **Смирнов, Л. Б.** Особенности пенитенциарной субкультуры / Л. Б. Смирнов // Криминология: вчера, сегодня, завтра. – 2018. – № 2 (49). – С. 57–61.
10. Яковлев, Е. В. Аксиологический подход в педагогическом исследовании: сущность, значение, проблемы реализации / Е. В. Яковлев, Н. О. Яковлева // Современная высшая школа: инновационный аспект. – 2010. – № 3. – С. 85–92.
11. **Яковлев, Н. А.** Тюремная (пенитенциарная) субкультура как криминогенный фактор и перспективы нейтрализации ее негативного влияния : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Яковлев Никита Александрович. – Елец, 2006. – 228 с.

REFERENCES

1. Gajsina G. I. *Kul'turologicheskij podhod v teorii i praktike pedagogicheskogo obrazovaniya*. Avtoref. diss. dokt. ped. nauk [Cultural approach in the theory and practice of teacher education. Author's abstract of diss. Dsc. in Pedagogy]. Moscow, 2002. 37 p. (In Russ.).
2. Galaguzov A. N. *Kul'turologicheskij podhod v professional'noj podgotovke specialistov social'noj sfery*. Avtoref. diss. dokt. ped. nauk [Cultural approach in the professional training of specialists in the social sphere. Author's abstract of diss. Dsc. in Pedagogy]. Moscow, 2011. 41 p. (In Russ.).
3. Disterveg A. *Izbrannye pedagogicheskie sochineniya* [Selected pedagogical essays]. Moscow, 1956. 374 p. (In Russ.).
4. Meshcheryakova E. I. K voprosu o formirovanii professional'no-pedagogicheskoy kul'tury budushchih pedagogov-issledovatelej v processe pedagogicheskoy praktiki [On the formation of the professional and pedagogical culture of future pedagogical researchers in the process of pedagogical practice]. *Materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii «Voronezhskaya pedagogicheskaya shkola: opyt proshlogo – vyzovy sovremennosti»* [Materials of the international scientific and practical conference «Voronezh Pedagogical School: Experience of the Past – Challenges of the Present»]. Voronezh, 2018, pp. 39–41. (In Russ.).
5. Meshcheryakova E. I., Sibirko M. A. Formirovanie gotovnosti kursantov k dejstviyam v ekstremal'nyh situacijah s pozicij germenevticheskogo podhoda [Formation of cadets' readiness to act in extreme situations from the standpoint of the hermeneutic approach]. *Vestnik Voronezhskogo instituta FSIN Rossii – Bulletin of the Voronezh Institute of the Federal Penal Service of Russia*, 2017, no. 3, pp. 228–233. (In Russ.).
6. Arutyunyan YU. M., Grishko A. YA., Fil'chenko A. P. (red.) *Penitencijarnaya kriminologiya* [Penal criminology]. Ryazan, 2009. 566 p. (In Russ.).
7. Pisarev O. M. Psihologiya penitencijarnogo sociuma [Psychology of the penal society]. *Hrestomatiya po yuridicheskoy psihologii. Osobennaya chast'*. *Penitencijarnaya psihologiya* [A reader on legal psychology. The special part. Penal psychology]. Tomsk, 2007, pp. 12–52. (In Russ.).
8. Pushkareva T. V. Problema interiorizacii znanij v psihologo-pedagogicheskoy nauke [The problem of interiorization of knowledge in psychological and pedagogical science]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya – Modern problems of science and education*, 2015, no. 1-1. Available at: <http://science-education.ru/ru/article/view?id=17247> (accessed 19.02.2020). (In Russ.).
9. Smirnov L. B. Osobennosti penitencijarnoj subkul'tury [Features of the penal subculture]. *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra – Criminology: yesterday, today, tomorrow*, 2018, no. 2 (49), pp. 57–61. (In Russ.).
10. YAKovlev E. V., YAKovleva N. O. Aksiologicheskij podhod v pedagogicheskom issledovanii: sushchnost', znachenie, problemy realizacii [Axiological approach in pedagogical research: essence, meaning, problems of implementation]. *Sovremennaya vysshaya shkola: innovacionnyj aspekt – Modern higher education: an innovative aspect*, 2010, no. 3, pp. 85–92. (In Russ.).
11. YAKovlev N. A. *Tyuremnaya (penitencijarnaya) subkul'tura kak kriminogennyj faktor i perspektivy nejtralizacii ee negativnogo vliyaniya*. Diss. kand. yurid. nauk [The prison (penal) subculture as a criminogenic factor and prospects for neutralizing its negative influence. Diss. PhD. in Law]. Yelets, 2006. 228 p. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTORS

ЕЛЕНА ИВАНОВНА МЕЩЕРЯКОВА – профессор кафедры социально-гуманитарных дисциплин Воронежского института МВД России, г. Воронеж, Российская Федерация, доктор педагогических наук, профессор. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3726-5283>, e-mail: elenamsol@yandex.ru

ELENA I. MESHCHERYAKOVA – Professor of the Department of Social and Humanitarian Disciplines of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Voronezh, Russian Federation, Dsc, in Pedagogics, Professor. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3726-5283>, e-mail: elenamsol@yandex.ru

DOI 10.46741/2686-9764-2020-14-3-431-436

УДК 378.046.4

Методика организации работы с буферами обмена данных в программном комплексе АКУС при обучении сотрудников территориальных органов на курсах повышения квалификации и профессиональной переподготовки начальников отрядов исправительных учреждений

А. А. БАБКИН

Вологодский институт права и экономики ФСИН России, г. Вологда, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8033-1747>, e-mail: aleksei_babkin@mail.ru

Реферат. В соответствии с Концепцией развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 г. одним из ключевых направлений в процессе исправления осужденных является применение передовых методов и методик орга-

низации воспитательной работы, предполагающих грамотное построение сотрудником отношений с лицами, отбывающими наказание. Воспитательную работу с осужденными осуществляет каждый сотрудник исправительного учреждения. Вместе с тем на начальника отряда возлагается наибольшая нагрузка, связанная с организацией и подготовкой различных материалов и документов, проведением культурно-массовых, физкультурных мероприятий, а также кружковой работы со специальным контингентом. Для выполнения всего комплекса мероприятий необходимо создать достойные условия труда, оборудовать рабочее место начальника отряда (сотрудника отдела воспитательной работы с осужденными) специальными программными средствами.

В статье исследуются прикладные аспекты использования современных программных средств автоматизации служебной деятельности в сфере осуществления воспитательной работы с осужденными. Рассматривается методика организации работы в среде программного комплекса АКУС ИК (КП) для сотрудников территориальных органов, обучающихся на курсах профессиональной переподготовки и повышения квалификации начальников отрядов исправительных учреждений. Предлагается алгоритм создания и дальнейшего применения буфера обмена данными для воспитательной работы в ПК АКУС. Описывается возможность оптимизации работы при заполнении данных об абонентах картотеки начальником отряда.

Ключевые слова: воспитательная работа с осужденными; начальник отряда; информатизация; автоматизация; специальные программные средства; программный комплекс АКУС; буфер обмена данными; опрос; профессиональная переподготовка.

13.00.01 – Общая педагогика, история педагогики и образования.

Для цитирования: Бабкин А. А. Методика организации работы с буферами обмена данными в программном комплексе АКУС при обучении сотрудников территориальных органов на курсах повышения квалификации и профессиональной переподготовки начальников отрядов исправительных учреждений. *Пенитенциарная наука*. 2020; 14(3):431–436. DOI 10.46741/2686-9764-2020-14-3-431-436.

Methods of organizing work with data exchange buffers in the AKUS software complex when training employees of territorial bodies in advanced training courses and professional retraining of units heads of the penal institutions

A. A. BABKIN

Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Vologda, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8033-1747>, e-mail: aleksei_babkin@mail.ru

Abstract. In accordance with the Concept for the Development of the Penal System of the Russian Federation until 2020 one of the key directions in the process of correcting convicts is the use of advanced methods and methods of organizing educational work, which imply a competent building of relations by an employee with persons serving a sentence. Each employee of the correctional institution carries out educational work with convicts. At the same time the chief of the detachment has the greatest burden associated with the organization and preparation of various materials and documents, the conduct of cultural and physical activities, as well as the organization of circle work with a special contingent. To carry out the entire range of measures, it is necessary to create decent working conditions, equip the workplace of the head of the detachment (employee of the department for educational work with convicts) with special software.

The article examines the applied aspects of using modern software for the automation of office activities in the field of educational work with convicts. The article discusses the methodology for organizing work in the environment of the AKUS IK (KP) software complex for employees of territorial bodies enrolled in professional retraining and advanced training courses for heads of correctional institutions. An algorithm for the creation and further use of the data exchange clipboard for educational work in the AKUS software complex is proposed. The article describes the possibility of optimizing the work when filling in the data on the subscribers of the card index by the head of the detachment.

Key words: educational work with convicts; squad leader; informatization; automation; special software; the AKUS software complex; data exchange buffer; survey; professional retraining.

13.00.01 – General pedagogy, history of pedagogy and education.

For citation: Babkin A. A. Methods of organizing work with data exchange buffers in the AKUS software complex when training employees of territorial bodies in advanced training courses and professional retraining of units heads of the penal institutions. *Penitenciarnaya nauka = Penitentiary Science*. 2020; 14(3):431–436. (In Russ.). DOI 10.46741/2686-9764-2020-14-3-431-436.

Современный этап развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации направлен на реформирование принципов, методов, нормативно-правовой базы, концепции исполнения наказаний, в том числе для дальнейшей гуманизации и совершенствования ее деятельности [1; 8]. Ключевую роль в этом процессе играют передовые методы и методики воспитательной работы с осужденными, предполагающие грамотное построение сотрудником отношений с лицами, отбывающими наказание [6].

Воспитательные функции в той или иной степени выполняет каждый сотрудник исправительного учреждения, но именно начальники отрядов несут наибольшую нагрузку в этой области [5]. В число многочисленных задач, которые данным сотрудникам ежедневно необходимо решать, входят: проведение с осужденными занятий по социально-правовому информированию; подготовка необходимых материалов по вопросам представления осужденных к условно-досрочному освобождению, помилованию, изменению условий отбывания наказания осужденными; организация и проведение со спецконтингентом просветительских, культурно-массовых, физкультурно-спортивных мероприятий, а также кружковой работы. По данным официального сайта ФСИН России, в настоящее время воспитательные службы насчитывают более шести тысяч сотрудников при средней нагрузке на одного начальника отряда около 83 осужденных.

В соответствии с положениями Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 г. в учреждениях и органах предлагается внедрить электронное делопроизводство, включая оснащение автоматизированными рабочими местами. Поэтому и в сфере воспитательной работы с осужденными ведение документации на бумажных носителях постепенно уходит в прошлое. В практику деятельности отделов воспитательной работы с осужденными исправительных учреждений внедряется электронный документооборот. Большинство рабочих мест начальников отрядов оснащаются персон-

альными компьютерами с установленным на них программным обеспечением специального назначения.

В связи с этим одной из приоритетных задач, стоящих перед сотрудниками, является формирование умения грамотно применять в своей работе современные специализированные программные средства (ПК АКУС, СЭД УИС, Psychometric Expert, «Парус» и др.) [4]. С точки зрения Э. Б. Лунченковой и Н. В. Горячевой, освоение сотрудниками территориальных органов данных специальных программных средств и ресурсов способствует повышению качества подготовки современного специалиста [9]. В подготовку кадров, в полной мере владеющих такими программными средствами, активно включаются ведомственные образовательные организации. Помимо обучения курсантов, студентов и слушателей Вологодский институт права и экономики ФСИН России занимается реализацией программ профессионального обучения, переподготовки и повышения квалификации сотрудников территориальных органов ФСИН России по целому ряду направлений. Ежегодно на базе института проводится обучение по программе профессиональной переподготовки «Организация воспитательной работы с осужденными в учреждениях уголовно-исполнительной системы» и на курсах повышения квалификации по программе «Организация воспитательной работы с осужденными». В рамках курса «Информационные технологии в профессиональной деятельности» преподаются основы работы в среде программного комплекса АКУС (автоматизированная картотека учета спецконтингента).

В системе информатизации ФСИН России автоматизация специальных учетов подследственных и осужденных занимает особое место. Своевременное, достоверное и быстрое заполнение информации об абоненте картотеки (осужденном, подследственном) обеспечивает эффективную организацию труда в учреждении [7, с. 240].

Программный комплекс АКУС представляет собой информационно-поисковую систему с возможностью ввода, накопления, ото-

бражения, изменения и обобщения данных об абонентах персонального картотечного учета специального контингента в исправительных учреждениях уголовно-исполнительной системы, а также предоставления сведений вышестоящим подразделениям ФСИН России и другим силовым правоохранительным ведомствам. Отметим, что ПК АКУС обнаруживает гибкие возможности как при установке, так и во время эксплуатации. Активные пользователи программы в пределах одного учреждения могут работать с единой базой данных, имея доступ к актуальной информации в пределах установленных администратором комплекса ограничений.

По мнению О. К. Хотькиной, ПК АКУС становится ключевым программным продуктом, предназначенным для автоматизации учета в учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы [10]. Кроме того, как отмечают О. К. Бескровных и М. О. Савинова, принято решение о придании ПК АКУС статуса государственной информационной системы, а поэтому для дальнейшего успешного развития данного комплекса необходимы дополнительные условия: создание системы безопасности, разработка значительного пакета документации и др. [3]. Отметим также, что на современном этапе функционирования уголовно-исполнительной системы ПК АКУС помимо прочих задач должен обеспечивать единую систему пенитенциарной, социальной, воспитательной и психологической работы с осужденными.

Как уже указывалось, изначально ПК АКУС применялся в служебной деятельности сотрудниками отделов и служб специального учета для заполнения и редактирования данных о подсудимых и осужденных. В настоящее время сфера его приложения расширилась: значительная часть отделов и служб учреждений и органов уголовно-исполнительной системы использует программный комплекс в служебной деятельности. Так, например, начальнику отряда исправительной колонии приходится ежедневно обращаться к ресурсам автоматизированной картотеки по осужденным.

В соответствии с утвержденными требованиями сотрудники отдела воспитательной работы с осужденными осуществляют заполнение и редактирование следующих разделов картотеки:

- раздел «Условия содержания» (взыскания, поощрения);
- раздел «ИВР» (воспитательная работа, решение СВО, дневник ИВР);

- раздел «Дополнительно» (характеристика, обучение осужденного);

- раздел «Электронное личное дело» [2].

Как показывает практика, использование в служебной деятельности начальника отряда ресурсов ПК АКУС заметно сокращает время на подготовку различных справок, иных документов. Среди начальников отрядов, прибывающих на курсы, есть как новички, имеющие только базовые знания по автоматизации, заполнению и редактированию данных в среде АКУС, так и уже опытные пользователи. Ведение преподавателем постоянного диалога с группой слушателей, совместное обсуждение вопросов, решение задач практического характера позволяют повысить уровень начальных знаний и способствуют дальнейшему развитию навыков работы в среде АКУС у опытных пользователей.

Большинство слушателей заявляют о том, что сталкиваются со следующей проблемой на рабочих местах: при выполнении определенных операций в среде АКУС начальник отряда вынужден многократно переносить (копировать) данные из одной записи таблицы (формы) в другую. В целях оптимизации данного процесса под руководством преподавателя на курсах была предпринята попытка сконструировать буфер обмена данными (для воспитательной работы) с возможностью дальнейшей его интеграции в имеющиеся инструменты.

Буферы обмена данными предназначены для облегчения ввода данных об абонентах картотеки за счет исключения повторного ввода совпадающей информации. Они позволяют копировать информацию из одной записи линейной формы в другую, а также данные из одной записи в несколько. Работать с буферами можно только в рамках выбранной таблицы базы данных. Это одно из ограничений функционирования данного компонента АКУС.

Предлагаем рассмотреть алгоритм решения поставленной задачи на примере организации работы с программой ПК АКУС для исправительных колоний (ПК АКУС ИК (КП)):

1. В арсенале ПК АКУС ИК (КП) существуют уже готовые буферы обмена. За работу с буферами отвечает специальный модуль программы. Создаем новый буфер обмена, осуществляем ввод названия («Буфер для воспитательной работы») и выбор таблицы данных («ИВР, проводимая с осужденным»).

2. В структуре буфера добавляем все поля таблицы данных в верхнее поле (в структуру формы «ИВР, проводимая с осуж-

денным»). Закрываем окно, сохранив введенные данные.

3. Отмечаем в картотеке тех абонентов (осужденных), которым необходимо внести одинаковые записи по проведенной сотрудником воспитательной работе.

4. Формируем (заносим) необходимую запись для одного из выделенных абонентов, используя соответствующую форму.

5. Используя контекстное меню, вызываем буфер для воспитательной работы, выбираем «Буферы обмена – копировать».

6. Для разноски скопированной в буфер обмена информации, используя контекстное меню, выбираем пункт «Вставить».

Таким образом, благодаря буферам обмена информацию по проведенной воспитательной работе с одним осужденным можно разносить (скопировать) по целой группе абонентов картотеки. Описанная операция призвана оптимизировать процесс заполнения (редактирования) данных в среде ПК АКУС начальником отряда исправительного учреждения.

В ходе учебных занятий с группами слушателей факультета повышения квалификации и профессионального обучения (категория «Начальники отрядов») проводился опрос в целях выявления проблемных моментов в практической деятельности сотрудников, а также улучшения качества преподавания и подачи материала. Значительная часть респондентов (95,5 %) отметила наличие трудностей с запросной и отчетной системами (модулями) на местах при работе в среде ПК АКУС. Сотрудники выделяют именно эти темы как нуждающиеся в более детальном изучении на курсах (92,3 %). Слушатели также назвали в числе важных для своей практической деятельности следующие разделы:

– организация работы с буферами обмена данных (87,5 %);

– грамотное заполнение и редактирование данных по абоненту картотеки (органи-

зация работы с формами, таблицами, справочниками) (76 %);

– копирование-перенос данных (экспорт-импорт запросов, отчетов, данных по абонентам) (91,2 %).

Проведенный опрос позволил обозначить направления дальнейшей работы по совершенствованию методики и качества преподавания некоторых тем и разделов на курсах профессиональной переподготовки и повышения квалификации сотрудников территориальных органов.

Сфера применения современных информационных технологий и средств коммуникации весьма обширна – начиная с обеспечения выполнения рутинных операций по формированию документов и организации служебной переписки и заканчивая системным анализом, поддержкой принятия управленческих решений, автоматизацией проектирования сложных систем. Средства вычислительной техники, коммуникации позволяют различным организациям, учреждениям, отдельным сотрудникам получать достоверную, полную и своевременную информацию, необходимую для выработки и принятия оптимальных решений. На сегодняшний день в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы накоплен значительный опыт автоматизации картотечных учетов, сотрудники постоянно повышают общий уровень компьютерной грамотности. Представляется, что более глубокое изучение отдельных областей работы с программной средой АКУС (поисковые возможности, алгоритмы создания новых запросов, экспорт и импорт данных, буферы обмена данных) сотрудниками территориальных органов будет способствовать усилению практической составляющей образования, а также выработке новых видов деятельности в процессе профессиональной переподготовки и повышения квалификации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Антипов, А. Н.** Правовые основы обеспечения безопасности в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы / А. Н. Антипов, Б. А. Спасенников // Всероссийский криминологический журнал. – 2018. – Т. 12, № 6. – С. 925–935. – DOI: 10.17150/2500-4255.2018.12(6).925-935.
2. **Бабкин, А. А.** Средства автоматизации служебной деятельности начальника отряда (на примере использования ПК АКУС ИК) / А. А. Бабкин // Информационно-техническое обеспечение деятельности уголовно-исполнительной системы на современном этапе : сборник материалов научно-практического семинара (Вологда, 27 октября 2016 г.) / ответственный редактор А. А. Бабкин. – Вологда : ВИПЭ ФСИН России, 2017. – С. 3–6. – ISBN 978-5-94991-385-7.
3. **Бескровных, О. К.** Вопросы разработки и внедрения информационных систем в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы / О. К. Бескровных, М. О. Савинова // Сборник научных работ сотрудников ФКУ НИИИТ ФСИН России. – Тверь : НИИИТ ФСИН России, 2017. – С. 53–56. – ISBN 978-5-9907183-3-3.
4. **Боровик, П. Л.** Некоторые вопросы организации информационного обеспечения в органах и учреждениях уголовно-исполнительных систем Российской Федерации и Республики Беларусь / П. Л. Боровик, В. В. Лавренов, А. А. Бабкин [и др.] // Информационные технологии в управлении, обучении, правоохранительной деятельности : сборник материалов IV международной электронной научной конференции. – Вологда : ВИПЭ ФСИН России, 2016. – С. 4–12. – ISBN 978-5-94991-346-8.

5. **Зауторова, Э. В.** К вопросу о профессиональных качествах начальника отряда исправительного учреждения / Э. В. Зауторова // Вопросы педагогики. – 2019. – № 1. – С. 34–36.
6. **Зауторова, Э. В.** Направления воспитательной работы с осужденными в местах лишения свободы : учебное пособие / Э. В. Зауторова. – Вологда : ВИПЭ ФСИН России, 2019. – 194 с. – ISBN 978-5-94991-479-3.
7. Информатика и информационные технологии в профессиональной деятельности : учебник / под редакцией В. П. Корячко, М. И. Купцова. – Рязань : АПУ ФСИН России, 2016. – 355 с. – ISBN 978-5-7743-0767-8.
8. **Кибальник, А. Г.** Российские диссертационные исследования уголовного наказания: основные тренды в 2010–2019 годах / А. Г. Кибальник, П. В. Волосюк, Р. З. Абдулгалиев // Всероссийский криминологический журнал. – 2019. – Т. 13, № 4. – С. 825–836. – DOI: 10.17150/2500-4255.2019.13(5).825-836.
9. **Лунченко, Э. Б.** Интерактивный курс как современная методика получения практических навыков сотрудниками УИС / Э. Б. Лунченко, Н. В. Горячева // Пенитенциарная безопасность: национальные традиции и зарубежный опыт : материалы всероссийской научно-практической конференции. – Самара, 2019. – С. 139–143. – ISBN 978-5-91612-251-0.
10. **Хотькина, О. К.** Использование учебного рабочего места «Инспектор отдела специального учета» в реализации практической направленности обучающихся / О. К. Хотькина // Организация образовательного процесса в вузах: современное состояние, проблемы и перспективы : сборник материалов научно-методической конференции (30–31 марта 2017 г.). – Рязань : АПУ ФСИН России, 2017. – С. 275–280. – ISBN 978-5-7743-0817-0.

REFERENCES

1. Antipov A. N., Spasennikov B. A. Pravovye osnovy obespecheniya bezopasnosti v uchrezhdeniyah i organah ugovolno-ispolnitel'noj sistemy [Legal framework for ensuring security in institutions and bodies of the penal system]. *Vserossijskij kriminologicheskij zhurnal – All-Russian criminological journal*, 2018, vol. 12, no. 6, pp. 925–935. doi: 10.17150/2500-4255.2018.12(6).925-935. (In Russ.).
2. Babkin A. A. Sredstva avtomatizatsii sluzhebnoj deyatel'nosti nachal'nika otryada (na primere ispol'zovaniya PK AKUS IK) [Automation tools for the service activities of the squad leader (for example, using the PC AKUS IK)]. *Sbornik materialov nauchno-prakticheskogo seminarina «Informacionno-tekhicheskoe obespechenie deyatel'nosti ugovolno-ispolnitel'noj sistemy na sovremennom etape»* [Collection of materials of the scientific and practical seminar «Information and technical support of the activities of the penal system at the present stage»]. Vologda, 2017, pp. 3–6. (In Russ.).
3. Beskrovnyh O. K., Savinova M. O. Voprosy razrabotki i vnedreniya informacionnyh sistem v uchrezhdeniyah i organah ugovolno-ispolnitel'noj sistemy [Development and implementation of information systems in institutions and agencies of the penal system]. *Sbornik nauchnyh rabot sotrudnikov FKU NIIT FSIN Rossii* [Collection of scientific papers by employees of the Research Institute of Information Technologies of the Federal Penal Service of Russia]. Tver, 2017, pp. 53–56. (In Russ.).
4. Borovik P. L., Lavrenov V. V., Babkin A. A., Kryukova D. YU., CHERKASOVA M. A. Nekotorye voprosy organizatsii informacionnogo obespecheniya v organah i uchrezhdeniyah ugovolno-ispolnitel'nyh sistem Rossijskoj Federatsii i Respubliki Belarus' [Some issues of organizing information support in the bodies and institutions of the penal systems of the Russian Federation and the Republic of Belarus]. *Sbornik materialov IV mezhdunarodnoj elektronnoj nauchnoj konferencii «Informacionnye tekhnologii v upravlenii, obuchenii, pravoohranitel'noj deyatel'nosti»* [Collection of materials of the IV international electronic scientific conference «Information technologies in management, training, law enforcement»]. Vologda, 2016, pp. 4–12. (In Russ.).
5. Zautorova E. V. K voprosu o professional'nyh kachestvah nachal'nika otryada ispravitel'nogo uchrezhdeniya [On the issue of the professional qualities of the head of the correctional institution]. *Voprosy pedagogiki – Issues of Pedagogy*, 2019, no. 1, pp. 34–36. (In Russ.).
6. Zautorova E. V. *Napravleniya vospitatel'noj raboty s osuzhdennymi v mestah lisheniya svobody* [Directions of educational work with convicts in places of deprivation of liberty]. Vologda, 2019. 194 p. (In Russ.).
7. Koryachko V. P., Kupcov M. I. (red.) *Informatika i informacionnye tekhnologii v professional'noj deyatel'nosti* [Informatics and information technology in professional activities]. Ryazan, 2016. 355 p. (In Russ.).
8. Kibal'nik A. G., Volosyuk P. V., Abdulgaziev R. Z. Rossijskie dissertatsionnye issledovaniya ugovolnogo nakazaniya: osnovnye trendy v 2010–2019 godah [Russian dissertation research on criminal punishment: main trends in 2010–2019]. *Vserossijskij kriminologicheskij zhurnal – All-Russian criminological journal*, 2019, vol. 13, no. 4, pp. 825–836. doi: 10.17150/2500-4255.2019.13(5).825-836. (In Russ.).
9. Luncheva E. B., Goryacheva N. V. Interaktivnyj kurs kak sovremennaya metodika polucheniya prakticheskikh navykov sotrudnikami UIS [An interactive course as a modern methodology for obtaining practical skills by the staff of the penal system]. *Materialy vsersijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii «Penitencijarnaya bezopasnost': nacional'nye tradicii i zarubezhnyj opyt»* [Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference «Penal Security: National Traditions and Foreign Experience»]. Samara, 2019, pp. 139–143. (In Russ.).
10. Hot'kina O. K. Ispol'zovanie uchebnogo rabocheho mesta «Inspektor otdela special'nogo ucheta» v realizatsii prakticheskoy napravlenosti obuchayushchihhsya [Using the training workplace «Inspector of the Special Accounting Department» in the implementation of the practical orientation of students]. *Sbornik materialov nauchno-metodicheskoy konferencii «Organizatsiya obrazovatel'nogo processa v vuzah: sovremennoe sostoyanie, problemy i perspektivy»* [Collection of materials of the scientific and methodological conference «Organization of the educational process in universities: current state, problems and prospects»]. Ryazan, 2017, pp. 275–280. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTORS

АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ БАБКИН – доцент кафедры информатики и математики инженерно-экономического факультета Вологодского института права и экономики ФСИН России, г. Вологда, Российская Федерация, кандидат педагогических наук, доцент. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8033-1747>, e-mail: aleksei_babkin@mail.ru

ALEKSEY A. BABKIN – Associate Professor of the Department of Informatics and Mathematics of the Faculty of Engineering and Economics of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Vologda, Russian Federation, PhD. in Pedagogics, Associate Professor. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8033-1747>, e-mail: aleksei_babkin@mail.ru

Взаимосвязь нравственной позиции и социально-психологических особенностей личности в студенческом возрасте

О. Б. МАЗКИНА

Воронежский государственный университет, г. Воронеж, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0962-5379>, e-mail: mazkina-olga@mail.ru

Р е ф е р а т. Статья раскрывает одну из фундаментальных проблем, имеющих повышенную теоретическую и практическую значимость. Речь идет об исследовании взаимосвязи нравственной позиции юношей с их социально-психологическими особенностями. Изучая эту проблему на примере студентов, в качестве социально-психологических особенностей их личности автор выделяет смысложизненные ориентации и Я-профессиональное. В статье отражены основные результаты эмпирического исследования, цель которого состояла в проверке выдвинутой гипотезы о том, что существует взаимосвязь между нравственной позицией и социально-психологическими особенностями личности в юношеском возрасте, а именно: более высокий уровень сформированности нравственной позиции сочетается с большей выраженностью таких социально-психологических особенностей личности в юношеском возрасте, как смысложизненные ориентации и Я-профессиональное. Представлены методики сбора эмпирической информации, в том числе авторская проективная методика незаконченных предложений, специально разработанная в целях исследования, а также использованные при обработке результатов методы качественного и количественного, в том числе статистического, анализа (процедура процентиальной нормализации, критерий ϕ^* – угловое преобразование Фишера, коэффициент корреляции Пирсона). Результаты частично подтверждают выдвинутую гипотезу: при сопоставлении уровня сформированности нравственной позиции и показателей по шкале «Цели в жизни», «Результативность жизни», «Локус-контроля – Я», «Управляемость жизни» и показателей по шкале «Оценка», «Сила» в реальном образе Я-профессиональное и в идеальном образе Я-профессиональное можно говорить о наличии прямой связи.

Проблема нравственного воспитания молодежи является актуальной, так как цель воспитания связана с нравственным развитием личности, формированием ее нравственной позиции, потребностью в нахождении собственных смыслов деятельности.

Ключевые слова: нравственная позиция; социально-психологические особенности студентов вуза.

13.00.01 – Общая педагогика, история педагогики и образования.

Для цитирования: Мазкина О. Б. Взаимосвязь нравственной позиции и социально-психологических особенностей личности в студенческом возрасте. *Пенитенциарная наука*. 2020; 14(3):437–444. DOI 10.46741/2686-9764-2020-14-3-437-444.

The correlation between moral position and socio-psychological characteristics of the individual in the student age

O.B. MAZKINA

Voronezh State University, Voronezh, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0962-5379>, e-mail: mazkina-olga@mail.ru

Abstract. The article reveals one of the fundamental problems of increased theoretical and practical importance. We are talking about the study of the relationship between the moral position of young men with their socio-psychological characteristics.

Studying this problem on the example of students, the author distinguishes life-meaning orientations and the professional self as the socio-psychological characteristics of their personality. The article reflects the organization and the main results of the empirical research carried out, the purpose of which was to test the hypothesis that there is a relationship between the moral position and socio-psychological characteristics of the personality in adolescence, namely: a higher level of formation of a moral position is combined with a greater severity such socio-psychological characteristics of personality in adolescence as life-meaning orientations and self-professional. Methods for collecting empirical information are presented, including the author's projective technique for unfinished sentences, specially developed for research purposes as well as methods of qualitative and quantitative, including statistical analysis, used in processing the results (percentile normalization procedure, φ * criterion Fisher angular transformation, Pearson correlation coefficient). The results partially confirm the hypothesis put forward: when comparing the level of formation of the moral position and indicators on the scale "Goals in life", "Life performance", "Locus control - I", "Manageability of life" and indicators on the scale "Assessment", "Strength", in a real image I am a professional and in an ideal image I am a professional one can talk about the presence of a direct connection.

The problem of the moral education of young people is relevant, since the goal of education is associated with the moral development of the individual, the formation of his moral position, the need to find his own meanings of activity.

Key words: moral position; social and psychological characteristics of university students.

13.00.01 – General Pedagogy, History of Pedagogy and Education.

For citation: Mazkina O. B. The correlation between moral position and socio-psychological characteristics of the individual in the student age. *Penitentiarnaya nauka = Penitentiary Science*. 2020; 14(3):437–444. (In Russ.). DOI 10.46741/2686-9764-2020-14-3-437-444.

Проблема нравственного воспитания во все времена являлась первостепенной и значимой для педагогической науки. В современных условиях она не утратила свою актуальность, так как цель воспитания молодежи связана с нравственным развитием личности, формированием ее нравственной позиции, потребностью в нахождении собственных смыслов деятельности.

Особенно остро эта проблема заявила о себе в конце XX в., когда для общества стали характерны демонстрация бездуховности, жестокость, непроявление человечности, чуткости в отношении к другому и т. д. На сегодняшний день наблюдается значительный интерес к проблемам нравственности и осознание ее значимости и первостепенности со стороны ученых и практиков, образовательных и общественных организаций [11].

Проблема формирования нравственной позиции имеет непреходящую социальную, научную и практическую значимость, что обуславливает постоянное внимание к ней со стороны представителей различных отраслей человекознания. Педагогика, как и другие науки, в рамках собственного предмета изучения продолжает поиск научно обоснованных моделей, технологий, форм, методов, средств и условий воспитания и развития нравственной личности.

Общественно-государственная заинтересованность в необходимости нрав-

ственного воспитания молодого поколения в очередной раз была подтверждена в распоряжении Правительства Российской Федерации от 29.05.2015 № 996-р «Об утверждении Стратегии развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года», где говорится о необходимости обратить внимание на ценности, общественные идеалы и нравственные принципы в процессе воспитания молодого поколения.

Вышесказанное свидетельствует о необходимости теоретического обоснования путей решения проблемы нравственного воспитания молодежи в целом и становления нравственной позиции молодежи в частности.

Следует отметить, что основной задачей студента как представителя молодежи при поступлении в образовательную организацию высшего образования является получение профессии, а его основной вид деятельности – учебная работа. При этом одной из важнейших задач становится формирование нравственной позиции, которая в свою очередь оказывает существенное влияние на развитие таких социально-психологических особенностей, как смысложизненные ориентации и Я-профессиональное.

Анализ психолого-педагогической литературы показал, что работ по данной проблеме недостаточно. Существуют исследования, направленные на изучение профессионального самоопределения в юношеском возрасте, условий его форми-

рования, компонентов, функций (Н. И. Болдырев, А. Е. Воробьева, А. Б. Купрейченко) [4; 9]. Проблемой изучения нравственной позиции занимались Е. В. Бондаревская, С. К. Бондырева, Д. В. Колесов [5; 6; 7; 8]. Исследование же взаимосвязи данных феноменов не осуществлялось.

В связи с этим нами были определены компоненты нравственной позиции (внутренний самоконтроль, совокупность нравственных чувств и система личностных ценностей) и социально-психологические особенности личности в юношеском возрасте (смысложизненные ориентации и Я-профессиональное). Следовательно, цель нашего исследования заключалась в проведении эмпирического исследования по выявлению взаимосвязи уровня сформированности нравственной позиции и указанных социально-психологических особенностей личности студентов.

Гипотеза исследования – предположение о том, что существует взаимосвязь между нравственной позицией и социально-психологическими особенностями личности в юношеском возрасте, а именно: наибольшая выраженность таких социально-психологических особенностей личности в юношеском возрасте, как смысложизненные ориентации и Я-профессиональное сочетается с наиболее высоким уровнем сформированности нравственной позиции.

При обосновании гипотезы опирались на работы ряда психологов и педагогов по проблемам студенчества как особой социально-психологической и возрастной категории: К. А. Абульхановой-Славской, Б. Г. Ананьева, Л. И. Божович, К. М. Гайдар, И. А. Зимней, И. С. Кона, А. В. Мудрика, В. С. Мухиной, Н. С. Пряжникова и др.

В работах Н. М. Борытко, О. А. Мацкайловой, Н. К. Сергеева, В. В. Серикова, Е. А. Тягловой, С. С. Мирошниченко разрабатывалась проблема формирования нравственной позиции учащихся. В них в большей степени говорится о субъектной позиции в целом и мировоззренческой позиции в частности [1; 3].

Обоснованием гипотезы также являются эмпирические данные, которые были получены В. Т. Лисовским в социологической лаборатории при научно-исследовательском институте комплексных социальных исследований, основное направление которой напрямую было связано с социализацией и становлением личности молодежи. Им были сделаны выводы о том, что студенчество как особая социальная группа характеризуется определенными условиями жизни, быта

и труда, социальным поведением и системой ценностных ориентаций [10]. Таким образом, нами было сделано предположение, что существует взаимосвязь нравственной позиции и социально-психологических особенностей в юношеском возрасте.

Эмпирическое исследование проводилось в 2018 г. на базе Воронежского государственного университета. В нем участвовали 62 студента третьего курса (направлений 06.03.01 Биология, профиль – ботаника и 44.03.02 Психолого-педагогическое образование, профиль – психология и социальная педагогика) в возрасте от 20 лет до 21 года.

В работе использовался следующий комплекс психодиагностических методик: методика «Незаконченные предложения» (модификация О. П. Макушина, О. Б. Мазкина), «Методика для изучения ценностей личности» (Ш. Шварц), метод семантического дифференциала (Ч. Осгуд), тест-опросник «Уровень субъективного контроля» (Дж. Роттер), тест «Смысложизненные ориентации» (Д. А. Леонтьев).

Анализ результатов исследования, полученных по методике «Незаконченные предложения» (модификация О. П. Макушиной, О. Б. Мазкиной), которая использовалась для определения сформированности нравственной позиции студентов, позволил сделать следующие выводы: у испытуемых в достаточной степени сформированы не только нравственные чувства как компоненты нравственной позиции, но и она в целом («нравственные знания начинают переходить в разряд ценностно-смысловых, формируются профессионально-нравственные идеалы, общечеловеческие ценности пересекаются с профессионально-личностными в ситуациях внешнего и внутреннего контроля, мотивация профессиональной деятельности достаточно устойчивая, нравственные потребности и эталоны поведения личности не носят формальный характер» [2, с. 9]), что соответствует среднему уровню сформированности нравственной позиции.

«Методика для изучения ценностей личности» (Ш. Шварц) использовалась нами для выявления такого компонента нравственной позиции, как система личностных ценностей. Анализ результатов показал, что для студентов представляют определенную ценность такие качества, как взаимовыручка и проявление внимательности по отношению друг к другу. Это указывает на устойчивую их значимость для испытуемых и говорит об альтруистической ориентации

личности. Большинство испытуемых достаточно высоко оценивали нравственные качества личности (доброта, универсализм и самостоятельность), а также указывали на их важность и значимость не только для себя, но и по отношению к другим людям, тем самым продемонстрировав сформированность нравственной позиции. Необходимо отметить, что эти качества предполагают и высокий уровень самоконтроля.

В связи с этим для подтверждения нашего предположения о сформированности нравственной позиции в студенческом возрасте был дополнительно проведен тест-опросник субъективного контроля (УСК) Дж. Роттера, используемый для выявления такого компонента нравственной позиции, как внутренний самоконтроль.

Результаты опроса показали, что из 62 респондентов высокий уровень самоконтроля отмечается у 10 чел., средний – у 38 чел., низкий – у 14 чел.

Результаты методик, направленных на выявление уровня сформированности нравственной позиции, показали, что из 62 испытуемых только у 10 студентов высокий уровень сформированности нравственной позиции, у 45 студентов – средний уровень и у 7 студентов – низкий.

Таким образом, большинство респондентов имеют достаточный объем знаний о нормах и ценностях, принятых в обществе, положительно к ним относятся и способны их активно осваивать и присваивать. Для них характерны сформированность нравственной позиции, адекватность самооценки, умение адекватно оценивать поступки других людей с точки зрения нравственности.

Для исследования социально-психологических особенностей – смысло-жизненных ориентаций и Я-профессионального – были использованы такие методики, как тест «Смысло-жизненные ориентации» (Д. А. Леонтьев) и метод семантического дифференциала (Ч. Осгуд).

Тест «Смысло-жизненные ориентации» (Д. А. Леонтьев) применялся для оценки «источника» смысла жизни студента, который определялся тремя составляющими жизни: будущее (цели), настоящее (процесс) и прошлое (результат).

Шкала «Цели в жизни» показывает, что у 28 % испытуемых были получены высокие баллы. Таким студентам наравне с целеустремленностью свойственна способность к планированию, которая не имеет реальной опоры в настоящем и не подкрепляется личной ответственностью за ее реализацию. У

62 % респондентов были отмечены средние баллы, свидетельствующие об умении планировать и достигать жизненных целей, 10 % показали низкие баллы (для таких студентов характерно «жить прошедшим днем»).

По шкале «Процесс жизни или интерес и эмоциональная насыщенность жизни» высокие баллы были у 36,6 % опрошенных. Высокие баллы по данной шкале и низкие по другим будут характеризовать человека, живущего сегодняшним днем, получающего от жизни только наслаждения и удовольствия. Средние баллы (а они отмечены у 60 % респондентов) характеризуют молодых людей с высокой потребностью к достижениям, то есть стремящихся к достижению ощутимых результатов в любом виде деятельности. Низкие баллы (3,3 %) указывают на неудовлетворенность испытуемых своей жизнью в настоящем, однако ей могут придавать полноценный смысл воспоминания о прошлом или нацеленность на будущее.

По шкале «Результативность жизни или удовлетворенность самореализацией» высокие баллы были получены у 26,7 % респондентов, что позволяет говорить о том, что студенты позитивно оценивают пройденный отрезок своей жизни, а все успехи и достижения у них связаны с настоящим и будущим, то есть на данный период им свойственна субъективная, личностная и профессиональная активность на пике их проявления. Средние баллы у 62,3 % студентов указывают на достаточную удовлетворенность в самореализации и полное ощущение того, что прожитая часть их жизни была продуктивной и осмысленной. Низкие баллы (11 % опрошенных) определяют неудовлетворенность в самореализации студентов, в том числе той частью жизни, которая уже прожита.

По шкале «Локус контроля – Я (Я – хозяин жизни)» были получены высокие баллы у 45,7 % респондентов, что указывает на то, что студенты представляют себя личностью, которая обладает достаточной свободой выбора и позволяет им строить собственную жизнь в соответствии с конкретными целями, задачами. Средние баллы (47,6 %), подтверждают, что для таких студентов характерен внутренний локус контроля, то есть наблюдается тенденция принятия ответственности за происходящее в жизни, умение осознавать себя причиной происходящего и действовать, исходя из этого представления. Низкие баллы (6,7 %) свидетельствуют о неумении осуществлять контроль над событиями собственной жизни и неверии в свои способности.

По шкале «Локус контроля – жизнь или управляемость жизни» высокие баллы, отмеченные у 25,8 % опрошенных, свидетельствуют о том, что студенты верят в возможность контроля над собственной жизнью, способны принимать решения и воплощать их в жизни. Средние баллы (54,2 %) показывают, что у студентов наблюдается адекватная оценка собственных сил и возможностей. Низкие баллы (20 %) указывают на то, что представители данной категории убеждены, что свобода иллюзорна и жизнь человека неподвластна сознательному контролю, поэтому бессмысленно что-либо загадывать на будущее.

Результаты, полученные по данной методике, показали, что такая социально-психологическая особенность, как смысло-жизненные ориентации (их выраженность в прошлом, настоящем и будущем), в среднем выражена у большинства студентов, что позволяет говорить о потребности в самореализации, жизненных целях.

Для исследования социально-психологической особенности юношеского возраста «Я-профессиональное» был использован метод семантического дифференциала (Ч. Осгуд). Были выбраны следующие его характеристики (компоненты): идеальный и реальный образы Я-профессионального, которые являются показателем сформированности Я-профессионального в целом.

Были проанализированы три фактора, выделенные Ч. Осгудом: фактор оценки, фактор силы и фактор активности. При анализе результатов учитывались субъективные, эмоциональные и смысловые представления студентов о самих себе.

Результаты и анализ фактора оценки (фактор О) в исследовании самооценки интерпретировались как уровень самоуважения. Высокие значения данного фактора свидетельствуют об удовлетворенности результатами своих действий и поступков, физического облика, умственных способностей и т. д. Высокие результаты показали 72,6 % испытуемых, то есть эти студенты способны видеть в себе личность, быть носителями нравственных ценностей и социально желательных характеристик. Низкие результаты показали 27,4 % респондентов. Они продемонстрировали критическое отношение к себе, которое в дальнейшем может привести к недовольству своим поведением, личностными достижениями и т. д.

Результаты и анализ фактора силы (фактор С) в исследованиях самооценки испытуемых показывает, как они могут ими осознавать-

ся, то есть речь идет о том, как развиваются волевые стороны личности студентов. Уверенные и независимые, а также способные рассчитывать только на собственные силы в критических жизненных ситуациях молодые люди показали высокие значения по данному фактору – 83,9 %. Зависимые от внешних обстоятельств, оценок, обладающие низким уровнем самоконтроля и неспособностью придерживаться выбранной линии поведения продемонстрировали низкие значения по данному фактору – 16,1 %.

Результаты и анализ фактора активности (фактор А) в исследовании самооценки испытуемых указал на экстравертированный тип личности студента. Испытуемые, проявляющие активность, общительность, самостоятельность, эмоциональное участие, показали высокие результаты – 77,4 %. Респонденты, в поведении которых наблюдаются пассивность, более спокойные эмоциональные реакции, то есть склонность к интроверсии, дали низкие результаты – 22,6 %.

Для определения сформированности Я-профессионального был сопоставлен образ себя как профессионала (психолога/биолога) реальный и образ себя как профессионала идеальный. По методу семантического дифференциала (Ч. Осгуд) были получены данные по факторам силы, активности и оценки идеального и реального образа себя как профессионала. Так, образ идеальный Я-профессиональный (биолога/психолога) вызывает положительные эмоции, принимается, оценивается как обладающий склонностью к доминированию и активностью.

Также можно отметить, что участники опроса демонстрируют самопринятие. Они положительно относятся к себе как к профессионалам. Однако сформированность волевых качеств и активность наблюдается у них на среднем уровне. Квадратичное отклонение между образом себя как профессионала и идеальным образом психолога/биолога позволяет говорить о том, что студенты прогнозируют вероятность достижения образа идеального Я-профессионального (отклонение от идеала у 98,3 % опрошенных находится на среднем уровне). В процессе исследования выявилось, что у испытуемых недостаточно развиты волевые качества, уверенность в себе, решительность и активность в сравнении с образом идеальным Я-профессиональным, они оценивают себя несколько ниже, чем образ идеального психолога/биолога.

Для определения достоверности отличий между образом идеальным и образом реальным Я-профессиональным был использован критерий φ^* -угловое преобразование Фишера. Результаты обработки данных с помощью методов математической обработки данных позволяют сделать вывод, что отличия в оценивании себя по факторам оценки, силы и активности между идеальным образом и реальным образом Я-профессиональным достоверно значимы. То есть в большей степени положительно оценивается образ идеального Я-профессионального психолога/биолога, чем образ реального Я-профессионального испытуемых ($\varphi^* = 4,6$; $\rho \leq 0,01$). Количество испытуемых, обладающих сформированностью волевых качеств на высоком уровне, достоверно меньше того количества испытуемых, которые обладают высоким уровнем этих характеристик у идеального психолога (биолога) ($\varphi^* = 8,5$; $\rho \leq 0,01$). Образ идеального Я-профессионального достоверно отличается и по параметру фактора активности (фактор А), высокий уровень сформированности активной позиции в профессиональной деятельности в реальности достоверно ниже, чем предполагается в образе идеальном Я-профессиональном ($\varphi^* = 3,07$; $\rho \leq 0,01$).

Таким образом, по результатам методики можно судить о высоком уровне сформированности Я-профессионального по факторам оценки, силы и активности. Также можно отметить, что участники опроса с позиции сформированности волевых качеств и активности относят себя к среднему уровню, то есть им свойственно проявлять самопринятие, положительное самоотношение к себе как к профессионалу.

Отличия в оценке себя по факторам оценки силы и активности между образом идеального Я-профессионального и образом реального Я-профессионального достоверно выявлены по фактору «активность», что говорит о наличии высокого уровня сформированности Я-профессионального у студентов.

Итак, результаты методик показали, что все студенты третьего курса Воронежского государственного университета, принявшие участие в исследовании, обладают высокими и средними показателями степени выраженности таких социально-психологических особенностей, как смысложизненные ориентации и Я-профессиональное.

С целью проверки выдвинутого предположения о взаимосвязи между нравственной позицией и социально-психологическими особенностями личности в юношеском

возрасте был использован коэффициент Пирсона.

Для этого студенты были распределены в три группы, на основании выявленных эмпирическим путем уровней сформированности нравственной позиции. При этом показателю каждого уровня был присвоен ранг: высокому – 1, среднему – 2, низкому – 3. Данные ранжирования были подвергнуты процедуре процентильной нормализации и переведены в z-оценки в связи с тем, что изначально были представлены в слабой шкале.

После присвоения рангов был осуществлен анализ связи между уровнем сформированности нравственной позиции и особенностями смысложизненных ориентаций. Данный анализ позволяет сделать следующие выводы:

- при сопоставлении уровня сформированности нравственной позиции и показателей смысложизненных ориентаций «Цели в жизни», «Результативность жизни», «Локус-контроля – Я», «Управляемость жизни» можно говорить о наличии прямой связи ($r_{xy} = 0,571$, $r_{xy} = 0,642$, $r_{xy} = 0,431$, $r_{xy} = 0,588$ соответственно, $\rho \leq 0,01$), то есть у студентов с высоким уровнем сформированности нравственной позиции действительно наблюдается более высокий уровень сформированности жизненных целей, своей самореализации и т. д. Они способны принять ответственность за происходящее в жизни, считая именно себя причиной происходящего, и действовать, исходя из этого представления. Они, как правило, имеют мировоззренческую установку на возможность быть хозяином собственной жизни, при этом способны адекватно давать оценку собственным возможностям;

- при сопоставлении уровня сформированности нравственной позиции и показателей смысложизненных ориентаций «Процесс жизни или интерес, эмоциональная насыщенность жизни» можно говорить об отсутствии значимой корреляции ($r_{xy} = 0,13$, $\rho > 0,05$), между нравственной позицией и ощущением полноты жизни связи не выявлено.

В ходе проверки предположения о взаимосвязи высокого, среднего и низкого уровней сформированности нравственной позиции и показателей образа себя как профессионала идеального и реального (активность, сила, оценка) нами были получены следующие результаты:

- при сопоставлении уровня сформированности нравственной позиции и показателей реального образа Я-профессионального (оценка, сила) можно говорить о наличии

прямой связи ($r_{xy} = 0,648$, $r_{xy} = 0,762$ соответственно, $p \leq 0,01$). Для студентов с высоким уровнем сформированности нравственной позиции характерны: принятие себя как личности, расчет на собственные силы в трудных жизненных ситуациях, осознание себя носителями позитивных ценностей и социально желательных характеристик;

– при сопоставлении уровня сформированности нравственной позиции и показателей идеального образа Я-профессионального (оценка, сила) можно говорить о такой же тенденции – о наличии прямой связи ($r_{xy}=0,776$, $r_{xy} = 0,812$ соответственно, $p \leq 0,01$), то есть у студентов с высоким уровнем сформированности нравственной позиции отмечается положительная оценка идеальных профессионалов с точки зрения их социально желательных характеристик и проявления волевых качеств;

– при сопоставлении уровня сформированности нравственной позиции и показателей реального и идеального образа Я-профессионального (активность) можно говорить об отсутствии связи ($r_{xy} = 0,25$, $p > 0,05$).

Таким образом, результаты корреляционного анализа свидетельствуют о наличии взаимосвязи интегрированного показателя уровня сформированности нравственной позиции и степени выраженности изучаемых социально-психологических особенностей студентов: более высокий уровень сформированности нравственной позиции сочетается с большей выраженностью социально-психологических особенностей личности в юношеском возрасте.

Это связано с тем, что при согласованном идеальном и реальном образе себя как профессионала, адекватной оценке своих профессионально важных качеств, самопринятии себя как представителя выбранной специальности, активной позиции по отношению к своей учебно-профессиональной деятельности для студентов на первом месте стоят учебно-профессиональные цели. У них наблюдается необходимое наличие познавательных мотивов, личностных оценок, личностного смысла учебной и профессиональной деятельности. К своей будущей профессии они относятся как к социально значимой, позволяющей им лично и профессионально саморазвиваться и нравственно самосовершенствоваться. Для них характерен более высокий уровень сформированности нравственной позиции.

В результате проведенного исследования были сделаны следующие выводы:

1. У студентов с высоким уровнем сформированности нравственной позиции наблюдается высокий уровень нравственной культуры, ценностно-смыслового содержания сознания. Для них характерен высокий уровень нравственного поведения, которое представляет собой сложное базовое образование личности, позволяющее отражать избирательно-ценностное отношение к себе и окружающим людям, ориентироваться на них и относиться к себе как к самостоятельной, свободной и справедливой личности.

2. Студентам со средним уровнем сформированности нравственной позиции присуща средняя степень выраженности Я-профессионального и смысложизненных ориентаций в прошлом, настоящем и будущем. У таких студентов достаточно устойчивая тенденция нравственного поведения, она заключается в наличии системы нравственно-волевых устремлений и поступков, собственных, но иногда зависящих от ситуации оценочных суждений, устойчивой позиции по отношению к нравственным нормам и ценностям, осознанности, глубине чувств, проявлении сочувствия, но иногда и безразличия (в зависимости от ситуации).

3. Студентам с низким уровнем сформированности нравственной позиции свойственна низкая степень Я-профессионального и смысложизненных ориентаций в прошлом, настоящем и будущем. Они ситуативно проявляют нравственную позицию. Для них характерно поведение, которое находится в зависимости от установок, доминирующих в группе, которая является для них референтной. Такие студенты инфантильны, у них слабо развиты волевые качества, им приходится постоянно вести внутреннюю борьбу между внешним мотивом и своим нравственным сознанием. Они внешне демонстрируют то, какие они хорошие, пытаются именно внешне выглядеть нравственно, воспитанно и проявлять уважение к окружающим людям.

Таким образом, наша гипотеза о том, что существует взаимосвязь между нравственной позицией и социально-психологическими особенностями личности в юношеском возрасте, подтвердилась частично, а именно:

а) при сопоставлении уровня сформированности нравственной позиции и показателей по шкале «Цели в жизни», «Результативность жизни», «Локус-контроля – Я», «Управляемость жизни» можно говорить о наличии прямой связи;

б) при сопоставлении уровня сформированности нравственной позиции и показате-

лей по шкале «Оценка», «Сила», в реальном образе Я-профессиональное и в идеальном образе Я-профессиональное также можно говорить о наличии прямой связи.

Вопреки ожиданиям при сопоставлении уровня сформированности нравственной

позиции и показателей по шкале «Процесс жизни или интерес, эмоциональная насыщенность жизни» и по шкале «Активность» в реальном и идеальном образе Я-профессиональное выявлено отсутствие связи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Абульханова-Славская, К. А.** Психология и педагогика : учебное пособие / К. А. Абульханова-Славская. – Москва : Институт психотерапии, 2002. – 584 с. – ISBN 5-89939-078-6.
2. **Бережная, И. Ф.** К вопросу о формировании нравственной позиции студентов / И. Ф. Бережная // Глобальный научный потенциал. – 2018. – № 10 (91). – С. 8–12.
3. **Божович, Л. И.** Проблемы формирования личности : избранные психологические труды / Л. И. Божович ; под редакцией Д. И. Фельдштейна. – Москва : Институт практической психологии ; Воронеж : МОДЭК, 1997. – 351 с.
4. **Болдырев, Н. И.** Основные проблемы теории и методики нравственного воспитания молодого поколения : доклад об опубликованных работах, представленных в качестве диссертации на соискание ученой степени доктора педагогических наук / Н. И. Болдырев. – Москва : НИИ АПН РСФСР, 1966. – 82 с.
5. **Бондаревская, Е. В.** Воспитательный потенциал базового учебного курса «Духовно-нравственная культура» / Е. В. Бондаревская // Известия Южного федерального университета. Педагогические науки. – 2009. – № 10. – С. 17–29.
6. **Бондаревская, Е. В.** Поиск путей возрождения российской духовности и нравственности в контексте интеграционного подхода / Е. В. Бондаревская // Сибирский учитель. – 2011. – № 3 (76). – С. 26–32.
7. **Бондаревская, Е. В.** Проблема формирования нравственного сознания личности старших школьников / Е. В. Бондаревская // Педагогика. – 1980. – № 1. – С. 42.
8. **Бондырева, С. К.** Нравственность / С. К. Бондырева. – Москва : МПСИ ; Воронеж : МОДЭК, 2008. – 334 с. – ISBN 978-5-9770-0238-7.
9. **Купрейченко, А. Б.** Нравственное самоопределение молодежи / А. Б. Купрейченко. – Москва : Институт психологии РАН, 2013. – 480 с. – ISBN 978-5-9270-0262-7.
10. **Лисовский, В. Т.** Молодежь: любовь, брак, семья / В. Т. Лисовский. – Санкт-Петербург : Наука, 2003. – 368 с. – ISBN 5-02-027156-X.
11. **Мазкина, О. Б.** Социально-психологические особенности студентов и их влияние на формирование нравственной позиции / О. Б. Мазкина // Гносеологические основы образования : международный сборник научных трудов, посвященный памяти профессора С. П. Баранова. – Липецк : ЛГПУ им. П. П. Семенова-Тянь-Шанского, 2018. – С. 235–240. – ISBN 978-5-88526-988-9.

REFERENCES

1. Abul'hanova-Slavskaya K. A. *Psichologiya i pedagogika* [Psychology and pedagogy]. Moscow, 2002. 584 p. (In Russ.).
2. Berezhnaya I. F. K voprosu o formirovanii нравstvennoj pozicii studentov [On the formation of the moral position of students]. *Global'nyj nauchnyj potencial – Global scientific potential*, 2018, no. 10 (91), pp. 8–12. (In Russ.).
3. Bozhovich L. I. *Problemy formirovaniya lichnosti* [Problems of personality formation]. Moscow; Voronezh, 1997. 351 p. (In Russ.).
4. Boldyrev N. I. *Osnovnye problemy teorii i metodiki нравstvennogo vospitaniya molodogo pokoleniya* [The main problems of the theory and methods of moral education of the young generation]. Moscow, 1966. 82 p. (In Russ.).
5. Bondarevskaya E. V. *Vospitatel'nyj potencial bazovogo uchebnogo kursa «Duhovno-nравstvennaya kul'tura»* [The educational potential of the basic training course «Spiritual and moral culture»]. *Izvestiya YUzhnogo federal'nogo universiteta. Pedagogicheskie nauki – Proceedings of the Southern Federal University. Pedagogy*, 2009, no. 10, pp. 17–29. (In Russ.).
6. Bondarevskaya E. V. *Poisk putej vozrozhdeniya rossijskoj duhovnosti i нравstvennosti v kontekste integracionnogo podhoda* [Search for ways to revive Russian spirituality and morality in the context of an integration approach]. *Sibirskij uchitel' – Siberian teacher*, 2011, no. 3 (76), pp. 26–32. (In Russ.).
7. Bondarevskaya E. V. *Problema formirovaniya нравstvennogo soznaniya lichnosti starshih shkol'nikov* [The problem of the formation of the moral consciousness of the personality of senior schoolchildren]. *Pedagogika – Pedagogy*, 1980, no. 1, p. 42. (In Russ.).
8. Bondyeva S. K. *Нравstvennost'* [Moral]. Moscow; Voronezh, 2008. 334 p. (In Russ.).
9. Kuprejchenko A. B. *Нравstvennoe samoopredelenie molodezhi* [Moral self-determination of youth]. Moscow, 2013. 480 p. (In Russ.).
10. Lisovskij V. T. *Molodezh': lyubov', brak, sem'ya* [Youth: love, marriage, family]. St. Petersburg, 2003. 368 p. (In Russ.).
11. Mazkina O. B. *Social'no-psihologicheskie osobennosti studentov i ih vliyanie na formirovanie нравstvennoj pozicii* [Socio-psychological characteristics of students and their influence on the formation of a moral position]. *Gnoseologicheskie osnovy obrazovaniya* [Epistemological foundations of education]. Lipetsk, 2018, pp. 235–240. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTORS

ОЛЬГА БОРИСОВНА МАЗКИНА – преподаватель кафедры педагогики и педагогической психологии Воронежского государственного университета, г. Воронеж, Российская Федерация, кандидат педагогических наук. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0962-5379>, e-mail: mazkina-olga@mail.ru

OLGA B. MAZKINA – Lecturer of the Department of Pedagogy and Pedagogical Psychology of the Voronezh State University, Voronezh, Russian Federation, PhD. in Pedagogics. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0962-5379>, e-mail: mazkina-olga@mail.ru

НАУЧНЫЕ РЕЦЕНЗИИ ОТЗЫВЫ

Отзыв на диссертационное исследование Карташова Сергея Васильевича на тему «Уголовная ответственность за незаконные получение и разглашение сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну»

А. П. КУЗНЕЦОВ – профессор кафедры социально-правовых дисциплин Приволжского института повышения квалификации ФНС России, г. Нижний Новгород, Российская Федерация, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки России, заслуженный юрист России. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5179-6059>, e-mail: allochka_90@bk.ru

В Московском университете Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В. Я. Кикотя С. В. Карташовым успешно защищена диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук, выполненная на кафедре уголовного права и процесса Тамбовского государственного университета имени Г. Р. Державина, на тему «Уголовная ответственность за незаконные получение и разглашение сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну».

Актуальность диссертационного исследования определяется тем, что глобальные социально-экономические преобразования российского общества в конце XX – начале XXI вв. закономерно повлекли за собой изменения и в обеспечении информационной безопасности, которая имеет особое значение. Важность и значимость информационной безопасности в условиях рыночных отношений определяется тем, что она позволяет повысить эффективность экономики, поднять ее на новый уровень технического развития, вывести Россию в число лидеров по объему валового внутреннего продукта, создать условия, позволяющие противостоять внутренним и внешним угрозам.

Посягательства на информационную безопасность обладают повышенной общественной опасностью, способны причинить вред правам и свободам личности, дезорганизовать деятельность органов власти, подорвать функционирование системы национальной безопасности, привести к катастрофическим, непоправимым последствиям. Одним из направлений деятельности государства по нейтрализации угроз

экономической безопасности следует считать повышение защищенности конфиденциальной информации. Однако несовершенство системы законодательства в сфере регулирования информационных отношений, недостатки организационного и научно-методического обеспечения охраны конфиденциальной информации не способствуют эффективному противодействию возникающим угрозам.

Более того, в условиях разгосударствления экономики, разделения массива конфиденциальной информации на государственную и коммерческую возникла насущная потребность в новой юридической регламентации, в том числе и мерами уголовно-правового характера. Подтверждением этому может служить включение в Уголовный кодекс Российской Федерации ст. 183 «Незаконное получение и разглашение сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну», предусматривающей ответственность за посягательства на вновь образованные правовые институты.

Общественная опасность этого преступления состоит в том, что посягательство на информацию, составляющую банковскую, налоговую или коммерческую тайну, может подорвать экономическую безопасность государства, причинить вред интересам участников делового оборота, нанести значительный ущерб субъектам хозяйственной деятельности.

Показателем общественной опасности служат материалы официальной статистики о возбужденных уголовных делах по ст. 183 УК РФ. Так, если за первые десять лет действия уголовного закона (с 1997 по 2006 гг.) было возбуждено 2114 уголовных дел, то за последующие десять лет (с 2007 по 2016 гг.) – 3369 уголовных дел. Указанные данные являются ярким свидетельством того, что наблюдается устойчивый количественный рост указанных преступных проявлений. Учитывая сложившееся положение, законодатель неоднократно вносил в соответствующую статью изменения и дополнения.

Однако, как показало практическое применение исследуемой статьи, она, несмотря на законодательные новации, не стала совершенной: по-прежнему изобиловала юридико-техническими изъянами содержательного и системного характера, что затрудняло ее эффективную реализацию. В частности, органы, занимающиеся правоприменением, в силу отсутствия единого терминологического инструментария уголовно-правовых предписаний, их противоречивости и разрозненности испытывают определенные сложности в понимании криминообразующих признаков и, соответственно, правоприменении.

Отметим, что в уголовно-правовой науке, несмотря на многочисленные исследования, проблема защиты сведений, составляющих коммерческую, налоговую и банковскую тайну, остается до конца не разработанной.

В этой связи возникает насущная необходимость всестороннего изучения проблем противодействия преступлениям, посягающим на

информационную безопасность в области коммерческих, налоговых и банковских отношений. Объясняется это сменой социально-экономических и политико-правовых отношений, рассогласованностью мнений по проблеме уголовно-правового противодействия информационным преступлениям, противоречивостью и неопределенностью уголовно-правовой регламентации информационной безопасности, что требует научно-практического осмысления информационных отношений с позиции национальных и международных интересов.

Названные выше обстоятельства и определили актуальность, а также содержательную направленность диссертационного исследования. Давая общую положительную оценку научному сочинению, отметим, что его структура обусловлена объектом и предметом, поставленной целью и сформулированными задачами и включает в себя введение, три главы, восемь параграфов, заключение, список литературы и приложения. Выбранная методология позволила С. В. Карташову рассмотреть и теоретически обосновать выводы и рекомендации и на этой основе вынести на защиту научные положения, которые характеризуются последовательностью, обоснованностью и оригинальностью (с. 10–13).

В частности, объект исследования соискатель определил как совокупность общественных отношений, возникающих в связи с формированием и применением уголовно-правового запрета незаконных получения и разглашения сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну. Конкретизация признаков объекта нашла свое отражение в предмете исследования, включающем в себя общепризнанные принципы и нормы международного права, нормы российского и зарубежного уголовного права, регламентирующие ответственность за указанные незаконные действия, материалы судебной и иной правоприменительной практики, теоретические разработки по данной проблеме, статистические данные, результаты опросов респондентов из числа судей, прокуроров, следователей, сотрудников оперативных подразделений органов внутренних дел и научно-педагогических работников.

Целью диссертационного исследования является разработка научно обоснованных предложений, направленных на совершенствование положений уголовного закона, устанавливающих ответственность за незаконные действия, направленные на получение и разглашение сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну, и практики их применения.

Правильно сформулированная цель исследования нашла свою конкретизацию в следующих научно-исследовательских задачах:

- установление тенденций формирования и развития уголовного законодательства об ответственности за незаконные получение и разглашение сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну;

- изучение уголовного законодательства России и других государств об ответственности за указанные преступления, направленное на выявление положительного опыта в уголовно-правовой охране соответствующих общественных отношений;

- уточнение составляющих признаков преступлений, предусмотренных ст. 183 УК РФ, и выявление присущей им специфики;

- исследование проблемы квалификации данных преступлений, позволяющее разработать рекомендации по их разрешению;

- выявление с учетом материалов судебной практики особенностей назначения наказания и иных мер уголовно-правового характера за незаконные действия, предусмотренные ст. 183 УК РФ;

- разработка обоснованных предложений по совершенствованию уголовного закона в части регламентации ответственности за соответствующие незаконные действия.

Научная новизна исследования состоит в том, что в нем, во-первых, сформулированы теоретико-прикладные положения, раскрывающие особенности составов преступлений, содержащихся в ст. 183 УК РФ, во взаимосвязи с другими преступлениями с сфере экономической деятельности, в том числе совершаемыми с использованием инсайдерской информации, во-вторых, разработаны предложения по совершенствованию норм уголовного законодательства об ответственности за соответствующие незаконные действия, в том числе с использованием зарубежного опыта, в-третьих, сформулированы рекомендации по квалификации подобных деяний, назначению наказания и применению иных мер уголовно-правового характера в отношении лиц, их совершивших.

Положения, выносимые на защиту, характеризуются новизной, обоснованы с научной и практической точек зрения, что позволило соискателю на общетеоретическом и практическом уровнях предложить конкретные меры по совершенствованию действующего уголовного законодательства об ответственности за преступление, предусмотренное ст. 183 УК РФ, и соответствующей правоприменительной практики; разработать рекомендации по проблемам квалификации незаконного получения и разглашения охраняемой законом тайны в аспекте основных уголовно-правовых институтов; апробировать удачный опыт технико-юридического конструирования и противодействия данному виду преступлений в зарубежных странах и др.

В первой главе «Ответственность за незаконные получение и разглашение сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну: историко-правовой анализ и сравнительно-правовой анализ», состоящей из двух параграфов, соискатель раскрывает историю установления и развития уголовной ответственности за незаконные получение и разглашение сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну, выявляет основные направления совершен-

ствования уголовного закона в данной области путем исключения мотива из субъективной стороны состава преступления в ч. 3 ст. 183 УК РФ и предлагает замену оценочного признака в виде тяжких последствий, определенного в уголовном законе, признаком, заключающимся в причинении особо крупного ущерба, и т. д.

Положительным следует признать то, что С. В. Карташов провел сравнительное исследование уголовного законодательства Российской Федерации и других государств об ответственности за совершение вышеуказанного преступления и выявил отсутствие в сотрудничающих государствах тенденции к унификации национальных уголовно-правовых средств противодействия таким уголовно наказуемым деяниям, что позволило ему предложить меры по разграничению ответственности за соответствующие незаконные действия по двум составам гл. 22 УК РФ в первой предусмотреть ответственность за получение такой информации, а во второй – за ее разглашение или использование.

Во второй главе «Юридический анализ составов и проблемы квалификации незаконных получения и разглашения сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну», содержащей четыре параграфа, раскрыты объективные и субъективные элементы состава рассматриваемого преступления, а также его квалифицирующие признаки и на этой основе разработаны предложения по совершенствованию текста ст. 183 УК РФ и практики ее применения.

Методологический прием, примененный в работе, оправдан и необходим, так как именно в оценке объективных и субъективных признаков состава преступления возникают многочисленные ошибки.

В третьей главе «Вопросы назначения наказания и иных мер уголовно-правового характера за незаконные получение и разглашение сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну», состоящей из двух параграфов, подчеркивается, что регламентация и фактическое назначение наказания за преступление, предусмотренное ст. 183 УК РФ, отражают особенности существующей уголовной политики России с ее направленностью на дальнейшую либерализацию ответственности за деяния экономического характера. Изложенные выше положения позволили соискателю сделать вывод о том, что иные меры уголовно-правового характера, назначаемые за совершение рассматриваемого преступления, сводятся к возможной конфискации имущества, возмещению причиненного вреда с возможным назначением судебного штрафа в рамках реализации института освобождения от уголовной ответственности.

В заключении подводятся итоги проведенного исследования, формулируются его основные выводы и положения.

Заслуживает одобрения работа соискателя с источниками (214 различных источников), включающими международные нормативные правовые соглашения, законодательство зарубеж-

ных государств, российское законодательство, научную и учебную литературу, диссертации и авторефераты диссертаций, материалы судебной и иной правоприменительной практики, электронные ресурсы, которые подтверждают достоверность проведенного исследования, что свидетельствует о глубоком погружении в изучаемую проблему. Обращает на себя внимание использование криминологического инструментария в исследовании вопроса о практике назначения наказания за рассматриваемые преступления.

Подтверждением этому служат результаты социологического исследования, содержащего позицию практических и научных работников, по проблемам, касающимся применения статьи об уголовной ответственности за незаконные получение и разглашение сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну (ст. 183 УК РФ).

К достоинствам работы следует отнести изучение санкций исследуемой статьи, их соотношения с характером и степенью общественной опасности, поскольку в большинстве диссертаций этот вопрос остается без внимания.

Диссертационное исследование С. В. Карташова выполнено в строгом научном стиле. Разработанные автором по результатам исследования вательской деятельности научные положения, выводы и рекомендации обоснованы использованием значительного перечня надлежащим образом изученных теоретических, эмпирических и нормативных источников. Работа основана на статистических сведениях ГИАЦ МВД России и Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, репрезентативных фактических данных, полученных автором в результате анкетирования, интервьюирования, изучения материалов уголовных дел.

Достоверность авторских суждений и умозаключений подтверждается обширной апробацией на научных мероприятиях и практике, в том числе внедрением результатов диссертационного исследования.

Полагаю, что вывод об оригинальности диссертационного исследования, следующий только из новизны предмета исследования, был бы не совсем полным. Одним из признаков оригинальности диссертационной работы служит творческий характер осмысления автором нормативных правовых актов, юридической литературы. Критическое исследование понимания признаков состава преступления, предусмотренного ст. 183 УК РФ, в контексте изучения их содержания, формируемого научной мыслью, судебной практикой, а также анализ зарубежного уголовного законодательства позволили диссертанту предложить новаторские подходы к толкованию объективных и субъективных признаков состава изучаемого деяния (с. 139–140).

Результаты оценки диссертационной работы С. В. Карташова показали, что она представляет собой единое целостное исследование, в котором содержится решение задачи, имеющей

значение для развития уголовного права Российской Федерации, а полученные новые научные результаты и положения, выдвигаемые для публичной защиты, свидетельствуют о личном вкладе соискателя в науку уголовного права.

Отмечая высокий профессиональный уровень и поисковый характер диссертации, следует подчеркнуть, что как всякая творческая работа она не свободна от некоторых неточностей и упущений, на которые хотелось бы обратить внимание.

1. В тексте автореферата и диссертации на различных страницах автор использует термин «анализ» в значении одного из методов научного исследования («сравнительный анализ» – с. 2, 27, 38; «юридический анализ» – с. 2; «осуществлен сравнительный анализ» – с. 7; «на основе анализа» – с. 24 и т. д.). Отметим, что анализ – это один из методологических приемов, используемый наряду с другими (например, синтезом, индукцией, дедукцией). Анализ – это реальное или мыслительное разделение сложного теоретического материала об уголовном праве на части и исследование его по частям. В данном случае складывается впечатление, что автор ограничился только одним методом исследования – методом анализа и, таким образом, сузил процесс познания, проигнорировал (не использовал) другие методы научного исследования, обеднив свою работу. Более правильным было бы использовать термины «изучение», «исследование», «разработка».

2. При проведении научного исследования методологически необходимыми являются изучение существующего понятийного аппарата, относящегося к теме исследования, его оценка и возможное формулирование предложений по его совершенствованию. В доктринальных источниках содержатся многочисленные трактовки понятия тайны в целом и коммерческой, налоговой, банковской тайн в частности, однако в работе этот вопрос остался без рассмотрения и авторской оценки. Автор изучил законодательные формулировки трех перечисленных тайн, однако в отрыве друг от друга, не учитывая, что они являются разновидностями одного и того же явления – тайны, не обратил внимания на рассогласованность и рассистематизацию законодательства, регулирующего институт тайны.

3. В процессе проведения сравнительного исследования автору необходимо было использовать актуальные на сегодняшний день нормативные правовые акты, в частности уголовные законы зарубежных стран. Следует отметить, что в Эстонии с 2001 г. действует Пенитенциарный кодекс, а Уголовный кодекс Эстонской республики утратил силу (с. 55 и 221). Кроме того, обращает на себя внимание то, что автор, рассмотрев уголовные законы стран бывшего СССР, оставил без исследования Уголовный кодекс Кыргызской республики 2017 г.

4. Предлагая новую редакцию ст. 183 УК РФ по аналогии со ст. 283¹ УК РФ, автор дублирует ошибку, допущенную законодателем при конструировании названия и диспозиции ст. 283¹ УК РФ. Следует иметь в виду, что термины «не-

законное получение» и «получение незаконным способом» не являются равнозначными, синонимичными. Получение незаконным способом предполагает, что есть некий законный способ, например расспросы, не подкрепленные принуждением, угрозами, подкупом, используя который лицо, получившее сведения, составляющие охраняемую законом тайну, не совершает преступления. Если диспозицию ст. 183 УК РФ сконструировать подобным образом, то получается законодательный пробел. Термин же «незаконное получение» подразумевает, что сведения получены лицом, не имеющим на то законных оснований, независимо от способа получения.

5. Представляются спорными отдельные выводы (№ 3 и 5) к параграфу 2 главы 2. Недостаточно аргументированы, во-первых, позиция о внесении в ст. 183 УК РФ дополнительных квалифицирующих признаков, регламентирующих конкретные способы получения сведений, содержащих коммерческую, налоговую или банковскую тайну, во-вторых, точка зрения, согласно которой необходимо внести в ст. 183 УК РФ положения, закрепляющие круг лиц, способных выступать в качестве потерпевших по данному виду преступных деяний. Подобная детализация может негативно сказаться на правоприменительной практике, внося излишнюю «рамочность» в нормы уголовного законодательства, охраняющие динамично развивающуюся сферу общественных отношений (с. 123, 124).

6. Структуризация, являясь важным атрибутом научного исследования, предполагает приблизительную соотносимость размеров структурных единиц работы (глав и параграфов). В связи с этим следует отметить, что объем параграфа 1 главы 3 является по отношению к остальным структурным элементам диссертационного исследования нехарактерно малым (11 страниц). Кроме того, относительно параграфа 2 главы 3 необходимо отметить недостаточную для данного вида работ степень дифференцированности выводов (с. 193–194).

Несмотря на высказанные замечания, которые по своей сути не являются существенными и не влияют на общую положительную оценку диссертации, не опровергают положения и выводы, сделанные автором, а в своей совокупности носят в ряде случаев дискуссионный характер, следует констатировать, что представленная работа Карташова Сергея Васильевича на тему «Уголовная ответственность за незаконные получение и разглашение сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну» соответствует требованиям, предъявляемым абзацем вторым пункта 9 и пунктами 10, 13 и 14 Положения о присуждении ученых степеней, утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 24.09.2013 № 842, а ее автор заслуживает присуждения ученой степени кандидата юридических наук по специальности 12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право.